

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

РОСС МАКДОНАЛЬД

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

Р. МАКДОНАЛЬД

3

РОСС МАКДОНАЛЬД

ТОМ 3

Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск

Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

- «Библиотека приключений» — «БП»
- «Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
- «Super present» — «SP»
- «Галактика фантастов» — «ГФ»

Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят полки вашей библиотеки.

М 4703040100—137 без объявл.
93

ISBN 5-87860-003-X

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ДОЛЛАРА

Глава 1

Стоял август, и дождя вообще-то не должно было быть. Возможно, дождь — слишком сильное слово для мельчайшей водяной пыли, которая закрывала окрестности и заставляла работать стеклоочистители-«дворники». Я ехал на юг и находился примерно на полпути между Лос-Анджелесом и Сан-Диего.

Здание школы, вместе с принадлежащим ей большим участком, вытянувшимся вдоль морского побережья, осталось справа от шоссе. В направлении моря я заметил тусклый блеск болот, давших этому месту название «Проклятая лагуна». Голубая цапля, казавшаяся на таком расстоянии крошечной, стояла, как статуэтка, на краю взъерошенной ветром воды.

Я въехал на пришкольный участок через автоматические ворота. Седой человек в синей форме вышел из будки и, прихрамывая, двинулся ко мне.

— У вас есть пропуск?

— Доктор Спonti хочет повидать меня. Мое имя Арчер.

— Совершенно верно, в моем списке есть ваше имя.

Он достал из внутреннего кармана куртки машинописный лист и помахал им с таким видом, будто был чрезвычайно горд своей грамотностью.

— Вы можете поставить машину на стоянку перед административным корпусом. Служебный кабинет доктора Спonti справа внутри здания.

Он указал на оштукатуренное здание, стоящее в сотне метров впереди по дороге.

Я поблагодарил его. Он было похромал обратно к будке, но споткнулся и хлопнул себя по ноге.

— Проклятое колено! И первая мировая война!

— Вы не выглядите настолько старым...

— Я и в самом деле не стар. Мне было пятнадцать, когда я записался, сказав им, что мне восемнадцать. Некоторые здешние ребята, — сказал он, оглянувшись, — тоже могли бы отведасть огонька.

Нигде не было видно, однако, ни одного мальчика. Постройки школы, просторно рассыпавшиеся среди голых полей и редких эвкалиптовых рощиц, стояли под серым небом, словно участок недостроенного города.

— Вам знаком такой мальчик, Хиллман? — спросил я сторожа.

— Я слышал о нем. Он доставляет много хлопот. Взбудоражил весь Восточный корпус, прежде чем убраться отсюда. Патч...

— Кто этот Патч?

— Мистер Патч, — сказал он невыразительно. — Надзиратель в Восточном корпусе. Он живет с детьми, а для его нервов это сущий ад!

— А что же наделал молодой Хиллман?

— По словам Патча, пытался поднять бунт. Он сказал, что дети в школе имеют те же гражданские права, что и любой человек. Это неверно. Они ведь несовершеннолетние, и кроме того, большинство из них сумасшедшие. Вы не поверили бы тому, что я повидал за четырнадцать лет, проведенных у ворот!

— Томми Хиллман вышел через эти ворота?

— Что вы! Он убежал через забор. Прорезал перегородку в общей спальне и скрылся среди ночи.

— Позапрошлой ночью?

— Да. Он, верно, сейчас уже дома.

Но именно потому я и приехал сюда, что его не было дома.

Доктор Спonti, должно быть, видел, как я ставил машину. Он ждал меня перед дверью своего кабинета. В левой руке у него был стакан сока, а в правой — диетическая вафля. Положив вафлю в рот, он, жуя, пожал мне руку.

— Рад видеть вас.

Он был темноволосый, румяный и полный; взгляд его, выражавший отчаяние человека, вынужденного сгонять вес, был неустойчив, и я предположил, что он человек эмоциональный, но из тех, кто научился держать свои чувства под контролем. Старомодный дорогой темный костюм сидел на нем немного свободно. Рука мягкая и небольшая.

Доктор Спonti напомнил мне знакомых специалистов по похоронным делам. Даже его кабинет с темной, красного дерева мебелью и серым светом в окне имел похоронный вид, словно вся школа во главе с директором носила постоянный траур по своим учащимся.

— Садитесь, — сказал он с оттенком меланхолии. — Как я уже говорил вам по телефону, у нас есть одна небольшая проблема. Обычно мы не приглашаем частных детективов для того, чтобы — ах! — вернуть наших исчезнувших детей домой. Но это, я боюсь, особый случай.

— Что же делает его особым?

Спonti допил сок и облизнул мокрые губы кончиком языка.

— Прошу прощения. Разрешите предложить вам ленч?

— Нет, благодарю.

— Я не имею в виду это! — Он раздраженно поболтал тяжелой жидкостью в стакане. — Я могу прислать что-нибудь горячее из нашей столовой. Сегодня в меню телячья отбивная.

— Нет, благодарю. Я хотел бы получить от вас необходимую информацию и разрешение приступить к работе. Почему вы вызвали меня разыскивать беглеца? У вас, должно быть, много беглецов?

— Не так уж много, как вы могли подумать. Большинство наших мальчиков со временем приживаются в школе. У нас для них составлена богатая и разнообразная программа. Но Томми Хиллман пробыл здесь меньше недели и не проявил особого желания подчиняться правилам. Он очень трудный молодой человек.

— И это именно то, что делает этот случай особенным?

— Мистер Арчер, я буду с вами искренен, — сказал он нерешительно. — Для школы это довольно острая ситуация. Я принял Тома Хиллмана вопреки моему откровенному нежеланию, совершенно не зная всей его истории, просто потому, что его отец очень настаивал. А сейчас Ралф Хиллман считает нас ответственными за побег его сына. Хиллман угрожает возбудить уголовное дело в суде, если его сыну будет причинен какой-нибудь вред. Это, конечно, доставило бы нам большие неприятности. — И он добавил почти самому себе: — Патч действительно был в затруднении.

— Что сделал Патч?

— Боюсь, что он был излишне горяч. Но в этом я могу его обвинить только как человек человека. Вам лучше

побеседовать с самим Патчем. Он вам может рассказать обо всех деталях — ах! — исчезновения Тома.

— Я поговорю с ним попозже. Не могли бы вы мне рассказать побольше о прошлом мальчика?

— Не так много, как вам хотелось бы. Мы просим семьи или их врачей давать нам детальную медицинскую историю всех поступающих к нам ребят. Мистер Хиллман обещал написать такую историю, но так этого и не сделал. И я мало что могу вам сообщить. Мистер Хиллман очень гордый и очень сердитый человек.

— Он богат?

— Я не знаю точно. Родители наших детей в большинстве своем состоятельные люди, — добавил он с едва заметной самодовольной улыбкой.

— Мне хотелось бы повидаться с Хиллманом. Он живет в городе?

— Да, но, пожалуйста, не стремитесь увидеть его. Во всяком случае, сегодня. Он только что опять звонил мне, и этот разговор еще больше его возбудил.

Спonti встал из-за стола и подошел к окну, выходящему на стоянку. Я последовал за ним. В воздухе висел унылый дождь.

— Все-таки мне нужно подробное описание мальчика и всего, что касается его привычек...

— Более полезен, чем я, будет для вас Патч. Он ежедневно был с мальчиком. А я могу сказать о главе тамошнего семейства, миссис Маллоу: она очень внимательный воспитатель.

— Будем надеяться, что так оно и есть.

Спonti начал раздражать меня. Казалось, он чувствовал, что чем меньше он скажет мне об исчезнувшем мальчике, тем менее реальным будет выглядеть его исчезновение.

— Сколько ему лет? И есть ли точные данные о нем?

В глазах Спonti мелькнула злость, и его обвислые щеки покрылись бледными пятнами.

— Я возражаю против подобного тона.

— Это ваше право. Сколько лет Тому Хиллману?

— Семнадцать.

— У вас есть его фотография?

— Семья не дала нам ничего, хотя мы, в соответствии с заведенным порядком, всегда просим фотографию. Я могу лишь рассказать вам, как он выглядит. Это вполне приличный и приятный на вид парень, если не принимать

во внимание всегда угрюмое выражение его лица. Он очень высокий, около шести футов, выглядит старше своих лет.

— Глаза?

— Темно-синие, я думаю. Волосы — темный блондин. В нем было то, что можно назвать орлиным. Очень характерные черты, как и у его отца.

— Особые приметы?

Он пожал плечами.

— Я не знаю ни одной.

— Почему его привезли сюда?

— Для лечения, конечно. Но он пробыл здесь недостаточно для того, чтобы это пошло на пользу.

— Что с ним? Вы говорили, что он был трудным, но это годится для общего описания.

— Так оно и было. Трудно сказать, что вообще беспокоит этих мальчиков, повергая их в своеобразную «юношескую лихорадку». Часто мы помогаем им, даже не зная, как и от чего. Во всяком случае — сам я не медик.

— Я думал, вы были им.

— У нас в штате, конечно, есть медики, и общего профиля, и психиатр, хотя вряд ли будет много пользы от разговора с ними. Я сомневаюсь, успел ли Том вообще встретиться со своим терапевтом, но, вне всякого сомнения, он был высоким...

— Высоким?..

— Высоким эмоционально. Ускользающим из-под контроля. Он уже встал на плохой путь, когда отец привез его сюда. Мы давали ему транквилизаторы, но это не всегда приводило к одинаковым результатам.

— Он причинил вам много хлопот?

— Да. Честно говоря, я сомневаюсь, примем ли мы его вновь, если он найдется!

— Но вы нанимаете меня, чтобы найти его?!

— У меня нет выбора.

Мы обсудили денежные дела, и он выдал мне чек. Затем я пошел по дороге к Восточному корпусу. Но прежде, чем войти туда и увидеться с мистером Патчем, я повернулся и взглянул на холмы на дальней стороне долины. Из-за низких облаков они вырисовывались неясно, словно полубытые лица. Одинокая голубая цапля поднялась с края болота и полетела к холмам...

Глава 2

Восточный корпус был вытянутым оштукатуренным зданием, внешний вид которого никак не вязался с окружающим открытым пейзажем. Высокие узкие окна были наглухо закрыты и создавали ощущение унылой безликости. Возможно, оно было связано с тем, что все-таки это была тюрьма, хотя и претендующая на то, чтобы не быть ею. Остролистый кустарник, окружавший лужайку перед зданием, более напоминал ограду, чем зеленые насаждения. Трава выглядела неживой даже под дождем.

Так же выглядела и шеренга подростков, направлявшихся строем в главный подъезд в то время, как я подходил к нему. Мальчики почти всех возрастов, от 12 до 20 лет на вид, самые разные, с одной-единственной общей чертой: они маршировали с опущенными головами, словно солдаты побежденной армии. И мне они напомнили молоденьких солдат, которых мы брали в плен на Рейне в последние дни прошлой войны.

Двое студентов-руководителей поддерживали некоторое подобие строя. Я последовал за ними и вошел в большое помещение для отдыха, обставленное довольно ветхой мебелью. Руководители прошли прямо к столу для пинг-понга, взяли ракетки и начали быструю, резкую игру. Несколько ребят стали наблюдать за игрой, четверо или пятеро уткнулись в комиксы. Большинство же остальных столпились вокруг меня, уставившись мне прямо в лицо. Молодой парень, на физиономии которого пробились поросль и которому уже следовало бы начать бриться, улыбаясь, подошел ко мне. Его улыбка была просто ослепительна, но она быстро исчезла, оставив ощущение оптического обмана. Он подошел так близко, что слегка толкнул меня локтем. Некоторые собаки так же подталкивают вас, как бы испытывая ваше дружелюбие.

— Вы новый надзиратель?

— Я думал, мистер Патч надзиратель.

— Он не выдерживает. — Несколько ребят хихикнули. Волосатый парень играл роль местного клоуна. — Это страшная тюрьма. И они никогда не выдерживают.

— Мне она не кажется такой страшной. Где мистер Патч?

— В столовой. Он будет здесь через минуту. Мы тогда устроим забаву.

— Ты болтаешь довольно цинично для твоего возраста. Сколько тебе лет?

— Девяносто девять.— Его слушатели одобрительно засмеялись.— А мистеру Патчу только 48. Ему трудно быть моим воображаемым отцом.

— Может быть, я смогу поговорить с миссис Маллоу?

— Она у себя в комнате, пьет свой ленч. Миссис Маллоу всегда пьет свой ленч.— Злость в его глазах сменилась еще более темным чувством.— Вы папа?

— Нет.

Сзади прыгал пинг-понговый шарик, вперед-назад, вперед-назад...

Один из слушателей громко произнес:

— Он не папа!

— Может, он мама? — спросил заросший парень.— Вы мама?

— Он не похож на маму, у него нет грудей!

— У моей мамы нет грудей,— сказал третий.— Поэтому я и чувствую себя отверженным.

— Перестаньте, ребята.— То, что они говорили, было ужасно. Они хотели, чтобы я был папой или пусть даже мамой одного из них. Это желание стояло в их глазах.— Вы ведь не хотите, чтобы я тоже чувствовал себя отверженным? А?

Никто не ответил. Заросший парень улыбнулся мне. Улыбка задержалась на его лице несколько дольше, чем в первый раз.

— Как вас зовут? Я — Фредерик Тандал Третий.

— Я Лу Арчер Первый.

Я вывел мальчика из круга его почитателей. Он отодвинулся от меня, словно мое прикосновение было ему неприятно, но шел рядом. Мы сели на кожаную кушетку.

Кто-то из подростков поставил на проигрыватель заезженную пластинку. Двое других стали танцевать, хрипло напевая пародию на исполнявшуюся песню.

— Ты знал Тома Хиллмана, Фред?

— Немного. Вы его папа?

— Нет, я же сказал, что не папа.

— Взрослые не считают необходимым говорить правду.

Он выдернул несколько волос из подбородка с такой силой, словно ненавидел эти признаки повзросления.

— Мой отец сказал, что посылает меня в военное училище. Он большая шишка в правительстве,— добавил мальчик тем же ровным голосом, без всякой гордости. И дальше, совсем другим тоном: — Том Хиллман не ладил со своим отцом, поэтому его и привезли сюда по железной дороге. Монорельсовая дорога к волшебному царству.— Он

болезненно улыбнулся какой-то иступленной и одновременно безнадежной улыбкой.

— Том говорил с тобой об этом?

— Том пробыл здесь очень недолго, дней пять или шесть. И мы мало говорили. Он появился ночью в воскресенье и исчез ночью в субботу.— Он смущенно повертелся на кушетке.— Вы не коп?

— Нет.

— Я даже удивился. Вы задаете такие вопросы, как коп.

— Разве Том сделал что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать копов?

— Мы все что-нибудь делаем, да?.

Возбужденный и в то же время холодный взгляд его скользил по комнате, задерживаясь иногда на ужимках танцоров.

— С тех пор как вы стали взрослым, вы уже не подходите для Восточного корпуса. А я, например, самый выдающийся преступник. Я подделал имя «большой шишки» на чеке и послал его в Сан-Франциско на уик-энд.

— А что сделал Том?

— Полагаю, что увел машину. Это было только первое преступление, говорил он, и его легко освободили бы как несовершеннолетнего. Но отец его не желал огласки и прислал Тома сюда. Вообще я думаю, что Том вел войну со своим отцом.

— Да?

— Почему вы так интересуетесь Томом?

— Мне предложено найти его, Фред.

— И вернуть сюда?

— Сомневаюсь, чтобы его приняли.

— Счастливчик.— Бессознательно он придвинулся ко мне. Я почувствовал запах волос и запущенного тела.— Я сбежал бы отсюда, если бы мне было куда пойти. Но «большая шишка» опять вернул бы меня под надзор. Кроме того, это сберегло бы ему деньги.

— А у Тома было место, куда пойти?

Он резко выпрямился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Я не говорил этого.

— Я спрашиваю тебя.

— Он не сказал бы мне, если бы и было.

— Кто в школе был к нему наиболее близок?

— Никто не был. Он так был расстроен, когда его привезли, что его оставили одного в комнате. Мы проговорили потом с ним всю ночь. Но он рассказал мне немного.

— Ничего о том, куда он собирался идти?

— У него не было какого-нибудь плана. В субботу вечером он попытался поднять бунт, но остальные наши — желторотые птенцы... Тогда он сбежал. Казалось, что он был ужасно расстроен и рассержен.

— Не был ли он эмоционально неуравновешен?

— А все мы? — Он сделал безумное лицо и постучал себя по виску пальцем.

— Это очень важно, Фред. Том слишком молод и к тому же, как ты сказал, возбужден. Его нет уже две ночи, и он мог попасть в серьезную передрыгу.

— Хуже, чем эта?

— Ты знаешь то, о чем я спрашиваю? Говорил ли Том, куда собирается пойти?

Мальчик не ответил.

— Все-таки я предполагаю, что он сказал тебе кое-что.

— Нет!

Но он не смог выдержать моего взгляда.

Вошел Патч и нарушил непринужденную атмосферу, царящую в комнате. Танцоры сделали вид, что они борются, комиксы исчезли, словно пачки ворованных денег. Игроки в пинг-понг спрятали шарик. Патч был мужчина средних лет, с редкими волосами и выступающей челюстью. Двубортный рыжеватого оттенка габардиновый костюм морщился на его довольно полной фигуре. Лицо тоже было в морщинах от властной улыбки, не сходявшей с его маленьких чувственных губ. Пока он осматривал комнату, я заметил, что белки его глаз красноватого цвета. Он шагнул к проигрывателю и выключил его. В наступившей тишине голос Патча зазвучал вкрадчиво:

— Время ленча не для музыки, мальчики! Время музыки после обеда, с семи до семи тридцати.

Он обратился к одному из игроков в пинг-понг.

— Запомни это, Диринг. Никакой музыки днем. Назначаю тебя ответственным.

— Да, сэр.

— А не играли ли вы в пинг-понг?

— Мы только шутили, сэр.

— Откуда вы взяли шарик? Я знаю, что шары заперты в моем столе.

— Заперты, сэр.

— Где же вы взяли тот, которым играли?

— Я не знаю, сэр. — Диринг мял в руках свою куртку. Это был застенчивый парень с резко выступающим вперед

адамовым яблоком, похожим на спрятанный шарик от пинг-понга. — Я думаю, что, должно быть, нашел его.

— Где ты нашел его? В моем столе?

— Нет, сэр. Кажется, на земле.

С наигранной смиренностью мистер Патч направился к нему. В то время как он пересекал комнату, мальчики за его спиной строили рожи, толкались, размахивали руками и подпрыгивали. Один из танцоров сделал театральный жест, повалился на пол, застыв на мгновение в позе умирающего гладиатора, и затем вновь вскочил на ноги.

Патч медленно заговорил, страдальчески растягивая слова:

— Ты купил его, не так ли, Диринг? Ты ведь знаешь, что правила запрещают проносить свои собственные шары для пинг-понга. Ты знаешь это, да? Ты — президент законодательной Ассамблеи Восточного корпуса, ты сам помогал составлять эти правила. Так?

— Да, сэр.

— Тогда дай мне его, Диринг.

Мальчик протянул Патчу шар. Тот положил его на пол — в это время мальчики позади него изобразили, как бы они ударили его ногой в зад, — и раздавил шар подошвой.

Потом отдал сломанный шарик Дирингу.

— Прости меня, Диринг, но я вынужден подчиняться правилам точно так же, как и ты. — Он повернулся к находящимся в комнате ребятам, которые мгновенно придали своим лицам выражение полной покорности, и мягко сказал: — Ну, друзья, что у нас на повестке дня?

— Я думаю, я, — сказал я, поднимаясь с кушетки.

Я представился и спросил, не может ли он поговорить со мной наедине.

— Вероятно, — сказал он с тревожной улыбкой, словно я и впрямь был его преемником. — Пройдемте в мой кабинет. Диринг и Бронсон, я вас оставляю ответственными.

Его кабинет представлял собой небольшую комнату без единого окна, отгороженную от общей спальни. Он закрыл за собой дверь и, вздохнув, сел.

— Вы хотите говорить о ком-нибудь из моих мальчиков?

— О Томе Хиллмане.

Это имя произвело на него неприятное впечатление.

— Вы представитель его отца?

— Нет. Доктор Спonti послал меня поговорить с вами. Я частный детектив.

— Так... — Он состроил недовольную гримасу. — Полагая, что Спonti, как обычно, обвиняет меня?

— Он сказал что-то о чрезмерной горячности.

— Какая ерунда! — Он стукнул кулаком по столу. Лицо его налилось кровью, а затем стало белым, как необработанная фотография. Только красноватые белки его глаз сохранили свой цвет.

— Спonti не опустил до того, чтобы работать здесь, с этими животными. Я, и только я, следовательно, знаю, какое физическое воздействие необходимо. Я работаю с подростками двадцать лет.

— Возможно, вам следует уйти.

По его искажившемуся лицу было видно, что он с трудом сдерживает себя.

— О нет, я люблю эту работу, действительно люблю. Во всяком случае, это единственное, к чему я приспособлен. Я люблю мальчиков. И они любят меня.

— Я смог заметить это.

Он не уловил иронии в моем голосе.

— Мы стали бы приятелями с Томом Хиллманом, если бы он остался.

— Почему его нет?

— Он сбежал. Вы знаете как? Он украл ножницы у садовника и с их помощью разрезал ширму на окне в спальне.

— Когда точно это произошло?

— В субботу ночью, где-то между одиннадцатью часами — временем, когда я ложусь, — и утренним подъемом.

— А что случилось перед этим?

— Вы имеете в виду субботний вечер? Он пытался поднять бунт среди мальчиков, подстрекая их напасть на руководящий персонал. После обеда я ушел из столовой и из соседней комнаты услышал его речь. Он стремился убедить ребят, что их здесь лишили всех прав и за них требуется бороться. Это подействовало на некоторых легко возбудимых. Но когда я приказал Хиллману замолчать, единственным, кто бросился на меня, был он.

— Вы ударили его?

— Я ударил его первым, но я не стыжусь этого. Я должен поддерживать свой авторитет перед остальными. Он потер кулак.

— Я ударил его совершенно спокойно. Надо стараться производить на них впечатление мужественного человека и создавать образ, достойный уважения...

— Что произошло после этого? — оборвал я поток его слов.

— Я помог ему дойти до его комнаты, а потом доложил о случившемся Спonti. Я считал, что мальчика надо было поместить в комнату для психических больных. Но Спonti не последовал моему совету. Хиллман никуда бы не сбежал, если бы Спonti разрешил поместить его туда. Только между нами,— добавил он, понизив голос,— это вина Спonti. Но не надо ссылаться на меня в разговоре с ним.

— Хорошо.

Я начал терять надежду выудить из Патча что-нибудь полезное. Он был надломлен и никчем, как та мебель, что стояла в комнате отдыха. Он устало поднялся.

— Мне необходимо вернуться туда прежде, чем они сорвутся с места...

— Я бы еще хотел спросить — нет ли у вас каких-либо подозрений относительно того, куда отправился Том Хиллман, сбежав отсюда?

Патч задумался. Он, казалось, с трудом представляет себе тот внешний мир, в котором исчез мальчик.

— Да,— сказал он наконец,— обычно они бегут на юг, в сторону Сан-Диего и границы, либо в Лос-Анджелес. А один мальчик украл тридцатифутовый баркас и направился на острова.

— Видимо, у вас много побегов?

— Последние годы достаточно много. Спonti возражал против строгих мер безопасности. Учитывая количество побегов, меня это удивляло...

Патч говорил так, словно не видел никакой перспективы.

В дверь тихо постучали, и женский голос позвал:

— Мистер Патч!

— Да, миссис Маллоу?

— Мальчики совсем отбились от рук. Меня они не слушают. Что вы делаете?

— Беседую. Доктор Спonti прислал человека.

— Хорошо. Нам нужен человек.

— Вот как! — Он быстро прошел мимо меня и распахнул дверь. — Придержите, пожалуйста, свои остроты при себе, миссис Маллоу. Я знаю что-то такое, что доктору Спonti хотелось бы узнать до смерти.

— Так же, как и я,— ответила женщина.

Она была обильно нарумянена. Крашеная рыжая челка падала ей на лоб. Синее форменное платье, сшитое по моде десятилетней давности, украшали несколько ниток искус-

венного жемчуга. Лицо довольно приятное, несмотря на затуманенные злостью глаза. Но они сразу засияли, когда она увидела меня.

— Здравствуйте, — сказала она дружелюбно.

— Мое имя Арчер, — представился я. — Доктор Спonti пригласил меня расследовать исчезновение Тома Хиллмана.

— Он очень милый мальчик, — заметила она. — Во всяком случае, был им до того, пока наш местный маркиз де Сад не обработал его.

— Я действовал в порядке самозащиты! — закричал Патч. — Мне вовсе не доставляет удовольствия причинять боль. Я руководитель Восточного корпуса. Напасть на меня — это то же самое, что убить собственного отца!

— Лучше пойдите и примените свой авторитет, отец. Но если вы еще кого-нибудь ударите, я вырву у вас сердце из груди!

Патч посмотрел на нее так, словно поверил, что она может это сделать. Затем резко повернулся и направился к оружейной комнате. Крики оборвались так резко, будто он закрыл за собой звуконепроницаемую дверь.

— Бедный старый Патч, — сказала миссис Маллоу, — он слишком задерган.

— Почему он не уйдет?

— Мы уже не можем жить во внешнем мире, как старые каторжники, в этом-то и весь ужас! Мы привыкаем к здешней психической атмосфере...

— Но, — заметил я, — мне никто не может объяснить того, что мне нужно. Может быть, вы дадите мне ясное представление о Томе Хиллмане?

— Я могу передать только мое впечатление. Том Хиллман, — она говорила медленно, подыскивая слова, — очень приятный мальчик. Но это место не для него. Он это почти сразу понял и сбежал.

— Почему не для него?

— Вам нужны подробности? Восточный корпус, в сущности, место для детей с личными невзгодами, со сдвигами в характере, с социально обусловленной патологией в развитии. Большинство здешних мальчиков и девушек духовно искалечены.

— И Том принадлежал к их числу?

— Едва ли. Его вовсе не надо было посылать в «Проклятую лагуну». Это всего лишь мое мнение, но оно кое-чего стоит. Я была вполне приличным клиническим психиатром.

— По-видимому, доктор Спonti думает, что у Тома было душевное расстройство?

— Доктор Спonti никогда не думает иначе, — ответила миссис Маллоу. — По крайней мере, об этом. Вы знаете, сколько платят обманутые родители? Тысячу долларов в месяц. Плюс разные доплаты. Музыкальные уроки. Групповая терапия.

Она неприязненно засмеялась и продолжала:

— В то время как половина родителей должна была бы находиться здесь или в месте еще похуже этого. Тысяча долларов в месяц. Так называемый доктор Спonti может позволить себе получать свои двадцать пять тысяч в год. Это в шесть раз больше того, что он платит мне за молчание.

Она выглядела обиженной. Обида иногда способствует откровенности. Но, к сожалению, не всегда.

— Что вы имели в виду, сказав, что Спonti — «так называемый доктор»?

— Он не врач и вообще не имеет отношения к какой-либо науке. Он получил степень на одной из южных фабрик дипломов за административную работу. Знаете, какая у него была диссертация? «Организация питания в пансионатах средней ступени».

— Вернемся к Тому. Почему же отец отдал его сюда, если он не нуждается в лечении?

— Не знаю. Я не знаю его отца. Он, возможно, просто хотел убрать его с глаз.

— Почему? — настаивал я.

— Мальчик создавал определенные неудобства.

— Том сам рассказывал вам?

— Нет. Он не стал бы. Но были такие признаки.

— Вы не слышали о том, что он украл машину?

— Нет, но, если бы мы знали подробности, это могло бы помочь понять его. Он несчастный, одинокий мальчик. Он не был одним из наших закоренелых преступников. Да и кто из них закоренелый?

— Видимо, Том вам понравился?

— Я мало его знала. Он всю неделю не подходил ко мне, а я никогда не действую силой. Большую часть времени он проводил в комнате, за исключением классных часов. Думаю, он старался найти выход.

— И разработал план революции?

В ее глазах сверкнула насмешка.

— Вы уже слышали об этом? Да, мальчик оказался болеемышленым, чем я могла предположить. Не удивляй-

тесь. Я на его стороне. Иначе зачем бы я вообще была здесь?

Миссис Маллоу начинала мне нравиться. Почувствовав это, она подошла и притронулась к моей руке.

— Надеюсь, что и вы тоже на стороне Тома?

— Мне придется подождать, пока я не познакомлюсь с ним. Это, во всяком случае, не имеет особого значения.

— Да, да. И все-таки это важно!

— Так что же произошло между Томом и мистером Патчем в субботу вечером?

— Я этого действительно не знаю. В субботу вечером меня не было. Вы можете об этом доложить, мистер Арчер. Если захотите.

Она улыбнулась, и передо мной как-то сразу раскрылось значение ее жизни. Она заботилась обо всех людях. И никто не заботился о ней.

Глава 3

Она вывела меня через внутреннюю дверь, которая была уже закрыта. Дождь за это время стал сильнее. Потемневшие тучи скопились над холмами, и это, наверное, означало, что конца дождю не будет.

Я направился к административному корпусу. Надо было сообщить Спонти, что я намерен повидать родителей Тома Хиллмана, нравится ему это или нет.

Те сведения о Томе, которые были получены мной от тех, кто его терпеть не мог, и от тех, кому он нравился, не давали мне ясного представления ни о его привычках, ни о его личности.

Он мог быть и обиженным подростком, и психопатом, знавшим, как нравиться женщинам старше себя, а мог находиться между этими двумя состояниями, как Альфред Третий.

Я не смотрел по сторонам и чуть-чуть не был сбит желтым такси, въезжавшим на стоянку. Мужчина в твидовом костюме, сидевший на заднем сиденье, вышел из машины. Я полагал, что он извинится, но он даже не обратил на меня внимания.

Это был высокий, седой, респектабельный мужчина. Возможно, он выглядел бы еще более внушительно, если бы не был так разъярен. Он вбежал в административный корпус, я прошел следом и нашел его спорящим с секретарем Спонти.

— Извините, мистер Хиллман,— говорила она,— доктор Спонти ведет переговоры, которые я не могу прервать.

— Я думаю, для вас будет лучше сделать это,— резко ответил Хиллман.

— Извините, но вам придется подождать.

— Но я не могу ждать. Мой сын в руках преступников. Они пытаются вымогать у меня деньги.

— Это правда? — Голос ее потерял профессиональную предупредительность.

— У меня нет привычки лгать.

Девушка извинилась и вошла в кабинет Спонти, плотно прикрыв за собой дверь. Я заговорил с Хиллманом, назвав свое имя и род занятий.

— Доктор Спонти пригласил меня разыскивать вашего сына. Мне хотелось бы поговорить с вами. Сейчас, видимо, самое время.

— Да, несомненно.

Хиллман был крупным, производящим впечатление человеком. Костистое лицо патриция, говорящее о тонком уме и воспитании, но таком, которое обычно приходит вместе с деньгами. Развитая грудная клетка, тяжелые плечи. Но в его рукопожатии не чувствовалось силы. Он заметно дрожал, как испуганная собака.

— Вы говорили о преступниках и вымогательстве...— начал я.

Но его стального цвета глаза опять уперлись в дверь кабинета Спонти. Он хотел поговорить с тем, кого считал виноватым.

— Что они там делают? — спросил он с нескрываемым раздражением.

— Это трудное дело. Если ваш сын похищен, они вряд ли могут вам помочь. Это дело полиции.

— Нет, только не полиция. Меня предупредили, чтобы я держался от нее подальше.— Его глаза первый раз сфокусировались на мне, взгляд был тяжел и подозрителен.— А вы не полицейский?

— Я сказал вам, что я частный детектив. Прибыл из Лос-Анджелеса всего час назад. Каким образом вы узнали о Томе и кто предупредил вас?

— Один из гангстеров. Он позвонил мне домой, мы как раз только сели за ленч. Он посоветовал мне все держать в тайне, иначе Том никогда не вернется.

— Он так и сказал?

— Да.

— Что он еще сказал?

— Они намерены сообщить мне местонахождение Тома, но только за выкуп.

— Сколько?

— Двадцать пять тысяч долларов.

— У вас есть деньги?

— Они будут у меня во второй половине дня. Я продаю часть акций. Перед тем как ехать сюда, я побывал у брокеров.

— Вы действуете очень быстро, мистер Хиллман. Но я не совсем понимаю, зачем вы приехали сюда?

— Я не доверяю этим людям,— сказал он намеренно громко. Видимо, он забыл или не расслышал, что я работаю на Спonti.— Я убежден, что Тома выманили отсюда, возможно, не без помощи персонала, а они это скрывают!

— Весьма в этом сомневаюсь. Я говорил с членом правления школы, который сам совершенно обескуражен. Обстоятельства бегства Тома подтверждают и учащиеся...

— Учащиеся могут бояться отрицать официальную версию...

— Ну, не тот учащийся, с каким я говорил. Если вашего сына похитили, мистер Хиллман, то это произошло после того, как он вышел отсюда. Скажите, у Тома были какие нибудь преступные связи?

— У Тома? Вы, должно быть, сошли с ума!

— Я слышал, он украл автомашину?

— Спonti вам рассказал об этом? Он не имел права!

— Я узнал это из других источников. Ребята обычно не крадут автомобилей, если у них нет опыта нарушения законов или, возможно, связи с гангстерами-подростками.

— Он не воровал машины! — Глаза Хиллмана забежали.— Он взял ее на время у соседа. То, что он разбил автомобиль,— чистая случайность. Он был слишком возбужден!

Сам Хиллман отнюдь не был спокоен. Он буквально захлебывался словами. Рот его судорожно открывался и закрывался, и он напоминал большую красную рыбу, попавшуюся на крючок обстоятельств и дергающуюся в воздухе.

Я спросил:

— Что вы намерены делать с этими двадцатью пятью тысячами? Следовать дальнейшим указаниям гангстеров?

Хиллман кивнул и подавленно опустил в кресло. Дверь кабинета доктора Спonti открылась. Он, видимо, кое-что слышал. Не знаю только, что именно. Доктор

вышел в приемную, сопровождаемый секретаршей и человеком со смертельно бледным лицом.

— Что это за похищение? — спросил он, не слишком естественно понизив голос. — Простите, мистер Хиллман.

Хиллман вскочил и ринулся в атаку.

— Вы все продолжаете притворяться? Я желаю знать, кто взял отсюда моего сына, при каких обстоятельствах и с чьей помощью?

— Ваш сын сбежал отсюда по своей собственной воле, мистер Хиллман.

— И вы умываете руки, не так ли?

— Мы никогда не забываем никого, кто был на нашем попечении, каким бы коротким ни было его пребывание здесь. Я нанял мистера Арчера для того, чтобы помочь нам. Я только что разговаривал с мистером Скуэри, нашим инспектором.

Бледнолицый человек торжественно поклонился. Редкие темные волосы были тщательно зализаны на его почти голом черепе. Он заговорил ясным, ровным голосом:

— Доктор Спonti и я решили полностью вернуть деньги, которые вы заплатили нам на прошлой неделе. Вот чек!

Он протянул листок желтого цвета. Хиллман скомкал чек и швырнул его в мистера Скуэри. Я поднял бумагу с пола и расправил ее. Чек был на две тысячи долларов.

Хиллман выскочил из комнаты. Я последовал за ним так быстро, что Спonti не успел преградить мне путь, и окликнул Хиллмана в тот момент, когда он садился в такси.

— Куда вы едете?

— Домой. Жена плохо себя чувствует.

— Подвезите меня.

— Нет. Если вы человек Спonti.

— Я сам себе хозяин. А Спonti нанял меня, чтобы найти вашего сына. Я найду его, если это в человеческих силах. Но мне нужно ваше содействие. Ваше и миссис Хиллман.

— Что же мы можем сделать? — беспомощно всплеснул он руками.

— Расскажите мне, что представляет собой ваш сын, кто его друзья, где он живет...

— Какая от этого сейчас польза? Он в руках гангстеров. Они хотят денег. И я решил заплатить им.

Шофер, который вышел из машины, чтобы помочь Хиллману сесть, слушал, широко раскрыв рот.

— Все это не так просто, как вы себе представляете, но не будем говорить об этом здесь!

— Вы можете полностью доверять мне,— хриплым голосом сказал шофер,— у меня деверь в патрульной службе. Кроме того, я никогда не болтаю о своих пассажирах.

— Вы больше не нужны,— сказал Хиллман, заплатил шоферу и пошел вместе со мной к моей машине.

— Кстати, о деньгах,— сказал я.— Вы что, действительно намерены выбросить две тысячи долларов?

С тяжелым вздохом Хиллман положил чек в бумажник из крокодиловой кожи, потом закрыл лицо руками, прижался лбом к щитку. Каркающие звуки вырвались у него из груди, будто неистовый ворон разрывал его внутренности.

— Мне не следовало отдавать его сюда,— сказал он наконец, и голос его потеплел.

— Не расстраивайтесь, мистер Хиллман. Давайте посмотрим, что можно сделать. Где вы живете?

— В Эль-Ранчо. Это на полдороге к городу. Я покажу вам, как добраться туда кратчайшим путем.

Из своей будки вышел сторож, и мы обменялись приветствиями. Он распахнул ворота. Следуя указаниям Хиллмана, я поехал по дороге, проходящей сквозь тростниковые заросли, где прижились лишь черные дрозды, затем через безлюдный пригород, загроможденный новыми постройками, и по периметру вокруг университетского городка. Мы проехали мимо аэропорта, с которого только что взлетел самолет. Хиллман взглянул на него так, будто его единственным желанием сейчас было лететь на этом самолете.

— Почему вы отдали сына в школу в «Проклятой лагуне»?

Он ответил очень тихо и неуверенно:

— Я боялся... Мной, видимо, руководила тревога. Я чувствовал, что должен это как-то предотвратить... Надеялся, что его смогут исправить... что он вернется в нормальную школу через месяц... Предполагалось, что он будет учиться на старшем курсе в школе высшей ступени.

— Было ли что-то специфическое в той тревоге, которую он вам внушал? Что вы имели в виду, говоря о краже автомобиля?

— Это как раз и был один из его проступков. Но это, как я уже объяснял, не была настоящая кража.

— Вообще-то вы ничего не объяснили...

— Он взял машину Реи Карлсон. Рея и Джей Карлсоны — наши ближайшие соседи. Когда вы оставляете но-

венький «додж» с открытой кабиной и ключом зажигания, это практически выглядит как приглашение покататься. Я говорил им об этом. Джей согласился бы со мной, если бы не имел на Тома зуб или если бы Том не разбил машину. Все полностью было бы покрыто страховкой, но они отреагировали очень бурно.

— Машина была разбита?

— Да, вдребезги. Я не знаю, как он умудрился перевернуться, но это так. К счастью, он отделался только испугом.

— Куда он ехал?

— Он был на пути к дому. Все произошло буквально у наших дверей. Я покажу вам это место.

— А где он был тогда?

— Его не было всю ночь, но он не пожелал рассказать об этом!

— Когда это было?

— Субботней ночью, неделю тому назад. Полицейский доставил его домой около шести часов утра и сказал, что хорошо бы попросить нашего врача им заняться, что я и сделал. Физических повреждений у него не было, но рассудок, казалось, помутился. Он пришел в ярость, когда я задал ему вопрос, где он провел ночь. Я никогда не видел его таким. Он всегда был очень приятным парнем. Он заявил, что я не имею права ничего о нем знать, что я в действительности не его отец и так далее... После этих слов я не выдержал и дал ему пощечину, а он вообще перестал разговаривать...

— Он не был пьян?

— Нет. Я бы почувствовал запах.

— А как насчет наркотиков?

Он повернулся ко мне.

— Это исключено.

— Надеюсь, что так. Доктор Спonti говорил мне, что у вашего сына была необычная реакция на транквилизаторы. Это иногда бывает у тех, кто привык к наркотикам.

— Мой сын не наркоман!

— В наши дни молодежь часто употребляет наркотики, а родители — последние, кто узнает об этом.

— Этого не может быть, — упорствовал он. — То был просто шок от происшедшего! Доктор Шанли — ортопед. Он не разбирается в психических потрясениях, — продолжал Хиллман. — Во всяком случае, когда я шел к судьбе, чтобы договориться о залоге, он — врач — ничего не знал о случившемся. Я никому об этом не говорил.

Я молча слушал, как работают стеклоочистители. Зеленые и белые знаки по сторонам дороги сообщали: «Эль-Ранчо».

— Поворот через четверть мили, — сказал Хиллман, довольный тем, что можно изменить тему разговора.

Я притормозил.

— Вы собирались мне рассказать, что произошло в воскресенье утром?

— Нет, не собирался. Это не имеет особого значения.

— Как знать...

Он задумчиво молчал.

— Вы говорили, что Карлсоны имели зуб на Тома?

— Да, это действительно так.

— Вы знаете почему?

— У них есть дочь Стелла. Том и Стелла были очень дружны. Джей и Рея не одобряли этой дружбы, по крайней мере Рея. Так думает моя жена.

Дорога огибала площадку для гольфа. Хиллман указал вперед, на глубокую вмятину в ограждении дороги, возле которой земля не успела еще зарости травой. Над этим местом возвышалась сосна с поврежденным стволом, кое-где обернутым во что-то коричневое.

— Вот место, где он перевернулся.

Я остановил машину.

— Он объяснил, как все это случилось?

Хиллман сделал вид, будто не слышит, и вышел из машины.

— Никаких следов резкого торможения, — заметил я. — У вашего сына большой опыт вождения?

— Да. Я сам учил его водить машину. Мы провели за этим занятием много времени. Несколько лет назад, специально для того, чтобы заниматься с сыном, я умышленно сократил объем своей работы в фирме.

Фраза прозвучала странно. Будто воспитание сына было для его родителей чем-то вроде торжественного приема гостей. Это удивило меня. Если Хиллман был действительно близок Тому, то почему он упрятал его в школу в «Проклятой лагуне» за первый же проступок? Или он что-то скрывает?

— Я буду откровенен с вами, — сказал я, когда мы тронулись, — и хочу, чтобы вы тоже были откровенны со мной. Школа в «Проклятой лагуне» — заведение для подростков с нарушенной психикой или для правонарушителей. Мне неясно, чем заслужил или чем вынудил вас Том поместить его туда?

— Я сделал это по его собственной просьбе. Карлсон угрожал ему судебным преследованием за кражу автомобиля.

— Но в этом нет ничего ужасного! Его осудили бы условно, если это был первый случай. Так?

— Конечно, так.

— Тогда что же испугало вас?

— Я не... но...— Либо он был слишком честен, либо сильно напуган. Фразы он не закончил.

— Что он делал утром в воскресенье, когда вы отправились к судье?

— Ничего не делал. Действительно больше ничего не случилось.

— Но это «ничего» повлияло на вас так, что вы не можете об этом говорить?!

— Да, это верно. Я не хочу обсуждать это ни с вами, ни с кем-нибудь еще. Что бы ни случилось в прошлое воскресенье, это не имеет ни малейшего значения по сравнению с последними событиями. Моего сына похитили. Неужели вы не понимаете, что он только жертва?

Я вновь удивился. Двадцать пять тысяч долларов много для меня, но, по-видимому, отнюдь не для Хиллмана. Если Том действительно находится в руках гангстеров, они потребовали бы намного больше, судя по состоянию Хиллмана.

— Сколько денег вы могли бы собрать, если бы это было необходимо, мистер Хиллман?

Он быстро взглянул на меня.

— Я не думал об этом.

— Похитители детей обычно придерживаются максимальных стачок. И если они в действительности существуют, я постараюсь их найти. Убежден, что вы могли бы собрать гораздо больше двадцати пяти тысяч.

— Да, с помощью жены.

— Будем надеяться, что этой необходимости не возникнет.

Глава 4

Уютная, обсаженная дубами извилистая аллея, поднимаясь вверх, огибала лужайку перед домом Хиллманов. Это была большая старая испанская усадьба с белыми оштукатуренными стенами, орнаментами на окнах из стальных металлических полос и красной черепичной кры-

шей, сейчас тускнеет от дождя. Около дома стоял большой черный «кадиллак».

— Я намеревался сегодня ехать на своей машине, — сказал Хиллман, — но не решился. Благодарю вас, что подвезли меня.

Это прозвучало так, словно от меня хотели избавиться. Он прошел вперед, а я ощутил острую досаду, но, проглотив ее, последовал за ним, войдя в дверь прежде, чем он ее закрыл.

Конечно, он был поглощен мыслями о жене. Она ждала его в холле, сидя, подавшись вперед, в испанском кресле. Высокая спинка кресла делала ее на вид более хрупкой, чем она была на самом деле. В гладкой поверхности кафельного пола отражались туфли крокодиловой кожи. В свои сорок лет она все еще была очень красива и изящна.

Весь вид ее выражал полное отчаяние и беспомощность. Она напоминала брошенную, всеми забытую куклу. Зеленое платье подчеркивало бледность ее лица.

— Эллен?

Она сидела совершенно неподвижно, сцепив пальцы под коленями. Взглянув на мужа, она перевела взгляд на огромную испанскую люстру, опускавшуюся с потолка четырехметровой высоты прямо над его головой.

— Не стой под ней. Я всегда боюсь, что она ухнет. Я хочу, чтобы ты убрал ее, Ралф.

— Но это твоя идея — принести ее обратно и повесить здесь!

— Это было так давно. Я полагала, что это пространство надо чем-то заполнить.

— Мы все сделали совершенно безопасно. — Он подошел к жене и потрогал ее лоб. — Ты вся мокрая. Тебе нельзя выходить в таком состоянии.

— Я только вышла на аллею посмотреть, не возвращаешься ли ты. Тебя долго не было!

— Это не от меня зависело.

— Ты узнал что-нибудь?

— Нам пока нечего ждать. Я отдал распоряжение насчет денег. Дик Леандро принесет их во второй половине дня. Мы тем временем будем ждать телефонного звонка.

— Это ожидание ужасно, ужасно...

— Я знаю. Постарайся думать о чем-нибудь другом.

— О чем же еще?

— О многом... — Он, видимо, хотел что-то добавить, но замолчал. — Тебе, во всяком случае, не следовало бы си-

деть здесь, в холодном холле. Ты снова получишь пневмонию...

— Ты преувеличиваешь, Ралф.

— Ну, не будем спорить. Пойдем в гостиную, я приготовлю тебе выпить.

Вспомнив обо мне, он пригласил и меня, но жене так и не представил. Возможно, он считал меня недостойным или, может быть, не хотел допустить общения между мной и ею.

Чувствуя себя совсем одиноким, я проследовал за ним на расстоянии нескольких шагов в меньшую по размерам комнату, где горел камин. Эллен Хиллман повернулась к нему спиной. Ее муж прошел к бару, находящемуся в углублении, украшенном извещавшими о бое быков испанскими афишами.

Она протянула мне холодную, как лед, руку.

— Я не думаю, что это тепло предназначено только мне. Вы полицейский? Вот не предполагала, что придется иметь с вами дело.

— Я — частный детектив. Мое имя — Лу Арчер.

— Что будешь пить, дорогая? — спросил ее муж.

— Абсент.

— Абсент?

— В нем горечь полыни, это очень соответствует моему настроению. Я добавлю в него немного шотландского виски.

— А вы, мистер Арчер?

Я ответил, что то же самое. Это было очень кстати. Я достаточно насмотрелся на обоих Хиллманов, и они начали действовать мне на нервы. Их старомодная манера общения была почти профессиональна, словно они были актерами и разыгрывали комедию перед своим единственным зрителем. Я не считаю, что старые обычаи лишены искренности. Но в данном случае это было так.

Хиллман возвратился в комнату, неся на подносе три невысоких бокала. Он сел за длинный стол, стоящий перед камином, и протянул каждому из нас по бокалу. Затем пошевелил поленья кочергой. Пламя поднялось. Отсветы огня на миг превратили лицо Хиллмана в жесткую красную маску.

А лицо его жены напоминало безжизненную луну.

— Наш сын очень дорог нам, мистер Арчер. Сможете ли вы помочь нам вернуть его?

— Попытаюсь. Но я не уверен, благоразумно ли держать в стороне полицию? Я один, и я не у себя дома.

— А в чем разница?

— Здесь мне не от кого получать информацию.

— Ты слышишь, Ралф? — обратилась она к мужу. — Мистер Арчер думает, что нам следует обратиться в полицию.

— Да, я слышу. Но это невозможно. — Он выпрямился и вздохнул так, словно взвалил на свои плечи всю тяжесть этого дела. — Я не буду предпринимать ничего, что могло бы подвергнуть жизнь Тома опасности.

— У меня тоже такое ощущение, — сказала она. — Я решила заплатить, чтобы без шума возвратить его. Какая польза в деньгах, если сын не может их тратить?

Последняя фраза прозвучала немного странно, и у меня возникло впечатление, что Том был центром этих владений, но, безусловно, центром тайным, что он был подобен божеству, которому они приносили жертвы в ожидании явления и, может быть, возмездия тоже. Я начал симпатизировать Тому.

— Расскажите мне о нем, миссис Хиллман.

На ее мертвом лице появились проблески жизни. Но прежде, чем она открыла рот, заговорил Хиллман:

— Нет, сейчас не следует вынуждать Эллен говорить об этом!

— Но Том для меня маленькая фигурка в тумане. Я пытаюсь понять, куда он мог вчера пойти и как попал в эту запутанную историю с вымогателями.

— Я не знаю, куда он пошел, — сказала Эллен.

— Так же, как и я, — сказал Хиллман. — Если бы я знал, то еще вчера поехал бы к нему.

— Что ж, в таком случае я вынужден вас покинуть. Надеюсь, вы сможете дать мне его фотографию?

Хиллман вышел в соседнюю комнату, скрытую за портьерой. В темной глубине я разглядел фортепиано, крышка которого была открыта. Он вернулся обратно с фотографией в серебряной рамке. Черты лица мальчика повторяли его собственные. Темные глаза выдавали беспокойный характер, если только я не перенес своего впечатления с хозяина дома на его сына. В них просвечивали богатое воображение и интеллигентность, но рот выдавал избалованность.

— Можно мне вынуть ее из рамки? Или у вас есть фотография поменьше? Ее было бы удобнее предъявлять.

— Предъявлять?

— Да, именно это я и сказал, мистер Хиллман. Я ее беру не для семейного альбома.

— У меня наверху есть фотография поменьше, — сказала Эллен Хиллман. — Я принесу ее.

— Нельзя ли мне подняться с вами? Если бы я осмотрел комнату Тома, это могло бы помочь мне.

— Вы можете взглянуть на его комнату, — сказал Хиллман, — но я не хочу, чтобы вы ее обыскивали.

— Почему?

— Мне это не нравится. Том даже сейчас имеет право на свои тайны.

Мы втроем, следя друг за другом, поднялись наверх. Странно, Хиллман испугался, что я могу что-то найти. Что? Однако заговорить с ним об этом я не рискнул. Он в любой момент мог вспылить и попросить меня убраться из дома.

Пока я очень поверхностно осматривал комнату, он стоял в дверях. Это была спальня, очень большая. Обстановка состояла из простого комода, кресел, стола и кровати, но все ручной работы и, видимо, очень дорогое. На столике у кровати стоял телефонный аппарат ярко-красного цвета. На стенах в геометрически точном порядке висели гравюры парусных судов и рисунки Одюбона. На полу — ковры Навахо, а на кровати — одеяло, подобранное в тон к одному из ковров.

— Он интересовался судами и мореплавателями?

— Нет, не особенно. Он нередко составлял мне компанию и ходил на яхте, когда мне не с кем было выйти. Это существенно?

— Нет, я просто удивляюсь, почему он повесил столько морских гравюр?

— Нет, это не он.

— Он интересовался птицами?

— Нет, не думаю.

— Кто выбирал картины?

— Я, — сказала Эллен Хиллман из коридора. — Я украшала для Тома комнату. И ему понравилось, да, Ралф?

Хиллман что-то пробубнил. Я подошел к окнам: они выходили на полукруглую аллею. Были видны заросли, площадка для гольфа, шоссе, по которому бегали взад и вперед маленькие машинки. И я вообразил, как Том сидит в этой комнате по вечерам и наблюдает за огоньками на шоссе.

Толстая книга с нотами лежала открытой на кожаном сиденье стула.

— Том играл на фортепиано, мистер Хиллман?

— Очень хорошо. Он брал уроки лет десять, но потом не захотел...

— Но к чему теперь все это? — испуганно вскрикнула жена.

— Что все? — спросил я. — Пытаться получить от вас сведения — все равно что выжимать кровь из камня.

— Я сейчас сама себе напоминаю окровавленный камень, — сказала она с легкой гримасой. — Едва ли сейчас время растревлять старые семейные ссоры!

— Мы не ссорились, — ответил муж. — Это одна из тайн Тома. Я был против этого, и он меня послушался. Закончим разговор на эту тему.

— Хорошо. Где он проводил время вне дома?

Хиллманы посмотрели друг на друга так, словно секрет нахождения сына был написан у одного из них на лице. Красный телефон прервал эту немую сцену. Эллен Хиллман была потрясена. Фотография выпала у нее из рук. Она прислонилась к мужу. Он поддержал ее.

— Это не нас. Это личный телефон Тома.

— Вы позволите мне взять трубку? — спросил я после второго звонка.

— Пожалуйста.

Я сел на кровать и взял трубку.

— Алло?

— Том? — спросил высокий девичий голос. — Это ты, Том?

— Кто спрашивает? — Я попытался сказать это мальчишеским голосом.

Девушка сказала что-то похожее на «ох» и повесила трубку.

Я сделал то же.

— Это была девочка или девушка. Она просила Тома.

— В этом нет ничего необычного. Я уверена, что это Стелла Карлсон. Она звонила всю неделю. — Женщина сказала это с такой злостью, что было очевидно: силы ее успели восстановиться полностью.

— Она всегда так бросает трубку?

— Нет. Я говорила с ней вчера. У нее масса вопросов, на которые я, конечно, отказалась отвечать. Я хотела убедиться, не видела ли она Тома. Она не видела.

— Она знает что-нибудь о том, что произошло?

— Надеюсь, что нет, — сказал Хиллман.

— Мы стараемся держать это в кругу семьи. Чем больше людей знают, тем хуже... — Незаконченная фраза повисла в воздухе.

Я отошел от телефона и поднял фотографию. Неуверенными шагами Эллен Хиллман подошла к кровати и распра-

вила покрывало на том месте, где я сидел. «Все в комнате должно оставаться на своем месте,— подумал я,— а то божество не снизойдет и не вернется к ним». Поправив покрывало, она вдруг уронила на него голову и упала сама.

Мы с Хиллманом вышли и направились вниз ждать звонка. Телефон стоял в гостиной, в нише, где был бар, а второй — на буфете, в комнате прислуги. Его я и мог использовать, чтобы параллельно слушать разговор. По пути в комнату прислуги нам пришлось пройти через «музыкальную» комнату и комнату для приема гостей, превращенную в музей.

Прошлое чувствовалось здесь во всем, некий трудноуловимый аромат старого времени. Оно, казалось, жило в самой постройке с ее темными тяжелыми балками перекрытий, толстыми стенами и глубокими окнами. И все это усиливало сходство хозяина дома со средневековым феодалом. Но в том, как Хиллман исполнял роль идадьго, чувствовалась некоторая натянутость, словно этот средневековый наряд был взят лишь на время костюмированного бала. Он и его жена, видимо, очень беспокойно чувствовали себя в этом доме даже тогда, когда мальчик был здесь.

В гостиной, сидя перед колеблющимся пламенем камина, я задал Хиллману еще несколько вопросов. У них было двое слуг — испанская пара по фамилии Перес, которые ухаживали за Томом с самого раннего детства. Миссис Перес была на кухне, а ее муж уехал в Мехико повидать своих родственников.

— Вы точно знаете, что он в Мехико?

— Да,— ответил Хиллман.— Его жена получила открытку из Синалоа. Как бы там ни было, они оба очень привязаны к нам и к Тому. Они живут у нас с тех пор, как мы приехали сюда и приобрели этот дом.

— Как давно это было?

— Около шестнадцати лет назад. Мы приехали вдвоем, после того как я вышел в отставку. Я и еще один инженер основали здесь собственную фирму — «Технологическое предприятие». Мы достигли значительных успехов, поставляя военное оборудование, а впоследствии сотрудничая с НАСА. Не так давно я смог выйти в полупенсии.

— Не молоды ли вы для отставки, мистер Хиллман?

— Возможно.— Он отвел взгляд в сторону, дав понять, что разговор о нем самом неуместен.— Я бываю в офисе каждый понедельник, много играю в гольф, хожу на охоту, плаваю.— Выглядел он уставшим от жизни.— Этим летом я обучал Тома высшей математике. Этого не проходят в его

высшей школе, а ему понадобилось бы, если бы он поступил в Калифорнийский технологический. Я сам там учился. Мы состоятельные, образованные люди, граждане первого класса...

Этим он, возможно, хотел сказать: как же мог мир впутать нас в такое грязное дело? Наклонившись вперед, Хиллман закрыл лицо руками.

В нише зазвонил телефон. Обегая стол, я услышал уже второй звонок и в дверях чуть не сбил с ног маленькую женщину, вытиравшую руки о передник.

— Я послушаю,— сказала она.

— Нет, я послушаю, миссис Перес.

Она удалилась в кухню, а я закрыл за ней дверь и осторожно снял трубку.

— ...что это? — спросил мужской голос. — У вас на линии ФБР или кто-то еще?

Голос был с западным акцентом, немного подвывал и растягивал слова.

— Конечно, нет. Я соблюдаю условия, изложенные в письме.

— Надеюсь, я вам могу доверять, мистер Хиллман? Если я почувствую, что наш разговор подслушивают, я положу трубку, и прощай Том!

Угроза эта прозвучала как-то легковесно, со своеобразным привкусом удовольствия, с которым человек вел это дело.

— Не вешайте трубку! — Голос Хиллмана был и умоляющим и недоброжелательным одновременно. — Я достал для вас деньги. Они будут у меня в ближайшее время, и я их передам вам, когда скажете...

— Двадцать пять тысяч мелкими деньгами?

— Нет ни одной купюры крупнее двадцати долларов.

— Не помеченные?

— Я сказал уже, что подчинился вашим условиям. Безопасность моего сына — единственное, что заботит меня сейчас.

— Рад, что вы ясно представляете себе картину, мистер Хиллман. Мне, собственно, не очень приятно проделывать это с вами и особенно не хочется доставлять неприятности вашему милому мальчику.

— Том сейчас с вами? — спросил Хиллман.

— Более или менее. Он поблизости.

— Может быть, мне можно с ним поговорить?

— Нет.

— Откуда я тогда узнаю, что он жив?

Мужчина надолго замолчал.

— Вы мне не доверяете, мистер Хиллман? Я не люблю этого!

— Как я могу доверять...— Хиллман смолк на полуслове.

— Я знаю, что вы хотели сказать. Как можно доверять такому паршивому пресмыкающемуся, как я? А дело не в этом, Хиллман. Дело в том, можем ли мы доверять такому пресмыкающемуся, как ты. Мне известно о тебе больше, чем ты думаешь, Хиллман.

Тишина. Слышно только хриплое дыхание.

— Ну, я могу?

— Что... вы можете? — спросил Хиллман отчаянно.

— Могу я доверять тебе, Хиллман?

— Вы можете доверять мне.

Снова тишина. Наконец, мужчина заговорил. Голос его стал хриплым.

— Я полагаю, ты слово сдержишь, Хиллман. О'кей. Тебе, наверное, хотелось бы весь день разглагольствовать о том, какое я пресмыкающееся. Но пора вернуться к делам насущным. Я хочу получить твои деньги, но скажу тебе прямо, это не выкуп. Твой сын не похищен, он пришел к нам по своей собственной воле...

— Я не...— проглотил оставшиеся слова Хиллман.

— Ты не веришь мне? Спроси его сам, если у тебя будет такая возможность. Но ты от этой возможности сам удаляешься, понял? Я пытаюсь помочь тебе заплатить мне деньги за информацию, вот и все, а ты называешь меня по-всякому, бог знает как...

— Нет, я не имел в виду лично вас.

— Ну, так ты это думаешь.

— Послушайте,— сказал Хиллман,— вы сказали, что пришло время вернуться к делам насущным. Скажите мне, куда и когда я должен принести деньги. Они будут доставлены. Я даю гарантию.

В голосе Хиллмана появились резкие нотки. Мужчина на другом конце провода капризноотреагировал на них.

— Не надо сердиться. Я сообщу условия, а ты постарайся ничего не позабыть.

— Давайте,— сказал Хиллман.

— Всею свое время. Думаю, сейчас лучше всего будет предоставить тебе возможность подумать над этим, Хиллман. Спустись со своих высот и постой на коленях. Ты этого заслуживаешь.

Он повесил трубку.

Когда я вошел в гостиную, Хиллман все еще стоял с трубкой в руках. Он растерянно положил ее и направился ко мне, покачивая головой.

— Он не захотел дать мне никаких гарантий относительно Тома.

— Они ничего не сделают. Мы вынуждены положиться на их милосердие.

— Их *милосердие*! Он разговаривал как маньяк. Он, казалось, упивался моим... моим горем.

Хиллман опустил голову.

— Вы думаете, Том в опасности? — спросил он.

— Нет. Не думаю, что вы имели дело с явным маньяком, но он выглядел не слишком уравновешенным. Полагаю, он дилетант или мелкий вор, который видит свой шанс на успех в том, чтобы разговаривать так грубо. Это тот же человек, что звонил утром?

— Да.

— Возможно, он работает один. Нет ли какой-нибудь возможности опознать его голос? Был какой-то намек на личные взаимоотношения, может быть, на обиду? Не мог ли он раньше работать у вас?

— Очень в этом сомневаюсь. Мы нанимаем только порядочных людей. А этот парень разговаривал как человек, потерявший всякое достоинство. — Его лицо вытянулось. — И вы говорите, что я должен полагаться на его милосердие.

— Ваш сын должен положиться. Есть ли хоть доля истины в том, будто Том пришел к ним по доброй воле?

— Конечно, нет. Том — приличный парень.

— А как насчет решения суда?

Хиллман не ответил, если не считать ответом легкое замешательство. Он подошел к бару и налил себе стакан виски. Я приблизился к нему.

— Не мог ли Том придумать эту историю с похищением?

Он взвешивал стакан в руке так, словно раздумывал, не запустить ли его мне в голову, и прежде, чем он отвернулся, его покрасневшее лицо снова приобрело поразительное сходство со злобной маской.

— Это абсолютно невозможно! Что заставляет вас причинять мне боль такими предположениями?

— Я не знаю вашего сына. А вам следовало бы знать его.

— Он никогда не сделал бы ничего похожего на то, что вы предполагаете.

— Но вы отдали его в школу в «Проклятой лагуне»?!

— Я был вынужден...

— Я очень бы хотел знать, почему.

Он яростно повернулся ко мне.

— Вы все время упорно возвращаетесь к одному и тому же вопросу. Чего вы добиваетесь?

— Я пытаюсь только определить, как далеко зашел Том. Есть ли основания думать, что он сам себя похитил, чтобы наказать вас или вытянуть из вас деньги. В таком случае вам следовало бы обратиться в полицию нравов.

— Вы с ума сошли!

— А Том?

— Конечно, нет! Честно говоря, мистер Арчер, я устал от вас и ваших вопросов. Если хотите оставаться в моем доме, это возможно только при соблюдении моих условий.

Мне предложили убраться, но меня что-то удерживало. Наверное, просто этот случай глубоко меня задел.

Хиллман вновь наполнил стакан и выпил половину.

— На вашем месте я бы оставил в покое спиртное,— сказал я.— Сейчас вы вынуждены принимать решения. Этот день может стать самым важным в вашей жизни.

Он медленно кивнул.

— Вы правы.

Он пересек комнату и выпил остатки виски в раковину. Затем извинился и поднялся наверх, чтобы посмотреть, что с женой.

Глава 5

Я заставил себя спокойно выйти через главный вход, достал из машины плащ и шляпу и пошел пешком вниз по извилистой аллее. Капли дождя шуршали в лежащих на земле дубовых листьях. Я раздумывал над тем, что слышал и видел в доме Хиллмана. Молодые люди, определенно, трудны для понимания. Может быть, Стелла Карлсон, если бы я повидал ее, помогла бы мне понять Тома?

Почтовый ящик Карлсонов был в паре сотен ярдов вниз по дороге. Это была точная миниатюрная копия, вплоть до ставен, их белого колониального дома с зелеными ставнями, что и привело меня на неверный путь, подобно дурного тона рекламе.

Я поднялся по дорожке к кирпичному крыльцу и постучал. Дверь открыла красивая рыжеволосая женщина, ее глаза холодно взглянули на меня.

— Да?

Не думаю, что я смог бы войти в дом без того, чтобы как-нибудь не провести ее.

— Я занимаюсь страховкой.

— В Эль-Ранчо вам ничего не выпросить.

— Но я ничем не торгую, миссис Карлсон. Я проверяю претензии.

Я достал из бумажника старое удостоверение, которое подтвердило мои слова. В свое время я работал в страховой компании.

— Если вы насчет моей разбитой машины, то я думаю, что все уже улажено на прошлой неделе.

— Нас интересует причина случившегося. Вы знаете, у нас есть статистика...

— Мне нет дела до вашей статистики.

— Но ваша машина... Я понимаю, ее украли...

Она заколебалась и быстро оглянулась, словно позади, в прихожей, мог находиться свидетель.

— Да,— сказала она наконец,— ее украли.

— Некий соседский юнец, не так ли?

В ответ на это замечание она покраснела.

— Да, и я очень сомневаюсь, что это было случайно. Он взял машину и разбил ее на голом месте.

Эти слова выскочили из нее так быстро, словно она целыми днями держала их в уме.

— Это интересная гипотеза, миссис Карлсон. Разрешите мне поговорить с вами об этом.

— Я убеждена, что так оно и было.

Она пропустила меня в прихожую. Я сел у телефонного столика и достал блокнот. Миссис Карлсон стояла надомной, положив руку на перила лестницы.

— У вас есть что-нибудь, подтверждающее эту гипотезу? — Я приготовился записывать.

— Вы имеете в виду, что он разбил машину умышленно?

— Да.

Она прикусила губу, оставив на ней небольшую вмятину.

— Это «что-нибудь» вы не сможете занести в вашу статистику. Парень, его имя Том Хиллман, интересовался моей дочерью. Раньше он был намного более приятный мальчик, чем сейчас. Дело в том, что раньше большую часть своего времени он проводил у нас. Мы обращались с ним как со своим собственным сыном. Но эти отношения были испорчены. Притом очень.

Она произнесла это сердито, но с сожалением.

— Что же их испортило?

Она негодуяще всплеснула руками.

— Я не намерена это обсуждать! Страховой компании вовсе не обязательно все знать! Или кому-нибудь еще!

— Возможно, я могу поговорить с мальчиком. Он живет в следующем доме?

— Его родители там живут. Хиллманы. Они, надеюсь, отослали его куда-нибудь. Мы больше не разговариваем с Хиллманами,— заметила она мрачно.— Они вполне приличные люди, но из-за своего сына наделали много ужасных глупостей.

— Куда они отправили его?

— Возможно, в какую-нибудь исправительную школу. Ему это необходимо. Он теперь совсем отбился от рук.

— В чем это выражается?

— Во всем. Он разбил мне вдребезги машину, наверное, потому, что был пьян. Я знаю, что он проводил время в барах в конце Мейн-стрит.

— И ночь перед тем, как разбить вашу машину?

— Все лето. Он даже пытался склонить к этим дурным привычкам Стеллу. Вот почему наши отношения испортились, если вы так хотите это знать!

Я сделал запись.

— Не могли бы вы быть немного поточнее, миссис Карлсон? Нас интересует социальная база подобных случаев.

— Ну, он действительно затащил Стеллу в один из этих ужасных погребков. Можете вообразить! Привести чистую шестнадцатилетнюю девушку в винную лавку! Это был конец Тома Хиллмана, как бы мы ни были привязаны к нему.

— А что Стелла?

— Она очень чувствительная девочка,— ответила миссис Карлсон, обернувшись.— Мы с отцом объяснили ей, что это нежелательная дружба.

— Таким образом, она не принимала участия в угоне вашей машины?

— Конечно, нет.

Юный чистый голос сказал с верхней лестничной площадки:

— Это неправда, мама, и ты это знаешь. Я говорила вам.

— Хватит, Стелла, вернись в постель. Если ты действи-

тельно так больна, чтобы остаться дома и не поехать в лагерь, значит, ты должна лежать в постели.

Говоря это, миссис Карлсон поднималась вверх по лестнице. Ее дочь спускалась к ней. Это была чудесная девочка с прекрасными глазами. Коричневые волосы гладко зачесаны назад. На ней были спортивные брюки и голубой шерстяной свитер с высоким воротом, который подчеркивал прекрасную линию ее груди.

— Мне уже лучше, благодарю, — сказала она холодно. — В конце концов, я лежала до тех пор, пока не услышала, что ты наговариваешь на Тома!

— Как ты смеешь! Марш в комнату!

— Я пойду, если ты перестанешь говорить неправду о Томе.

— Замолчи!

Миссис Карлсон преодолела те три или четыре ступеньки, которые отделяли ее от дочери, схватила Стеллу за плечи, с силой развернула ее и увела. Стелла повторяла слово «ложь» до тех пор, пока закрытая дверь не заглушила ее высокого чистого голоса.

Минут через пять миссис Карлсон спустилась вниз, со следами свежего грима на лице, в зеленой шляпе с пером, клетчатом пальто и в перчатках. Она прошла прямо к двери и широко ее распахнула.

— Боюсь, мне придется сейчас очень торопиться. Моя парикмахерша обычно бывает недовольна, когда я опаздываю. Во всяком случае, мы слишком отделились от того, что вас интересовало.

— Напротив, меня очень заинтересовали замечания вашей дочери.

Она подчеркнуто вежливо улыбнулась.

— Не обращайтесь внимания на Стеллу. Ее лихорадит, и у нее плохо с нервами. Бедная девочка никак не придет в себя после такого случая.

— Не потому ли, что и она замешана в нем?

— Не будьте глупцом! — Она постучала по дверной ручке. — А теперь я действительно тороплюсь.

Я вышел. Она последовала за мной, громко хлопнув дверью. Судя по всему, в этом у нее была богатая практика.

— Где ваша машина? — спросила она.

— Меня сбросили с парашютом.

Она остановилась и смотрела мне вслед, пока я не дошел до конца дорожки. Затем она вернулась в дом. Я добрал до почтового ящика Хиллманов и свернул на тропинку, ведущую к их дому.

За деревьями послышался шорох. Я подумал, что это зверек прошмыгнул в кустах, но это была Стелла.

Она возникла неожиданно, выйдя из-за ствола дерева. На ней была голубая лыжная куртка с поднятым капюшоном, и на вид ей можно было дать лет двенадцать. Она поманила меня полным достоинства жестом взрослой женщины, приложив палец к губам.

— Мне нельзя оставаться здесь долго. Мама будет искать меня.

— Я полагаю, она отправилась на свидание со своей парикмахершей.

— Это еще одна неправда, — сказала она. — В последние дни она постоянно врет.

— Почему?

— Думаю, у нее это входит в привычку или что-то в этом роде. Обычно мама всегда все говорила прямо. И папа. Но это дело с Томми привело их в смятение. И меня тоже, — добавила она, кашлянув в ладони.

— Вам не следовало бы при вашем нездоровье выходить в такую сырость.

— Нет, в самом деле нет. Я сейчас уже не чувствую себя так плохо, как в лагере, когда эти подлецы требовали, чтобы я отвечала на их вопросы.

— О Томе?

Она кивнула.

— Я же так и не знаю, где он. А вы?

— Я тоже не знаю.

— Вы полицейский или кто?

— Я раньше был полицейский. А теперь я «кто»...

Она сморщила нос, хихикнула, замерла, прислушиваясь, и стала похожа на олененка. Потом откинула капюшон.

— Слышите? Это она зовет меня.

— Стелла-а-а! — слышался далеко за деревьями голос.

— Она убьет меня, — сказала девочка. — Но кто-то когда-нибудь должен рассказать правду. А я знаю ее. У Тома на дереве есть настоящий дом. Это там, на склоне. То есть, я имею в виду, дом был раньше, когда Том был моложе. Там мы могли разговаривать.

Я последовал за ней по едва видимой в зарослях тропинке. Среди разросшихся ветвей дуба на небольшом основании стояла маленькая хижина из красных досок с крышей из просмоленной бумаги. К основанию была приставлена самодельная лестница, уже ставшая серой от времени и непогоды, как и сам домик.

Стелла влезла по лестнице первой и вошла в домик.

Красноголовый дятел вылетел из незастекленного окна и сел на дерево рядом, приветствуя нас стуком.

Голос миссис Карлсон гремел у подножия склона. В его мощном звучании уже появилась хрипота.

— Швейцарский семейный Робинзон,— сказала Стелла, когда я вошел внутрь. Она сидела на матрасе, поставленном в углу хижины.— Раньше, когда Томми и я были детьми, мы, бывало, проводили здесь целые дни.

В ее голосе уже звучали воспоминания, хотя ей было всего шестнадцать.

— Конечно, когда мы стали старше, это пришлось прекратить. Это было бы неприлично.

— Вы влюблены в Тома?

— Да, я его люблю. Мы собирались пожениться. Но не думайте о нас ничего плохого. Мы еще даже не возлюбленные. Мы не живем вместе и не помолвлены.

Она сморщила нос, словно эти слова имели запах.

— Мы поженемся, когда подойдет время, когда Томми закончит колледж или, по крайней мере, проявит склонности к чему-либо. Вы понимаете, чтобы у нас не было никаких проблем с деньгами.

Я подумал, что понадобился ей для того, чтобы отвести душу и рассказать историю со счастливым концом.

— Как это?

— У родителей Тома очень много денег.

— А ваши родители? Они вам разрешат выйти за него замуж?

— Они не смогли бы остановить меня.

Я поверил бы ей, если бы Том оставался здесь. Она, должно быть, увидела это «если», промелькнувшее у меня в глазах. Эта девочка была очень восприимчива.

— С Томми все в порядке? — спросила она совсем другим тоном.

— Надеюсь, что да.

Она пододвинулась и тронула меня за рукав.

— Где он, мистер...

— Я не знаю, Стелла. Меня зовут Лу Арчер. Я частный детектив и работаю, чтобы помочь Тому. Мне надо, чтобы вы рассказали мне всю правду об этом происшествии.

— Да, это была моя вина. Мама и папа думают, что они должны покрывать меня, но они делают только хуже для Томми. На самом деле только я одна во всем виновата и ответственна за это.

Ее прямой взгляд и неподдельная искренность напомнили мне молящегося ребенка.

— Вы вели машину?

— Я не имею в виду, что была с ним. Но я подсказала ему, что он мог бы взять машину, и достала ключ от маминой комнаты. Вообще-то говоря, это и моя машина тоже, то есть я тоже пользуюсь ею.

— Мама знает это?

— Да, я сказала ей и папе. В воскресенье. Но они уже разговаривали с полицией и после этого не захотели менять свое заявление. И не разрешили сделать это мне. Они мне сказали, что это не изменит того факта, что он взял машину.

— А зачем ему понадобилось брать ее?

— Томми надо было поехать куда-то, чтобы кого-то повидать, а его отец не разрешил пользоваться их машинами. Он его совсем замучил. Мама и папа ушли на весь вечер, а Томми сказал, что он вернется через пару часов. Было только около восьми, и я решила, что все будет хорошо. Я не знала, что ему надо ехать на всю ночь. — Она закрыла глаза и обхватила себя за плечи. — Я не спала всю ночь, все слушала.

— Куда он ездил?

— Я не знаю.

— Как он выглядел после?

— Я ничего об этом не знаю. Он сказал, что это самое важное в его жизни.

— Не мог ли он говорить об алкоголе?

— Томми не пьет. Был кто-то, кого ему необходимо было увидеть, кто-то очень важный.

— Например, торговец наркотиками?

Она удивленно раскрыла глаза.

— Вы искажаете смысл, так же как и папа, когда сердится на меня. Вы на меня сердитесь, мистер Арчер?

— Нет, я вам очень благодарен за то, что вы были честны.

— Тогда зачем вы придаете всему какой-то грязный оттенок?

— Мне приходилось расспрашивать и грязных людей. Иногда мать наркомана или его девушка не знают, что он принимает наркотики.

— Я убеждена, только не Томми... — сбивчиво заговорила она. — Он против этого... Он знает, что это приводит к... — Она закрыла рот рукой. Ее пальцы дрожали.

— Вы хотите что-то сказать?

— Ничего.

Нить, связывающая нас, разорвалась. И мне пришлось приложить все усилия, чтобы спасти положение.

— Послушай меня, Стелла! я вытащил эту грязь не шутки ради. Томми в реальной опасности. Если он связан с наркоманами, ты должна сказать мне.

— У него были какие-то друзья, музыканты,— пробормотала она.— Они ничем не могут повредить ему.

— У них могут быть свои друзья, которые смогут. Кто они?

— Несколько человек, с которыми он играл на пианино этим летом, пока его отец не ушел с работы. Томми обычно проводил вторую половину дня воскресенья с ними, на закрытых выступлениях в баре «Фло».

— Это один из тех подвальчиков, который упоминала твоя мама?

— Это не подвальчики. Он не водил меня по подвальчикам. Это единственное место, где они могли собираться и играть. Он хотел, чтобы я послушала, как они играют.

— А Томми играл с ними?

Она кивнула и оживилась.

— Он был очень хороший пианист. Настолько хороший, что это могло стать делом его жизни. Они даже предложили ему работу на уик-энд.

— Кто?

— Группа. Ансамбль в баре «Фло». Естественно, отец не разрешил бы ему работать.

— Расскажи мне о тех, кто в этой группе.

— Единственный, кого я знаю, это Сэм Джексон. Он работал разносчиком прохладительного на пляже и играл на тромбоне. И еще там были саксофонист, трубач и ударник. Я не знаю их имен.

— Как они тебе показались?

— Я не думаю, что они очень хорошие. Но Томми говорил, что они планировали составить совместную программу.

— Что они за люди?

— Они только музыканты. Томми они нравились.

— Сколько времени он с ними проводил?

— Только воскресные дни. Но я уверена, что он иногда ездил слушать их по ночам. Это он называл своей второй жизнью.

— Второй жизнью?

— Ах! Вы же знаете, дома он должен был мучиться над книгами и делать все, что положено, чтобы доставить удовольствие своим родителям. Когда я дома, и я должна

делать все то же самое. Но с того времени, как это произошло, все как-то плохо...

Я сел перед девочкой на корточки.

— Стелла, как ты думаешь, в ту субботнюю ночь Томми условился встретиться именно со своими музыкантами?

— Нет. Он бы мне сказал. Этот секрет был еще больше.

— Он так тебе сказал?

— Он не имел права ничего говорить. Это была какая-то тайна, ужасно важная. И он очень волновался.

— Был ли он угрюмым, подавленным?

— Подавленным?

— Да, эмоционально.

— Нет. Я была. По глупости.

— Тогда почему отец отослал его?

— Вы думаете, он отослал его в больницу для душевнобольных? — Она наклонилась ко мне так близко, что я ощутил ее дыхание.

— Что-то вроде этого. Школа в «Проклятой лагуне». Я не хотел тебе этого говорить и прошу тебя не проговариваться родителям.

— Не беспокойтесь. Я никогда ничего им не скажу. Так вот где он! Вот лицемеры! — Глаза ее наполнились слезами.

— Но он сбежал оттуда позавчерашней ночью и попал в руки жуликов. Больше я пока ничего тебе не скажу. Мне надо идти.

— Пойдите.— Она на мгновение снова превратилась в женщину, которой ей только предстояло стать.— Что бы ни случилось с Томми — это то же самое, как если бы это было со мной.— Она ткнула себя пальцем в грудь.— Вы сказали, он в руках жуликов? Кто они?

— Я постараюсь ответить на этот вопрос в самое ближайшее время. Это могли быть его друзья из бара «Фло»? А может быть, тебе известны еще какие-нибудь знакомые Томми? Из его второй жизни? Из подпольного мира?

— Мне нечего вам сказать. На самом деле у него не было никакой другой жизни. Это были только разговоры, разговоры и музыка...

Ее губы совсем посинели. Я вдруг с ужасом увидел себя со стороны: массивная фигура взрослого человека, склонившегося над совсем уже измученным ребенком и терзающего его жуткими вопросами. Хотя это делалось из лучших

побуждений, результат мог оказаться печальным. Видение это потрясло меня.

— Тебе лучше идти домой, Стелла.

Она всплеснула руками.

— Не раньше, чем вы расскажете мне все! Я не ребенок.

— Это конфиденциальные сведения. Я не должен сообщать их. Это может ухудшить дело.

— Вы уходите от ответа, как папа,— сказала она с презрением.— Тома держат из-за выкупа?

— Да, и я не убежден, что это обычное похищение. Есть предположение, что он пришел к этой публике сам, по своей воле.

— Это кто сказал?

— Один из них.

Она подняла брови.

— Тогда почему Тому грозит опасность?

— Если он знает их, они вряд ли отпустят его домой. Он их может опознать.

— Так...— Глаза ее стали совсем большими, прямо огромными, впервые вбирая в себя весь ужас и мрак окружающего ее мира.— Я так боялась, что он попал в какую-то ужасную компанию. Иначе его мать не стала бы меня расспрашивать. Я думала, что он, может быть, покончил жизнь самоубийством и они это скрывают...

— Что тебя заставило так думать?

— Сам Томми. Он вызвал меня, и мы с ним встретились в домике на дереве утром после происшествия. Я никому не должна этого говорить. Но вы были честны со мной. Он хотел увидеть меня в последний раз, как друг, понимаете, и попрощаться навсегда. Я спросила, не решил ли он уехать и что вообще собирается делать, но он не сказал мне ничего.

— Он считал, что погиб?

— Не знаю. Думаю, что так. И с тех пор я ничего не слышала о нем и волновалась все больше и больше. И я не понимаю и сейчас, зачем ему понадобилось убежать и становиться преступником или оставаться с ними?

— Это неясно. Он мог и не знать, что они преступники. Если бы ты могла вспомнить еще хоть кого-нибудь!

— Я стараюсь.— Она закрыла глаза и опять начала качать головой.— Не могу. Если это не те самые люди, с которыми он должен был встретиться в ту субботу вечером, когда взял машину...

— Говорил он о них хоть что-нибудь?

— Что ему ужасно нужно их видеть.

— Это были мужчины или женщины?

— Я не знаю даже этого.

— Говорил ли он тебе в воскресенье утром, когда вы здесь встретились, о предыдущей ночи?

— Нет. После этого случая и скандала с родителями он был какой-то тихий. И я ни о чем не спрашивала его. А должна была! Я знаю, я должна была... Или нет? Я всегда делаю все только во вред... Все плохо: и сделаешь — плохо, и не сделаешь — тоже плохо!

— Я уверен, ты поступаешь правильно гораздо чаще, чем большинство других людей.

— Ни мама, ни папа так не думают.

— Родители могут ошибаться.

— А вы — папа?

Этот вопрос напомнил мне грустных ребят в школе в «Проклятой лагуне».

— Нет. И никогда не был. У меня чистые руки.

— Вы смеетесь надо мной,— мрачно сказала она.

— Нет, не смеюсь и едва ли когда-нибудь буду.

— Я не знаю детективов, которые были бы похожи на вас,— подарила она мне с улыбкой.

— Я не копирую других...— Наши отношения, которые то рушились, то восстанавливались, теперь вовсе расцвели.— И еще одно, о чем хотел спросить тебя, Стелла. Твоя мать, кажется, убеждена, что Том разбил машину умышленно?

— Да, я знаю, что она так думает.

— Нет ли в этом доли истины?

Она задумалась.

— Не думаю, он не стал бы делать это, если только он не...— Ее поразила ужасная догадка.

— Продолжай.

— ...если только он не пытался покончить жизнь самоубийством. А больше ему незачем.

— Покончить с собой??

— Да. Он мог. Он не хотел возвращаться в дом, он часто говорил мне об этом. Но не говорил почему.

— Кое-что я смог бы выяснить, осмотрев машину. Ты не знаешь, где она?

— Внизу, на кладбище разбитых машин Ринго. Мама ходила туда через день.

— Зачем?

— Я убеждена, что это помогает ей сохранить злость. Мама действительно помешалась на Томе или еще помеша-

ется, как папа. Эта история ужасно подействовала на них. Да и я не облегчаю положения, уйдя сейчас из дома. — Она топнула ногой. — Мама вызовет полицейских. А потом убьет меня.

— Нет, не убьет.

— Убьет. — Но она совершенно не боялась за себя. — Если вы узнаете что-нибудь о Томе, вы дадите мне знать?

— Это может оказаться трудновыполнимым, имея в виду отношение ко мне твоей матери. Почему бы тебе самой не позвонить мне, когда понадобится? По этому номеру ты всегда можешь разыскать меня. Это служебный телефон. — Я дал ей свою визитную карточку.

Она спустилась по лестнице и бесшумно умчалась, скрывшись за деревьями, — одна из тех девушек, которые заставляют вновь поверить в этот мир...

Глава 6

Я направился к дому Хиллманов, чувствуя, что наконец-то овладел инициативой — инициативой, которую мог бы дать мне и Хиллман, если бы захотел.

Прежде чем сесть в оставленную возле дома машину, я взглянул на окно комнаты Тома. Хиллман с женой сидели у окна, тесно прижавшись друг к другу, и он коротко кивнул мне головой.

Я поехал в сторону городка и вскоре был уже на главной улице. Мокрые тротуары были почти пустынные, народу не было, как и всегда, когда в Калифорнии идет дождь.

Поставив машину перед магазинчиком спортивных товаров и заперев ее, я спросил хозяина, где находится бар «Фло». Тот указал на запад, в направлении океана.

— Не думаю, что они работают в это время. Но есть немало и других подобных мест, которые открыты.

— А где мастерская Ринго?

— Три квартала на юг по Санджер-стрит. Первый стоп-сигнал после железной дороги.

Я поблагодарил его. Это был средних лет мужчина, весело несущий бремя своих неудач.

— Я могу продать вам чехол для вашей шляпы, — предложил он.

— Сколько?

— Девяносто восемь центов и доллар-другой — пошлина.

Я купил. Он сам надел чехол на шляпу.

— Немного для первого раза. Но...

— Красота — в пользе.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вы сказали то, что я хотел сказать. Представляю, какой вы ловкач. Между прочим, моя фамилия — Боткин. Джозеф Боткин.

— Лу Арчер.

Мы пожали друг другу руки.

— Мое почтение, мистер Арчер. Если я не слишком назойлив, то позвольте узнать, откуда у такого человека, как вы, появилось желание выпить в баре «Фло»?

— А почему бы и не в баре «Фло»?

— Мне не нравится, как они ведут дела, вот и все. Они сбивают у соседей цены, которые и так упали бог знает до чего...

— Как же они ведут дела?

— Во-первых, они разрешили свить у себя гнездо молодым парням, которых вообще и пускать-то не следовало. И крепкие напитки им подают...

— А что они делают во-вторых?

— Я и так слишком разболтался. А вы задаете много вопросов. Уж не из ФБР ли вы?

— Нет, хотя, конечно, я не сказал бы вам, если бы оно так и было. А что, бар «Фло» под наблюдением?

— Не удивился бы. Я слышал, на них была подана жалоба.

— От человека по имени Хиллман?

— Да. Вы из бюро, а? Если вам хочется взглянуть на это место самому, они открываются в пять.

Было двадцать минут пятого. Я дошел до бара «Фло», который и в самом деле был закрыт. Он выглядел так, будто вообще никогда не открывался. В щелку между занавесками я заглянул в темное нутро бара. Стол и стулья в ту же красную клетку, что и занавески, были расставлены вокруг площадки для танцев. Поглубже, в полумраке, виднелось место для оркестра, украшенное яркими бумажными цветами. Все вместе взятое выглядело таким заброшенным, что можно было подумать, будто оркестранты забрали свои инструменты и уехали отсюда много лет тому назад.

Я вернулся к машине и поехал вниз по Санджер-стрит к мастерской Ринго. Она была окружена высоким дощатым забором, на котором огромными белыми буквами было выведено его имя. Черная немецкая овчарка выскочила из открытых дверей будки и деликатно схватила меня за

запастье огромными желтыми зубами. Она не рычала и вообще не издала ни звука. Едва ощутимо она удерживала меня, глядя мне прямо в глаза. Толстый, даже тучный человек с круглым, как мяч, животом, едва прикрытым клетчатой рубашкой, вышел мне навстречу.

— Все в порядке, Лев!

Собака отошла от меня и направилась к толстяку.

— У него грязные зубы,— сказал я.— Вам следует давать ему побольше костей. Я не имею в виду, конечно, мое запастье.

— Мы не ждали посетителей. Простите. Но он же не сделал вам больно, а, Лев?

Лев завращал глазами и вывалил язык почти в фут длиной.

— Подойдите, приласкайте его.

— Я-то люблю собак,— сказал я,— но вот любит ли он людей?

— Конечно. Подойдите, ну...

Я подошел и погладил его. Лев повалился на спину, поднял лапы в воздух и улыбнулся мне всеми своими клыками.

— Чем могу быть полезен, мистер? — спросил Ринго.

— Я хочу взглянуть на машину.

Он указал рукой в сторону двери.

— У меня их сотни, но нет ни одной, на которой вы смогли бы выехать отсюда. Или вы хотите одну из них на съедение?

— Та машина, которую я хочу осмотреть, особая.— Я предъявил свое удостоверение монтажника.— Думаю, это почти новый «додж», принадлежащий миссис Карлсон, который разбили неделю назад или что-то около этого.

— Да, да. Я вам его покажу.

Он надел черный прорезиненный плащ. Лев и я последовали за ним. Мы вошли в узкий проход между двумя рядами разбитых машин. Их перекрученные решетки и капоты двигателей, разбитые вдребезги ветровые стекла, сорванные крылья, выпотрошенные сиденья и лопнувшие шины — все это привело меня к мысли о своеобразном итоге нашего свободного образа жизни. «Кто-нибудь, более внимательный к мелочам,— подумал я,— мог бы сделать изучение автомобильного кладбища таким же почтенным занятием, как и изучение руин и черепков исчезнувших цивилизаций. Это могло бы дать ключ к пониманию того, почему гибнет цивилизация».

— Все машины с этой стороны, понятно, вышли из

игры, — сказал Ринго. — Это автомобиль Карлсон, второй от края. Тот «понтак» пришел уже позже. Лобовое столкновение — двое погибших. — Он вздрогнул. — Я никогда не выхожу на шоссе, даже когда могу и помочь.

— Что случилось с машиной Карлсон?

— Ее взял для прогулки один из соседних молодчиков, парень по фамилии Хиллман. Судя по следам, он проходил поворот, выскочил с полотна дороги и, пытаясь вернуть машину на шоссе, перевернулся. Перевернулся он несколько раз и закончил, ударившись о дерево.

Я осмотрел машину со всех сторон. На крыльях, крыше и капоте были порядочные вмятины, будто по ним старательно били кузнечным молотом. Ветровое стекло было выбито, двери отскочили. Заглянув внутрь, я заметил овальный кусочек белого пластика с выдавленной блестящей печатью, зажатый между сиденьями. Я влез внутрь и достал его. Это был латунный ключ от дверей. Надпись на пластиковом ушке гласила: «Автомотель Дака, 7».

— Осторожно, там стекла, — сказал у меня за спиной Ринго. — Что вы нашли?

Перед тем как обернуться, я положил ключ в карман.

— Не могу себе представить, как мальчишка остался цел...

— Он, помнится, вцепился в руль... И руль, к счастью для него, не сломался.

— Нет ли каких-нибудь намеков на то, что он разбил машину умышленно?

— Нет, для этого надо сойти с ума. Хотя, конечно, эти нынешние на все способны. Ты согласен, Лев?

Он наклонился к собаке, продолжая разговаривать то ли с ней, то ли со мной.

— Мой собственный сын, которого я растил, приучая к работе, бросил колледж и вот уже несколько лет не появляется дома, даже на Рождество. Мне некому передать дело.

Он выпрямился и осмотрел свои руины со строгой торжественностью, подобно властителю этой империи железного лома.

— Не мог бы кто-нибудь еще быть с ним в машине?

— Нет. Не имея привязных ремней в машине, они бы наверняка разбились. Тем более, им и вцепиться было не во что.

Он посмотрел на небо и сказал как бы между прочим:

— Пожалуй, хватит отвечать на ваши вопросы. Но если вам действительно нужны секретные сведения об этом

происшествии, поговорите с дорожной службой. Я закрываюсь.

Было без десяти пять. Я еще раз добрался до бара «Фло». Кто-то уже включил внутри несколько лампочек, но входная дверь была еще на замке. Я вернулся к машине и стал ждать. Достав найденный ключ, я внимательно осмотрел его, недоумевая, что бы это могло значить. А значить это могло, среди прочих, притянутых за волосы предположений, что статная миссис Карлсон была неверна своему мужу.

Сразу же после пяти невысокий смуглый мужчина в красном свитере открыл замок на дверях и занял свое место за стойкой бара. Я вошел и сел перед ним на табурет.

Взглянув на часы, он спросил:

— Что будете пить?

— Виски подешевле. Это ваше собственное заведение?

— Мое и моей жены. Меня оно устраивает.

— Приятное место,— сказал я, хотя ничего приятного здесь не было. Старый официант, казалось, стоя спал, прислонившись к стене.

— Вы никогда не бывали здесь раньше, я не помню вашего лица,— сказал он, готовя мне выпивку.

— Я из Голливуда. Слышал, что у вас небольшой, но очень приятный джаз.

— Да.

— Сегодня они играют?

— Они играют только по субботам и по пятницам вечерами. Выручки от торговли в обычные дни не хватает, чтобы их содержать.

— А воскресные закрытые представления, они что, еще продолжаются?

— Да. Вчера было. Ребята в прекрасной форме. Жаль, что вы пропустили их.

Мой виски проскользнул ко мне по стойке.

— У вас музыкальный бизнес?

— Я время от времени открываю музыкантов. У меня контора на Стрип.

— Сэм захотел бы переговорить с вами. Он руководитель.

— А где бы я смог повидать его?

— У меня где-то есть его адрес. Минутку, пожалуйста.

Двое молодых парней в рабочей одежде и дождевых плащах заняли место в дальнем конце бара. Видимо, торговцы. Они заговорили о миллионной сделке на недви-

жимость. Им, судя по всему, доставлял удовольствие этот разговор, хотя сами они отношения к сделке не имели.

Не дожидаясь заказа, официант поставил перед ними по маленькой порции виски.

Вошла прекрасно сложенная молодая женщина и с трудом освободилась от прозрачного плаща, который скинула у стойки. На шее у нее висело столько драгоценностей, словно она была местной принцессой.

Бармен строго взглянул на нее.

— Ты опаздываешь. Я не могу работать без женщин.

— Прости, Тони. Рашель опять задержалась.

— Найми другую сиделку для ребенка.

— Но она так ласкова к детям! Ты бы ведь не хотел, чтобы его кормил кто-нибудь другой.

— Сейчас не время говорить об этом. Ты знаешь, где тебе надлежит быть!

— Да, мистер Наполеон.

Насмешливо качнув бедрами, она заняла пост у двери. Начали появляться посетители, и главным образом молодежь. Выглядели они довольно респектабельно. «Принцесса», позванивая драгоценностями, почтительно сопровождала их к столикам.

Ее муж наконец-то вспомнил обо мне:

— Вот адрес Сэма Джексона. У него нет телефона, но это недалеко отсюда.

Он подал мне листок из записной книжки с надписью: «Мимоза, 169, кв. 2».

Это был дом старинной постройки, с пышным викторианским орнаментом на фасаде, наполовину осыпавшимся от времени. Тяжелая резная дверь была широко открыта, и я вошел в коридор, ощутив под ногами покоробившийся паркет. На двери справа висела вырезанная из жести цифра «2». И когда я постучал, двойка задребезжала.

Вглянул желтолицый человек в рубашке с короткими рукавами.

— Вам кого?

— Сэма Джексона.

— Это я.— По-видимому, его удивило, что он мог кому-то понадобиться.— Насчет работы? — Он задал этот вопрос с полной безнадежностью, заранее предполагая отрицательный ответ.

— Нет, но я хотел бы кое о чем поговорить с вами, мистер Джексон.

Он отметил слово «мистер» и наклонил голову в знак признательности.

— Хорошо.

— Разрешите мне войти. Я частный детектив, мое имя — Лу Арчер.

— Не хотелось бы, у меня беспорядок. Жена целый день на работе... Ну, входите.

Квартира его состояла из одной большой комнаты, которая, наверно, раньше была гостиной этого дома. Она еще сохранила свои великолепные пропорции, но очень высокий потолок потрескался и был в водяных разводах, на окнах висели дырявые занавески. Разнокалиберная мебель стояла в беспорядке на голом деревянном полу. Маленький телевизор на столике у кровати с дежурным оживлением болтал о происшествиях дня.

Джексон выключил его, взял из крышки кофейника на столе дымящуюся сигарету и сел на край кровати, молча ожидая, что я скажу. Я отметил, что марихуаны в сигарете не было, и сказал, что ищу Тома Хиллмана. Он бросил на меня взгляд, в котором промелькнул страх, раздавил окурок сигареты и опустил его в карман рубашки.

— Я не знал, что он исчез.

— Он исчез.

— Это очень плохо. Почему вы решили, что он здесь? — Он осмотрел комнату так, будто видел ее в первый раз. — Мистер Хиллман послал вас?

— Нет.

Он не поверил мне.

— Я просто удивляюсь. Мистер Хиллман не на моей стороне.

— Почему?

— Мне нравился его мальчик, — сказал он осторожно.

— За что?

— Сам по себе. — Он сложил руки на коленях. — Я слышал, как он брэнчал на пианино в клубе на пляже. Это было прошлой весной. Я тоже немного брэнчал. Пианино не мой инструмент, но его заинтересовали несколько аккордов, которые я ему показал. Это сослужило мне плохую службу.

— Вам?

— Мистер Хиллман позаботился об этом. Он уволил меня из клуба, он не хотел, чтобы его чистенький мальчик общался с такими, как я... Если вас послал не мистер Хиллман, тогда кто?

— Доктор Спonti.

Я думал, что это имя ему ничего не скажет, но он испугался.

— Спonti?.. Вы имеете в виду...— Он замолчал.

— Продолжайте, мистер Джексон, скажите, что я имею в виду?

Он был в полном смятении и как-то неожиданно стал выглядеть более старым. Голос его осип.

— Мне не следует ничего знать о нем, мистер:

Он растянул рот в идиотской улыбке, обнаружив отсутствующие зубы.

— Думаю, вы хорошо понимаете, что я намерен сидеть здесь до тех пор, пока вы не расскажете мне того, что знаете?

— Это ваше право,— сказал он, хотя такого права у меня и не было.

— Вы знаете доктора Спonti?

— Слышал это имя,— ответил Джексон.

— Вы видели Тома Хиллмана в течение двух последних дней?

Он покачал головой, но в глазах его отражалась неуверенность.

— Где вы слышали имя Спonti?

— От моей родственницы. Она раньше работала в школе. Я уверен, что это и меня делает соучастником,— добавил он с иронией.

— Соучастником чего?

— Какого-то преступления. Мне вовсе ни к чему даже знать, что случилось...

— Такой разговор нам ничего не даст.

— А что вы ждете? Ведь что бы я ни сказал, все свидетельствует против меня, да?

— Вы говорите как человек, имеющий к этому отношение.

— У меня хватает других забот. Но мне жалко, что Томми Хиллман исчез.

— Он нравился вам?

— Мы подходили друг другу.

— Мне хотелось бы, чтобы вы мне больше о нем рассказали. Именно за этим я к вам и пришел.

Мои слова прозвучали немного фальшиво. Я подозревал Джексона, и он знал об этом. Он был наблюдателен и умел слушать.

— Я думаю совсем о другом,— сказал он.— Думаю, что, найдя Тома, вы вернете его в школу в «Проклятой лагуне». Можете поправить меня, если я не прав.

— Вы не правы!

— Я не верю вам.— Он следил за моими руками,

ожидая, не появится ли у меня желание ударить его. На лице его были следы прежних побоев.— Не надо официальных. Я не верю вам, мистер!

Я повторил, кто я такой.

— Вы знаете, где сейчас Том?

— Нет. Этого я не знаю. Если мистер Хиллман отдал его в эту школу, для него лучше вырваться на свободу, чем идти домой. Его отец не имел права проделывать с ним такое.

— Мне тоже так говорили.

— Кто?

— Одна из местных женщин. Она сказала, что Том, по ее мнению, был в здравом уме и его нельзя было помещать в «Проклятую лагуну». Том, видимо, согласен с ней. Он бежал в субботу ночью.

— Хорошо.

— Не так уж и хорошо. По крайней мере, там он был в безопасности.

— Он и сейчас в безопасности,— сказал Джексон и тут же пожалел о сказанном.

Он снова растянул рот в бессмысленной улыбке. Трагическая маска с претензией на юмор!

— Тогда где он?

Джексон пожал плечами.

— Я говорил уже вам, что не знаю!

— Как вы узнали, что он на свободе?

— А Спonti иначе не прислал бы вас ко мне!

— Вы быстро соображаете!

— Как умею. Вы хоть и говорили много, но практически ничего не сказали.

— Вы сказали еще меньше! Так расскажите же, Сэм.

Он быстро вскочил и подошел к двери. Я подумал, что он предложит мне уйти, но ошибся. Он остановился с видом человека, встретившегося неожиданно со взводом солдат.

— Что, по-вашему, должен делать я? — закричал он.— Сунуть голову в петлю, которую затянет Хиллман?

Я подошел к нему. В глазах его метался страх. Он устал от нашего длинного разговора и, подняв руки, как бы пытался защитить голову.

— Не трогайте меня!

— Успокойтесь. Что за истерика? Какая-то петля!

— Весь мир в истерике! Я потерял работу из-за того, что научил его пацана кое-какой музыке. Теперь Хиллман раскапывает прошлое. Что за гнусные времена!

— Не такие уж и гнусные, если мальчик действительно в безопасности. Ты ведь говорил, что он в безопасности, да?

Никакого ответа. Он только поглядывал на меня из-под руки. В глазах его стояли слезы.

— Ради бога, Сэм. Мы должны понять друг друга в этом деле. Ты не похож на человека, которому бы хотелось, чтобы с Томом что-нибудь стряслось.

— Все равно все плохо,— сказал он, всматриваясь мне в лицо.

— Знаю, что плохо,— ответил я.— Но стена не так уж высока и нерушима. Я знаю, что ты на стороне Тома. Ты не хочешь, чтобы мальчика оторвали от тебя и твоей музыки. И ты считаешь, что я намерен снова отправить его в эту школу?

— А что, нет?

— Я пытаюсь спасти его жизнь. И думаю, что ты сможешь помочь мне.

— Как?

— Сядь и перестань видеть во мне Хиллмана.

Джексон возвратился к кровати и сел рядом со мной.

— Ну, Сэм, ты видел его в эти два дня?

— Кого? Мистера Хиллмана?

— Не надо снова начинать эту идиотскую игру. Ты интеллигентный человек. Ответь только на мой вопрос.

— Прежде чем я отвечу, вы ответите на мой?

— Если смогу.

— Когда вы говорите, что хотите спасти ему жизнь, вы имеете в виду спасти его от дурного влияния, да? Или поместить его в другое удобное местечко?

— С мальчиком может произойти кое-что похуже.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Я имею в виду, что он в руках людей, которые в зависимости от того, что придет им в голову, могут сделать все, что угодно, даже убить его. Вы не должны разглашать то, что я вам говорю.

— Будьте уверены. Слово мужчины.

Хотя в голосе и появилась искренность, но по глазам было видно, что он мне еще не верит.

— А ты, Сэм, действуешь только во вред, сидя, как собака на сене, на тех сведениях, что у тебя есть. А в том, что они у тебя есть, я уверен. А ты играешь на тромбоне?

— Да! — удивился он.

— Я слышал, ты в него отлично дуешь?

— Не льстите мне.

— Это ни к чему. Все равно рано или поздно тебе придется мне сказать, когда ты видел Тома Хиллмана в последний раз. Ты же не будешь сидеть на своей старой постели, дожидаясь, пока по телевизору сообщат, что тело Тома найдено в котловане.

— Уже нашли?

— Еще нет. Но это может случиться и сегодня вечером. Когда ты видел его?

Он тяжело вздохнул.

— Вчера. С ним все было о'кей.

— Он приходил сюда?

— Нет, сэр. Он никогда не был здесь. Он заскочил в бар «Фло» вчера в середине дня и провел там только пять минут.

— Как он был одет?

— Широкие спортивные брюки и черный свитер. Он однажды говорил мне, что этот свитер связала ему мать.

— Ты разговаривал с ним вчера?

— Я сыграл ему одну вещицу. Он подошел и поблагодарил меня. Вот и все! Я не знал, что он в бегах. Черт! С ним же еще была одна подруга!

— Стелла?

— Другая. Старше ее.

— Как ее зовут?

— Он никогда не говорил мне. До этого я видел ее только раза два. Томми было известно, что этого его ухаживания я не одобрял. Она так стара, что годилась ему в матери.

— Ты можешь описать ее?

— Она блондинка, волосы соломенного цвета. Синие глаза, под глазами большие тени. Вообще-то трудно сказать, как она выглядит без всякой косметики.

Я раскрыл блокнот и записал.

— Чем она занимается?

— Может быть, шоу-бизнесом. Но это так, предположение. Я с ней никогда не разговаривал. У нее такой вид.

— Она привлекательна?

— Для Тома. Я сразу ее раскусил. Многие парни начинают с женщинами старше себя. Но,— со вздохом добавил он,— Том мог бы найти и получше, чем она.

— Сколько ей лет?

— По крайней мере — тридцать. Своего свидетельства о рождении она мне не показывала. Одевается под молодую — юбка выше колен. Она, конечно, не девочка, но могла бы, наверное, удрать с молодым партнером.

— Вчера во что она была одета?

— Темное платье из синего сатина или что-то в этом роде... Мне было неприятно смотреть, как они обнимались,— ткнул он себя пальцем в грудь.

— Как, по-твоему, она к нему относится?

— Вы многого от меня требуете. Том молод, прекрасно выглядит, а она очень эффектна. Но я не рентген, чтобы читать ее мысли.

— Она энергичная женщина?

— Может быть.

— Ты видел ее с каким-нибудь другим мужчиной?

— Никогда. Только с Томми.

— Раз или два?

— Два, не считая вчерашнего. Первый раз это было недели две назад. Тогда было воскресенье, он привел ее на наше «собрание» днем. Женщина была выпивши и сначала захотела петь, а потом танцевать. Мы не разрешили ей — в нашем кабаре этого нельзя. Нужно дополнительно платить налоги. Кто-то ей об этом сказал, она разъярилась и утащила парня с собой.

— А кто ей сказал, что нельзя танцевать?

— Не знаю. Думаю, одна из тех сварливых баб, что ждали вокруг. Они и протестуют против танцев. Во всяком случае, музыка, которую мы играем по воскресеньям, не для танцев. Больше во славу Господа,— добавил он неожиданно.

— А что было во второй раз, когда ты ее видел?

Он колебался, обдумывая ответ.

— Это было десять дней назад, в пятницу. Они пришли около полуночи. Я продрейфовал к их столику в перерыве, но Том не познакомил меня и не предложил мне сесть. А ведь у нас с ним был порядок. Им, наверное, надо было поговорить.

— Тебе не удалось подслушать хотя бы часть разговора?

— Подслушал.

Лицо его ожесточилось.

— Ей были нужны деньги. Она говорила ему об этом. Деньги, чтобы сбежать от мужа.

— Ты уверен, что слышал это?

— Уверен так, будто сидел рядом.

— А что Том?

— Он был ею совершенно очарован.

— Он был пьян?

— Она была пьяна. Он-то не пьет. Во «Фло» не дают

спиртного несовершеннолетним. Нет, сэр. Она заинтриговала его чем-то похуже, чем выпивка.

— Наркотики?

— Вы знаете, что я имею в виду...

Его руки нарисовали в воздухе контур женской фигуры.

— Ты сказал «заинтриговала»?

— Ну, это просто так...— ответил он нервно, стараясь прикрыть руки короткими рукавами своей рубашки.

— А ты на «игле»?

— Нет, сэр.

— Покажи мне руки.

— Не покажу. Вы не имеете права!

— Хочу проверить твою правдивость.

Он закатал рукава, обнажив тонкие желтые руки. Шрамы от уколов были старые и сухие.

— Я вышел из Лексингтона семь лет тому назад и, благодарение Богу, с тех пор туда не попадал.

Он с уважением притронулся к шрамам, напоминавшим маленькие потухшие вулканы, и потом бережно прикрыл их.

— Вы правы, мистер Джексон. Имея такой опыт, вы, наверное, знаете, не пользовался ли Том наркотиками.

— Наверняка — нет. На этот счет я не раз читал ему лекции. У музыкантов есть свои соблазны. Но то, что я говорил ему, я вложил прямо в сердце.— Он приложил руку к груди.— Мне следовало бы прочитать ему еще лекцию о женщинах...

— Никогда не слышал, чтобы это принесло большую пользу. Кто-нибудь был еще с Томом и этой блондинкой?

— Нет.

— А он знакомил кого-нибудь с ней?

— Сомневаюсь. Он держал ее при себе. Показал, но держал при себе.

— У вас нет никаких догадок насчет ее имени?

— Нет.

Я встал и поблагодарил его.

— Сожалею, если моментами вел себя грубо.

— Я был еще грубее.

Глава 7

Мотель был на краю города в довольно жалком местечке под названием «Вид на океан». 12 или 15 коттеджей мотеля стояли ниже по шоссе, но выше моря, на плоской

вершине холма, круто обрывавшегося вниз. Выстроенные из бетона, они были выкрашены в неестественный зеленый цвет. Три или четыре машины — ни одной старой марки — стояли на грязном гравии.

Дождь все еще шел, но на западе из-за облаков пробились косые желтые лучи, как бы специально для того, чтобы подчеркнуть всю уродливость мотеля. Над хибарой с вывеской «Офис» склонилась одинокая ободранная пальма. Я оставил машину у хибары и вошел внутрь. Написанная от руки табличка у стойки доводила до моего сведения, что это место хозяина. Рядом висел колокольчик. Я ткнул в него, но он не зазвонил. Наклонившись через стойку, я рассмотрел телефон и металлическую коробку, разделенную на 15 пронумерованных отделений для регистрации. Регистрационная карточка № 7 указывала, что мистер и миссис Браун остановились здесь три недели назад и платили по 16 долларов в неделю за этот коттедж. Те графы в карточке, где должны быть вписаны домашний адрес и номер машины, были пусты.

Позади меня заскрипела дверь, и в помещение вошел крупный старик с голой, как у кондора, головой. Он выхватил карточку и с раздражением уставился на меня.

— Что это вы надумали?

— Я только проверил.

— Проверили что?

— Тут ли те, кого я ищу. Боб Браун и его жена.

Он повернул карточку к свету и прочитал ее, старательно шевеля губами на каждом слове.

— Они здесь, — сказал он безо всякой радости. — Были, по крайней мере, сегодня утром.

Он с сомнением посмотрел на меня. То, что я оказался знакомым Браунов, на пользу мне не пошло. Я попытался улучшить положение.

— У вас есть свободный коттедж?

— Десять. Плата вперед.

— Сколько?

— Это зависит от того, будете ли вы занимать его один день или неделю. Три пятьдесят в день, 16 долларов в неделю.

— Было бы лучше сначала повидаться с Браунами и узнать, планируют ли они оставаться тут?

— Мне об этом ничего не известно. Они пробыли тут три недели.

Подвижный, нервный рот его был полной противополо-

ложностью тупому, неподвижному подбородку. Старик все время поглаживал его, словно воспитывал.

— Я могу предоставить вам номер 8 или 12 на одну неделю. Это рядом с коттеджем Браунов.

— Пойду загляну к ним.

— Не уверен, что они там, но попробовать всегда можно.

Я вышел и направился к длинному ряду коттеджей. Дверь номера 7 была на замке. Я несколько раз постучал, но никто не ответил.

Когда я обернулся, старик стоял перед номером 8. Он сделал мне знак рукой и торжественно открыл дверь.

— Посмотрите. Я бы советовал вам занять этот номер, а не десятый, если, конечно, вам понравится.

Я вошел. В комнате было холодно и мрачно. Внутренние стены были тоже бетонные и такие же ядовито-зеленые, как и наружные. Через щель в шторах падал желтый свет, освещаая пустую кровать и потертый ковер. Я уже не одну ночь провел в подобных местах, и желания остаться здесь на сей раз не было.

— Здесь чисто,— сказал старик.

— Я уверен в этом, мистер Дак.

— Я сам наводил здесь порядок. Но я не Дак. Я Станислав. Дак продал все это мне несколько лет назад. Я только никак не соберусь поменять вывеску. Да и что за польза от этого? Все равно очень скоро мотель снесут и построят апартаменты высшего класса.

Он улыбнулся и ласково погладил свой лысый череп, словно это было золотое яйцо.

— Ну как, занимаете коттедж?

— Это действительно зависит от планов Брауна.

— На вашем месте,— сказал он,— я не стал бы слишком зависеть от него.

— Почему, мистер Станислав?

— Он, по-моему, продувная бестия. Я сделал этот вывод из того, как он обращается со своей маленькой женой. Я всегда считал, что это должно оставаться между мужчиной и женщиной.

— Я тоже. Мне никогда не нравилось, как он обращается с женщинами.

— Рад это слышать. Мужчина должен относиться к ним с любовью и дружбой. Я ему как-то пытался об этом сказать, но он посоветовал мне заняться своим делом. Я знаю, он ваш друг...

— Ну, не такой уж он и друг. Он изменился к худшему?

— Смотря что вы имеете в виду, говоря к «худшему». Только сегодня он отделал ее. У меня было острое желание выбросить его отсюда. Только чем бы это ей помогло? А всего-то, что она и сделала, был один короткий телефонный разговор. Он держит ее, как в клетке...

Старик сделал паузу, будто это слово наваяло на него какие-то воспоминания.

— Как давно вы знакомы с этим Брауном?

— Не очень давно,— сказал я рассеянно.— Я познакомился с ним в Лос-Анджелесе.

— В Голливуде?

— Да, в Голливуде.

— А это правда, что она снималась в кино? Она об этом однажды упомянула, но он ей предложил заткнуться.

— Видимо, их супружеская жизнь стала еще хуже?

— Готов держать пари, она уже по горло сыта такой жизнью. Будь я молод, как вы, наверняка бы соблазнился и сделал ей предложение. Она как раскаленный уголек.

— Но я не так уж и молод...

— Что вы! — Он схватил меня за руку и хихикнул.— Истинная правда, она любит молоденьких. Я даже видел ее с одним, лет на десять моложе ее.

Я показал фотографию Тома, которую дала мне Эллен Хиллман.

— Этот?

Старик повернул фото к свету.

— Да. Прекрасная фотография. Он здесь так хорошо выглядит.

Он вернул мне снимок и приласкал свой подбородок.

— Откуда у вас его фотография?

— Он бежал из пансиона. Я — частный детектив, представляющий эту школу.

Гнилой отблеск разврата погас в глазах Станислава. Глаза его стали сразу непроницаемыми и даже туманными. Лицо сморщилось и затвердело так же быстро, как твердеет бетон.

— Вы не можете привлечь меня к ответственности за то, что делают мои съемщики.

— И не собираюсь.

— Дайте еще раз посмотреть фото!

Я протянул ему снимок.

— Я ошибся. Глаза уже стали не те. Никогда не видел его раньше.

— Но вы же опознали его?

— Я беру свои слова обратно. Вы разговаривали со мной, прикрываясь всякими фальшивыми просьбами, пытаюсь обманом что-то выведать. Вот так. Но ничего не получили. А теперь убирайтесь из моего хозяйства! — добавил он мрачно.

— Разве вы не собираетесь сдавать мне коттедж?

Мгновение он сомневался, мысленно прощаясь с десятью долларами.

— Нет, сэр. Мне не нужны шпионы и соглядатаи.

— Может статься, у вас находит прибежище кто-нибудь и похуже.

Я думаю, он сам подозревал это, именно это подозрение и стало источником его раздражения.

— Это мое дело. Если вы через минуту не уберетесь отсюда, я позвоню шерифу.

Это меня никак не устраивало. Я уже сделал достаточно, чтобы предотвратить выплату выкупа и вернуть Тома. И я убрался.

Глава 8

Голубая спортивная машина стояла в аллее за «кадиллаком» Хиллмана. Атлетического сложения молодой человек, выглядевший так, словно он был частью машины, вышел из дома и встал против меня на ступеньках. Через плечо у него висела сумка из крокодиловой кожи, и мне показалось, что под сумкой он держал револьвер.

— Уберите эту штуку. Я не вооружен.

— Я х-хочу знать, кто вы? — Он слегка заикался.

— Лу Арчер. А вы?

— Дик Леандро. — Он произнес это с какой-то вопросительной интонацией, будто сам не совсем точно знал это.

— Опустите револьвер, — повторил я.

Он убрал в карман револьвер, который скрывал за сумкой, и довольно смущенно посмотрел на меня. Это был ладный парень: чуть больше двадцати лет, с карими глазами и темными выющимися волосами.

— Итак, вы здесь, — сказал я. — Наверно, и деньги здесь?

— Да. Я принес их несколько часов назад.

— Хиллману дали уже инструкции, как их переправить?

Он покачал головой.

— Мы еще ждем.

Я нашел Ралфа и Эллен Хиллманов в нижней комнате, где стоял телефон. Они сидели, плотно прижавшись друг к другу, словно им было холодно. Ожидание состарило их обоих.

Тусклый вечерний свет падал на их лица. Она что-то вязала из красной шерсти. Руки ее двигались быстро и точно, живя как бы своей жизнью, независимо от нее самой.

Хиллман сидел, наклонившись вперед. На коленях у него был сверток из газеты, который он переложил на диван так же осторожно, как молодой отец кладет ребенка.

— Привет, Арчер! — сказал он невыразительно.

Я направился к нему, собираясь его утешить. Но выражение его глаз — боль, гордость и одиночество — отбило у меня охоту дотронуться до него или сказать что-то очень личное.

— У вас сегодня длинный тяжелый день.

Он медленно кивнул, а жена его издала звук, напоминающий рыдание.

— Почему этот человек не звонит?

— Трудно сказать. Он, по-видимому, умышленно нагнетает обстановку.

Она отложила в сторону вязание, и оно незаметно свалилось на пол. Ее увядшее маленькое личико сморщилось еще больше, словно она физически ощущала эту пытку временем.

— Но это же бесчеловечно, совершенно бесчеловечно. И зачем?

— Он, возможно, дожидается темноты, — сказал я, — и вскоре даст о себе знать. Двадцать пять тысяч долларов — очень сильная приманка.

— Он мог зайти за деньгами уже пять раз. Почему просто не взять их, не вернуть нам нашего мальчика?

Рука ее сделала резкое движение в сторону и наткнулась на газетный сверток, лежащий рядом.

— Не мучай себя, Элли. — Хиллман наклонился и прикоснулся к ее тонким золотистым волосам. — Нет смысла задавать вопросы, на которые все равно не ответа. Скоро все это останется позади. — Слова утешения прозвучали глухо и напряженно.

— Вместе со мной, — сказала она с горькой кривой grimасой, — если это протянется еще немного. — Она провела руками по лицу и замерла в напряженной, хотя

и несколько наигранной позе, опустив подбородок на ладони.

Ее била дрожь. Она вся была натянута, как скрипичная струна, и я испугался, сможет ли она выдержать такое напряжение.

Я обратился к Хиллману:

— Нельзя ли нам поговорить наедине? У меня появились некоторые факты.

— Вы можете говорить при Эллен. И Дик в курсе дела.

Я отметил про себя, что Леандро стоял у самых дверей.

— При всех я предпочел бы не говорить.

— Однако не вам ставить условия. Ну, выкладывайте ваши факты.

Я изложил ему факты:

— Вашего сына видели с замужней женщиной по фамилии Браун, старше его. Она, видимо, хотела получить с него деньги. И было бы даже лучше, если бы миссис Браун и ее муж были вовлечены в это вымогательство. Они, возможно, находятся в безвыходном положении.

Эллен заслонилась от меня руками, словно мои слова причиняли ей боль.

— Что вы имели в виду, говоря о замужней женщине?

— Он ухаживал за ней и на людях, и наедине. Их видели вместе вчера днем.

— Где? — спросил Хиллман.

— В баре «Фло».

— Кто сообщил об этом?

— Один из работающих в баре. Он их видел и раньше, считая, что миссис Браун — девушка Тома, хотя и старше его. Это же подтвердил еще один человек — владелец motel, где жили Брауны. Том тоже появлялся там.

— Сколько лет этой женщине?

— На вид тридцать или чуть больше. Это, видимо, очень привлекательная особа.

Эллен Хиллман подняла глаза. В них был неподдельный ужас.

— Вы подразумеваете, что Том имел с ней какие-то дела?

— Я только привожу факты.

— Не верю вашим фактам. Ни одному из них не верю.

— Вы думаете, я лгу?

— Может быть, неумышленно. Здесь какая-то страшная ошибка.

— Я согласен, — сказал от двери Дик Леандро. — Том всегда был абсолютно чистым мальчиком.

Хиллман молчал. Вероятно, он знал что-то о своем сыне, чего не знали остальные. Он сидел рядом со своей женой и судорожно, как бы в поисках защиты, сжимал газетный сверток.

— Его добродетели сейчас не самое главное,— сказал я.— Вопрос в том, какого сорта люди, с которыми он связался, и что они делают с ним. Допускаю, они обращаются к вам при его посредстве.

— Что означает подобное предположение? — спросил Хиллман.

— Вы не должны исключать и такую возможность, что Том тоже принимает участие в этом вымогательстве. Он был вчера с миссис Браун. Человек, звонивший вам по телефону, был, возможно, сам Браун. Он ведь сказал, что Том пришел к ним по доброй воле.

Эллен Хиллман пристально вглядывалась в мое лицо, как бы пытаясь осознать такую возможность. Это, казалось, было выше ее понимания. Она закрыла глаза и так резко опустила голову, что волосы в беспорядке упали ей на лоб. Поправляя их дрожащими пальцами, она проговорила очень тихо, но так, что меня мороз по коже продрал:

— Вы лжете, я знаю моего сына — он невинная жертва. Вы пытаетесь совершить что-то ужасное, придя к нам, с нашим горем, с такой отвратительной, грязной клеветой!

Муж пытался успокоить ее, обняв за плечи.

— Тише, Эллен! Мистер Арчер старается помочь нам.

— Нам не нужна подобная помощь,— отодвинулась она от него.— Он не имеет права. Том — невинная жертва, и бог знает, что с ним случилось! Я не могу слышать, что говорит этот человек! Это убийственно!

— Простите, миссис Хиллман, но я и не хотел, чтобы вы это слышали...

— Вы хотите оклеветать моего сына!

— Это абсурд, Элли! — воскликнул Хиллман.— Разрешите мне подняться с тобой наверх и дать тебе снотворное...

Они прошли мимо меня, еле передвигая ноги, а на смену им появился и сел на диванчик мистер Леандро.

— Вы слишком подействовали на Эллен всем этим вздором,— сказал он.— Она не может слышать о Томе ни одного плохого слова, вообще ничего против него...

— Разве то, что я сказал, было против него?

— Да нет. Но он и раньше заставлял их волноваться. А теперь и эта история... Кстати, где живет эта женщина? Может, пойти порасспросить ее?

— Да ладно... Вы и так уже сильно помогли, что

доставили деньги. Кстати, почему Хиллман для этого выбрал именно вас? Вы старый друг семьи?

— Да, еще мой отец работал у мистера Хиллмана, и я знаю его с детских лет. Он помог мне закончить колледж и дал у себя работу. Он мне как отец родной.

Мы обменялись еще несколькими фразами. Потом молодой человек наскучил мне, и я отошел к нише приготовить себе выпить. Наступала ночь.

На лестнице слышались шаркающие шаги Хиллмана. Телефон зазвонил, как сигнал боевой тревоги. Шаги Хиллмана стали тверже и громче. Он стремительно вошел в комнату и, оттолкнув меня, поднял трубку. Я направился было ко второму аппарату, но он меня остановил.

Мне ничего не оставалось, как наблюдать и слушать, что он будет говорить.

— Да, это Хиллман. Минутку...

Достав шариковую ручку и бумагу, он приготовился что-то записывать. С полминуты он слушал и писал. Затем спросил:

— Я тоже так думаю. Не те ли это ступеньки, что ведут на берег?

Он снова что-то записал.

— Где я должен прогуливаться?

Он продолжал записывать.

— Так, оставляю машину, не доезжая двух кварталов, подхожу пешком... Деньги кладу под правую сторону нижней ступеньки. Затем спущусь на берег и хожу там полчаса. Все?

Ему сказали еще что-то. Он выслушал и ответил:

— Да. Для меня это слишком важно. Я там буду ровно в девять. Ждите.— И с тяжелым вздохом положил трубку.

Дик Леандро быстро, как кошка, подскочил к нему.

— Что, мистер Хиллман? В чем затруднение?

— Я хотел спросить о Томе, но он не дал мне никакой возможности сделать это. Я даже не знаю, жив он или мертв!

— А зачем им убивать его? — спросил Дик. Это прозвучало так, словно он намекал на свою собственную высокую нравственность.

— Я не знаю, Дик, не знаю.— Голова Хиллмана раскачивалась из стороны в сторону.

Молодой человек положил руку ему на плечо.

— Полегче, шкипер. Мы вернем его.

Хиллман налил себе виски и выпил большой глоток. Это вернуло его лицу нормальный цвет.

- Все тот же человек? — спросил я.
- Да.
- Он объяснил вам, куда положить деньги?
- Да.
- Не составить ли вам компанию?
- Я должен ехать один. Он сказал, что будет следить.
- Куда вы должны ехать?

Хиллман смотрел на нас внимательно и долго, словно прощаясь.

— Я не хотел бы говорить об этом. Не хочу нарушать нашу договоренность.

— Но кто-то ведь должен это знать, если дело кончится плохо. Шансы на это у вас еще есть.

— Скорее я подвергну опасности свою жизнь, чем жизнь своего сына.

Он сказал это так, будто уже подвергался опасности, и эти слова, казалось, придали ему смелости. Он посмотрел на часы.

— Двадцать пять девятого. Чтобы туда добраться, мне потребуется двадцать пять минут. Немного он дал мне времени.

— Вы сможете нормально сесть за руль? — спросил Леандро.

— Да. Все в порядке. Я только поднимусь и скажу Эллен, что уезжаю. Вы останетесь с ней дома, да, Дик?

— Я буду только рад.

Хиллман ушел вверх, все еще сжимая в руках испсанный листок.

Я спросил у Леандро:

— Где Сенека-стрит?

— Дорога Сенека. «Вид на океан».

— А лестница, ведущая к воде, где-нибудь там?

— Да. Уж не думаете ли вы поехать туда? Вы слышали мистера Хиллмана?

— Слышал.

Спустился Хиллман и, взяв пакет с деньгами из рук Леандро, поблагодарил молодого человека.

Мы постояли на лестнице и подождали, пока его машина не скрылась в темноте. На западе упорно пробивалось немного света, как бы напоминая о том, что всегда есть надежда — пусть самая последняя.

Глава 9

Я пошел на кухню и попросил миссис Перес приготовить мне незамысловатый сэндвич с сыром. Она поворчала, но приготовила. Я съел его стоя, опираясь на холодильник. Миссис Перес не пожелала разговаривать о семейных тревожнениях. Видимо, она суеверно верила в то, что несчастья только увеличиваются, если о них говорить. Когда я попытался расспросить ее о привычках Тома, она понемногу перестала понимать мой английский.

Дик Леандро поднялся наверх к Эллен. Судя по всему, он чувствовал себя здесь как дома. Я походил по залу для приемов. Было девять часов, и ждать я больше не мог.

Я ехал по дороге к «Виду на океан» и лицемерно доказывал самому себе, что я чист в этой истории с деньгами, что причин для беспокойства о Хиллмане, который не является моим клиентом, нет и что, помимо всего прочего, у меня нет никаких доказательств того, что миссис Браун и ее муж как-то связаны с этой попыткой вымогательства.

Над океаном опустилась глубокая ночь, и только шум волн выдавал его близкое присутствие. Я оставил машину недалеко от мотеля Дака и в темноте, не зажигая карманный фонарь, который прихватил с собой, добрался до него.

Офис был освещен. Над дверью висел неоновый знак — «Есть свободные места». Стараясь не попасть в полосы света, я прошел прямо к коттеджу номер 7. В нем было темно. Я постучал, но ответа не получил. Воспользовавшись найденным ключом, я вошел и захлопнул за собой дверь.

Миссис Браун была в комнате. Я споткнулся о ее ноги и чуть-чуть не упал на нее. Пришлось зажечь фонарь. В его неверном луче я увидел, что она лежит в платье с мерцающими блестками. В светлых волосах запеклась кровь, напоминая смолу. Все лицо было покрыто кровоподтеками и изуродовано: она выглядела до смерти избитой. Я потрогал ее руку — рука была холодной. После этого я убрал свет фонаря с ее оскаленного лица.

Луч прыгнул по стенам, по газетным обрывкам, валявшимся на полу. В футе от кровати я обнаружил большой, затянутый ремнями картонный чемодан и две коробки. В одной из коробок была бутылка дешевого вина, в другой — засохшие сэндвичи.

Я отпустил ремни на чемодане и открыл его: от содержимого исходил запах, достойный сожаления. В нем были

мужские и женские вещи, сваленные без разбору, грязные шорты и комбинации, ржавые лезвия для безопасной бритвы и тюбик крема, бутылочка с краской для бровей и ресниц, пара платьев и дамское белье. Здесь же лежал мужской поношенный синий костюм с этикеткой какого-то магазина. В карманах его не было ничего, кроме табачных крошек, но во внутреннем нагрудном кармане я обнаружил согнутую визитную карточку с едва различимым шрифтом на дешевой желтой бумаге:

«ГАРОЛЬД «ХАР» ХАРЛЕЙ.

Наша специальность
фотоаппликация».

В кресле под окном валялся женский кошелек из кожи, имитирующей змеиную. В нем была куча косметики и несколько стершихся штампованных синих фишек. Ни бумажника, ни документов, ни денег не было, если не считать единственного серебряного доллара на дне коробки. Еще была колода жирных, заигранных карт и кубик для игры в кости. Я бросил его три раза: каждый раз выпадала шестерка.

Вдруг послышался шум подъезжающей машины. Свет фар скользнул по окнам. Я погасил фонарь. Колеса проскрипели по гравию, и машина остановилась прямо против коттеджа. Кто-то вышел из машины и дернул дверь. Дверь не открылась, и мужской голос произнес:

— Открой.

В нем была легкая хрипотца, как и в том голосе, который я слышал днем у Хиллмана. Я подошел к двери, держа в руке погашенный фонарь. Мужчина снаружи грохнул по двери:

— Я знаю, ты там, я видел свет. Сейчас не время играть в прятки, эй!

Женщина лежала в полной тишине.

Я обошел ее и встал у стены за дверью. Сжимая фонарик в левой руке, правой я ощупал замок.

— Я слышу тебя, черт побери! Ты хочешь еще отведать того, что было сегодня?

Он подождал, а потом пригрозил:

— Если ты не откроешь дверь, я выломаю замок.

Услышав стук молотка, я затаился за дверью, держа фонарь наподобие дубинки, но не зажигая его.

— С другой стороны,— заявил он,— там нет ничего

необходимого, включая и тебя. Ты можешь оставаться, если хочешь. Подумай хорошенько.

Он подождал, но так и не дождался ответа.

— Даю последнюю возможность. Считаю до трех. Если ты не откроешь, я уеду один.— Он начал считать: — Раз, два, три. Тем лучше, дрянь! — сказал он.

Послышались удаляющиеся шаги. Скрипнула дверца машины. Я не мог позволить ему уехать. Открыв замок и распахнув дверь, я бросился на него. Темная фигура в шляпе только что начала влезать в автомобиль. Одна нога была еще на земле. Он обернулся. В руке у него был револьвер, из которого вылетел короткий горячий язычок пламени. Я почувствовал, что меня обожгло.

Рванувшись вперед, я обхватил его извивающееся тело. Рукояткой пистолета он бил меня по рукам. Лицо заливала кровь, и я не смог избежать удара рукояткой по черепу. В голове у меня вспыхнул свет люстры, дальше все провалилось в полную темноту.

Потом я ощущал себя очень важным лицом, которое под конвоем полиции везли в машине с персональным шофером. На своей голове я чувствовал большой тюрбан, от чего моя вконец расстроенная голова вообразила, будто я раджа или даже магараджа. Мы повернули на дорогу на красный свет, и это совершенно потрясло меня.

Я задал вопрос сидевшему рядом человеку в форме. Вежливо, но твердо он помог мне выбраться из патрульной машины и провел через двери, которые открыл человек в белом, в ослепительно сверкающее место с острым запахом дезинфекции.

Они убедили меня сесть на стол, а потом лечь на него. Голова раскалывалась. Вокруг нее было намотано полотенце, липкое от крови.

Большое молодое лицо с усами наклонилось надо мной. Волосатые руки размотали полотенце и начали что-то щупать и чистить в моем скальпе. Острая боль.

— Вы счастливчик. Вас спасли волосы.

— Что-нибудь опасное, доктор?

— Пулевая рана не опасна, просто царапина. Я и говорю, вы — счастливчик. Зато второе повреждение будет заживать дольше. Чем это вас так избили?

— Думаю, рукояткой револьвера.

— Хорошенькие шутки,— сказал он.

— Они задержали его?

— Спросите об этом у них.

Он выстриг часть волос на голове и наложил несколько

швов. Потом дал мне выпить аспирина. Затем я остался лежать один в белоснежном боксе. Вдруг возникли два моих гвардейца.

Это были люди шерифа, в фуражках и коричневой форме, молодые и здоровые, с прекрасными звериными телами. Даже в лицах у них было что-то звериное, но не такое красивое. Они сказали, что хотят мне помочь.

— Зачем вы убили ее? — спросила темная личность.

— Я не убивал. Она была уже мертва, когда я нашел ее.

— Но это не оправдывает вас. Мистер Станислав показал, что вы были там раньше, днем.

— Он все время был со мной.

— Это только ваше утверждение, — сказала светлая личность.

Я попытался задать им несколько вопросов. Но они не сочли нужным отвечать. Голова у меня болела все больше и больше, но время от времени я мог кое-что соображать. Я даже заставил себя приподняться на локтях и взглянуть на них.

— Я частный детектив из Лос-Анджелеса. У меня есть лицензия.

— Мы знаем, — сказала темная личность. Я попытался нащупать бумажник. Его не было.

— Верните мне мой бумажник.

— Мы вернем его в свое время. Никто не собирается красть его.

— Я хочу поговорить с шерифом.

— Он в постели, спит.

— Тогда с дежурным капитаном или лейтенантом.

— Лейтенант занят на месте преступления. Вы сможете поговорить с ним утром. Доктор сказал, что вы останетесь здесь на всю ночь. Сотрясение мозга. Все-таки, чем избила вас эта женщина?

— Меня избил ее муж. Фу, охоткой револьвера.

— Его трудно осуждать, — сказала с чувством светлая личность, — после того, что вы сделали с его женой.

— Вы разругались с ней? — спросила темная личность.

Я посмотрел на них. Они не выглядели садистами или ненормальными, и за себя я мог не бояться. Рано или поздно вся эта путаница разъяснится. Но я испугался.

— Послушайте, — сказал я, — вы зря тратите на меня время. У меня было свое дело в мотеле. Я расследовал... — Страх вдруг сжал мне горло, и я не смог договорить. Страх за мальчика.

— Расследовали что? — спросила темная личность.

— Нарушение законности в округе. Оно отвратительно.— Я не мог как следует говорить.

— Мы считаем нарушителем законности вас,— сказала темная личность. Какие у него широченные плечи! Он немного подвигал ими, чтобы поток воздуха пролетел у меня перед лицом.

— Перестань, мышца! — сказал я.

Большое усатое лицо врача появилось в дверях бокса.

— Здесь все о'кей?

Я ответил раньше, чем улыбающиеся личности уверили его в этом.

— Я хочу позвонить по телефону.

Доктор с сомнением посмотрел на мою охрану.

— Я об этом ничего не знаю.

— Я частный детектив, расследую преступление. Я не вправе говорить о нем без разрешения моего клиента. Мне нужно позвонить ему.

— Здесь нет такой возможности,— сказала темная личность.

— Так как же, доктор? Вы здесь старший, а я имею законное право позвонить по телефону.

— Я не знаю, внизу, в холле, есть телефонная будка. Вы думаете, что сможете дойти?

— Еще никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо.

Но когда я спустил ноги, далекий пол закачался. Темная и светлая личности вынуждены были помочь мне добраться до будки. Посадив меня на стул внутри нее, сами остались снаружи. Они напоминали рыб, тыкающихся в батискаф, лежащий на дне.

В принципе моим клиентом был доктор Спonti, но я попросил справочную дать мне номер телефона Ралфа Хиллмана. К счастью, в кармане у меня нашелся десятицентовик. Хиллман был дома. Он сам поднял трубку на первом же звонке.

— Да?

— Это Лу Арчер.

Он тяжело вздохнул.

— Вы что-нибудь знаете о Томе?

— Нет. Я точно следовал инструкции. Но когда вернулся, денег уже не было. Он вдвойне обманул меня,— горько сказал Хиллман.

— Вы его видели?

— Нет. Даже не делал попытки.

— Я видел.

Я рассказал Хиллману о том, что случилось со мной и миссис Браун. Его голос в трубке стал слабым и бесцветным.

— И вы думаете, что это одни и те же люди?

— Думаю, что Браун — человек, который вам звонил. Возможно, это вымышленное имя. Имя Гарольд Харлей вам что-нибудь говорит?

— Это еще кто?

— Гарольд или «Хар» Харлей. Фотограф.

— Никогда не слышал о нем.

Я не удивился. Желтая карточка Харлея была из тех, что сотнями раздаются мелкими коммерсантами. Вполне возможно, что она не имела прямого отношения к Брауну.

— Это все, что вы хотели узнать? Я стараюсь не занимать телефона.

— Я не сказал еще самого главного. Меня задержала полиция. Я не смогу объяснить, что делал в мотеле, не рассказав всего о похищении вашего сына.

— Нельзя ли не говорить им об этом?

— Думаю, это невозможно. Слишком серьезный случай, даже вдвойне серьезный.

— Не хотите ли вы сказать, что Том мертв?

— Нет, но похищение само по себе серьезное преступление. Вы же имеете дело с убийцей. С этой точки зрения, я думаю, вы должны снизойти до полиции и обратиться к ним за помощью. Рано или поздно вам придется пойти на это.

— Я не разрешаю...— Он изменил свой тон и заговорил мягче.— Я прошу вас, пожалуйста, воздержитесь. Дайте ему возможность прийти домой до утра. Он мой единственный сын.

— Ладно. До утра. Мы не сможем больше скрывать это. Да и не имеем права.

Я повесил трубку и вышел в коридор. Вместо того чтобы помочь мне вернуться в операционную палату, мои конвоиры подняли меня на лифте в специальную комнату с тяжелыми ставнями на окнах. Они помогли мне лечь и вернулись к своим вопросам. Было бы очень утомительно пересказывать весь диалог. Все это было ужасно скучно, я почти ничего не слушал.

Вскоре после полуночи вошел лейтенант по имени Бастиан и приказал моим охранникам спуститься в холл. Это был высокий мужчина со светлыми волосами. Лицо его было изрезано, как шрамами, вертикальными морщинами,

но они скорее являли следы самоограничения, чем ударов, например, саблей.

Он стоял надо мной, нахмутив брови.

— Доктор Морфи сказал мне, что вы недовольны местными порядками.

— У меня есть причина.

— Не так легко набрать людей на те деньги, которые получают инспекторы. Это то же самое, что платить за самую черную работу. А ведь они работают с преступниками.

— Они имеют небольшую дополнительную компенсацию.

— Что вы имеете в виду?

— Кажется, у меня пропал бумажник.

Бастиан стал совсем угрюмым. Он прошагал в холл, сделал там какие-то внушения и вернулся обратно, неся мой бумажник. Я начал медленно пересчитывать деньги.

— Можете не проверять, — сказал Бастиан. — Полиция Лос-Анджелеса на хорошем счету. Я приношу извинения, если в чем-то ваши права были ущемлены.

— Не стоит. Я ведь занимаюсь самой черной работой.

— Я же извинился, — сказал он таким тоном, что стало ясно — эта тема исчерпана.

Бастиан задал мне несколько вопросов о миссис Браун и причинах моего интереса к ней. Я ответил, что прежде, чем смогу открыться, должен утром получить разрешение моего клиента. Тогда он попросил рассказать все о появлении Брауна у машины.

В моей голове перемешались все события до и после выстрела. Я выудил все, что смог. Браун был мужчиной выше среднего роста, физически очень сильный, не молодой, но и не старый. Одет в темно-серый или синий пиджак и сероватую широкополую шляпу, которая скрывала его глаза. Нижняя часть лица — тяжеловесная. Голос грубый, с легкой хрипотцой. Машина грязно-белая или рыжеватая, двухдверный «седан», возможно «форд», марка примерно восьмилетней давности.

Лейтенант Бастиан сообщил мне два новых факта: машина имела номер штата Айдахо, судя по показаниям остальных съемщиков мотеля, а Станислав затрудняется ответить, почему он не записал номер машины. Я думаю, что лейтенант рассказал об этом в надежде развязать мне язык, но, в конце концов, он согласился подождать до утра.

Они перенесли меня в другую комнату на том же этаже, но уже без решеток. Остальную часть ночи я провел

то засыпая, то просыпаясь. Перед глазами проходили разные лица, которые время от времени сменялись яркими видениями мотеля Дака. Его зеленое уродство высвечивалось отдельными лучами заходящего солнца, словно кто-то пристально рассматривал его, и этот кто-то был я сам.

Глава 10

Наступило утро. Я никак не мог вспомнить, ел ли я что-нибудь с прошлого утра, кроме сэндвичей с сыром, приготовленных миссис Перес. Холодный кофе и яйца всмятку имели вкус нектара и амброзии.

Я кончал завтракать, когда появился запыхавшийся доктор Спонти. Его решительное лицо несло следы плохо проведенной ночи. Под глазами круги от бессонницы, над губой глубокий порез от бритвы. Он сухо попытался напомнить мне об убитой женщине, но я оборвал его.

— Я не удивлюсь, если вы уже знаете, что я там был.

— Да, я узнал это довольно странным путем. Лейтенант Бастиан позвонил мне среди ночи. Он случайно увидел чек, который я дал вам вчера утром, и задал мне массу вопросов.

— Обо мне?

— Обо всей ситуации, включая вас и Тома Хиллмана.

— Вы сказали ему о Томе Хиллмане?

— Но у меня не было выбора.— Он потрогал свежий порез.— В «Виде на океан» убита женщина... Я счел своим долгом предоставить властям всю информацию, какую только мог. Кроме того...

— Включая и дело с выкупом?

— Конечно. Лейтенант Бастиан посчитал это особенно важным. Он поблагодарил меня и пообещал, что имя нашей школы не появится в газетах.

— Это, конечно, самое важное.

— Для меня,— сказал Спонти.— Ведь у меня школа.

Я очень расстроился из-за того, что лишился всех сведений и теперь мне нечем было торговаться с Бастианом. Но потом я успокоился, так как кое-что еще осталось неизвестным. Лишь требование Хиллмана молчать затрудняло мою работу.

— Ничего не слышно от Хиллмана? — спросил я.

— Он звонил мне рано утром. Мальчик все еще не нашелся.— Голос Спонти звучал сейчас печально, а глаза усталились прямо на меня.— Естественно, родители за это

время совершенно обезумели. Мистер Хиллман наговорил мне такое, что позднее ему придется извиняться.

— Он все еще обвиняет вас в похищении?

— Да. Но теперь он обвиняет меня еще и в том, что я привлек вас к этому делу. Кажется, он считает, что вы, как говорится, принесли ему несчастье.

— Тем, что пошел в мотель и получил пулю?

— По его мнению, вы вспугнули похитителей, и поэтому они не смогли вернуть ему Тома. Я очень боюсь, что он больше не захочет иметь с вами дело, мистер Арчер.

— Так же, как и вы?

— Я уверен, вы понимаете, под каким давлением я нахожусь. Фактически я обязан выполнять все неистовые требования мистера Хиллмана.

— Да, конечно.

— Но я вовсе не собираюсь просить вас вернуть мне часть вашей платы. Все 250 долларов — ваши, хотя вы были в моем распоряжении меньше, чем 24 часа. Конечно, неожиданный несчастный случай потребует затрат на лечение. — Он направился к дверям. — Ну, мне пора идти.

— Пошел к дьяволу, — сказал я, когда он вышел.

Но он опять просунул голову:

— Можете извиниться за то, что только что сказали. Вы заставите меня приостановить оплату чека.

Я сделал непристойное движение, показав ему, что будет с его чеком. Доктор Спonti стал синим, как слива, и ушел. Я лежал и трясся от злости. Все это привело к тому, что вернулась тупая боль в голове. Но это же помогло мне сделать один вывод, который касался только меня: мне не следовало второй раз ездить в мотель Дака. По крайней мере, не тогда, когда я поехал.

Вошла няня и забрала поднос. Позже пришел доктор, ощупал мой череп, заглянул в глаза и сказал, что, возможно, у меня легкое сотрясение мозга, не больше. Я занял у санитара лезвие, побрился и оделся. Затем спустился вниз и у окошка кассира пустил в дело чек Спonti.

Сдачи я получил чуть больше двухсот долларов. Сидя в такси, которое везло меня в нижнюю часть города, я решил, что могу позволить себе заняться этим делом еще денек-другой, нравится это Спonti или нет. Я попросил водителя подвезти меня к телефонной компании.

— Вы говорили, к полицейскому участку.

— К телефонной компании. Я передумал.

— Но вам следовало это сказать там, где вы сели.

— Извините меня, я ошибся.

Я чувствовал себя намного лучше. Возможно, на меня подействовала прекрасная солнечная погода, но скорее — решение посвятить часть собственного времени мальчику, которого я никогда не видел.

В конце огромной комнаты в здании телефонной компании находились будки для междугородных переговоров и просто полки с аппаратами. Но здесь были представлены только главные города Айдахо. Я поискал в справочнике фотографа по имени Гарольд Харлей. Его не было. Робертов Браунов был целый легион, но это имя было наверняка вымышленным.

Я устроился в одной из будок и позвонил Арни Вальтеру, детективу из Рено, который часто работал со мной. У меня не было никаких контактов с Айдахо, а Рено был в непосредственной близости к нему. Да и сам по себе Рено был мощной приманкой для воров со случайными деньгами.

— Агентство Вальтера, — ответил Арни.

— Это Лу.

Я рассказал ему, откуда звоню и почему.

— Тебя можно поздравить: убийство и похищение, а?!

— Похищение может быть и ложным. Тома Хиллмана, предполагаемую жертву, видели с погибшей женщиной пару недель назад.

— Сколько, ты говоришь, ему лет?

— Семнадцать. Но он выглядит старше своего возраста. — Я детально описал Тома Хиллмана. — Он мог уехать с Брауном как по своей воле, так и насильно.

— Или не уехать вовсе, — сказал Арни.

— Или не уехать вовсе.

— Ты знаешь этого парня?

— Нет.

— Я думал, может, ты знаешь его. О'кей. Откуда взялся этот фотограф — Гарольд Харлей?

— Харлей может быть и самим Брауном. Или может знать Брауна. Его карточка — пока единственная улика, которая у меня есть. Ну и еще номер машины из Айдахо. Я хочу попросить тебя о двух вещах. Поищи в Айдахо и в близлежащих штатах Харлея. У тебя ведь есть деловые справочники?

— Да. Я посажу за эту работу Филлис.

Это была его жена и партнер.

— И второе. Я хотел бы, чтобы ты поискал Брауна и мальчика, сам или через своих осведомителей, в Тахо и Вегасе.

— Почему ты думаешь, что они направились сюда?

— Просто подозрение. У женщины в кошельке был серебряный доллар и кубик для игры в кости.

— И никаких документов?

— Нет. Но личность ее мы установим. У нас есть она сама.

— Дай мне знать, когда вы это сделаете.

Я отправился в полицейский участок. Вчерашний дождь чисто вымыл небо. Я спросил дежурного в службе шерифа, где можно найти лейтенанта Бастиана. Он указал мне на лабораторию идентификации на втором этаже.

Она была больше похожа на служебный кабинет, чем на лабораторию. Обширная комната, на подоконниках воркующие голуби. На стенах, отделанных панелями с металлической стружкой, были развешаны карты города, окружающей местности и всего штата. Большой смежный чулан использовался в качестве темной комнаты: там были приспособления для сушки и большая металлическая раковина.

Бастиан изобразил улыбку, но она мало чем отличалась от того, как он ночью хмурил брови. Он положил прямоугольную лупу на фотографию, которую изучал перед моим приходом. Я подошел к столу, наклонился и увидел фотографию мертвой миссис Браун.

— Чем ее убили, лейтенант? — спросил я, когда мы сели.

— Вот этим. — Он поднял правую руку и сжал ее в кулак. При этом лицо его тоже как-то сжалось. — Человеческой рукой.

— Роберт Браун?

— Похоже, что так. Станислав показывает, что он избил ее еще вчера днем. Полицейский врач говорит, что примерно в это время ее и убили.

— Станислав говорил мне, что они поссорились из-за того, что она звонила кому-то по телефону.

— Верно, но мы не можем узнать, с кем она говорила, разговор был местный. Она воспользовалась телефоном в конторе Станислава, но он утверждает, что больше ничего не знает.

— Откуда он знает, что Браун избил ее?

— Он говорит, что ему сказала об этом женщина из соседнего номера. Но она уже выехала.

Бастиан провел рукой по своему нахмуренному лицу, но выражение его лица никак при этом не изменилось.

— Самое ужасное в том, как живут некоторые люди: они могут слышать, как убивают женщину, но никогда не

придут на помощь, а потом выясняется, что никто ничего не знает.

— Это не Браун,— сказал я.— В девять тридцать прошлой ночью он, думая, что она жива, разговаривал с ней через дверь, пытался заставить ее впустить его. А может, после всего, что произошло, он хотел убедить себя в том, что он не убил ее.

Бастиан бросил на меня быстрый взгляд.

— Вы были внутри коттеджа, когда Браун разговаривал с ней через дверь?

— Да, был. Совершенно случайно. Я опознал его голос: это он прошлым вечером вымогал деньги у Хиллмана. Я слышал его по телефону, когда он разговаривал с Хиллманом.

Правая рука Бастиана все еще была сжата в кулак, им он и грохнул по столу.

— Чертовски плохо,— сказал он,— что вы не рассказали нам все это еще вчера. Вы могли бы спасти жизнь, не говоря уже о двадцати пяти тысячах.

— Скажите об этом Хиллману.

— Я и собираюсь это сделать сегодня же утром. Как только поговорю с вами.

— Это не мое решение, хотя я и пытался изменить его. Во всяком случае, я вышел на этот адрес, когда женщина была уже мертва.

— Именно с этого места мы и начнем,— сказал, помолчав, Бастиан.— Рассказывайте подробно. Мне нужен полный отчет.— Он отошел от стола и включил магнитофон.

Четверть часа или чуть больше перематывающаяся с бобины на бобину лента фиксировала все, что я рассказывал. Клиента у меня не было, я был свободен и поэтому ничего не утаивал. Даже того, что, возможно, Том участвовал в вымогательстве денег у своего отца.

— Очень похоже на то, что так оно и было,— произнес Бастиан.— В таком случае это могло бы означать, что парень еще жив. Но вряд ли.

— Почему вряд ли?

— По двум причинам. Я сомневаюсь в том, что он мистифицировал старика. И сомневаюсь в том, что он еще жив. Похоже на то, что женщина была лишь приманкой, служащей для того, чтобы заманить его туда, где его можно было убить. Возможно, через неделю мы выловим его тело в океане.

Его слова прозвучали очень весомо: за ними стоял опыт. Жертвы похищения обычно подвергались большому риску.

— Но я работаю исходя из предположения, что он жив,— сказал я.

Бастиан поднял брови.

— Я думал, что доктор Спonti отказался от ваших услуг.

— У меня есть еще немного его денег.

Ответом мне был долгий, холодный взгляд Бастиана.

— Мне сообщили правильно: вы не просто согладатель.

— Надеюсь.

— Если уж вы продолжаете расследование, то вы могли бы сделать кое-что и для меня. Помогите мне определить личность этой женщины.— Он достал фотографию миссис Браун из-под увеличительного стекла.— Фотография эта слишком груба, чтобы ее можно было разослать. А вы можете показать ее в своих кругах. У нас есть полицейский художник, который сделает приемлемый портрет, но на это уйдет много времени.

— А как с отпечатками пальцев?

— Мы, конечно, попытаемся... Но многие женщины никогда не соглашались дать отпечатки пальцев. Так, может, вы тем временем попытаетесь установить ее личность? Вы ведь из Голливуда, а женщина говорила, что она одно время снималась.

— Это может и не соответствовать действительности.

— Возможно.

— Вообще-то я хотел попытаться найти следы Брауна в Неваде. Если мальчик жив, Браун наверняка знает, где его найти.

— Полиция Невады уже получила приметы Брауна. У вас же есть на месте свои связи, и я был бы действительно благодарен вам, если бы вы взяли эту фотографию с собой в Голливуд. У меня нет лишних людей. Кстати, я распорядился, чтобы вашу машину поставили в гараж участка.

Кооперация порождает кооперацию. Кроме того, определение личности женщины было тем более важно, что убийца пытался избавиться от нее. Я взял фотографию, а заодно и еще несколько, снятых с разных точек. Все они отправились в карман, где уже лежала фотография Тома.

— Вы можете дать любые поручения по этому телефону,— сказал Бастиан на прощание.

Спускаясь по лестнице, я наткнулся на Ралфа Хиллмана. Первым его желанием было избежать меня. Вначале мне показалось, что выглядел он лучше, чем накануне вечером. Но это было обманчивое впечатление: на щеках

его горел лихорадочный румянец, в глазах блесело отчаяние.

— Уделите мне одну минуту, мистер Хиллман.

— Простите, но мне назначено время...

— Лейтенант может подождать. Вот что я хочу сказать. Я согласен, что прошлой ночью допустил ошибку. Но и вы были не правы, когда настояли, чтобы Спonti избавился от меня.

Он взглянул на меня свысока.

— Конечно, вы и должны так рассуждать — ведь вам за это платят.

— Итак, я сожалею о прошлой ночи. Я был слишком нетерпелив. Это недостаток моего характера. Я хочу продолжить розыски вашего сына.

— Зачем? Возможно, он уже мертв. Благодарю вас.

— Это слишком тяжкое обвинение, мистер Хиллман.

— Пожалуйста, дайте мне пройти. — Он судорожно посмотрел на часы. — Я опаздываю.

Он прошел мимо меня и взбежал вверх по лестнице так, словно я за ним гнался. Разговор вышел крайне неприятным. И дальше на всем пути в Лос-Анджелес неприятности преследовали меня.

Глава 11

Купив себе большую шляпу, чтобы скрыть повязку на голове, я нанес краткий визит в голливудское отделение уголовной полиции. Никто из сыщиков на всех этажах этого здания не опознал миссис Браун по ее мертвому изображению. Тогда я отправился в отдел новостей голливудской газеты «Репортер». Большинство из тех, кто там работал, не захотели даже взглянуть на эту фотографию. Те же, кто честно рассмотрел ее, не смогли опознать миссис Браун.

Попытал я счастья и среди нескольких сутенеров на Стрип, но с тем же успехом. Из-за этих фотографий меня же еще и обругали. Эти мальчики и девочки не позволяли себе задумываться над тем, какова обратная сторона только что заработанного ими доллара. Насильственная смерть женщины лишь ухудшала дело: ведь это же могло случиться с любым из них в любое время.

Я направился к себе в офис, намереваясь позвонить Бастиану и попросить его забросить мне копии более

крупных портретов, как только его художники закончат работу.

И тут я подумал о Джо Сильвестре.

Джо был старый агент, работал он по найму и обслуживал различного рода конторы, расположенные в двух кварталах от бульвара Сансет. Не сумев приспособиться к условиям возросшего давления крупных студий на независимых продюсеров, работу он потерял и жил теперь на остатки своей доли от демонстрации старых картин, предаваясь воспоминаниям.

Я постучал в дверь его жилища и услышал, как он прячет бутылку, будто я был привидением Луиса Майера или эмиссара Артура Рэнка. Открыв дверь и убедившись, что это всего лишь я, он слегка смутился, но бутылку достал и предложил мне выпить из бумажного стаканчика. Для себя он держал высокий стеклянный бокал без ножки. Мне случалось слышать, что почти каждый день он просиживает за столом, выпивая кварту пшеничного виски «Бурбон», а иногда и кварту с половиной.

Это был старик с детским личиком, льняными волосами и хитрыми глазками. Из-за пристрастия к алкоголю разум его стал подобен старинной лампе, сфокусированной таким образом, что свет падал только на прошлое: на его собственный «паккард» с персональным шофером и на трехэтажный дом без лифта, который давно уже стал тенью.

Но сейчас, в первой половине дня, Джо был еще в форме.

— Рад видеть тебя, Лу, мальчик мой. Пью за твое здоровье.

Он так и сделал, по-отечески положив руку на мое плечо.

— А я за твое, Джо.

Рука его с моего плеча перебралась к шляпе и сняла ее.

— Что с твоей головой?

— Меня слегка стукнули прошлой ночью.

— Не хочешь ли ты сказать, что напился и брякнулся?

— Нет. Меня побили рукояткой револьвера.

Тут он закудаhtал:

— Ты не представляешь, что с собой делаешь. Знаешь, чем бы тебе следовало заняться, Лу? Уйти в отставку и писать мемуары. Неприкрытую сенсационную правду о Голливуде.

— Джо, это уже делали тысячу раз. Сейчас все это сплошная болтовня.

— Но ты же можешь это делать совсем не так! Брось

им в лицо их прогнившую душу! Вот и заголовок! — Он прищелкнул пальцами. — Держу пари, что я вместе со Стивом Мак-Куином распродам твой рассказ за двадцать четыре часа. Подумай об этом, Лу, мальчик мой. Я могу открыть для тебя твою любимую банку с оливками.

— Я только что открыл банку с горошком, Джек, и буду чрезвычайно удивлен, если ты не поможешь мне справиться с ней. А как ты относишься к фотографиям мертвых людей?

— Я видел, как умирали многие из них.

Свободной рукой он показал на стенку над столом. Она была увешана фотографиями старых актеров. Все с автографами. Другой рукой он поднял наполненный бокал.

— Пью за них.

Я выложил на стол свои жуткие фотографии. Полный печали, он взглянул на них.

— Ах! — сказал он. — Что это за зверь в образе человека сделал с ней такое? Ты предполагаешь, что я знаю ее?

— Есть сведения, что она снималась. Ты знаешь актеров больше, чем кто-либо.

— Когда это было, Лу?! Теперь уже нет.

— Сомнительно, чтобы это было недавно. Вообще-то она была обречена на провал.

Он отодвинул свой бокал, повернул настольную лампу и внимательно рассмотрел фотографию. После этого он спросил:

— Кэрл?

— Ты-таки ее знаешь.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Но в суде я не смог бы в этом поклясться. Однажды я видел маленькую светлую девочку, натуральную блондинку. У нее были такие же уши. Посмотри, они маленькие, прижатые к голове и довольно заостренные. Необычные уши для девочки.

— Кэрл. А фамилия?

— Не могу вспомнить. Это было так давно, еще в сороковые годы. Кроме того, я не думаю, что это было ее настоящее имя.

— Почему?

— В Подунке у нее была какая-то очень мрачная семья. Они не разрешали ей сниматься. Насколько я помню, она говорила мне, что сбежала из дома.

— В Подунке?

— Не могу сказать определенно. В общем, суть в том, что, мне кажется, она приехала откуда-то из Айдахо.

— Повтори это еще раз.
— Айдахо. Твоя мертвая леди из Айдахо?
— Ее муж уехал на машине с номером Айдахо. Расскажи мне еще о Кэрол! Когда и где ты узнал ее?

— Прямо здесь, в Голливуде. Мой товарищ заинтересовался девушкой и привел ее ко мне. Она была восхитительным ребенком — свеженьким, нетронутым. Весь ее актерский опыт заключался в выступлениях в школе. Но я дал ей кое-какую работу. В те времена это было нетрудно. Война еще продолжалась, а у меня были знакомые коммерческие директора почти во всех студиях.

— В каком году это было, Джо?

Он снял очки и погрузился в прошлое.

— Она пришла ко мне весной сорок пятого. В последний год войны.

Миссис Браун, если Кэрол и она были одно и то же лицо, оказалась постарше, чем я думал.

— Сколько лет ей тогда было?

— Она была совсем юная. Я же говорю, почти ребенок. Может быть, лет шестнадцать.

— Кто был тот твой товарищ, который заинтересовался ею?

— Это совсем не то, что ты думаешь. Это была женщина, она работала в сценарном отделе у «Уорнеров». Сейчас она занимается производством многосерийных фильмов в телевизионном городке. Но в те времена, о которых я говорил, она была всего лишь помрежем.

— Не Сюзанну ли Дрю ты имеешь в виду?

— Да. Ты знаешь Сюзанну?

— Благодаря тебе. Я встретил ее на вечеринке в твоём доме, когда ты еще жил на Беверли-Хилл.

Джо был совершенно потрясен. Он, очевидно, чувствовал себя так, словно некая машина времени внезапно перенесла его с одного уровня прошлого на другой.

— Я помню. Должно быть, лет десять тому назад.

Он сидел и вспоминал о том, что было десять лет тому назад. Я тоже. Тогда я проводил Сюзанну домой, а после мы стали встречаться на других вечеринках. Нам было о чем поговорить. Она усвоила очень много из того, что я знал о людях, а я — из ее книжных познаний. Я был без ума от ее потрясающего чувства юмора.

Медленно раскручивался клубок воспоминаний, постепенно они принимали очертания реальности. Я думаю, что мы еще и нарочно усиливали эти ощущения. Мы сидели, выпивали и вспоминали многое из того времени, когда

Сюзанна расцветала. Ее отец был профессором университета, жена его умерла еще совсем молодой, и он сам следил за обучением Сюзанны. Потом отец умер, но она продолжала во всем ощущать как бы его присутствие.

Между нами что-то произошло, и Сюзанна перестала бывать в тех местах, где могла встретить меня. Я слышал, что она вышла замуж, и неудачно. Потом она сделала карьеру — и удачно.

— Как случилось, что она познакомилась с Кэрол? — спросил я у Джо.

— Об этом тебе следует спросить у нее самой.

Настоящее опять начало угнетать Джо, и он вплотную занялся выпивкой.

— Она говорила мне как-то, но я не помню. Память, знаешь, стала не та.

От выпивки я отказался.

— А что произошло с Кэрол?

— Она исчезла из моего поля зрения. Думаю, она сбежала с моряком или еще с кем-нибудь. Во всяком случае, больше я с ней не встречался. — Джо глубоко вздохнул. — Если ты увидишь Сюзанну, Лу, пожалуйста, напомни ей мое имя. Только сделай это как-нибудь... — он сделал в воздухе какое-то неопределенное движение рукой, — ...как-нибудь поделикатнее. Она ведет себя так, будто я уже умер.

Я воспользовался телефоном Джо, чтобы позвонить в офис Сюзанны Дрю. Ее секретарша соединила меня.

— Это Лу Арчер, Сюзанна.

— Приятно слышать тебя.

— Но случай, по которому я звоню, не из приятных, — сказал я грубовато. — Я расследую убийство. Жертвой может быть, а может и не быть девушка по имени Кэрол, которую ты знала в сороковых годах.

— Не Кэрол Харлей?

— Боюсь, что она.

— И ты говоришь, что она умерла?

— Да. Ее убили вчера в местечке под названием «Вид на океан».

Она немного помолчала. Затем заговорила вновь, и в ее голосе послышались мягкие девические нотки.

— Чем я могу помочь?

— Расскажи мне все о своей подруге Кэрол.

— Не по телефону, пожалуйста. Он все обесчеловечивает.

— Личная встреча и меня бы устроила больше, — я

говорил довольно сухо.— У меня есть несколько фотографий, которые мне нужно показать для установления ее личности. Это надо сделать поскорее. Прошло уже двадцать четыре часа...

— Приезжай прямо сейчас. Я сообщу твою фамилию вахтеру.

Я поблагодарил Джо и поехал в телевизионный городок. Сопровождающий провел меня через все здание в офис Сюзанны. Это было большое и светлое помещение с цветами на столе. Стены украшены прекрасными картинами художников-абстракционистов. Сюзанна стояла у окна и плакала. Это была стройная женщина с короткими черными волосами, такими черными, что на них невольно задерживался взгляд. Секретарша вышла и закрыла за собой дверь, но Сюзанна все еще стояла ко мне спиной. Наконец она повернулась, вытирая мокрые щеки.

Ей было под сорок, но никогда она еще не выглядела так прекрасно. Темные глаза ее даже сейчас, будучи печальными, производили неотразимое впечатление. Тонкие, интеллигентные черты лица, прекрасные ноги и стройная фигура.

— Не знаю почему, но это так подействовало на меня,— сказала она.— Я не видела Кэрол и ничего не слышала о ней семнадцать или восемнадцать лет.— Она помолчала.— Хотя, конечно, знаю. «Вот Маргарет, которую я оплакиваю».

— Кто это Маргарет?

— Девушка из поэмы. Она горюет над опавшими листьями. А это она оплакивает саму себя. Так же как я,— она глубоко вздохнула.— Я была тогда такой молодой.

— Ты и сейчас совсем не...

— Не надо мне льстить. Я старая. В сорок пятом, когда я знала Кэрол, мне было только двадцать лет. В ту, еще доатомную эру.— Идя к столу, она задержалась перед одной из картин, как будто там было изображено, что произошло с миром с тех пор. Потом очень эффектно села.— Ну, дай мне посмотреть на твои фотографии.

— Это не очень приятное зрелище. Ее избили до смерти.

— Боже! Кто же это сделал?

— По первому предположению — муж.

— Харлей? А она... она все еще была с этим?..

— По-видимому, все еще была.

— Я знала, что рано или поздно он сделает что-нибудь с ней.

Я наклонился к столу.

— Почему ты знала?

— Это была какая-то фантастическая история. Они абсолютно не подходили друг к другу. Она была просто удивительным ребенком, нежным, как яйцо, а он — психопатическая личность. Он не мог оставлять ее одну.

— Откуда ты знаешь, что он был психопатом?

— Я знаю, что такое психопат, потому что видела одного из них. — При этих словах она высоко подняла подбородок. — Я была замужем за одним из них, правда, недолго. Если тебе нужно определение, то вот оно: психопатической личностью является человек, который постоянно о чем-то тревожится. Только это и управляет его поступками.

— Таким был и Харлей?

— Да.

— Как его имя?

— Майкл. Он был военный моряк.

— Как называлось его судно? — Я убежден, что она открыла рот, чтобы произнести название, но тут в голове у нее произошел какой-то переворот, и все пропало.

— Боюсь, что не помню.

Она посмотрела на меня темными, ничего не выражающими глазами.

— Чем он занимался до того, как пойти во флот? Не был ли он фотографом?

— Думаю, он был боксером. — Она снова углубилась в прошлое. — Профессиональным боксером. Но он мог быть и фотографом тоже. Он из тех людей, которые умеют делать все на свете, но без всякого успеха.

— Ты уверена, что его звали не Гарольд?

— Все звали его Майкл. Но, возможно, это была кличка.

— Что?

— Его имя на ринге. Ты знаешь. — Она глубоко вздохнула. — Покажи мне эти фотографии, Лу.

— С этим можно и подождать. Сейчас лучшая твоя помощь в том, чтобы ты вспомнила все о Кэрол и Харлее. Откуда ты их знаешь?

Она с каким-то напряжением посмотрела на часы.

— Мне нужно выйти на одну минуту в сценарный отдел.

— Но это более важно.

Она вздохнула.

— Да, наверное. Но я буду краткой. Это очень простая

история, настолько простая, что я не смогла бы ее использовать даже в своих сериях. Кэрол — деревенская девочка из Айдахо, она убежала из дома с моряком. Майкл Харлей — я думаю, что он такой же провинциал, — уже пару лет отслужил на флоте и успел повидать мир. Он пообещал ей взять ее на побережье и устроить сниматься. Ей было только шестнадцать лет. Это была сама невинность: ни с того ни с сего она могла расплакаться и тут же взорваться смехом.

— Я слышал, как ты смеялась в свое время. Когда и где тебе пришлось с ней познакомиться?

— Ранней весной сорок пятого года. Я работала у «Уорнеров» — это крупная киностудия в Голливуде. Харлей остановился там, ну, и я тоже. Ну, а потом... потом она меня заинтересовала.

— Они были женаты?

— Кэрол и Харлей? Они прошли через какую-то церемонию в Тихуане. По крайней мере, Кэрол представляла себе, что они женаты. Она также думала, что Харлей в продолжительном отпуске, до тех пор пока морской патруль не задержал его и не отправил на судно. Кэрол осталась без всяких средств к жизни, просто без ничего. Тут я и взяла ее под свое крыло.

— И привела ее показать Джо Сильвестру?

— А почему бы и нет? Она была достаточно хорошенькой и совсем не дурочка. Джо устраивал ей иногда работу, а я проводила много времени, занимаясь ее воспитанием. Как раз в тот период я потерпела крушение в своих любовных делах — мой «голубой период» — и была рада, что кто-то может отвлечь меня. Я поселила Кэрол у себя и думаю, что действительно смогла кое-что сделать для нее. Но все кончилось как-то нелепо.

— Что случилось?

— Харлей оставил ее беременной, и это уже становилось заметным. И я вместо того, чтобы воспитывать звезду, оказалась в положении няни, ухаживающей за беременной девушкой, к тому же остро тоскующей по родине. Но вернуться домой она отказалась — говорила, что отец убьет ее.

— Ты не помнишь имени ее отца?

— Боюсь, что нет. На работе она называла себя Кэрол Купер, но это не настоящая ее фамилия. Я думаю, что ее отец жил в Покателло, если это только может помочь.

— Может быть. Ты говоришь, она была беременна. Что произошло с ее ребенком?

— Я не знаю. Еще до того, как ребенок родился, появился Харлей — убеждена, что его выгнали из армии, — и она вернулась к нему, несмотря на все мои уговоры. Я уже говорила, что они совершенно не подходили друг другу. Именно поэтому семнадцатью годами позже он и должен был ее убить.

— Не случилось ли ему впасть в бешенство, когда ты знала его?

— Еще бы нет! — Она скрестила руки на груди. — Когда я попыталась помешать ее возвращению к нему, он ударил меня кулаком. Я выбежала за помощью, а когда вернулась с полицейским, их обоих уже не было, как и моего кошелька с деньгами. Я не сделала им ничего плохого и вот что получила в конце концов от них.

— Но ты все еще тепло вспоминаешь Кэрл.

— С ней было очень приятно. У меня ведь никогда не было ни сестры, ни дочери. На самом деле, когда я вспоминаю или даже переживаю все это, мне кажется, что более счастливого времени, чем весна и лето в Бербанке, когда Кэрл была беременна, у меня никогда не было. Мы и не знали, как были счастливы тогда.

— Почему?

— Ну, потому что было ужасно жаркое лето, а холодильник сломался, потому что у нас была только одна кровать, а Кэрл становилась все больше и больше, и еще потому, что у нас тогда не было никаких мужчин. Мы думали, что переживаем страшные невзгоды. Но на самом деле они пришли позже. — Она осмотрела свой роскошный кабинет с таким видом, словно это была тюремная камера. Затем бросила взгляд на часы. — Мне действительно надо идти, иначе мои авторы и директор изобьют друг друга.

— Насчет избияния, — сказал я. — Я попрошу тебя взглянуть на эти фотографии, если, конечно, ты сможешь. Надо подтвердить ее личность.

— Да.

Я разложил перед нею снимки, и она внимательно рассмотрела их.

— Да, это Кэрл. Бедная девочка.

Сильно побледнев, она поднялась и вышла в соседнюю комнату, при этом шла она как слепая.

Я сел в кресло, где только что сидела Сюзанна, и попросил по телефону ее секретаршу соединить меня с лейтенантом Бастианом. Через минуту он ответил, и я передал ему все, что рассказала мне Сюзанна Дрю.

Сюзанна вошла в комнату уже в конце нашего разговора.

— Ты не теряешь времени зря,— сказала она, когда я повесил трубку.

— Твои показания очень важны.

— Я рада, но боюсь, что это все, чем я могла тебе помочь.

Она все еще была бледна и шла ко мне так, словно пол у нее под ногами качался.

— Ты не отвезешь меня домой?

Жила она на бульваре Беверли-Хилл, в мезонине, который выходил во внутренний дворик. На стенах в доме висели африканские маски. Она попросила меня приготовить нам обоим выпить, и мы сели, заговорив о Кэрол, а затем и о Томе Хиллмане. Видимо, история Тома ее заинтересовала.

Старое чувство к Сюзанне опять проснулось во мне, и я вновь ощутил на себе ее воздействие. Сидя прямо перед ней, вглядываясь в ее лицо, я спрашивал себя, смогу ли я при моих физических, финансовых и моральных возможностях жениться на женщине со всеми ее африканскими масками.

Чертов телефон зазвонил в соседней комнате. Она положила левую руку мне на колено и встала. Я услышал, как она сказала:

— Так это ты? Что тебе сейчас нужно от меня?

Она закрыла дверь, и больше я ничего не слышал. Вернулась она через пять минут, но лицо ее уже изменилось: вместо грусти в ее глазах стояла злость, как будто она узнала что-то похуже, чем смерть.

— Кто это, Сюзанна?

— Ты никогда не узнаешь об этом.

Я выехал в город в горьком настроении и поругался со своим другом Колтоном, следователем прокуратуры штата: я просил его запросить Сакраменто, нет ли в их списках Гарольда или Майкла Харлея или еще какого-нибудь Харлея. В ожидании ответа я спустился по лестнице к газетному киоску и купил вечернюю газету. На первой же странице сообщалось об убийстве и похищении, но ничего нового для меня там не было, за исключением сведений о том, что Харлей был военно-морским летчиком, что он имеет воинские награды, а позже служил на гражданских линиях. Ему также приписывалось миллионное состояние.

Я сидел перед кабинетом Колтона и пытался отделаться от мысли, что Бастиан отпихнул меня куда-то на задворки

этого происшествия. Это ощущение усилилось, когда из Сакраменто пришел ответ, что ни Гарольда, ни Майкла Харлея нет ни в калифорнийских списках, ни даже в списках дорожных нарушителей. Я уже засомневался, иду ли я по следу реального человека.

Вместе с потоками вечернего транспорта я вернулся на Стрип. Были уже почти сумерки, когда я добрался до своего офиса. Не зажигая света, я уселся у окна и стал наблюдать, как зеленое небо постепенно теряет свой цвет. Отчетливо стали видны звезды и неоновый свет рекламы. Самолет — целая груда звездочек — сделал вираж и стал удаляться в сторону Санта-Моники.

Я закрыл окна с венецианскими стеклами — препятствием, могущим поставить в тупик любого снайпера. После этого включил настольную лампу и посмотрел дневную почту. Она состояла из трех официальных постановлений и предложения от Института мотелей в Сент-Луисе. Институт предлагал работу управляющего за двадцать тысяч долларов в год.

Все, что я должен был сделать, — это заполнить регистрационную анкету и отправить ее в Институт регистратору. Если у меня есть жена, следовало послать и ее данные.

Я сидел, забавляясь мыслью о том, не заполнить ли в самом деле анкету, но потом решил сначала пойти пообедать. И еще я принял одно чрезвычайно важное решение: позвонить Сюзанне Дрю и пригласить ее пообедать со мной, объяснив, что это сугубо по делу.

В телефонной книге ее номера не было. Я запросил справочную. Но и в их списках этого номера не значилось. Она оказалась недостижимой.

Но прежде, чем выйти на улицу, я проверил свою справочную службу. Сюда и передала для меня Сюзанна свой номер.

— Я все время пытался разыскать тебя, — сказал я.

— А я все время была у себя.

— Я хочу сказать — все время до тех пор, пока не узнал, что ты специально передала свой номер.

— Вот как? Что это тебе взбрело в голову?

— Институт мотелей из Сент-Луиса сделал прекрасное предложение для супружеской пары.

— Это достойно внимания. Мне всегда так хотелось уехать и заведовать мотелем.

— Прекрасно. Тогда пойдем пообедаем и обсудим нашу стратегию. Поскольку тебе это по сердцу, телевидение оставим. Так же как и все эти авангардистские движения.

— Извини меня, Лу, я с удовольствием пообедаю с тобой, но только в другой вечер, не сегодня. Но я очень благодарна тебе, что ты позаботился обо мне сегодня днем. Мне было очень плохо.

— Боюсь, что я же и был виной этого.

— Нет. Просто у меня сейчас паршивая жизнь. А ты и твои фотографии сыграли роль своеобразного катализатора.

— Тогда не можешь ли ты принять меня у себя? Я принесу обед из кулинарии. И куплю тебе гардении.

— Нет. Сегодня я не хочу тебя видеть.

— Ты еще не изменила своего решения ничего не говорить мне о своем сегодняшнем телефонном разговоре?

— Нет. В моей жизни есть кое-что, о чем тебе совсем не обязательно знать.

— А я предположил, что именно это и навело тебя на мысль оставить мне свой номер. Если не это, то что же?

— Я обнаружила кое-что, могущее помочь тебе: фотографию Кэрл, сделанную в сорок пятом году.

— Я приеду за ней. Ты ведь так и не рассказала мне, как же ты встретила с ней. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Пожалуйста, не приходи. Я пришлю с посыльным.

— Ну, если ты настаиваешь... Я буду у себя в конторе, — я дал адрес.

— Лу? — она говорила почти шепотом, с особым напряжением в голосе. — Ты ведь не начнешь действовать, а? Стараться выведать мои собственные секреты? Ты ведь не играешь сейчас?

— Это не игра, — ответил я.

— Тем более. Благодарю тебя.

Я сидел и еще и еще раз вспоминал наш разговор. Я подумал, что ей сильно досадила мужчина или мужчины. В конце концов я не пошел обедать и рассердился на самого себя. Так я сидел и растравлял себя, пока не появился посыльный от Сюзанны.

Это был молодой негр в форме, говоривший так, словно он окончил колледж. Он вручил мне запечатанный конверт, который я тут же вскрыл.

В нем находилась одна-единственная глянцевая фотография, положенная между двумя листами плотной гофрированной бумаги. Фотография юной блондинки, одетой в пажеский парик и купальник. Объяснить ее красоту было непросто. Она заключалась в ее чистом невысоком лбе, и в гармоничной линии щек, и в совершенной округлости

подбородка, и в ее абсолютной женственности, светившейся в глазах и заявляющей о себе во всем ее теле.

Из праздного любопытства я перевернул отпечаток, надеясь увидеть имя фотографа. На обратной стороне красными чернилами, при помощи резинового штампа было выдавлено: фотопредприятие «Гарольд „Хар“ Харлей», отель «Барселона».

— Я больше не нужен? — спросил из дверей посыльный.

— Нет. — Я дал ему десять долларов.

— Это слишком много. Мне уже заплатили.

— Знаю. Но прошу вас купить букет гардений и передать их миссис Дрю.

Он сказал, что сделает.

Глава 12

То, что было в 1945 году, было очень давно. Отель все еще стоял, но что-то напоминало мне о том, что я слышал, будто его закрыли. Я долго ехал вниз по Сансет-стрит по направлению к шоссе, идущему по побережью, обдумывая свои шансы разыскать Гарольда Харлея. Поэтому я и хотел взглянуть на дом, где жили Харлей и Кэрл.

Это было огромное старое строение в стиле «ранней голливудской Византии» с оштукатуренными куполами и минаретами и закругленными верандами, где выдающиеся личности далекого прошлого потягивали контрабандный ром. Яркие лучи фонарей со станции технического обслуживания, расположенной на другой стороне шоссе, освещали дом с отслоившейся краской и выбитыми окнами.

Оставив машину возле заросших сорняками разломанных бетонных ворот, я подошел к парадной двери. За стеклом на штукатурке висела табличка с объявлением о банкротстве и приписка, что здание в сентябре будет продаваться с аукциона.

Я зажег фонарик и осветил внутрь, в коридор. Обстановка в коридоре еще полностью сохранилась, но производила такое впечатление, будто несколько поколений домовладельцев не могли ее заменить. Ковры были вытерты, кресла продавлены. Вообще это местечко показалось мне вполне подходящим для того, чтобы здесь собиралась целая толпа привидений.

Я пошел вдоль круглой веранды, прокладывая себе путь между размокшей под дождями плетеной мебелью, и затем

посветил фонарем в доходящее до полу окно. Там оказалась столовая, стояли столы, на них лежали свернутые треугольниками салфетки, но все это было покрыто толстым слоем пыли. Самое подходящее место для вечерней трапезы привидений.

Отдав таким образом дьяволу дьявольское и утвердив себя через это в настоящем времени, я вернулся к входным дверям и громко постучал фонарем по стеклу. Глубоко внутри здания, в дальнем конце коридора, показался свет. Он двигался по направлению ко мне.

Его нес огромный мужчина, шел он так, словно у него были больные ноги. В отблесках его электрического фонаря я смог рассмотреть лицо этого человека. Грубый, загнутый книзу нос, выпуклый лоб, пересохшие губы. Это было как бы усохшее лицо ребенка, никогда не пившего ни одного глотка воды. И еще я увидел в его руке револьвер.

Он направил оружие на меня, ослепил светом фонаря и прокричал сквозь стекло:

— Здесь закрыто! Ты что, читать не умеешь?

— Я хочу поговорить с тобой.

— А я не хочу! Убирайся вон, мошенник!

Он сделал недвусмысленное движение револьвером. По его голосу и взгляду я понял, что он здорово пьян. Пьяный с револьвером и явным намерением пустить его в ход — это мог быть и убийца. Тогда я сделал еще одну попытку:

— Вы не знаете фотографа по имени Гарольд Харлей, который когда-то бывал здесь?

— Никогда не слышал о таком. А сейчас ты уберешься отсюда раньше, чем я сделаю в тебе дырку. Ну!

Он поднял свой тяжелый револьвер. Я ретировался через шоссе к самой станции техобслуживания. Подвижный мужчина в испачканном комбинезоне вылез из-под подвешенной на крюк машины и предложил мне бензин.

— Мне хватит десяти литров, — сказал я. — Что это за личность в отеле «Барселона»? Он выглядит так, словно его обработал медведь.

Мужчина криво ухмыльнулся:

— Вы наравались на Отто Сайпа.

— Если это и есть имя сторожа...

— Да. Он так долго работал там, что теперь убежден, будто все это его собственность.

— Долго? Как долго?

— Лет двадцать, а то и побольше. Я сам здесь с войны, а он пришел еще до меня. Он был их сыщиком.

— Гостиничный детектив?

— Он говорил мне, что когда-то служил офицером в полиции. Если это так, то он, должно быть, не многому там научился. Масло проверить?

— Не беспокойтесь, я только что менял его. Вы уже были здесь в сорок пятом году?

— Именно в этом году я и открылся. Видите ли, я рано открываюсь и рано ухожу, так что...

— Я частный детектив. Мое имя — Арчер, — я протянул ему руку.

— Дали. Бен Дали.

— В сорок пятом году в «Барселоне» останавливался человек по имени Гарольд Харлей. Он был фотографом.

— Да, я помню его. — Лицо Дали вновь стало приветливым. — Он сфотографировал меня с женой в качестве платы за бензин. Эта фотография все еще висит у нас дома.

— Вы не знаете, где он сейчас?

— Извините, но я не видел его лет десять.

— Когда вы его видели в последний раз?

— У него была небольшая студия на «Тихоокеанских скалах». Я заходил туда к нему раз или два — поприветствовать его. Но не думаю, что он до сих пор там.

— Я вижу, он нравился вам?

— Конечно. Это был совершенно безобидный человек.

Люди могут и измениться. Я показал Дали фотографию Кэрл. Он ее не знал.

— Не можете ли вы дать мне его адрес на «Тихоокеанских скалах»?

— Я могу сказать только, где это было.

Он рассказал мне, что студия находилась на соседней улице, следующая дверь за небольшим ресторанчиком.

Найти ресторанчик оказалось довольно просто, но здание со следующей дверью было занято под книжную лавку.

Молодая женщина в розовых чулках и с прической «хвостик пони» командовала кассовым аппаратом. Она печально посмотрела на меня, а когда я спросил о Гарольде Харлее, вообще закрыла глаза.

— Кажется, это был фотограф. Он работал здесь одно время.

— Где бы он мог быть сейчас?

— Не имею ни малейшего представления. Честное слово. Мы сами здесь еще меньше года.

— Как идут дела?

— Арендную плату отрабатываем.

— Кому вы ее выплачиваете?

— Человеку, содержащему ресторанчик рядом. За ту

цену, которую он назначил, он должен был бы бесплатно кормить нас. Его зовут мистер Веркон. Только не выдайте меня, если будете разговаривать с ним. Мы ему должны за аренду за прошлый месяц.

Я купил книгу и пошел пообедать рядом. В этом месте я мог спокойно поестъ, даже не снимая своей шляпы. Пока я ждал заказанный бифштекс, я спросил о мистере Верконе у официантки. Она указала на повара в белом колпаке, который только что бросил на решетку мой будущий бифштекс.

— Мистер Веркон, этот джентльмен хочет поговорить с вами.

Он повернулся за стойкой: тонкое неулыбчивое лицо с блестящей белой бородой, закрывавшей весь подбородок.

— Вы сказали, что хотите с кровью. Вы и получите с кровью, — сказал он, размахивая лопаточкой для переворачивания мяса.

— Прекрасно. Я слышал, что соседняя лавка принадлежит вам.

— Да. И следующая за ней — тоже. — Тут его посетила одна мысль: — Вы хотите снять помещение?

— Я разыскиваю одного человека, фотографа по имени Гарольд Харлей.

— Он арендовал у меня лавку довольно долго. Но так и не смог закрепиться в ней. В этом городе слишком много фотографов. Он продержался лет семь или восемь после войны, а потом возвратил ее мне.

— Не знаете ли вы, где он сейчас?

— Нет, сэр, я не знаю.

Тут он услышал, что шипение мяса достигло определенной интенсивности. Он отошел и перевернул его лопаточкой, после чего возвратился ко мне.

— Не хотите ли французского соуса?

— Нет, спасибо. Какие-нибудь последние сведения о Харлее у вас есть?

— Последнее, что я слышал о нем, это то, что он перебрался в Долину, лет десять тому назад. Он пытался продолжить свое дело прямо у себя на дому в Ван Найт. Он прекрасный фотограф и делал прекрасные снимки моего мальчика на празднике конфирмации, но у него совершенно не деловая голова. Я-то это знаю, потому что он остался мне должен за аренду за три месяца.

Вошли шестеро молодых людей и выстроились вдоль буфетной стойки. В их волосах был ветер, в ушах — песок, а на спинах их одинаковых вязаных курток — слово «Буре-

вестник», нанесенное через трафарет. Все они — и ребята и девушки — заказали по два рубленых шницеля. Один из парней опустил 25-центовик в автомат, который заиграл песню «Буря безгрешна».

Мистер Веркон достал из холодильника двенадцать лепешек-шницелей и положил их на решетку жариться. Затем выложил на тарелку мой бифштекс, добавил маленькую кучку жареного картофеля и лично принес мне.

— Я мог бы поискать тот адрес в Ван Найт, если это, конечно, важно. Он есть у меня на счетах, по которым Харлей выплачивал мне арендную плату.

— Это важно.

Я показал ему фотографию молодой Кэрл, которую сделал Харлей.

— Вы не узнаете его жену?

— Я даже и не знал, что у него есть жена. Не думаю, что он смог бы заполучить себе такую девочку.

— Почему?

— Он мужчина не в женском вкусе. И никогда не был другим. Гарольд — это очень определенный тип.

Я вновь засомневался относительно правильности своего пути. От этого у меня разболелась голова.

— Не могли бы вы его описать?

— Он обыкновенный парень, с моей точки зрения. Пять футов десять дюймов роста, довольно длинный нос. Синие глаза. Рыжеватые волосы. В нем вообще нет ничего особенного. Конечно, сейчас он выглядит старше.

— Сколько ему лет?

— По крайней мере пятьдесят. Мне пятьдесят девять, так что через год собираюсь на пенсию. Простите, мистер.

Он перевернул двенадцать шницелей, положил на каждый по пучку лука и вышел через вращающуюся заднюю дверь. Я съел свой бифштекс. Мистер Веркон вернулся, неся в руке клочок бумаги, на котором он записал адрес Харлея в Ван Найте: 956, Эль-Хест.

Официантка разнесла шницели «буревестникам». Они жевали их в такт музыке. Песня все еще неслась из автомата, когда я вышел из рестораника. Я поднялся по Сансет-стрит к шоссе, ведущему на Сан-Диего, и направился на север.

Эль-Хест, расположенная в рабочем районе, была тесно застроена довоенными хибарами. В Долине темнело рано, и некоторые жители все еще сидели на крыльце или прямо на лужайке перед домом. Толстый человек, попивавший пиво на крыльце дома 956, рассказал, что Харлей продал

ему этот дом в 1960 году. У него был теперешний адрес Харлея, так как он ежемесячно еще выплачивал ему по договору о кредите.

И это тоже не было похоже на того, кого я разыскивал. Я попросил мужчину описать Харлея.

— У него был «ужасный» характер,— сказал толстяк.— Он из тех парней, которые не могут обидеть и комара. Убежден, что у него были неприятности.

— Какого сорта?

— Нет уж, увольте. Я совсем не знаю его. Видел только два раза, когда покупал у него дом. Он очень торопился, поэтому я сделал выгодную покупку. У него была возможность получить работу в Лонг-Бич, на развивающейся студии, и он не хотел упустить ее.

Он дал мне адрес в Лонг-Бич, что было достаточно далеко от Ван Найта. Было уже за полночь, когда я отыскал очередной дом недалеко от бульвара в Лонг-Бич. Двор перед домом зарос сорняками, света в окнах не было, как и в большинстве домов на этой улице. Я доехал до уличного фонаря в конце квартала и вернулся к дому пешком.

Я не стал стучаться в дверь к Харлею: почти наверняка это был не тот человек.

Навесная дверь в гараже, стоявшем в глубине двора, была закрыта, но не заперта. Я открыл ее. Уличный свет упал на багажник грязно-белого «форда» модели «седан» с номером, зарегистрированным в штате Айдахо.

Я подошел к левой дверце и открыл ее. Зажег внутренний свет. Машина была зарегистрирована на имя Роберта Брауна, проживающего в Покателло. Сердце мое стучало так громко, что я едва дышал.

Вдруг из двери гаража, ведущей прямо в дом, упал яркий клин света. Дверь открылась. Свет ударил мне в глаза и ослепил.

— Майкл? — спросил незнакомый мужской голос.— Это ты, Майкл?

— Я вчера видел Майкла.

— Кто вы?

— Приятель,— я не сказал, правда, чей.— Он оставил у вас машину.

— Но это только между ним и мной.

Его защищающийся тон придал мне смелости. Я перешагнул освещенное пространство, лежащее между нами, и вошел в кухню. Он не делал попыток помешать мне.

Босиком, в пижаме, он стоял прямо лицом ко мне — седоголовый, с перекошенным лицом и виноватыми глазами.

— Брат ничего не говорил о приятеле.

— Вот как? А что он вам говорил?

— Ничего. То есть...— Он попытался прикусить нижнюю губу, но у него были искусственные зубы, и они выпали. До тех пор, пока он не вернул их на место, он выглядел насмерть перепуганным.— Он ничего не говорил о вас и вообще ничего не говорил. Я не знаю, зачем вы пришли ко мне. Это моя машина. Мы с ним обменялись.

— Это было благоразумно?

— Не имею представления. Может быть, и нет.

Он бросил быстрый взгляд на гору немытой посуды, сваленной в раковину, словно это она несла ответственность за его неблагоприятные поступки.

— Во всяком случае, вас это не касается.

— Это касается всех, Гарольд. И сейчас вы должны думать именно об этом.

Он хотел произнести слово «да», но только беззвучно пошевелил губами. На глазах его показались слезы, и он высказал самое страшное подозрение, какое только могло прийти ему в голову:

— Вы из ФБР?

— Я полицейский агент. Мне необходимо поговорить с вами.

— Здесь?

— Чем это место хуже других?

Он оглядел свою маленькую закопченную комнатку так, словно увидел ее в первый раз. Мы сидели друг против друга за письменным столом, заменявшим обеденный и покрытым пластиковой клетчатой скатертью, местами протертой до дыр.

— Я не принимал в этом никакого участия,— сказал он.— Не хотел принимать.

— Кто вас заставил?

— Он уже не первый раз причиняет мне неприятности, вернее, постоянно причиняет. Это продолжается последние тридцать пять лет. А ведь он уже достиг такого возраста, когда мог бы и образумиться. Я не обманываю вас.

— Что вы имели в виду, говоря о неприятностях, которые он причинял вам? На этот раз что было?

Он пожал сгорбленными плечами и поднял ко мне руки ладонями вверх, так, словно я и вправду смог бы увидеть на них стигматы.

— Он замешан в этом похищении?

— Он говорил вам об этом?

— Он никогда ничего не рассказывает мне о своей жизни. Но я могу узнать кое-что и из газет. С тех пор как я прочитал об этом в сегодняшних газетах, мне страшно выходить из дома. Знаете, что сделала моя жена? Она взяла такси, добралась до автобусной станции и уехала обратно к своей матери в Окснард. Она даже не вымыла посуду со вчерашнего вечера.

— Когда ваш брат был здесь?

— Вчера вечером. Он приехал сюда около половины одиннадцатого. Мы уже собирались спать, и мне пришлось встать. Мы сидели с ним здесь же, где и сейчас сидим с вами. Я подумал, что с ним что-то произошло по пьяному делу, — у него был такой дикий взгляд, но я не знал, что именно. Он рассказал одну из вечных своих историй о том, что он выиграл много денег в покер у каких-то моряков в Даго и они теперь гонятся за ним, чтобы отобрать эти деньги. Вот почему, как он сказал, он хочет поменяться со мной машинами.

— Почему вы согласились?

— Не имею понятия. Трудно сказать «нет», когда Майкл чего-нибудь хочет.

— Он угрожал вам?

— Не в этом дело. Я, конечно, знал, что у него с собой револьвер, я видел, как он забирал его из машины. — Он поднял на меня глаза. — Когда появляется Майкл, вы всегда ощущаете в воздухе какую-то опасность. И если встать у него на пути, он спустит курок быстро, не раздумывая.

У меня были основания поверить ему.

— Модель вашей машины и ее номер?

— Двухдверный «плимут» образца 1958 года, номер 11K T-449.

— Цвет?

— Синий. Два тона.

— Я хочу задать вам очень важный вопрос. Не было ли с Майклом мальчика? Вот этого? — Я показал ему, фотографию Тома.

Он покачал головой.

— Нет, сэр.

— А он не говорил вам, где этот мальчик?

— Он вообще не упоминал ни о каком мальчике, поэтому я о нем ничего не знаю.

— Вы знаете, где он провел прошлую ночь?

— В пути. Вчера днем он звонил мне из Лос-Анджеле-

са. Сказал, что, может быть, заглянет, но велел никому об этом не говорить.

— Когда он звонил вам, не говорил ли что-нибудь о замене машины?

— Нет, сэр.

— А вы и ваш брат не имели предварительной договоренности об обмене машинами?

— Нет, сэр.

— И вы не знали о похищении до тех пор, пока не прочли сегодняшние газеты?

— Так и есть. И об убийстве тоже.

— Вы знаете, кого убили?

Он опустил голову, слегка покачивая ею на ослабленных мышцах шеи. Потом он замер, закрыв руками затылок, словно боялся, что кто-то ударит его сзади.

— Мне кажется... Я слышал о Кэрол...

— Да. Это Кэрол.

— Как ужасно это слышать. Она была чудесной девушкой, много лучше, чем он заслуживал.

— Вам нужно было самому прийти с этими сведениями, Гарольд.

— Я знаю. И Лилла говорила то же самое. Поэтому она и ушла от меня. Она сказала, что я тут досижу до того, что меня опять посадят в кутузку.

— Подразумевается, что это было и раньше?

— Да, но не так страшно. Тогда хуже всего было то, что он даже не предупредил меня, продавая мне фотокамеру, что украл ее в армии. А потом он вывернулся, заявив, что это я украл ее, когда был на корабле в день визитов.

— Как называлось судно?

— Это был авианосец «Перри Бей». Я поднялся на его борт в последний год войны, в Даго, но хотел бы, чтобы никогда больше моя нога не ступала на него. Они так разговаривали со мной, что я уже думал, дело закончится федеральным разбирательством. Но в конце концов они поверили моим словам, что я не знал, что камера ворованная.

— В некоторых вопросах и я верю вам на слово, вы заметили?

— Не знаю, что и подумать.

— Я верю, что вы честный человек, попавший в переплет.

Высказанная мною симпатия оказалась слишком сильной: глаза его опять наполнились слезами. Он снял руки с затылка и пальцами вытер глаза.

— Но я, конечно, не единственный человек, которого вам придется убеждать. Я думаю, что, возможно, вы сможете выскочить из этого переплета. Но путь один — рассказать всю правду.

— Я и сам хочу рассказать всю правду, — сказал он с облегчением. — Я бы пошел в полицию признаваться, только ужасно боялся, что они засадят меня на всю жизнь.

— И Майкла тоже?

— Нет, о нем я не беспокоился, — проговорил он, — хотя он и мой брат. Когда я узнал о Кэрол... — Он уронил голову.

— Вы любили ее?

— Да, конечно. Но я почти не видел ее последние годы, когда они были в Неваде. Кэрол и я — мы всегда понимали друг друга.

— Они жили в Неваде?

— Да. Майкл работал там кельнером в одном из клубов на юге штата. Только он потерял работу. Я должен был... — Его неторопливое соображение было застигнуто врасплох.

— Вы должны были?..

— Да нет, ничего. Я имел в виду, что должен был помочь им немного в те несколько месяцев, когда он потерял работу.

— Сколько денег вы дали им?

— Не имею понятия. То, что смог собрать. Пару сотен долларов.

Он выглядел крайне виноватым.

— И, некоторым образом, он вернул вам деньги вчера вечером?

Он опять повесил голову. В углу за ним вдруг проснулся старенький холодильник и начал трястись. Но и сквозь этот шум я слышал шелест колес на бульваре, то нарастающий, то пропадающий.

— Нет, он не вернул, — сказал Гарольд.

— Сколько он дал вам?

— Он ничего не давал мне!

— То есть вы имеете в виду, что он только вернул вам долг?

— Совершенно верно.

— Сколько?

— Он дал мне пятьсот долларов, — с ужасом проговорил Гарольд.

— Где они?

— Под моим матрасом. Поверьте мне, я не хотел принимать никакого участия в этом.

Я прошел за ним в спальню. В комнате царил беспорядок, ящики бюро были выдвинуты, на полу валялись вешалки для одежды.

— Лилла уезжала в большой спешке,— сказал он.— Сразу же, как только увидела газету. Возможно, она уже возбудила дело о разводе со мной. Она уже не первый раз разводится.

— С вами?

— Нет, с другими.

Портрет Лиллы стоял на бюро. Темное лицо, вытянутое вниз, на вид упрямое, сверху невообразимая шапка закрученных волос.

Безутешный Гарольд стоял около неприбранной кровати. Я помог ему поднять матрас: под ним находился расплюснутый тяжестью матраса полиэтиленовый мешочек для табака, в котором лежала пачка денег. Он отдал его мне.

— Вы знали, откуда он их достал, Гарольд?

— Он достал их из машины. Я слышал, как он шелестел какими-то бумагами.

Не раскрывая мешочка, я положил его в карман.

— И вы честно не знали, что деньги «горячие»?

Он сел на кровать.

— Наверное, догадывался все-таки. Он не мог выиграть так много в покер, я точно знаю. Он всегда пытался выиграть еще и еще, пока не проигрывал все, что у него было. Но, черт возьми, я не думал о похищении! — Он довольно сильно ударил себя по колену. — Или об убийстве.

— Вы думаете, что он убил мальчика?

— Я имею в виду бедную маленькую Кэрол.

— А я имею в виду мальчика.

— Он не должен был бы убивать этого парня,— сказал Гарольд едва слышно. Казалось, он даже не хотел, чтобы я расслышал его слова, из страха, что они могут быть опровергнуты.

— Вы осматривали машину?

— Нет, сэр. Зачем мне это делать?

— Посмотреть, нет ли денег или крови. Вы не открывали багажник?

— Нет. Я вообще не подходил к этой паршивой машине! — Он с тоской посмотрел на меня, словно его присутствие в гараже уличало его в преступлении.

— Дайте мне ключи от нее.

Он достал брюки, порывлся в карманах и вытащил кожаный ремешок, на котором висели ключи от машины.

Я посоветовал ему надеть что-нибудь на ноги, когда мы пойдем в гараж.

В гараже я нащупал выключатель, повернул его и открыл багажник, с некоторым трепетом подняв крышку. Внутри все было пусто, если не считать заржавевшего домкрата и одной-единственной запасной покрывки. Никого.

Но прежде, чем закрыть крышку, я обнаружил кое-что, что совсем мне не понравилось. Вырванный кусочек черной пряжи, который был зажат замком. Я вспомнил, что Сэм Джексон говорил мне, будто Том в воскресенье был одет в черный свитер. Освободив кусочек, я положил его в карман, жестоко ругая себя за подогреваемую мной надежду, которую, по-моему, разбила черная пряжа.

Глава 13

Я вернулся в дом. Дверь в спальню была закрыта. Я постучал и, не получив ответа, вошел. Гарольд сидел на краю кровати в нижнем белье и носках, между колен у него была зажата винтовка 22-го калибра. Он не направил ее на меня. Я забрал ее у него и разрядил: там был всего один патрон.

— У меня не хватило самообладания застрелиться, — сказал он.

— Ваше счастье.

— Да, именно счастье.

— Я сказал это без иронии, Гарольд. Еще мальчишкой я знал одного человека, который потерял все во времена великой депрессии. Ему было тогда 22 года, и он пытался покончить с собой. Но единственное, чего он добился, — он ослепил себя. Последние тридцать лет он находится в полной темноте. А у его сыновей самые большие похоронные бюро в городе.

— Не заняться ли и мне похоронными делами? — уныло пошутил он. — Все что угодно, только не дела моего брата. Я знаю, через что мне придется пройти.

— Все это как сумерки. Они пройдут.

— Мой брат — сумерки, которые никогда не пройдут.

— В свое время пройдут и они, Гарольд. У него будет время отдохнуть от этой жизни.

— Если вы его поймаете.

— Мы его поймаем. Куда он мог отсюда поехать?

— Он не говорил мне.

— А как вы думаете?

— Полагаю, что в Неваду. Это его любимое убежище. Когда у него есть деньги, он не может держаться вдали от игорных столов.

— Где он жил, когда работал на южном побережье?

— Они купили трейлер, когда он потерял работу. Трейлер тоже вскоре потеряли. Тогда они стали переезжать с места на место, чаще всего останавливаясь в мотелях и частных коттеджах. Я не могу дать вам определенного адреса.

— За что его выгнали?

— Босс утверждал, что он слишком груб с пьяницами.

— Как назывался клуб, где он работал?

— «Черный янтарь». Кэрол тоже время от времени работала в нем. Она была своего рода поющая официантка. Однажды мы ездили туда послушать, как она поет. Лилла нашла, что это отвратительно, а я подумал, что она была о'кей. Она пела милые секс-песни, поэтому Лилла и...

Я прервал его:

— У вас есть телефон? Мне надо сделать пару звонков.

— Он в большой комнате.

Я забрал у него винтовку на случай, если ему опять придет в голову идея выстрелить в себя или в меня. Стены большой комнаты были увешаны фотографиями, словно это была картинная галерея: «Старик», «Старуха», «Заход солнца», «Дикие цветы», «Гора», «Набережная океана» и «Лилла». Большинство из них были раскрашены от руки. Три портрета Лиллы улыбались мне из разных углов, так что я почувствовал себя окруженным этими белыми зубами.

Я вернулся в спальню. Гарольд надел что-то на ноги. Выглядел он вполне нормально.

— Я — о'кей. Не надо проверять меня.

— Я просто удивился, что у вас нет фотографии Майкла.

— Есть одна. Там ему около двадцати лет. После того как у него начались неприятности, он никогда не разрешал себя фотографировать.

— Дайте мне посмотреть фотографию.

— Не знаю, где и искать ее. Во всяком случае, она сделана тогда, когда он был еще молодым парнишкой. Он там совсем не похож на себя сегодняшнего.

— Как он выглядит сейчас?

— Я думал, что вы его видели.

— В это время было темно.

— Ну, он все еще вполне приличный мужчина. Я имею в виду его внешность. Он ушел из бокса раньше, чем его изуродовали. У него темные волосы, не седые, он зачесывает их на одну сторону. Майкл всегда очень заботился о своей прическе. — Он пригладил свои жидкие волосы. — Зеленовато-серые глаза. Взгляд довольно умный, особенно когда он чего-то добивается. Тонкий рот. Я всегда думал, что рот у него жестокий. Зубы не такие уж и хорошие. Но я понятия не имею, выглядит ли он и сейчас таким же приятным мужчиной и сохранил ли он свою осанку. Вообще, он всегда поддерживал себя в хорошей спортивной форме.

— Рост и вес?

— Дюйм или два выше шести футов. Он тогда дрался в полусреднем весе, но сейчас он должен быть тяжелее. Может быть, сто восемьдесят фунтов.

— Какие-нибудь шрамы или особые приметы?

Гарольд кивнул:

— Да. У него есть шрамы на спине, по ней нас, бывало, лупил отец. У меня у самого такие же. — Он задрал нижнюю рубашку и показал мне белые шрамы, идущие вдоль и поперек спины. Они были похожи на иероглифическую летопись. По-видимому, Гарольд заполучил эти шрамы в процессе обучения жизни.

— Ваши родители еще живы?

— Конечно. Отец все еще бегаёт на ферме Снейк-Ривер, — сказал он без лишней ностальгии. — Покателло, Рурэр Роуд, 7. Но Майкл не поедет туда. Он ненавидит Айдахо.

— Никогда нельзя сказать наверняка, — ответил я, делая свои пометки.

— Поверьте моему слову. Он порвал с отцом около двадцати лет назад. — И как бы в подтверждение своей мысли добавил: — В большой комнате есть портрет отца. Я называл его «Старик».

Прежде чем сесть к телефону, я более внимательно рассмотрел портрет: седой фермер с маленькими злыми глазками и ртом, напоминающим капкан для медведя. Затем я позвонил в Рено Арни Вальтеру и кратко изложил ему сведения о сыне старого фермера: Майкл Харлей, экс-моряк, экс-боксер, экс-кельнер, игрок, похититель детей, тот, который избил свою жену и подозревается в убийстве, водитель двухдверного «плимута» образца 1958 года с номером ИКТ-449, выданным в Калифорнии.

— Да-а, ты неплохо поработал, — сказал Арни, когда

я закончил излагать свои данные.— Мы же пока ничего не достигли. Зато теперь мы...— он заколебался.— Сколько человек ты хочешь занять в этой операции?

— Ты хочешь спросить, скольких человек я смогу оплатить?

— Твой клиент...

— Я потерял клиента. Надеюсь, что материал, собранный мною, даст мне кого-нибудь, я имею в виду клиента, но пока его нет.

Арни присвистнул.

— То, что ты затеял,— неэтично.

— Да, я знаю. Временно — я. следовательно в конторе местного шерифа.

— Теперь я понимаю: тебя щелкнули по носу. Слушай, Лу, я не люблю напоминать об этом, но ты мне должен триста долларов, а единственная плата за то, что мы уже проделали,— это слова благодарности. Если ты хочешь, чтобы мы остались в деле, завтра в это время у тебя должно быть не менее шестисот долларов. При наших накладных расходах мы не можем работать задаром.

— Я знаю. Тебе будет заплачено.

— Когда?

— Скоро. Я сообщу тебе утром.

— Что нам делать в оставшееся время?

— Продолжать.

— Ну, если ты так говоришь...

Арни повесил трубку, оставив у меня неприятное чувство неуверенности. Шестьсот долларов — столько я зарабатывал за неделю, но я же не работал каждую неделю. У меня было около трехсот долларов в банке и почти двести с собой. Я владел имуществом, состоящим из машины, кое-какой одежды и мебели. Все мое состояние после почти двадцати лет работы детективом составляло что-то около тридцати пяти сотен долларов. Ралф Хиллман со своими деньгами — вот кто обязан был финансировать розыски своего сына.

Но с другой стороны, сказал я сам себе после того, как сам себя же и пожалел,— с другой стороны, я занимаюсь тем, чем хочу заниматься. Я хотел поймать человека, который «поймал» меня. Я хотел найти Тома. И мне необходим Арни как боевой пост в Неваде. Продолжаем.

Я сделал второй звонок — лейтенанту Бастиану. Было уже далеко за полночь, но он все еще находился в своем кабинете. Я сказал ему, что везу свидетеля, и кратко

изложил, о чем свидетель собирается говорить. Бастиан выразил высшую степень восхищения и удивления.

Гарольд был еще в спальне и уныло стоял перед вешалкой для галстуков, вделанной в дверцу шкафа. Он был уже полностью одет, за исключением галстука.

— Как вы думаете, какой галстук мне лучше надеть?

— Галстук совсем не обязательно.

— Но они же будут меня фотографировать. Мне следует быть прилично одетым. — С обезумевшими глазами он продолжал перебирать галстуки.

Я выбрал для него темно-синий галстук со старинными разводами, примерно такой, какой одевают на похороны. Мы заперли дом и гараж и поехали к югу от Лонг-Бич.

Нам оставалось меньше часа езды. Гарольд то говорил, то замолкал, но паузы становились все длиннее. Я спросил его об их с братом детстве в Айдахо. Жизнь в сельской местности с постоянными зимними буранами, весенней грязью и нестерпимой летней жарой была очень тяжелой. Их отец был уверен, что мальчишки — это что-то вроде домашних животных, и заставлял их работать почти сразу же, как их отняли от груди матери. Они сеяли кукурузу и копали картошку, когда им исполнилось шесть лет, в восемь — уже доили коров. Они, наверно, так и остались бы на ферме, если бы он регулярно их не бил. Старик пользовался проводом, связанным узлами. Первым сбежал Майкл. Два года он прожил в Покателло у человека по имени Роберт Браун, преподавателя в школе высшей ступени и адвоката. Он взял к себе Майкла и попытался дать ему образование.

Роберт Браун был отцом Кэрол. Майкл отплатил ему за его доброту тем, что сбежал вместе с его дочерью.

— Сколько лет тогда было Майклу?

— Двадцать или около этого. Так, это было через год после того, как его призвали на флот. Да, около двадцати. Кэрол было всего шестнадцать.

— Где находились в это время вы?

— Работал здесь, в Лос-Анджелесе. У меня были заказы на фотографии в одном отеле.

— В отеле «Барселона», — сказал я.

— Совершенно верно. — Он замолчал, немного подавленный тем, что я знаю его жизнь. — Работы было не очень много, и у меня было свободное время, чтобы подрабатывать на стороне.

— Я знаю, что Майкл и Кэрол тоже останавливались там.

— Ненадолго. Как раз тогда, когда он сбежал с корабля и скрывался. Я предоставил им на пару недель свою комнату.

— В свое время вы много сделали для своего брата.

— Да. А он отплатил тем, что попытался обвинить меня в краже камеры. Есть еще одна сверхслужба, которую я мог бы оказать ему.

— Какая же?

— Я мог утопить его в реке, когда он был еще ребенком. Это всем принесло бы пользу. Особенно Кэрл.

— Почему она никак не могла оставить его?

— Я думаю — не хотела. — Он тяжело вздохнул.

— Они были женаты?

Он помедлил с ответом.

— Думаю, да. И она так же думала. Но я никогда не видел ни одной бумаги, которая бы доказывала это.

— Позже они называли себя мистер и миссис Браун. Машина, которую он оставил у вас, зарегистрирована на имя Роберта Брауна.

— Удивительно, как он достал ее. Остается предположить, что я еще буду вынужден вернуть машину старику.

— Сначала ее осмотрит полиция.

— Да, конечно. Им это понадобится.

Мысль о полиции привела его в крайне подавленное состояние. Он замолчал. Я разглядел выражение его лица в свете фар встречной машины: он сидел, упершись подбородком в грудь. Казалось, все его тело сопротивляется неотвратимому движению навстречу полиции.

— Вы знаете отца Кэрл? — наконец спросил я.

— Я встречал мистера Брауна. Он настраивал Майкла против меня. Бог знает, что он теперь будет думать обо мне, после смерти Кэрл и всего этого...

— Но ведь вы не ваш брат, Гарольд. Вы не можете обвинять себя в том, что сделал он.

— Тут есть и моя вина.

— В смерти Кэрл?

— Да, и в этом тоже. Но я имел в виду похищение. Не предполагая именно такого поворота событий, все-таки это я подсказал ему идею похищения.

— Как это произошло?

— Я не хочу говорить об этом.

— Возьмите себя в руки, Гарольд. Вам, по-видимому, просто хочется выбросить это из памяти.

— Не знаю. Все в голове перепуталось.

У меня не было возможности распутать это. На него

напало какое-то непреодолимое упрямство. Остаток пути он проехал молча.

Я доставил Гарольда и пятьсот долларов лейтенанту Бастиану, который ждал меня в своем кабинете в полицейском участке, и отправился в первый попавшийся отель.

Глава 14

В девять часов утра, еще ощущая во рту вкус кофе, я снова открыл дверь в кабинет лейтенанта. Он ждал меня.

— Вы совсем не спали? — спросил я.

— Немного. Вы провели активных двадцать четыре часа. Должен поблагодарить вас за то, что вы отыскиали его брата. Его показания очень важны, особенно если это дело попадет в суд.

— У меня есть еще кое-что для вас.

Но Бастиан еще не закончил своей речи:

— Я просил шерифа платить вам двадцать долларов в день плюс десять центов за каждую милю, которую вы проедете, если будете подчиняться нашему управлению.

— Благодарю, но это может подождать. Вы доставите мне больше удовольствия, попросив Ралфа Хиллмана финансировать меня.

— Этого я не могу, Арчер.

— Расскажите ему о сути дела. Я потратил несколько сот долларов из собственного кармана и привез результаты.

— Может быть, если представится такая возможность. — Он резко изменил тему разговора. — Патологоанатом, который делал вскрытие миссис Браун, обнаружил кое-что, что может заинтересовать вас. Действительной причиной смерти была колотая рана в сердце. Она была нанесена под грудью, поэтому ее сначала и не заметили.

— Да, интересно. Это может снять вину с Харлея.

— Не понимаю почему. Он избил ее, а потом зарезал.

— У вас есть это оружие?

— Нет. Доктор говорит, что это был отличный клинок, тонкий, но довольно широкий, очень острый. По словам доктора, «он вошел в нее, как в масло». — Это сравнение не доставило ему удовольствия. Лицо его было жестко. — Теперь рассказывайте то, что хотели.

Я показал Бастиану клочок черной пряжи и рассказал, где нашел его. Он прямо выразил свое отношение к этому:

— В багажнике, а? Боюсь, это выглядит не слишком многообещающим для мальчика. В последний раз его виде-

ли одетым в черный свитер. Убежден, его вязала мать.— Он рассмотрел обрывок пряжи под увеличительным стеклом.— Миссис Хиллман может нам это подтвердить.

Он положил кусочек пряжи в папку. Затем поднял трубку телефона и договорился о свидании с Хиллманами в их доме в Эль-Ранчо — свиданий для нас обоих.

Мы ехали в двух машинах в утреннем тумане. В нескольких шагах от дома Хиллмана какой-то человек в штатской одежде вышел из едва видимых в тумане кустов и махнул нам рукой.

Миссис Перес, одетая в черное платье, пригласила нас в зал для приемов. Из комнаты, в которой находился бар, вышел Хиллман. Его движения были сомнамбулическими и точными, будто им управляла какая-то внешняя сила. Глаза его все еще лихорадочно поблескивали.

Он пожал руку Бастиану и, после некоторого раздумья,— мне.

— Пройдемте в гостиную, джентльмены. Хорошо, что вы приехали сюда. Эллен просто не в силах выехать в город. Мне с трудом удастся заставить ее поехать.

Она сидела на диванчике у окна. Ясный утренний свет с какой-то жестокостью высветил ее бледное, иссохшее лицо. С момента первого звонка в понедельник утром прошло два полных дня и две ночи. Она выглядела так, словно каждая минута из этих сорока восьми часов оставила зарубку на ее теле и в ее памяти. Часть красного вязания, лежавшая около нее, так и не увеличилась с того времени, когда я видел ее в последний раз.

Она заставила себя слегка улыбнуться и, протянув к Бастиану руку, проговорила:

— Ралф сказал, что вы хотели что-то показать мне.

— Да. Это кусочек пряжи, который мог быть вырван из свитера вашего мальчика. Но, может быть, и нет.

— Из черного свитера, который я сама вязала ему?

— Может быть. Мы хотим узнать, не сможете ли вы опознать шерсть?

Он подал ей папку с вещественным доказательством. Она прочитала надпись и внимательно рассмотрела клочок. Затем отложила папку в сторону, резко поднялась и вышла из комнаты. Хиллман пошел было за ней, но остановился, беспомощно опустив руки, и стоял так до тех пор, пока она не вернулась.

В руках у нее была большая корзинка. Сев на диван, она порылась в ее содержимом, достала оттуда клубки разноцветной шерсти. Вдруг ее нервно двигавшиеся руки

замерли, вынув наполовину использованный клубок черной шерсти.

— Вот что осталось после того, как я закончила свитер Тома. Мне кажется, это та же самая шерсть. Что скажете вы?

Бастиян оторвал от клубка кусок нити и сравнил ее с той, что лежала в папке. Отвернувшись от окна, он сказал:

— Специальное исследование покажет, идентичны ли они. Мы можем установить это только по микроскопом.

— Если они окажутся идентичными, тогда что?

— Я предпочитаю ничего не говорить, пока не буду иметь результаты экспертизы.

Хиллман взял Бастияна под руку и потряс его.

— Не мучайте меня, лейтенант.

Бастиян освободил руку и отступил назад. Вокруг носа и рта легли побелевшие морщины. Глаза были мрачны.

— Хорошо, я расскажу вам то, что знаю. Этот кусочек пряжи нашел мистер Арчер. Он был зажат в замке багажника автомашины. Это та самая машина, в которой уехал подозреваемый в похищении вашего сына Харлей.

— Вы считаете, что Том находился в багажнике?

— Может быть.

— Но он не стал бы этого делать, если бы... — Губы его бесшумно двигались, но он не произнес ни слова. — То есть вы подозреваете, что он был мертв?

— Возможно. Мы еще не пришли ни к какому заключению.

Здесь наше внимание привлекла Эллен Хиллман. Сдавленным голосом, таким, как у ребенка или старухи, она произнесла:

— Я не хочу... Я не опознала вашу...

— Но этот факт еще не подтверждает смерть, миссис Хиллман.

— Тогда я не желаю слышать никаких фактов. Это ожидание и так ужасно, даже без этих утонченных мучений.

Хиллман нагнуллся и пытался успокоить ее.

— Это невежливо, Эллен. Лейтенант Бастиян пытается помочь нам.

Он уже говорил то же самое и обо мне. Это вызвало у меня странное ощущение, что время повторяет само себя и что так и будет до бесконечности, как в аду.

— Он выбрал для этого странный способ, — продолжа-

ла она.— Посмотри, что он наделал. Все клубки валяются на полу.

Она стала поддавать их своими худыми ногами. Хиллман встал на колени, чтобы собрать клубки, но она продолжала раскидывать их, не обращая внимания на его бесполезные усилия.

Бастиан поднял папку и повернулся ко мне:

— Нам лучше уйти.

Никто не возразил. Хиллман проводил нас в холл.

— Пожалуйста, извините нас. Мы не в себе. Вам действительно больше нечего мне сказать?

Бастиан холодно ответил ему:

— Мы еще не пришли к определенному заключению, чтобы об этом можно было говорить.

— Но вы думаете, что Том мертв?

— Боюсь, что да. Мы узнаем больше, когда изучим содержимое багажника в машине. Извините, мистер Хиллман, но сейчас у меня нет времени для дальнейших объяснений.

— У меня есть время,— сказал я.

Первый раз за все это утро Хиллман посмотрел на меня не только как на козла отпущения.

— Вы хотите рассказать мне, что последует дальше?

— Да, насколько мне это известно.

— Что ж, тогда я оставлю вас,— сказал Бастиан.

Через минуту я услышал шум отъезжающей машины.

Хиллман направил миссис Перес к жене. Затем он повел меня в ту часть здания, где я еще не был. Мы спустились вниз по старинному коридору, напоминающему тоннель, и попали в просторную студию. Две отделанные дубовыми панелями стены были уставлены книгами, в основном в кожаных переплетах. Все это выглядело так, будто Хиллман купил целую библиотеку или получил ее в наследство. В третьей стене было огромное глубокое окно, открывающее вид на отдаленный океан.

Четвертая стена была увешана многочисленными фотографиями в рамках. На одной из них был Дик Леандро — руки на штурвале, за спиной волнующееся море, по которому несется управляемая им яхта. На другой — группа морских летчиков, снятых на взлетной палубе авианосца. С правой стороны группы я увидел Хиллмана, еще молодого. Были снимки, сделанные и на берегу, и на корабле. Эскадрилья торпедоносцев времен второй мировой войны. На одном из снимков был авианосец, снятый с

очень высокой точки, так что он казался крохотной щепкой, затерянной в бурном море.

Видимо, Хиллман с какой-то целью привел меня в эту особенную комнату, к этим стенам. Мы пришли к одной и той же мысли одновременно, и фотография авианосца послужила катализатором.

— Это был мой последний корабль,— сказал Хиллман.— Дело в том, что я командовал им за несколько недель до конца.

— За несколько недель до конца войны?

— За несколько недель до его конца. А война продолжалась еще долго. Мы шли из Даго через канал к Бостону и подорвались на mine.— Его голос стал теплым и прочувствованным. Он мог бы так говорить о смерти любимой женщины.

— Это случайно был не «Перри Бей»?

— Да.— Он бросил на меня быстрый взгляд.— Вы слышали о нем?

— Прошлой ночью. Вот теперь все и сходится, мистер Хиллман. Имя Майкл Харлей говорит вам что-нибудь?

— Боюсь, что вы меня сбиваете. Разве вы упоминали ранее это имя? Вы говорили о Гарольде Харлее.— Глаза его стали туманными.

— Это было не то имя. Гарольд — брат Майкла, и именно с ним я разговаривал минувшей ночью. Он сказал мне, что Майкл служил на «Перри Бей».

Хиллман медленно кивнул.

— Я помню Майкла Харлея. Есть причина, чтобы помнить. Он доставил мне много неприятностей. В конце концов я был вынужден распорядиться списать его с корабля.

— За то, что он украл фотокамеру.

Он долго и внимательно смотрел на меня.

— Вы тщательно подготовили домашнее задание, мистер Арчер. На самом деле мы просто отпустили его, потому что он не был достоин доверия. Его могли отправить в Портсмут за кражу дорогостоящей камеры.— Он стоял спиной к креслу и вдруг сел в него так неожиданно, словно это прошлое ударило его.— Теперь, спустя почти восемнадцать лет, ему удалось украсть моего сына.

Я стоял у окна, ожидая, пока он сам осознает это неожиданное совпадение. Хотя это не было совпадением в обычном смысле слова. Харлей в свое время находился под властью Хиллмана и, возможно, имел причину ненави-

деть его. Эту ненависть я и услышал в его голосе, когда он разговаривал в понедельник с Хиллманом.

Туман над океаном рассеивался, то открывая голубые просветы, то вновь закрывая их. И тогда все снова становилось серым. Хиллман подошел к окну и встал у меня за спиной. Я повернулся. Лицо его уже было спокойнее, если не считать неистового блеска глаз.

— Когда я думаю, что этот человек сделал мне... — он не договорил. — Расскажите мне все остальное, Арчер. Все, что вы знаете.

Я рассказал ему все остальное. Он слушал меня так, словно я был оракулом, предсказывающим его будущее. Мне показалось, особенно он заинтересовался убитой женщиной, Кэрол, и я спросил, не встречал ли он ее когда-нибудь.

Он покачал головой.

— Я не знал, что Харлей был женат.

— Женитьба не была легальной. Но была.

— У Харлея были дети?

— По крайней мере один.

— Как мог человек, имеющий собственного ребенка... — он не закончил мысль, другая пришла в его возбужденную голову. — Во всяком случае, это разрушает версию, что Том был связан с этой женщиной.

— Вовсе не обязательно. Харлей мог использовать ее в качестве приманки.

— Но это же фантастика! Женщина должна была годиться ему в матери!

— Вовсе нет. Она была не старой. Она родилась приблизительно в 1930 году.

— И вы серьезно предполагаете, что Тома связывали с ней какие-то отношения?

— В данных обстоятельствах это риторический вопрос, мистер Хиллман.

Он медленно повернул ко мне голову патриция. Прошедшие дни придали его лицу какие-то скульптурные черты.

— Вы говорите, что Том мертв.

— Это еще не факт. Но имеется большая вероятность.

— Если мальчик жив, может быть, он теперь вернется домой?

— Нет, если его насильно увезли отсюда.

— Есть ли основания предполагать, что он жив?

— Ничего точного, только некоторые факты, позволяющие надеяться. Его видели с этой женщиной в воскресенье.

И он был свободен. И потом, он же убежал из одного места.

— Из школы в «Проклятой лагуне». Не от нас.

— Он может подумать, что, если вернется, вы вновь его туда отдадите.

— Господи боже! Никогда в жизни!

— Вы это уже сделали однажды!

— Надо мной довели обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

— Нет необходимости углубляться в них. Как вы ска-
зали, это риторический вопрос.

— Он не делал попыток к самоубийству?

— Нет.

— А к убийству?

— Конечно нет... — Он торопливо переменял тему. —
Мы не должны терять время на разговоры. Если Том жив,
его надо найти. Харлей — единственный человек, который
должен знать, где Том. Вы говорили, что он на пути
в Неваду?

— Возможно, уже там.

— А почему вы не там? Я мог бы отправить вас
самолетом. Вам следовало бы его нанять.

Я объяснил Хиллману, что это потребует денег, а я
и так ради него потратил уже немало.

— Простите, я этого не учел...

Он подписал чек на две тысячи долларов и протянул
мне. Я мог возвратиться к делам.

Глава 15

На полдороге к шоссе меня ожидала Стелла в своей
синей куртке с капюшоном. На шее у нее висел тяжелый
бинокль. Лицо похудело, словно она давно ничего не ела,
в нем не было ни кровинки. Когда я остановил машину, она
без приглашения села рядом со мной.

— Я ждала вас.

— При помощи полевого бинокля?

Она кивнула.

— Я рассматривала каждого, кто входит или выходит
от Томми. Мама думает, что я наблюдаю за птицами. Она
разрешает мне это, так как мне надо изучать птиц для
уроков по биологии, которые будут в следующем году.
Только все птицы так похожи друг на друга, что за ними
очень тяжело наблюдать.

— Так же, как и люди.

— Не думаю, что это так.— Она наклонилась ко мне, и ее маленькая грудь доверительно коснулась моего плеча.— Знаете что, мистер Арчер? Сегодня утром Томми пытался мне позвонить, я почти уверена в этом.

— Расскажи, как это было.

— Рассказывать-то в общем нечего. Трубку подняла мама, и Томми не стал говорить. Он ожидал, что подойду я.— Глаза ее прямо светились надеждой.

— Почему ты думаешь, что это Томми?

— Это он. Он звонил без пяти восемь. Он всегда звонил мне в это время по утрам. Обычно он заезжал за мной и подвозил к школе.

— Да, это не слишком весело, Стелла. Более похоже на то, что кто-то просто неправильно набрал номер.

— Нет, я уверена, что это был Томми. И что он позвонит опять.

— Почему он позвонил тебе, вместо того чтобы позвонить родителям?

— Наверное, он боится звонить им. У него, должно быть, серьезные неприятности.

— Так или иначе, но неприятности есть.

Я пытался просто умерить ее восторженность, а получилось, что перепугал ее.

— Вы что-нибудь нашли? — спросила она упавшим голосом.

— Ничего определенного. Мы движемся по следам похитителей. Вот и сейчас мне необходимо ехать.

Взглядом она удержала меня.

— Значит, его действительно похитили? Он не пришел к ним по собственной воле?

— Может быть, в первое место он пришел сам. Кстати, Томми никогда не упоминал женщину по имени Кэрол?

— Ту, которую убили?

— Да.

— Никогда. А что? Он разве знал ее?

— Он знал ее очень хорошо.

Она с сомнением покачала головой.

— В это я не верю.

— Но от этого правда не перестанет быть правдой, Стелла. Тебе не приходилось видеть их вместе?

Я достал свою коллекцию фотографий и выбрал ту, которую Гарольд Харлей сделал в сорок пятом году. Девушка изучила снимок и сказала с легкой дрожью в голосе:

— Она... Она очень красивая. И она не намного старше меня.

— Она была такой, когда ее фотографировали. Но это было довольно давно, и на этот счет ты можешь быть спокойна.

— Я никогда ее не видела. Я уверена в этом.— Она угрюмо посмотрела на меня.— И Томми ни слова не говорил о ней. А вообще-то в людях очень сложно разобраться.

Она передала мне фотографию таким жестом, словно та жгла ей руки.

В этот момент в дубовой роще раздался такой треск, как будто бежала лосиха, у которой отнимали лосенка. Это была мать Стеллы. Ее красивые рыжие волосы были растрепаны, а в лице от тревоги за Стеллу появились какие-то мужские черты. Она заметила Стеллу и обежала машину, чтобы оказаться с ее стороны. Стелла подняла стекло и закрыла двери на замок.

Костяшками пальцев Рея Карлсон постучала в стекло.

— Выходи немедленно. Ты думаешь о том, что ты делаешь?

— Разговариваю с мистером Арчером.

— Ты с ума сошла! Ты хочешь погубить себя?

— По правде говоря, мне все равно, что со мной будет.

— Ты не имеешь права так разговаривать, неблагодарное существо!

— Неблагодарное? А за что я должна быть благодарна?

— Я дала тебе жизни! Я и папа дали тебе все!

— Мне не надо всего. Мне надо, чтобы ты оставила меня в покое, мама.

— Нет. Выйди оттуда.

— Не выйду.

— Надо выйти,— сказал я.

Стелла посмотрела на меня так, будто я изменил ей, став заодно с ее врагами.

— Она — твоя мать,— сказал я.— Ты младше и должна подчиниться ей, а то меня могут обвинить в содействии малолетнему нарушителю.

— Вас?

— Такова ситуация.

Эти слова подействовали на нее. Она даже подарила мне полуулыбку. Затем открыла дверцу и вышла из машины. Я тоже вышел и, обойдя машину, подошел к ним. Рея Карлсон посмотрела на меня так, словно я собирался на нее наброситься.

— Успокойтесь, миссис Карлсон. Ничего не случилось.

— О! Откуда вы знаете?

— Я знаю, что Стелле нет никакого вреда от того, что я побыл с ней рядом. Могу я задать вам один вопрос?

Она смешалась.

— У меня нет желания отвечать на него.

— Вы подошли сегодня утром к телефону. Это был местный вызов или междугородный?

— Я не знаю. Большинство наших междугородных разговоров подключается через автомат.

— Как происходил разговор?

— Я сказала «алло».

— Я имел в виду, что происходило на другом конце провода?

— Там не сказали ни слова.

— Но вы слышали, что там кто-то был?

— Да. Но я уверена, что это не сын Хиллмана. Просто какая-то дурацкая ошибка при соединении. У нас они постоянно.

— А я говорю, что это был Томми,— сказала Стелла.— Я знаю это.

— Не верьте ей. Она всегда все делает наоборот.

— Неправда.

— Нет, делаешь.

Я встал между ними.

— Ваша дочь очень хорошая девушка и уже почти взрослая. Пожалуйста, попытайтесь это понять и относиться к ней мягче.

— Что вы знаете о матерях и дочерях? — с презрением в голосе спросила миссис Карлсон.— И вообще, кто вы такой?

— Я с войны работаю частным детективом. За это время у меня появилось несколько очень простых мыслей о человеческой природе и развился инстинкт на хороших людей. Таких, как Стелла.

Стелла залилась краской смущения. Ее мать, ничего не понимая, смотрела на меня.

В зеркальце заднего обзора, когда я отъехал, было видно, как они шли по направлению к дому по разным сторонам улицы.

Приехав в банк получать по чеку и ставя свою подпись, я заметил приписку Хиллмана: «Мистеру Арчеру, с благодарностью». Это было слабой попыткой загладить прошлую вину, но я почувствовал некоторое удовлетворение, пред-

ставив, как покрывалось бы пятнами лицо Спonti, узнай он об этом.

Это придало мне силы. Настроение было отличное. Следуя какому-то предчувствию, я поехал в Лонг-Бич, к Гарольду Харлею. Предчувствие не обмануло: дверь открыла Лилла.

На ней был фартук, в руках пыльная тряпка, грудь тяжело вздымалась. Лилла не была приятной женщиной, но, видимо, была большой оптимисткой.

— Вы один из них? — спросила она.

— Да. Я думал, вы ушли от Гарольда.

— Я уходила. Но решила вернуться.

— Очень за него рад. Ему понадобится ваша поддержка.

— Да? — Голос ее стал мягким и приятным. — Что произошло с Гарольдом? Они посадили его, а ключи выбросили?

— Нет, если я смогу помочь ему.

— Вы из ФБР?

— Я вольный стрелок.

— Удивительно. Они пришли сегодня утром и забрали машину. Теперь ни Гарольда, ни машины. В следующий раз они заберут дом, и я останусь без крыши над головой. И заберут также все, что есть на счету его паршивого брата. Это уж точно.

— Все станет на свои места. Спасение Гарольда — говорить только правду.

— А правда в том, что братец прибрал его к рукам. Так всегда и было. Майкл все еще... — Она приложила палец к губам и с испугом посмотрела на меня.

— Что «Майкл все еще», миссис Харлей?

Она выглянула и осмотрела грязную улицу. Потом потянула меня за рукав.

— Войдите, пожалуйста. Мы, может быть, сможем сделать одно дело.

Я переступил шланг пылесоса, лежащий у порога.

— Я убиралась. Надо же что-то делать. А то я все время обо всем этом думаю...

— Надеюсь, Гарольд очень скоро вернется и сможет сам все оценить. Очень скоро...

— Да. Скажите, поможет ему или нет, если я помогу вам поймать его брата?

— Определенно поможет.

— А вы поможете Гарольду?

— Не могу обещать точно, но думаю, что помогу.

— Почему не можете?

— Я только следователь. Но Майкл нам действительно нужен. Вы знаете, где он?

Она долго молча и неподвижно смотрела на меня, потом кивнула.

— Я знаю, где он был в три часа сегодня ночью. — Большим пальцем она указала на телефон. — Он звонил сюда из Лас-Вегаса. Ему нужен был Гарольд. Я сказала, что не знаю, где он, так как пришла домой прошлой ночью, а его уже не было.

— Вы уверены, что звонил именно Майкл?

— Конечно, больше никому. Я знаю его голос. Он не первый раз звонит сюда, все время выманивая у Гарольда деньги, заработанные трудом.

— Он просил денег?

— Совершенно верно. Я должна перевести ему пятьсот долларов на офис «Вестерн Юнион» в Лас-Вегасе.

— Но у него было с собой двадцать тысяч.

Лицо ее сразу же стало непроницаемым.

— Об этом я ничего не знаю. Я знаю только то, что он говорил. Ему нужны деньги, и я должна перевести их, пять сотен, которые он обязан выплатить в двадцать четыре часа. Я сказала ему, что с удовольствием посмотрела бы на то, как он будет гореть в аду. Он опять играл.

— Похоже на то.

— Он сумасшедший игрок, — сказала она. — Ненавижу игроков.

Я позвонил в Рено в агентство Вальтера. Филлис, жена и партнер Арни, сказала мне, что он вылетел в Лас-Вегас первым самолетом. Двухдверный «плимут» Гарольда Харлея был обнаружен в одном из moteley на Вегас-стрит.

Через два часа самолет доставил меня в Лас-Вегас, и вскоре я сидел в мотеле в комнате нового владельца «плимута», где уже находился Арни. Этого человека звали Флетчер. По его словам, он был из Финикса, штат Аризона, но по выговору был похож на техасца. На нем был костюм западного денди, туфли на высоком каблуке, пояс с красивой серебряной пряжкой и аметист вместо галстука. На одной из кроватей лежало женское белье. Женщина — как сообщил мне Арни — принимала ванну. И мы ее так и не увидели.

Мистер Флетчер был крупный, самоуверенный и на вид довольно грубый человек. Его лицо, очевидно, некогда достаточно аккуратно вырезанное из гранита, сейчас уже

несло на себе результат 55-летнего воздействия погодных условий.

— Я не хотел покупать его колымагу,— говорил он.— У меня есть новый «кадиллак» в Финиксе,— можете сами проверить. У него не было даже регистрационной карточки на машину. Я заплатил ему пять сотен только потому, что он был уже совершенно разорен и не мог оставаться в игре.

— Во что играли? — спросил я.

— Покер.

— Играли очень долго в одном из больших отелей,— заговорил Арни.— Мистер Флетчер отказывается назвать отель и остальных игроков. Игра проходила весь день вчера и большую часть сегодняшней ночи. Никто не говорил, сколько проиграл Харлей, но он потерял все, что имел с собой.

— Возможно, около двадцати тысяч,— сказал я.— Игра была честной?

Флетчер повернулся ко мне и посмотрел на меня так, как, наверное, статуи смотрят на живых людей, стоящих у их ног.

— Это была честная игра, дружок. Она должна быть честной, поскольку больше всех выиграл я.

— Но я задал вопрос, не имея в виду вашу честность.

— Естественно, сэр. Самые почтенные люди Финикса бывают у меня и у моей маленькой женщины, и мы бываем у них. И они говорят, Джек Флетчер — самый честный человек.

Наступило молчание. Мы, все трое, сидели, прислушиваясь к шуму кондиционера.

— Это прекрасно, мистер Флетчер,— сказал я наконец.— Сколько же все-таки вы выиграли?

— Это осталось между мной и крупье, дружок. Я выиграл пачку денег. Поэтому отдал пять сотен за его телегу, которая мне вовсе не нужна. Можете забрать ее.— Тут он сделал императорский жест рукой.

— Нам, конечно, придется это сделать.

— Пожалуйста. Чем я могу еще вам помочь?

— Вы можете ответить еще на несколько вопросов, мистер Флетчер.— Я показал ему фотографию Тома.— Не видели ли вы с Харлеем этого мальчика?

Он рассматривал фотографию с таким вниманием, как, наверное, рассматривал каждую карту.

— Нет, не видел.

— Не упоминал ли он при вас о нем?

— Никогда не слышал. Харлей пришел и ушел один

и вообще не разговаривал. Видите ли, он не принадлежит к числу настоящих игроков, когда игра идет с высокими ставками, но у него были деньги и желание проиграть их.

— Он хотел проиграть? — спросил Арни.

— Конечно, так же как я хотел выиграть. Он рожден, чтобы проигрывать, а я — чтобы выигрывать.

Флетчер встал и начал ходить по комнате взад и вперед. Он надкусил бразильскую сигару, не предложив никому из нас закурить, зажег ее, но дым ее не дразнил нас.

— В котором часу закончилась игра? — спросил я.

— Было около трех, когда я сорвал свой последний большой куш. Я хотел остаться, но у других не было такого желания. Харлей, конечно, хотел бы продолжить, но у него не было больше денег. Конечно, он не тот игрок.

— Не было ли у вас с ним каких-либо неприятностей?

— Нет, сэр. Когда играют настоящие джентльмены, такие вещи не случаются. Никаких неприятностей. В конце концов, Харлей проиграл все. Я дал ему денег, чтобы он мог доехать до дома.

— До дома? Куда он поехал?

— Он сказал, что приехал из Айдахо.

Я взял такси, вернулся в аэропорт и заказал место в самолете, который делал посадку в Покателло. Еще до захода солнца я ехал в арендованной машине по адресу Рурэр Роуд, 7, где жил самый старший Харлей.

Глава 16

Ферма Харлеев, зелено-золотистая в лучах заходящего солнца, лежала в излучине реки. Я спустился к ней по пыльной дороге. Она была построена из белого кирпича, без каких-либо украшений. Успевшие стать серыми от непогоды дощатые некрашенные сараи давно уже нуждались в ремонте.

Путь отсюда до Лас-Вегаса был неблизкий, и трудно было поверить, что Харлей приехал в этот дом или приедет когда-нибудь. Но эту возможность надо было проверить.

Когда я вышел из машины, белый с черными пятнами одноглазый колли зарычал на меня из-за забора. Я пытался было позвать его и поговорить, но он явно боялся меня и на зов не подходил. Зато из дома вышла старая женщина в переднике и одним словом заставила собаку замолчать.

— Мистер Харлей в сарае, — сказала она мне. •

— Могу ли я с ним переговорить?
— Смотря о чем.
— О семейных делах...
— Если вы хотите всучить нам страховку, то мистер Харлей не будет и слушать. Он не верит в страховки.
— Я ничего не продаю. Вы миссис Харлей?
— Да, это я. Кто вы?
— Приятель вашего сына Гарольда. Меня зовут Арчер.
— Ах, как это мило! Мистер Харлей скоро закончит дойку, и пока до ужина можно просто посидеть. А почему бы вам не остаться отужинать с нами?
— Вы очень добры...
— Как Гарольд? — спросила она. — Мы о нем ничего не слышали с тех пор, как он женился. Жену его зовут Лилла.

Было ясно, что она ничего не слышала о неприятностях, происшедших с ее детьми, и я заколебался, стоит ли ей говорить, но она заметила мои колебания.

— Что-нибудь случилось с Гарольдом? — спросила она с тревогой.

— Случилось с Майклом. Вы не видели его?

Ее большие огрубевшие руки судорожно задвигались.

— Я не видела Майкла больше двадцати лет и не надеюсь повидать его до конца жизни.

— Возможно, это произойдет. Он сказал одному человеку, что едет домой.

— Это не его дом. Он отвернулся от нас, когда сбежал в Покателло и жил там в семье человека по имени Браун. Это и было его падением.

— Как это?

— У Брауна была дочь — Кэрол. Она погубила моего сына, толкнула его на грязный жизненный путь, — произнесла она срывающимся голосом.

Я довольно неуклюже пытался прервать ее:

— Кэрол заплатила за все, что бы она ему ни сделала. В понедельник в Калифорнии ее убили...

— Это... Майкл... убил ее?

— Мы думаем, что он. Но не уверены.

— Так вы полицейский?

— Более или менее.

— Зачем вы пришли к нам? Мы живем мирно, никому не причиняем зла, а он давно уже ушел от нас. Много лет назад он вышел из-под нашего контроля... — Руки ее раскачивались из стороны в сторону.

— Если он попадет в безвыходное положение, то может и приехать сюда.

— Нет, он никогда не приедет. Мистер Харлей сказал, что убьет его, если его нога переступит наш порог. Это было двадцать лет назад, когда он сбежал с флота. Мистер Харлей об этом и говорил. Он никогда не потерпит у себя под крышей правонарушителя. Неправда, что мистер Харлей жестоко обращался с ним. Мистер Харлей только пытался спасти его от дьявола.

То, что она говорила, сильно походило на проповедь. Я оставил ее и пошел к сараю, надеясь найти ее мужа. Он был в хлеву за сараями, где доил корову, сидя возле нее на корточках.

— Мистер Харлей?

— Я занят,— сказал он мрачно.— Если хотите подождать, ждите, это последняя.

Я отошел в сторону, чтобы посмотреть на других коров. Их было десять или двенадцать. Они тяжело задвигались в стойлах, когда я подошел поближе. Где-то дальше всхрапнула и ударила копытом лошадь.

— Вы распугаете мне весь скот,— пробурчал Харлей.— Стойте спокойно.

Он встал и перелил молоко из ведра в десятигаллоновый бидон. Я обратил внимание, что его неглубоко посаженные, сердитые глаза и упрямо поджатые губы точно такие же, как на фотографии, сделанной Гарольдом.

— Вы не из наших,— отметил он.— Зашли по дороге?

Я сообщил, кто я, и добавил, что его сын Майкл попал в серьезную переделку.

— Майкл мне не сын,— ответил он угрюмо.— Не желаю ничего слышать ни о нем, ни о его неприятностях.

— Но он может появиться здесь. Он говорил об этом. Если это произойдет, вы должны сообщить полиции.

— Нечего учить меня, что я должен делать. Мне приказывает более могущественная сила, и ее приказы идут мне прямо в сердце.

Он перекрестился.

— Это, должно быть, очень удобно.

— Не смей насмехаться и богохульствовать, ибо ты сейчас же заплатишься за это!

Он схватил вилы, прислоненные к стене. Я почувствовал, что на спине у меня взмокла рубашка, и ощутил некоторое неудобство моего положения. Острые зубцы вил были направлены мне прямо в желудок.

— О-а! — закричал старик.— Убирайся отсюда! Всю

жизнь я боролся с дьяволом и узнаю его слуг с первого взгляда!

— Так же как и я...— пробормотал я не слишком громко и выскочил наружу.

У калитки, сложа руки на груди, стояла миссис Харлей.

— Извините меня,— обратилась она ко мне.— Я виновата перед Кэрол Браун. Она вовсе не была испорченной девушкой, только я держала против нее сердце.

— Сейчас это уже неважно. Она мертва.

— Это важно для ее жизни на небесах.

Она подняла глаза к небу, словно ясно видела там «небеса» и загробную жизнь на них.

— Мне пришлось сделать слишком много плохого,— продолжала она,— и на слишком многое закрывать глаза. Но вам не понять, что я должна была сделать выбор.

— Не совсем вас понимаю...

— Выбор между мистером Харлеем и моими сыновьями. Я знала, что он тяжелый, жестокий человек, не всегда правильно поступающий. Но что я могла сделать? Я должна была прожить жизнь со своим мужем. И у меня не хватило сил, чтобы противостоять ему. Да и ни у кого не хватило бы. Я вынуждена была отступить в сторону, когда он выгнал моих детей из дома. Гарольд добрый парень, и он в конце концов простил нас. Но Майкл не простит никогда. Он похож на своего отца. Я не надеюсь когда-либо увидеть своего старшего сына.

Слезы медленно текли по ее глубоким морщинам.

Из сарая вышел ее муж, неся в одной руке десятигаллоновый бидон, а в другой вилы.

— Иди в дом, Марта. Этот человек — слуга дьявола. Я не хочу, чтобы ты разговаривала с ним.

— Не трогай его, пожалуйста.

— Иди в дом,— повторил он.

Она ушла, опустив седую голову и с трудом переставляя ноги.

— Что же касается тебя, дьявольское отродье, то ты уберешься с моей фермы, или я призову на твою голову небесную кару.

Он поднял вилы к небу и потряс ими. Я был уже в машине и закрывал окна.

Рубашка моя была все еще мокрой, и, как только машина тронулась, свежий поток воздуха охладил мне спину и плечи. Я оглянулся назад: в наступающих сумерках спокойно и одиноко текла река. И я успокоился.

После посещения фермы Харлеев я нанес вечерний визит Роберту Брауну и его жене. Они уже знали, что произошло с их дочерью, и мне не пришлось сообщать об этом.

Роберт Браун ждал меня. Это был крупный мужчина, казалось, постоянно преодолевающий чье-то невидимое сопротивление. Не знаю, был ли тут замешан возраст или происшедшее горе. Он торжественно пожал мне руку.

— Я рассчитываю завтра вылететь в Калифорнию, — сказал он. — Если бы вы это знали, это могло бы избавить вас от путешествия к нам.

— Мне все равно надо было поговорить с Харлеем.

— Понимаю. — Он наклонил голову набок каким-то птичьим движением, странным для такого крупного человека.

— Каково ваше впечатление от них?

— Миссис Харлей произвела на меня в общем приятное впечатление, сам Харлей — нет.

— Неудивительно. Он ведь несколько раз бывал в психиатрической больнице. И когда он в очередной раз попал туда, мы с женой взяли на себя заботу о его сыне Майкле. Он стал жить в нашем доме. — Все это прозвучало так, будто ему было стыдно за свой поступок.

— Вы поступили благородно!

— Боюсь, что благородство не привело к хорошему. Но кто может предсказать будущее? Сейчас, во всяком случае, никто! Но проходите, мистер Арчер. Жена хотела поговорить с вами.

Мы прошли в гостиную, обставленную неброской мебелью. Это было жилище людей среднего достатка. На стенах висели фотографии, а на камине золотом и серебром поблескивали спортивные трофеи.

Миссис Браун сидела в кресле. Это была очень красивая женщина, несколькими годами моложе своего мужа. В ее темных, тщательно причесанных волосах поблескивала седина. Она подала мне руку жестом, скорее просящим нежели напоминающим приветствие. Предложив мне сесть на высокую скамеечку, она попросила:

— Расскажите нам все о Кэрл, мистер Арчер.

Все о Кэрл! Я осмотрел их приятную комнату с фотографиями Кэрл на стенах и повернулся к ее родителям. Глядя на лицо матери, я понял происхождение красо-

ты Кэрол, но понять, как одна жизнь повлияла на другую и почему жизнь Кэрол имела такой конец, не мог.

— Мы знаем, что она умерла,— сказал Браун,— что ее убили, что, возможно, это сделал Майкл. Это все, что мы знаем.

Лицо его было похоже на лица римских полководцев, когда Рим терпел уже длинную цепь поражения от варваров.

— Это все, что знаю и я. Он, по-видимому, использовал ее в качестве приманки для похищения. Вы знаете о мальчишке по фамилии Хиллман?

Он кивнул.

— Я читал о нем до того, как узнал, что моя дочь...— Голос его прервался.

— Говорят, что, возможно, он тоже уже мертв,— сказала его жена.

— Возможно, миссис Браун.

— И все это сделал Майкл? Я знала, что он далеко пойдет, но не подозревала, что он такое чудовище.

— Он не чудовище,— вяло ответил Браун.— Он больной человек. Его отец тоже болен до сих пор, несмотря на меры, принятые в психиатрической лечебнице.

— Если Майкл был так болен, то зачем ты привел его в наш дом и познакомил с дочерью? Это и погубило ее жизнь!

— Но и ты приложила к этому руку. Кто уговорил ее участвовать в конкурсе красоты?

— Но она же не победила!

— В том-то и беда.

— Беда в том, как ты относился к мальчику Харлеев!

— Я хотел помочь ему. Он нуждался в помощи. У него был талант.

— Талант?

— Талант атлета. Я думал, что смогу помочь ему в развитии природных данных.

— Ты и развил их. Что верно, то верно!

Они разговаривали через меня, но не потому, что забыли обо мне, а потому, что каждый хотел использовать меня в качестве своеобразной точки приложения сил, некоего воспринимающего устройства. Я понял, что спор этот длится уже много лет.

— Я хотел сына...— сказал Браун.

— Ну вот, ты и получил его. Прекрасный, честный сын!

Он так посмотрел на нее, словно собирался ударить. Но не ударил. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Извините нас... Мы не должны были... Это некрасиво.

Молчание миссис Браун говорило о том, что она не простила мужа. Я старался понять, что же могло создать такое напряжение в их отношениях и что следует предпринять, чтобы смягчить обстановку.

— Я приехал сюда не для того, чтобы служить источником ссоры.

— Вы здесь ни при чем, поверьте мне,— смущенно хихикнул Браун.— Это началось в тот день, когда Кэрол сбежала с Майклом. Вот этого я никогда не мог предвидеть.

Голос жены прервал его:

— Это началось, когда она родилась, Роб. Ты не хотел дочери, ты хотел сына. И потому ты отверг и ее и меня!

— Я не делал ничего подобного.

— Он не помнит,— обратилась она ко мне.— У него очень удобная память. Отбрасывает все, что не соответствует его мнению о самом себе. Мой муж — бесчестный человек.

Ее злая улыбка, тем не менее, очень шла ее своеобразному лицу!

— Но это же чепуха! — запротестовал он.— Я заболел о вас всю свою жизнь!

— За исключением тех моментов, когда я уже не могла совладать с тобой. В такой момент ты и привел в дом мальчишку Харлея. Ты великий альтруист. Князь адвокатов!

— Ты не имеешь права высмеивать меня. Я хотел помочь ему. Я не мог и предположить, к чему он придет.

— Продолжай! Ты хотел сына любыми путями. Вот ты и получил его!

Он проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Она не понимает! Мужчина получает естественное удовольствие, воспитывая мальчика, обучая его всему, что умеет сам.

— Ты обучил Майкла своей нечестности. Это все, чего ты достиг.

Повернувшись ко мне, Браун беспомощно всплеснул руками:

— Она во всем обвиняет меня!

Бесцельно пройдя несколько раз по комнате, он вышел через черный ход из дома. Я чувствовал себя так, словно остался один на один со страшной львицей. Миссис Браун наклонилась в кресле в мою сторону.

— Я виню себя в том, что была дурой, выйдя замуж за человека, развитие которого остановилось на уровне мальчишки. Он все еще волнуется за футбольную команду своей школы. Ребята обожают его, говорят о нем как о святом. А он не смог уберечь от неприятностей свою собственную дочь!

— Вы с мужем должны все взвесить...

— Не слишком ли поздно начинать взвешивать?

— Но если так будет продолжаться, это может привести к тому, что вы убьете его!

— Нет, он доживет до восьмидесяти лет, как и его отец.

Миссис Браун качнула головой в сторону одного из портретов на стене. Она была сильно взволнована.

— Вы, должно быть, были очень красивой девушкой, — сказал я, желая успокоить ее.

— Да, была. Я могла бы выйти замуж за любого мужчину из нашего колледжа. Некоторые из них стали сейчас президентами банков, руководят крупными корпорациями. А мне понадобилось влюбиться в футболиста.

— Ваш муж выше этого.

— Не надо мне «продавать» моего собственного мужа. Я знаю, что он из себя представляет и какой была моя жизнь. Но я обманулась. Я отдала все за возможность стать женой и матерью, а что я получила взамен? Я даже не видела моего внука!

— А что случилось с вашим внуком?

— Кэрл отдала его на усыновление, можете себе представить. Она не была уверена, что муж что-нибудь с ним не сделает. Вот за какого человека она вышла замуж.

— Она сама говорила вам об этом?

— Более или менее. Кроме всего, Майкл садист. Раньше он таскал за хвосты кошек. Он прожил в нашем доме чуть больше года, и все это время я его боялась. Он был ужасно сильный. Я никогда точно не знала, что он намеревается сделать.

— Он угрожал вам?

— Нет, этого он не смел.

— Сколько ему было лет, когда он ушел?

— Дайте мне сообразить. Кэрл в то время было шестнадцать. Должно быть, ему было лет семнадцать или восемнадцать.

— Он ушел и сразу же поступил на флот? Это верно?

— Нет, сначала он уехал из города с каким-то человеком, который был старше его, полисменом из местной полиции. Я забыла его имя. Этот человек потерял место

в полиции из-за того, что брал взятки. Он уехал из города и забрал с собой Майкла. Он говорил, что собирается сделать из него боксера. Они уехали на западное побережье. Я думаю, что Майкл попал на флот спустя несколько месяцев. Кэрол могла...— Она смутилась и замолчала.

— Что «могла Кэрол»?

— Я хотела сказать, что Кэрол могла вам все это рассказывать.— Рот ее искривился в злой усмешке.— Я, должно быть, совсем потеряла голову.

— Не думаю, миссис Браун. Просто подобные удары на некоторое время выводят нас из строя.

— Некоторое время... Больше, чем я его имею...— Она порывисто встала и подошла к камину.— Интересно, что это Роб вздумал делать на кухне?

— Я хотел бы услышать продолжение вашего рассказа, миссис Браун. Это первая настоящая возможность получить информацию, чтобы разобраться в основе всего случившегося.

— Эта основа едва ли сейчас имеет значение.

— Это не совсем верно. То, что вы рассказываете, может помочь мне найти Майкла. Полагаю, что вы время от времени виделись с ним и Кэрол.

— Его я видела еще только один раз, когда он приезжал домой зимой 1944/45 года. После того, что случилось, я отказала ему от дома. Он тогда заявил, что в отпуске, и всякими разговорами вернул расположение Роба. Роб даже дал ему денег, которые Майкл использовал на то, чтобы сбежать с моей единственной дочерью.

— Почему Кэрол уехала с ним?

Она потеряла лоб, оставив на гладкой коже белые полосы.

— Я спрашивала ее об этом, когда она в последний раз была дома, два месяца назад. Но она не знала, что ответить. Конечно, она хотела уехать из Покателло. На побережье, сниматься в кино. Боюсь, что моя дочь все еще находилась под властью ребячьих мечтаний.

«Все пятнадцатилетние девочки таковы»,— подумал я и внезапно вспомнил Стеллу. Эта неожиданная острая мысль о ней начала оформляться у меня в голове, занимая все больше места. Каждое поколение начинает постигать мир сначала. Сейчас все так резко изменилось, что дети ничему не могут научиться у родителей, как, впрочем, и родители у своих детей.

— Дело в том,— сказал я,— что Кэрол действительно снималась в кино.

— Вот как! Она говорила мне однажды, но я не поверила.

— Она часто обманывала?

— Нет. Этим занимался Майкл. Я просто не верила, что она может чего-нибудь достичь. Она никогда ничего не добивалась.

Та горечь, с которой женщина произнесла эти слова, прямо огорошила меня. В ней, казалось, находился какой-то неистощимый резервуар горечи и недоверия. Если она была такой всегда, то я могу понять, почему Кэрол ушла из дома при первой же возможности и старалась держаться от него подальше.

— Вы сказали, что видели Кэрол всего два месяца назад?

— Да. Она приезжала в июне на автобусе из Лейк-Тахо. До этого я ее долго не видела, и было очевидно, что жизнь ее потрепала. Бог знает, на что толкал ее муж. Она об этом не рассказывала.

— Это была неопределенная жизнь. Видимо, тогда Харлей потерял работу, и они сидели без гроша.

— Так она мне и сказала. Это была обычная просьба денег. Я настояла, чтобы Роб дал ей денег. Он всегда давал. Впоследствии он начал утверждать, что и машину он ей дал, но я-то знаю лучше. Наверное, их старая совсем развалилась, а они не могли жить в Тахо без машины.

— Почему вы решили, что она взяла ее сама, раз ваш муж говорит обратное?

Она жестом выразила свое отношение к мужу.

— Разве это имеет значение? Им было приятно иметь машину.— Это были ее первые великодушные слова, но она тут же наполовину испортила их.— Во всяком случае, нам нужна была новая машина. Я уверена, что Кэрол сделала это под влиянием минуты. Она всегда была очень импульсивной девочкой.

— Но суть в том,— продолжала она,— что Кэрол уехала, не попрощавшись. Она забрала машину и вернулась в город к своим фильмам и больше уже не приезжала. Она даже оставила у себя в комнате чемодан.

— Она была чем-нибудь встревожена?

— Не больше, чем обычно. За ужином у нас возник спор.

— О чем?

— О внуке. Она не имела права отдавать его на усыновление. Она сказала, что это ее ребенок и она вольна поступать так, как сочтет нужным... Но она не имела права.

Если она не могла его содержать, то привезла бы к нам. Мы дали бы ему и воспитание, и образование.— Она тяжело дышала.— В этот вечер Кэрол сказала мне такое, чего я никогда не забуду. Она спросила, что я подразумеваю под словом «воспитание». Не то ли, что мы дали ей? И ушла. Больше я ее никогда не видела. И отец также.— Она качнула головой, подтверждая то, что намеревалась сказать.— Мы дали ей воспитание. И не наша вина, что она его не использовала. Неправильно обвинять во всем нас.

— Вы обвиняете друг друга,— сказал я.— Вы прямо рвете друг друга на куски.

— Давайте не будем говорить об этом. Я достаточно слышу подобных вещей от мужа.

— Я только хотел, чтобы вы обратили внимание на очевидные факты. Вам нужен какой-то незаинтересованный человек, третье лицо, для того чтобы разобраться в своих мыслях.

— И вы выбрали себя?

— Я далек от этого. Вам нужен специалист, возможно, адвокат.

— Мой муж сам адвокат. А что в этом хорошего? Я, во всяком случае, не верю в возможность такой помощи. Люди не могут разобраться в своих собственных проблемах.

Она села в кресло и снова ушла в себя; с немим укором показывая мне всем своим видом, что в своих проблемах разберется сама.

— Ну так и что же, что не могут?

— Не могут, вот и все тут!

Я предпринял еще одну попытку.

— Вы ходите в церковь?

— Естественно.

— Вы могли бы поговорить обо всех проблемах со своим духовником?

— О каких проблемах вы говорите? У меня нет никаких проблем!

Она была в таком отчаянии, что даже не хотела и думать о возможности какого-то проблеска. Видимо, она боялась, что разоблачит себя перед самой собой.

— Хорошо, позвольте мне задать вам еще несколько вопросов. Вы упомянули о чемодане, который оставила ваша дочь. Он все еще здесь, в доме?

— Он наверху, в ее комнате. В нем почти ничего нет. Я даже чуть не выбросила его. Но я всегда допускала возможность, что она придет.

— Можно мне взглянуть на него?

— Да, мы посмотрим его.

— Если вы не возражаете, я хотел бы поскорее подняться в ее комнату.

— Пожалуйста.

Мы вместе поднялись наверх — миссис Браун впереди, я сзади. Она включила свет и посторонилась, чтобы я мог пройти.

Комната лишний раз доказывала, что побег дочери нанес миссис Браун очень тяжелую травму. Это была спальня старшеклассницы. Оборчатое желтое покрывало на «провинциальной» французской кровати перекликалось с желтыми оборочками на скатерти, лежащей на столе, где две куклы радостно улыбались друг другу. Над желтым из овечьей шерсти ковриком был подвешен матерчатый песик, показывавший мне ярко-красный язык. Небольшой книжный шкаф, выкрашенный, как кровать, в белый цвет, был заполнен учебниками для старших классов школы и различными юношескими повестями. На стенах висели вымпелы за спортивные победы в колледже.

— Я оставила в комнате все так, как было у нее, — сказала за моей спиной миссис Браун.

— Почему?

— Не знаю. Все-таки я всегда думала, что в конце концов она вернется домой. Ну, она возвращалась несколько раз. Чемодан в гардеробе.

Гардероб был набит платьями и блузками, которые носили школьницы предыдущего поколения. Я начал подозревать, что и сама комната, и все, что ее заполняло, имело к Кэрол отношение меньшее, чем к тайным фантазиям ее матери. Как бы подслушав мои мысли, миссис Браун заговорила от двери:

— В этой комнате я проводила очень много времени. Здесь я чувствовала себя близкой к ней. Мы и в самом деле одно время были очень близки. Она тогда рассказывала все, даже о мальчиках, которым назначала свидания. Все это так напоминало мне мою собственную жизнь школьницы!

— Это была хорошая жизнь?

— Не знаю. — Она покусала губы. — Полагаю, что нет. А потом она вдруг отвернулась от меня и совершенно замкнулась. Я не знаю, что произошло в ее жизни, но изменения были очевидны. Она стала грубой. А ведь она была такой чистой, такой милой девочкой!

Лицо ее сморщилось, и она отвернулась. Возможно, она только сейчас полностью ощутила свою потерю.

Это был старый чемодан из коровьей кожи. На нем

стояли инициалы Роба Брауна. Я вынес его на середину комнаты и открыл. Вдруг я вспомнил, как открывал другой чемодан Кэрол в мотеле Дака. Тот же самый привкус брошенного, застоявшийся запах старых вещей, казалось, заполнил комнату.

Там была такая же куча одежды, только на этот раз женской: блузки, платья, нижнее белье, чулки, немного косметики и тонкая брошюра о толковании снов. В нее, как закладка, был вложен лист бумаги с каким-то текстом, написанным от руки. Я вынул его и взглянул на подпись. Там было выведено: *«твой брат Гар»*.

«Дорогой Майкл!

Очень обидно, что у вас с Кэрол наступили трудные времена, и я посылаю чек на 50 долларов, которым хочу помочь вам. Я послал бы и больше, но кое-что изменилось с тех пор, как я женился на Лилле. Она хорошая девчонка, но только не верит, что кровь не просто вода, которая бежит по жилам. Ты мне говорил, как я должен устроить свою свадьбу, но вышло все немного не так, так как у Лиллы были свои идеи на этот счет. У нее не такая «чувствительная» красота, как у Кэрол, но об этом я расскажу потом.

Жаль, что ты потерял свою работу, Майкл. В наши времена очень трудно найти неквалифицированную работу, а я знаю, что ты был хорошим кельнером и что это была все-таки специальность, и ты мог бы зарабатывать по этой линии, даже если они придирались к тебе, как ты говорил. Ты просил меня, и я сходил к мистеру Сайпу, но он сейчас не в состоянии что-нибудь сделать для кого-нибудь, потому что сам на мели — «Барселона» обанкротилась прошлой зимой, и сейчас старый Сайп только сторожит там, но он все вспоминает о старом времени и хотел, чтобы ты заглянул к нему, если у тебя будет время.

Я видел другого «приятеля» твоих прошлых лет. Я имею в виду капитана Хиллмана. Я знаю, что ты недобро к нему относишься, но после всего, чем он угрожал тебе, ты хорошо вывернулся. Он мог посадить тебя лет на десять в тюрьму. Нет, я не растравливаю наших старых взаимных обвинений. Хиллман мог бы что-нибудь сделать для тебя, если бы захотел. Ты бы только посмотрел на его шикарную яхту, на которой он заходил в Ньюпорт. Она стоит тысяч двадцать пять. Я выяснил, что он живет с женой и сыном в местечке «Вид на океан». Если ты захочешь, можешь попробовать получить у него какую-ни-

будь работу, так как он руководит чем-то в «бездымном местечке».

Вот на сегодня и все, если ты решил приехать в солнечную Калифорнию, ты знаешь, где мы живем, и не сердись, если Лилиа неласково тебя примет, зато душа у нее добрая.

Всегда твой».

Миссис Браун вышла из своего транса и направилась ко мне, воскликнув от удивления:

— Что это?

— Письмо Гарольда своему брату Майклу. Вы разрешите мне взять его?

— Пожалуйста, возьмите.

— Благодарю вас. Я думаю, что это послужит доказательством. Теперь я начинаю понимать, откуда у Майкла появилась мысль выудить у Хиллмана деньги. И это же объясняет, почему Гарольд считает себя виновным.

— Можно мне прочитать его?

Я подал ей письмо. Она, прищурившись, попыталась прочитать его, отодвинув лист на расстояние вытянутой руки.

— Боюсь, мне понадобятся очки.

Мы спустились вниз, она взяла очки в роговой оправе и села с письмом в кресло.

— Сайп,— сказала она.— Это имя я и пыталась вспомнить. Роберт, иди сюда! — позвала она мужа.

Роберт Браун ответил из кухни:

— Сейчас приду!

Он появился на пороге, неся на подносе великолепный графин и три стакана.

— Я подумал, что вам захочется холодного лимонада,— сказал он, виновато глядя на жену.— Ночь такая теплая.

— Это прекрасно, Роберт. Поставь его на кофейный столик. Послушай, как звали того полицейского, с которым Майкл первый раз уехал из Покателло?

— Сайп, Отто Сайп,— ответил он, слегка покраснев.— Могу сказать, что этот человек оказал на него очень плохое влияние.

Удивительно, если бы он оказался именно тем человеком, о котором я вспомнил. Этот вопрос представлялся мне таким важным, что я тут же выехал обратно в аэропорт и заказал билет не первый же самолет до Солт-Лейк-Сити. Последний рейсовый самолет унес меня в ночь. Сделав

в пути пересадку, вскоре я приземлился в международном аэропорту в Лос-Анджелесе, совсем недалеко, всего в нескольких десятках миль, от отеля «Барселона», где сторожем был человек по имени Отто Сайп.

Глава 18

В запертом письменном столе у меня на квартире лежал револьвер. Другой был в офисе. Квартира в западной части Лос-Анджелеса была ближе, и я поехал туда.

Я жил в почти новом двухэтажном доме с крытой галереей. На втором этаже с задней стороны и находилась моя квартира. Я оставил машину на улице и поднялся по наружной лестнице.

Кругом стояла мертвая тишина, как и бывает, в этот час ночи, когда вчера уже отошло в прошлое, а завтра только набирает силы, чтобы начаться. Мои собственные силы как раз были не на высоте, но усталости я не чувствовал. Я выспался в самолетах и считал, что все случившееся становится более или менее ясным.

Луч света едва заметно пробивался сквозь шторы окна, а когда я прикоснулся к двери, она оказалась открытой... У меня нет ни семьи, ни жены, ни дочери. Я тихо повернул ручку и медленно, осторожно открыл дверь.

В комнате я обнаружил девочку. Свернувшись клубочком, она лежала на кушетке, накрывшись шерстяным одеялом, которое сняла с моей постели. Свет торшера падал на ее лицо. Она была такой юной, что я сразу почувствовал свои сто лет.

Я закрыл дверь.

— Э-эй, Стелла!

Она вздрогнула под одеялом и, сбросив его на пол, села. На ней были синий свитер и брюки.

— О,— сказала она,— это вы...

— А кого ты ожидала увидеть?

— Не сбивайте меня. Я не знаю. Я только что видела во сне что-то очень страшное. Я забыла, что именно, но очень страшное.— Ее глаза все еще не могли проснуться.

— Каким ветром тебя сюда занесло?

— Мне разрешил войти управляющий. Я ему сказала, что я свидетельница. И он понял.

— Зато я не понял. Свидетельница чего?

— Самых разных дел. Если вы хотите, чтобы я вам рассказала, то перестаньте смотреть на меня как на какого-

то преступника. Никто так не смотрит на меня, кроме моих родителей.

Я присел рядом с ней на край кушетки. Девочка нравилась мне, но в данный момент ее появление было совсем ни к чему и могло иметь серьезные последствия.

— Твои родители знают, что ты здесь?

— Конечно нет! Как я могла сказать им? Они не разрешили бы мне прийти, а мне обязательно надо было. Вы же приказали мне связаться с вами, как только я что-то узнаю о Томми. Ваша служба связи не могла вас разыскать, и в конце концов они дали мне ваш домашний адрес.

— Так что ты узнала о нем?

В глазах ее отражались самые противоречивые чувства, больше похожие на женские, чем на девичьи.

— Он звонил мне сегодня около четырех часов. Мама была наверху, и я смогла поговорить с ним.

— Он сказал, где он?

— Он... он... — Она заколебалась. — Он взял с меня обещание, что я никому не скажу. Но я обещание уже один раз нарушила.

— Каким образом?

— Я опустила маленькую записочку в почтовый ящик Хиллманов, прежде чем уехать из Эль-Ранчо. Я не могла оставить их в неведении, когда сама знала.

— Что ты написала им?

— Только то, что слышала Томми и что он жив.

— Ты хорошо поступила.

— Но я нарушила свое обещание. Он сказал, чтобы я никому не говорила, особенно его родителям.

— Обещания иногда приходится нарушать, если этого требуют более высокие соображения.

— Что вы имеете в виду?

— Его безопасность. Я боялся, что Том мертв. Ты абсолютно уверена, что разговаривала с ним?

— Я же не вру.

— Я хотел сказать, ты уверена, что это был не самозванец и не магнитофонная запись?

— Уверена. Мы же разговаривали друг с другом.

— Что он сказал?

Она опять смешалась, потом спросила, подняв перед собой палец:

— Это будет правильно, если я расскажу вам, даже если я и обещала?

— Было бы только хуже, если бы ты не рассказала. Ты

же сама знаешь! Неужели ты проделала весь путь сюда, чтобы так ничего и не сказать?

— Нет.— Она едва заметно улыбнулась.— Он не много сказал мне, и ни слова о похитителях. Во всяком случае, сам факт, что он жив, очень важен, правда? Он сказал, что чувствует себя очень виноватым из-за того, что я беспокоилась о нем, но он в тот момент ничем не мог мне помочь. Затем попросил принести ему немного денег.

Я успокоился. Раз Том нуждается в деньгах, значит, он не принимал участия в дележе выкупа.

— Сколько денег он просил?

— Столько, сколько я могла бы достать втайне. Он знал, что это будет не очень большая сумма. Я заняла немного у знакомых в клубе и на пляже. Секретарша в клубе дала мне сто долларов, она знает, что я честная. Я взяла такси и поехала к автобусной остановке.

Я нетерпеливо прервал ее:

— Ты встретила с ним в Лос-Анджелесе?

— Нет, мы договорились встретиться у автобусной станции в Санта-Монике. Но автобус на несколько минут опоздал, и я могла разминуться с ним. Он говорил по телефону, что не может встретиться со мной раньше вечера. Если мы не увидимся, то я должна встретить его завтра вечером. Он сказал, что может только вечером.

— Он не сказал, где остановился?

— Нет. В этом-то и беда. Я ходила возле станции около часа, затем пыталась дозвониться вам, потом приехала на такси сюда. Мне надо было где-то провести ночь.

— Все правильно. Плохо только, что Том не позаботился об этом.

— Он, возможно, занят другими делами,— сказала она, явно защищая его.— У Тома наступили ужасные времена.

— Он сам сказал тебе так?

— Я могла понять это из того, как он разговаривал. У него был голос, как у очень огорченного человека.

— Огорченного или напуганного?

Она опустила голову.

— Много хуже, чем у испуганного. Но он об этом ничего не сказал. Он не говорил о том, что случилось. Я спросила, все ли с ним в порядке, вы понимаете, физически в порядке, и он ответил — да. Я спросила, почему он не вернулся домой. Он ответил, что у него счета с родителями. Только он их назвал «антиродители». Он сказал, что они вряд ли дождутся момента, чтобы вернуть его обратно, в школу в «Проклятой лагуне». — Глаза ее

неожиданно потемнели.— Я сейчас вспомнила, что мне приснилось перед тем, как вы разбудили меня. Томми был в этой школе, и они не впускали меня туда, чтобы повидаться с ним. Я ходила под окнами, старалась как-нибудь войти. И отовсюду на меня смотрели злобные лица.

— Эти лица не злобные. Я был там.

— Да, но вас не запирали там. Томми сказал мне, что это жуткое место. Его родители не имели права отдавать его туда. Я даже не могу его винить, что он оттуда сбежал.

— Я тоже, Стелла. Но в данных обстоятельствах он должен вернуться домой. Ты понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да.

— Было бы очень неприятно, если бы сейчас с ним что-нибудь случилось. Ты не хочешь этого?

Она покачала головой.

— Тогда ты поможешь мне вернуть его?

— Поэтому-то я и приехала. Я не стала сообщать в полицию. Но вы ведь совсем другой? — Она дотронулась до моей руки.— Вы не позволите вернуть его в «Проклятую лагуну»?

— Это не должно случиться. Думаю, что у меня будет возможность помочь ему. Если Том нуждается в лечении, он может пройти его амбулаторно.

— Он не болен!

— Но у его отца, должно быть, была причина поместить его туда. Что-то случилось в то воскресенье, только он не хочет сказать, что именно.

— Это случилось еще задолго до воскресенья,— проговорила она.— От него отвернулся отец, вот что случилось. Томми не какой-нибудь «волосатик», он предпочитает музыке охоте и прогулкам на яхте. За это отец и отвернулся от него. Все очень просто!

— Не так просто, но не будем спорить. Прости меня, Стелла, но я должен позвонить.

Телефон стоял на письменном столе. В записной книжке я нашел номер Сюзанны Дрю. Она ответила быстро.

— Алло.

— Лу Арчер. Ты очень оживленно отозвалась для трех часов ночи.

— Я не спала. Лежала и размышляла. И в моих размышлениях относительно разных людей нашлось место и для тебя. Кто-то говорил, не помню кто, кажется, Скотт Фитцджеральд, что в самых темных закоулках души всегда три часа ночи. У меня другое мнение на этот счет. Самые

темные закоулки души всегда раскрываются в три часа ночи.

— Это мысль обо мне так угнетающе подействовала на тебя?

— В некотором смысле — да, в другом — нет.

— Ты говоришь загадками, сфинкс.

— Как мне и положено, Эдип. Но это вовсе не ты виноват в моем подавленном настроении. Это идет издалека.

— Не хочешь ли ты рассказать мне об этом?

— В другой раз, доктор. — Она заговорила очень игриво. — Ты ведь позвонил мне в такой час не для того, чтобы поинтересоваться моей биографией?

— Нет, хотя мне все еще любопытно, кто же звонил тебе тогда.

— Ах, вот почему ты позвонил! — В ее голосе появилось раздражение, грозящее перейти в настоящую злость.

— Нет, я звоню не поэтому. Мне нужна твоя помощь.

— Действительно? — Она была удивлена, и тон разговора стал снова более теплым. Однако она настороженно спросила: — Ты имеешь в виду, чтобы я рассказала тебе все, что знаю, или что-то в этом духе?

— У нас нет на это времени. И к тому же, я думаю, это происшествие уже исчерпано. Но сейчас мне необходимо уехать, а ко мне забрела очень хорошенькая школьница по имени Стелла. — Я говорил так, чтобы меня одновременно слушали и девочка в комнате, и женщина на другом конце провода. И делал это потому, что вдруг понял, что обе они, девочка и женщина, — два самых моих любимых человека. — Мне нужно безопасное место, где бы она смогла провести ночь.

— Но у меня не безопасно. — Резкая нотка в ее голосе показала мне, что она имела в виду.

Стелла быстро проговорила у меня за спиной:

— Я могла бы остаться здесь.

— Она не может остаться здесь. Ее родители попытаются приписать мне попытку похищения их ребенка.

— Серьезно?

— Да, положение серьезное.

— Хорошо. Где ты живешь?

— Мы сами доберемся до тебя. В это время ночи дорога займет у нас не более получаса.

Когда я повесил трубку, Стелла проговорила:

— Вы не должны были прodelывать это у меня за спиной.

— Право, я сделал это, никуда не прячась. И у меня нет времени спорить.

Чтобы подчеркнуть серьезность положения, я снял пиджак, достал пистолет и все его принадлежности из письменного стола и положил их перед собой. Широко открытыми глазами она наблюдала за моими действиями. Но и эти страшные приготовления не заставили ее замолчать.

— Но я не хочу ни с кем встречаться на ночь глядя.

— Сюзанна Дрю понравится тебе. Она очень сильная и доброжелательная.

— Но мне никогда не нравятся люди, про которых говорят, что они понравятся.

Очевидно, затраченные вечером и днем силы еще не успели восполниться, и она вновь стала впадать в детство. Чтобы встряхнуть ее, я заявил:

— Забудь свою войну со взрослыми. Ты сама очень скоро станешь взрослой. Кто же тогда станет нести ответственность за твои поступки?

— Это нечестно.

Это было нечестно, но это и поддерживало ее на всем пути до дома на Беверли-Хилл.

Сюзанна вышла к двери в шелковой пижаме. Она причесала волосы, и ее открытое лицо было удивительно красиво.

— Входи, Лу. Приятно видеть тебя, Стелла. Я — Сюзанна. Постель я приготовила тебе наверху, — она показала на лестницу, поднимающуюся вдоль стены студии. — Хочешь чего-нибудь поесть?

— Спасибо, — ответила Стелла. — Я съела шницель на автобусной станции.

— Тогда не хочешь ли ты пойти и лечь в постель?

— У меня нет выбора, — ответила Стелла, потом прибавила: — Это невоспитанно с моей стороны, да? Я не то хотела сказать. Вы ужасно добры, что приютили меня на ночь. Это мистер Арчер не дал мне возможности выбирать.

— Я и сам не имел такой возможности, — сказал я. — Что бы ты стала делать, оставшись одна?

— Я была бы с Томми, где бы он ни был.

Губы ее задрожали, она попыталась было не расплакаться, но не сдержалась. Лицо ее сморщилось, как у всех плачущих детей, и она убежала подальше от наших глаз, вверх по крутым ступенькам лестницы.

Сюзанна крикнула ей вслед:

— Пижамы на кровати, а новая зубная щетка в ванной.

— Ты очень гостеприимная хозяйка, — заметил я.

— Спасибо. Хочешь выпить, прежде чем идти?
— Мне уже ничем не помочь, — пошутил я.
— Ты собирался куда-то идти. Что ты будешь делать?
— Я направлялся в отель «Барселона», но мне пришлось сделать крюк.

Она отреагировала более резко, чем можно было ожидать.

— Это я «крюк»?

— Стелла — «крюк». Ты — самая стройная женщина в США.

— Люблю твое богатое воображение. — Она согнала улыбку с лица. — Что же ты задумал делать в старой «Барселоне»? Разве она не закрыта?

— По крайней мере, один человек еще живет там. Сторож по имени Отто Сайп, который раньше был гостиничным детективом.

— Господи боже! Кажется, я знаю его. Такой огромный краснолицый субъект, от которого вечно пахло виски?

— Возможно, это он и есть. Откуда ты его знаешь?

Она смутилась и мягко объяснила:

— Было время, когда я частенько бывала в «Барселоне». В конце войны. Как раз там я и познакомилась с Кэрл.

— И с мистером Сайпом?

— И с мистером Сайпом.

Больше она ничего не сказала и, помолчав, продолжала уже несколько другим тоном:

— Ты не имеешь права устраивать мне допрос. Оставь меня одну.

— С удовольствием.

Она проводила меня до двери.

— Пожалуйста, не уходи так. Хотя все равно, радости уже не вернуть. Как ты думаешь, почему я не сплю всю ночь?

— Грехи?

— Чепуха. Мне нечего стыдиться. — Но в ее глазах можно было увидеть стыд, спрятанный так глубоко, что, может, она и сама не знала о нем. — Во всяком случае, та малость, что мне известна, не может иметь значения. А ты ведешь себя нечестно. Ты хочешь использовать мои личные чувства к тебе...

— Я не знал об их существовании. Если они есть, то я имею право воспользоваться этими чувствами так, как мне нужно.

— Вряд ли. Такого права у тебя нет. Моя личная

жизнь — это моя жизнь, и ты не имеешь права вмешиваться в нее.

— Даже для того, чтобы спасти жизнь?

В это время Стелла открыла дверь и вышла на балкон. Она была похожа на стоящего в нише юного святого, одетого в пижаму.

— Если вы действительно взрослые, — сказала она, — то говорите, пожалуйста, тише. Мне хотелось бы немного поспать.

— Виноват, — сказал я им обоим.

Стелла скрылась за дверью.

— Чья жизнь в опасности, Лу?

— Тома Хиллмана. Возможно, что и другие жизни, в том числе и моя.

— Я вижу, ты вооружился револьвером. Что, Отто Сайп один из похитителей?

— Отто Сайп был твоим любовником? — задал я контрвопрос.

Она была оскорблена.

— Конечно нет. А теперь убирайся.

Она выставила меня за дверь. Ночная прохлада освежила мое лицо...

Глава 19

Движение по шоссе было в это время очень редким. Проходили только случайные ночные тяжелогруженные грузовики, сверкая многочисленными красными и желтыми лампочками. Этот участок шоссе пролегал среди голой местности. Я видел перед собой только асфальт, выскобленный многими сотнями и тысячами покрышек, да ощущал отвратительно сильный запах бензина в воздухе. Казалось, что даже океан был заполнен грязной использованной водой.

Станция обслуживания Бена Дали была погружена во тьму, и только внутри горела одна лампа, как бы предостерегая безрассудных взломщиков. Я поставил машину на его участке, возле телефонной будки. Вышел из машины и направился к «Барселоне». Отель был мертв. В саду за зданием издал несколько трелей пересмешник и затем смолк. И единственным живым звуком в ночи остался механический звук прерывистого движения на шоссе.

Я подошел к двери, где все еще висело объявление о банкротстве, и постучал по стеклу фонарем. Тихо. Я по-

стучал еще несколько раз. Никакого ответа. Я хотел уже было выдавить стекло и забраться внутрь, когда обнаружил, что дверь не заперта.

Толкнув ее, я вошел в коридор, спугнув парочку привидений. Это были Сюзанна Дрю в возрасте двадцати лет и мужчина без лица. Я попросил их убраться в преисподнюю и освободить мне дорогу.

Я прошел по коридору, где в первый раз появился Сайп, мимо закрытых нумерованных дверей, в самый конец, где виднелась слегка приоткрытая дверь. Внутри темной комнаты слышалось дыхание человека, тяжелое, прерывистое дыхание, словно кто-то спал. Я почувствовал сильный запах виски.

Нащупывая выключатель, я приготовился выхватить револьвер, но этого не потребовалось. Сайп лежал на кровати одетым. Мне бросились в глаза его уродливые ноздри и открытый рот, испускавший тяжелые вздохи. В комнате он был один.

Комната была забита таким количеством всякого хлама, словно его специально копили здесь десятилетиями. Картонные коробки и ящики, штабеля ковриков, газеты, журналы и чемоданы — все это громоздилось почти до самого потолка. Вдоль стен, увешанных фотографиями боксеров и девушек, валялись пустые бутылки. Наполовину опорожненная бутылка виски стояла около кровати, на которой лежал Сайп. Я вынул ключ из дверного замка и бросил на спящего еще один взгляд.

Он не просто спал. Он как бы вообще отсутствовал, был где-то совсем не здесь, а далеко-далеко. Если бы я поднес сейчас к его губам спичку, выдыхаемый им воздух загорелся бы, как алкогольный факел. Даже рубашка его, казалось, была пропитана виски.

Пистолет его висел на засаленном брючном поясе. Прежде чем попытаться поднять Сайпа, я переложил оружие к себе в карман. Спящий не желал просыпаться. Я потряс его. Он был мягкий, будто в нем не было костей. Голова безвольно каталась по подушке. Я ударил его по красным небритым щекам, но он даже не пошевелился.

Я вышел в расположенную рядом ванную комнату. Судя по всему, ее использовали и как кухню: тут стояла электрическая плита, а на ней кофейник, еще сохранивший запах жареного кофе. Наполнив его водой из крана над ванной, я вылил всю ее на голову и на лицо Сайпа. Но и это не произвело на него никакого впечатления: он так и не проснулся.

Я даже немного расстроился. Не из-за самого Сайпа, а из-за того, что, вероятнее всего, он не в состоянии будет рассказать мне всю историю, а не только о том, сколько бутылок было выпито в этой комнате. Я пощупал его пульс: он был еле слышен. Поднял одно веко — похоже, что я заглянул в красное нутро устрицы.

Я заметил, что в ванную вели двери из двух комнат, как всегда делали в старых отелях. Я зашел во вторую комнату и посветил фонариком: она была такого же размера и той же формы, только почти пустая. Единственной мебелью была медная двуспальная кровать с брошенным прямо на матрас одеялом.

На спинке кровати висел черный вязаный свитер с дырой на рукаве. Там, где была повреждена шерсть, я рассмотрел следы смазки, которую обычно применяют для смазывания замков багажника в автомобилях. В корзинке для бумаг я обнаружил несколько использованных бумажных пакетов с остатками шницелей и жареной картошки.

Сердце у меня стучало почти у горла. Свитер доказывал, что Стелла не обманулась: Том действительно был жив.

Я забрал у Сайпа ключи, запер его в комнате и обошел все остальные помещения в здании. Там было почти сто гостевых и служебных комнат, и осмотр их занял много времени. Я чувствовал себя археологом, исследующим внутренности пирамиды.

Дни расцвета «Барселоны», видимо, отошли в далекое прошлое.

Все, что я вынес из своих поисков, — нос, полный едкой пыли. Если Том и находился в этом здании, то он спрятался. Но я чувствовал, что его здесь нет, что он ушел из «Барселоны» навсегда. Хорошо, если у него была такая возможность.

Из отеля я направился к станции Дали. Луч фонарика осветил записку, приклеенную к двери: «В случае крайней необходимости звоните владельцу». Внизу был номер домашнего телефона Дали. Я позвонил ему из будки и после довольно продолжительного молчания услышал:

— Дали слушает.

— Это Лу Арчер. Я тот детектив, который разыскивает Гарольда Харлея.

— Сейчас самое время для розысков.

— Я его нашел, спасибо. Мне нужна ваша помощь в еще более важном деле.

— Что случилось?

— Расскажу на месте. Я у вашей станции.

У Дали была привычка к услужливости.

— О'кей. Я буду там через пятнадцать минут.

Я ждал его, сидя в машине, и пытался свести воедино все, что знал об этом деле. Было ясно, что Сайп и Майкл Харлей работали вместе, используя «Барселону» в качестве убежища. Но не похоже, что Том был пленником, более походило на то, что он был вольным гостем, как и сказал Харлей в первом своем разговоре с Хиллманом. Даже учитывая историю со школой в «Проклятой лагуне», трудно было понять, что заставило Тома решиться на подобный шаг и так вести себя по отношению к своим родителям.

На шоссе показался Дали. Подъехав, он поставил свою машину рядом с моей. Хлопнув дверцей, на которой было выведено его имя, он заспанными глазами посмотрел на меня.

— Ну, что у вас, мистер Арчер?

— Войдите в машину. Я хочу показать вам одну фотографию.

Он сел со мной. Я включил внутренний свет и показал ему фотографию Тома. Каждый раз, когда я на нее смотрел, она непонятным образом изменялась. В его глазах и очертаниях рта было что-то двойственное, неприятное.

— Вы видели его?

— Да. За последние два дня я видел его два-три раза. Вчера днем он звонил из той телефонной будки.

— В котором часу?

— Я не заметил, был занят. Но это было во второй половине дня. Затем я видел его еще раз, когда он ждал автобус. — Дали показал на дорогу, ведущую в Санта-Монику. — Автобусы останавливаются здесь только по требованию.

— Что это был за автобус?

— Какой-нибудь из внутригородских. Экспрессы здесь не ходят.

— Вы видели, как он сел в автобус?

— Нет, я готовился к закрытию. В следующий раз я посмотрю.

— В котором часу это было?

— Около половины девятого вечера.

— Как он был одет?

— Белая рубашка, грязные брюки.

— А чем он так заинтересовал вас, что вы все заметили?

Дали заерзал на сиденье.

— Понятия не имею. Я не наблюдал за ним специаль-

но. Я увидел, как он вышел из «Барселоны», и, естественно, удивился, что он мог там делать. Мне не нравится, когда такие приятные ребята связываются с людьми, подобными Сайпу.

Он бросил на фотографию еще один взгляд, словно желая убедиться в правильности своих объяснений, и вернул ее мне.

— Чем занимается Сайп?

— Как чем? У меня есть свои ребята, и мне было бы не по нутру видеть, как он их обучает пить и еще кое-чему. Его следовало бы отправить в тюрьму, если хотите знать!

— Согласен. Давайте так и сделаем.

— Вы шутник.

— Нет, я говорю серьезно, Бен. В данный момент Сайп находится в отеле, в своей комнате, вдребезги пьяный. Он, возможно, еще долго не проснется. На всякий случай останьтесь здесь и проследите, не выйдет ли он.

— Что я должен делать, если он выйдет?

— Позвонить в полицию и попросить их арестовать его.

— Я не смогу,— сказал он после некоторого раздумья.— Я знаю, он никуда не годный человек, но я не знаю ничего определенного, чтобы...

— Я знаю. Если вам требуются объяснения, чтобы позвонить в полицию, скажите им, что Сайп разыскивается по обвинению в похищении. Не звоните только до тех пор, пока не будете вынуждены позвонить. Сайп мой главный свидетель, и, как только его арестуют, я больше его не увижу.

— А вы куда пойдете?

— Посмотрю, нельзя ли напасть на след парня.

Глаза его загорелись.

— Это тот самый парень, о котором писали все газеты? Как его фамилия? Хиллман?

— Да, это он и есть.

— Я должен был опознать его! И почему я никогда не обращаю внимания на лицо человека? Но я мог бы вам сказать, на какой машине они ездят.

— У Сайпа своя машина?

— Да. «Форд» 53-го год с поврежденным двигателем. Я кое-что починил в нем, но он может развалиться в любой момент.

Перед тем как уехать, я спросил Дали, не видел ли он еще кого-нибудь возле отеля. Он видел и помнил.

— В понедельник утром здесь был Майкл Харлей на машине с номером из Айдахо.— Я убедился, что Том

приехал в багажнике.— И только прошлой ночью здесь был другой парень на совершенно новом «шевроле». Мне показалось, что с ним была девушка или, может, парень ниже ростом. Я уже совсем закрылся и выключил свои главные фонари.

— Вы хорошо рассмотрели человека за рулем?

— Не так чтобы очень хорошо. Мне кажется, что он был темноволосый, приятный на вид. Что он собирался делать здесь с этой крошкой? И подумать только, этот мальчишка Хиллман расхаживает здесь! Я думал, что он где-то сидит, а его разыскивает вся Южная Калифорния!

— Мы разыскиваем!

Два часа у меня ушло на то, чтобы с помощью работников нескольких автобусных компаний найти водителя, который вез Тома вчера вечером. Его звали Албертсон, жил он в доме над пекарней, довольно далеко от «Барселоны», на улице Ла Сиенаджес. Его комната была наполнена запахом только что испеченного хлеба.

Было раннее утро, и Албертсона я застал в пижаме. Это был мужчина лет сорока с настороженными глазами. Увидев фото он сразу кивнул.

— Да, сэр. Я его помню. Он сел в автобус на остановке по требованию у «Барселоны» и взял билет до Санта-Моники. Хотя и не вышел там.

— Почему?

Он погладил свой тяжелый подбородок, и этот жест подействовал мне на нервы.

— Вы что-то заметили? — снова спросил я.

— Да. Он начал было выходить, но увидел кого-то в здании автостанции и уселся опять на свое место. Я развернулся для обратного рейса и увидел, что там был коп. Затем я вышел, а когда вернулся, мальчишка все еще сидел внутри. Я сказал ему, что на один и тот же билет ехать обратно нельзя. Тогда он попросил продать ему билет до Лос-Анджелеса. Я занял свое место и поехал, так ничего и не предприняв. У парня явно были какие-то неприятности, я и сам только недавно от них избавился, так что я не хотел добавлять ему еще. Я был не прав?

— Об этом вы узнаете в день Страшного Суда.

— Придется подождать,— улыбнулся он.— Что надедал этот парень?

— Читайте газеты, мистер Албертсон. Он проехал с вами весь обратный путь?

— Да, в этом я уверен. Он выходил одним из последних.

Уехав от него, я сделал несколько попыток навести справки на автобусной станции и вокруг нее. Но никто не помнил мальчика. Конечно, сейчас утро и дежурили уже другие люди. Я понял, что лучше попробовать вечером, тем более что пришло уже время ехать к Отто Сайпу.

Бен сказал, что из отеля тот не выходил. Но когда мы подошли к комнате Сайпа, дверь оказалась открытой, а его самого не было. Прежде чем уйти, он допил бутылку виски, стоящую около кровати.

— У него, должно быть, был запасной ключ, Бен. Есть ли еще выходы из отеля, кроме главного входа?

— Нет, сэр. Он где-то здесь.

Мы опять обошли неуклюжее здание с задней стороны, прошли мимо бывшего бассейна с коричневыми разводами на дне. Два задних крыла отеля соединялись искусственным садом, состоявшим из сплошного кустарника.

Я остановился и сделал предостерегающий жест: с другой стороны куста, у которого мы стояли, кто-то копал землю. Я слышал скрежет лопаты и заметил отдельные движения землекопа. Я вытащил револьвер и вышел из-за куста.

Отто Сайп оторвался от работы. Он стоял в глубокой яме длиной около пяти футов и шириной в два фута. Одежда его была в земле, лицо грязное, потное.

В траве, позади ямы, лежал на спине человек в сером пиджаке, из груди его торчала рукоятка ножа. Он был похож на Майкла Харлея. Тело казалось пригвожденным к земле.

— Чем занимаетесь, Отто?

— Сажаю петунии.— Он заскрежетал зубами. Видимо, от пьянства он дошел до такого состояния, что все представлялось ему нереальным или смешным.

— На могиле — хотели вы сказать.

Он посмотрел на тело Харлея так, словно оно только что упало с неба.

— Он пришел с вами?

— Тебе прекрасно известно, кто это. Вы ведь с Майклом приятели с того времени, когда еще в сороковых годах уехали из Покателло.

— Верно. Значит, я имею право отдать моему приятелю последний долг. Нельзя же оставлять его здесь на растерзание хищникам.

— Единственные хищники, которых я здесь видел, это люди. Это ты убил его?

— Нет. Зачем мне убивать моего приятеля?

— Тогда кто?

Опершись на лопату, он с ненавистью смотрел на меня.

— Где Том Хиллман, Отто?

— Я не намерен продолжать этот бесполезный разговор.

Я повернулся к Бену Дали.

— Вы умеете держать в руках оружие?

— Нет.

— Направьте на него револьвер.

Я отдал ему оружие и подошел осмотреть Харлея. Дотронувшись до его лица, я убедился, что оно было холодное, как прошлая ночь. Это и кровь, свернувшаяся на рубашке, свидетельствовали о том, что он был мертв уже давно, возможно, всю ночь.

Не притрагиваясь к нему, я внимательно все осмотрел. Ручка ножа была из резины, в черную и белую полоску, как бы специально приспособленная для того, чтобы ее было удобно держать в руке. Недавно купленное, дорогое оружие. В карманах брюк Майкла я обнаружил корешок билета на самолетный рейс из Лас-Вегаса до Лос-Анджелеса использованный позавчера, и три доллара сорок два цента. Я уже заканчивал осмотр, когда сзади произошло какое-то движение и раздался выстрел. Отто Сайп ухитрился ударить Бена по голове, но получил пулю в живот и, скорчившись, упал на край ямы. По лицу Бена струилась кровь из глубокой раны на голове.

— Я не хотел стрелять в него,— проговорил Бен.— Пистолет выстрелил, когда он ударил меня лопатой. А у меня после войны не осталось никакого желания стрелять в людей.

Перевязав ему голову носовым платком, я велел ему пойти и вызвать полицию и машину скорой помощи. Он побежал удивительно легко для своего возраста.

Я чувствовал себя не очень хорошо и, повернув Сайпа на спину, расстегнул у него на груди рубашку. Крови у раны почти не было, видимо, произошло внутреннее кровоизлияние. Жизнь в нем едва теплилась.

Мне оставалось только оплакивать самого себя. Эти три дня были очень трудными. И все, что я мог предъявить,— это один мертвый человек и второй, который, видимо, тоже умрет. Хуже всего было то, что пуля, попавшая в Отто Сайпа, вылетела из моего револьвера. Однако эти размышления не помешали мне осмотреть карманы Сайпа. Его бумажник был набит деньгами, в основном двадцатидолла-

ровыми кредитками. Но его доля в выкупе за Хиллмана-сына не принесла ему ничего хорошего. Он умер раньше, чем на шоссе заскрежетала машина скорой помощи.

Глава 20

Было много разговоров, некоторые велись прямо на месте, другие у шерифа. С моей поддержкой и с помощью лейтенанта Бастиана, да еще имея такое свидетельство в свою пользу, как громадная рваная рана на голове, Бену удалось убедить людей из уголовной полиции и службу шерифа, что убийство было непреднамеренное. Но это принесло им не много радости. Да и мне тоже. Я позволил убить своего единственного свидетеля.

Правда, еще один человек мог бы стать моим свидетелем, если бы только он захотел говорить.

В середине дня я опять стоял у дверей квартиры Сюзанны Дрю. Стелла спросила из-за дверей:

— Кто там?

— Лу Арчер.

Она впустила меня. Выглядела она очень неважно: под глазами синие тени, да и все лицо синеватого оттенка.

— Ты как будто испугана? — спросил я. — Что-то случилось?

— Нет. Меня угнетает только одно: надо звонить родителям, а я не хочу. Они заставят возвратиться домой.

— Тебе придется вернуться.

— Нет.

— Подумай немного и о них. Ты заставила их провести пренеприятную ночь! И не имея на то основательной причины.

— Но у меня есть основательная причина. Я хочу еще раз встретиться с Томом сегодня вечером. Он сказал, что если ему не удастся сделать это прошлым вечером, то он будет на автобусной станции сегодня.

— В котором часу?

— В то же самое время, в девять часов вечера.

— Я встречу его вместо тебя.

Стелла не стала спорить, но было видно, что я ее не убедил.

— Где мисс Дрю, Стелла?

— Она вышла позавтракать. Я была еще в постели, и она оставила мне записку. Она написала, что скоро вернется, но ее нет уже почти два часа. — Стелла сжала

пальцы в кулак и стала постукивать костяшками одной руки о другую.— Я очень беспокоюсь.

— О Сюзанне?

— Обо всем. О себе. Все становится хуже. Я жду, когда все это закончится. И я сама изменилась. Меня теперь, наверное, не узнать.

— Все кончится, Стелла, и ты вновь станешь прежней.

— Я? Но я не чувствую, что это возможно. Как мы с Томми можем быть опять счастливыми? Я не знаю!

— Главное не это...— Я старался подобрать нужные слова, чтобы утешить девочку, но это едва ли было возможно.— Счастье само по себе приходит ненадолго, урывками. Чем старше я становлюсь, тем больше его у меня. А твой возраст был у меня самым тяжелым.

От удивления она подняла брови.

— Действительно? Мистер Арчер, что вы подумаете, если я задам вам один личный вопрос?

— Итак?

— Вы интересуетесь мисс Дрю? Вы понимаете, что я имею в виду? Серьезно.

— Думаю, что да. А что?

— Я не знаю, должна ли я вам это говорить... Она ушла завтракать с другим мужчиной...

— Это ее право.

— Я не знаю. На самом деле я даже не видела его, но хорошо слышала голос, а на голоса у меня отличная память. Я думаю, что это женатый мужчина.

— Как ты можешь судить об этом только по голосу?

— Это был отец Томми, мистер Хиллман.

Я сел и с минуту не мог ничего выговорить. Африканские маски на освещенной солнцем стене строили мне рожи.

Стелла со встревоженным лицом подошла ко мне.

— Мне не надо было говорить? Вообще-то я не сплетница. Только я чувствую себя в ее доме как шпионка.

— Ты должна была сказать. Но не говори больше никому.

— Я не скажу.— Выложив все начистоту, она успокоилась.

— Они по-дружески разговаривали, Стелла?

— Не совсем так. Я не видела их самих, потому что осталась в комнате, чтобы они не увидели меня. Она не была довольна тем, что он пришел сюда, это я точно могу сказать, но они разговаривали интимно.

— Что ты имеешь в виду под словом «интимно»?

Прежде чем ответить, она подумала.

— Ну, они так говорили, будто понимают друг друга с полуслова. И не было такой, знаете, формальной вежливости.

— Что же они говорили?

— Вы хотите, чтобы я пересказала их разговор слово в слово?

— Да, с того момента, как он вошел.

— Я не слышала всего. Во всяком случае, когда он вошел, она сказала: «Я думала, что у тебя больше благоразумия, Ралф». Она называла его на «ты» и Ралфом. Он ответил: «Мне не до благоразумия. Положение совершенно отчаянное». Я не знаю, что мистер Хиллман хотел сказать.

— А как ты думаешь?

— Томми и вообще все. Но тут было что-то большее. Он сказал: «Я думал, ты сможешь уделить мне немного внимания». Она ответила, что она вся — внимание, а он сказал, что она тяжелая женщина, и затем что-то сделал, я думаю, что он попытался ее поцеловать, а она сказала: «Не надо этого».

— Она сказала это сердито?

Стелла посмотрела на потолок и, казалось, вся обратилась в слух.

— Нет, не очень. Только не заинтересованно. Он сказал: «Кажется, я тебе совсем не нравлюсь». Она ответила, что этот вопрос уже давно исчерпан и она не думает, что сейчас время возвращаться к нему, тем более что у нее гость. Он сказал: «Почему ты сразу не сказала об этом? Там мужчина?» Потом они стали говорить тише и через некоторое время ушли завтракать.

— У тебя хорошая память...

Она без всякой гордости согласилась.

— Это помогает мне в школе, но не всегда удобно. Я ведь помню не только хорошее, но и дурное.

— А разговор, который ты слышала утром, он тебе показался дурным?

— Да. Не знаю почему, но он напугал меня.

Он напугал и меня. Хорошее дело — узнать, что именно Хиллман, возможно, и был тем безликим мужчиной с двадцатилетней Сюзанной. В разной степени, но они оба беспокоили меня. Особенно Сюзанна, так как именно через нее я собирался продолжить свое расследование. На данном этапе все стало зависеть от нее. Сейчас расследование представляло собой запущенную в ход машину, и никто не знал, как ее остановить. И надо признать, что я не стал бы

ее останавливать, даже если бы знал как. Это уже было выше моих сил.

— Покажи мне записку, которую оставила тебе мисс Дрю.

Стелла принесла из кухни записку, нацарапанную карандашом на фирменном бланке: «Дорогая Стелла, я вышла позавтракать и скоро вернусь. Содержимое холодильника в твоём распоряжении. С. Дрю».

— Ты что-нибудь ела? — спросил я Стеллу.

— Я выпила стакан молока.

— И ещё съела вчера вечером шницель. Ничего удивительного, что ты так выглядишь. Сейчас пойдем завтракать. Это как раз то, что тебе нужно.

— Что, спасибо. А потом?

— Я отвезу тебя домой.

Она повернулась и пошла к стеклянной двери, которая выходила во внутренний дворик. Наверное, ей надо было побыть одной и о чем-то подумать. На улице небольшой ветерок шелестел в кронах растущих во дворике миниатюрных пальм. Вернулась Стелла какая-то обновленная, словно на нее подействовали солнечные лучи и ветер.

— Я согласна, что мне надо ехать домой. Я не могу подводить маму.

— Ты добрая девочка. Позвони ей и скажи, что уже едешь.

— Я позвоню, если вы не станете слушать, — ответила она, обдумав мое предложение.

— Как я узнаю, что ты говоришь?

— Я никогда ещё не лгала вам, — сказала она с чувством, — потому что и вы ни разу не обманули меня, даже для моей же пользы.

В первый раз за все утро она улыбнулась. Думаю, что и мне стоило улыбнуться, хотя утро и было из рук вон плохим.

Я отправился в большую изысканную ванную комнату с синими ковриками на полу и с удовольствием принял душ. Затем, разыскав в шкафчике среди косметики лезвие, побрился. На день у меня была запланирована целая серия важных встреч, но их ещё надо было добиться.

Стеллу я застал в комнате, на щеках ее гулял румянец.

— Я позвонила домой. Думаю, нам не стоит завтракать, поедем прямо туда.

— Мама очень волновалась?

— Я разговаривала с папой. Он обвиняет вас. Извините меня.

— Он прав, я виноват. Я должен был отправить тебя домой еще вчера ночью. Но мне необходимо было кое-что сделать.

«Получить еще одного мертвеца»,— с горечью подумал я.

— Нет, это я виновата,— заговорила она.— Но я хотела наказать их за обман насчет Томми, меня и машины.

— Я рад, что ты понимаешь это. Отец очень расстроен?

— Очень. Он говорил даже о школе в «Проклятой лагуне». Но он, конечно, говорил не всерьез.— Однако тень пробежала по ее лицу.

Через час мы ехали по направлению к Эль-Ранчо. Неожиданно для себя самого я свернул с шоссе на дорогу, ведущую к «Проклятой лагуне». Мы подъехали, машина прошла автоматическое устройство, ворота поднялись.

— Вы не намерены оставить меня здесь? — тоненьким голоском спросила Стелла.

— Конечно нет. Мне надо задать вопрос одному человеку.

— Вы лучше и не пытайтесь засадить меня сюда. Я убегу отсюда навсегда.

— Ты могла бы придумать что-нибудь поновее.

— Что мне еще остается делать,— проговорила она возбужденно.

— Оставаться в безопасности дома со своими близкими. Ты еще слишком молода, чтобы жить самостоятельно. У тебя не такие уж плохие родители, и, возможно, они даже лучше, чем у многих других.

— Вы не знаете их.

— Я знаю тебя. Ты же не возникла из духа.

Строгий сторож вышел из своей будки и заковылял к нам.

— Доктора Спonti сейчас нет.

— А миссис Маллоу?

— Она здесь. Вы найдете ее внизу в Восточном корпусе,— он указал на здание с небольшими окнами.

Оставив Стеллу в машине, я постучал во входную дверь Восточного корпуса. Спустя довольно продолжительное время мне открыла миссис Маллоу. На ней был все тот же форменный костюм, и все так же от нее пахло джином.

Она улыбнулась мне, как в прошлый раз, и отступила от солнечного света.

— Мистер Арчер, не правда ли?

— Как поживаете, миссис Маллоу?

— Не задавайте мне этого вопроса по утрам. В любое другое время, когда я способна подумать над ответом. Сейчас я просто существую.

— Хорошо, не буду.

— Но вы приехали сюда не затем, чтобы справиться о моем здоровье?

— Я хотел бы на несколько минут повидать Фреда Тандала.

— Сожалею, — сказала она, — но мальчики на занятиях.

— Это очень важно.

— Вы хотите задать Фреду несколько вопросов?

— Только один. Это не займет много времени.

— Это не будет что-нибудь страшное?

— Да, маю, что нет.

Она оставила меня в комнате отдыха и вышла в кабинет Патча, чтобы позвонить. Я блуждал глазами по запущенной неуютной комнате, представляя себе, что должен почувствовать мальчик, когда родители оставляют его здесь. В комнату возвратилась миссис Маллоу.

— Фред сейчас освободится.

Пока мы ждали, миссис Маллоу поведала мне историю своих брачных союзов, включая и последний союз — с бутылкой. Затем в лучах солнца, ни один из которых, казалось, не дотрагивался до него, появился Фред. Он помешкал в дверях, ожидая, что ему скажут, в чем он провинился.

Я встал и не слишком быстро подошел к нему.

— Хелло, Фред.

— Хелло.

— Ты помнишь разговор, который у нас был на днях?

— У меня с памятью все в порядке. — И добавил со своей мгновенно исчезающей улыбкой: — Вы — Лу Арчер Первый. Вы еще не нашли Тома?

— Нет. Но я думаю, ты сможешь мне найти его.

Он потер ботинок о косяк двери.

— Я не знаю как.

— Расскажи мне все, что ты знаешь. Одно я могу тебе твердо обещать: сюда они его не вернут.

— А что мне до этого? — спросил он безнадежно.

Я не нашел ответа.

Подождав немного, Фред спросил:

— Что вы хотите, чтобы я рассказал?

— Мне кажется, ты кое-что утаил в прошлый раз. Но я не упрекаю тебя: ты ведь не знаком со мной с самого

рождения. Конечно, ты не знаком и сейчас, но прошло три дня, а Тома еще нет.

По лицу его я видел, что он слушает меня серьезно. Но долго оставаться серьезным он не мог и проговорил с едва уловимой иронией:

— О'кей. Я все расскажу, все выболтаю.

— Я хочу спросить тебя вот о чем. Когда Том убежал отсюда в субботу ночью, не было ли у него определенного человека или места, куда он намеревался идти?

Он быстро кивнул в знак согласия.

— Да, думаю, что было.

— Ты знаешь, куда он ушел?

— Том не сказал. Хотя он говорил кое-что другое. О том, что нашел своего настоящего отца. — Голос мальчика прервался, он не мог совладать со своими чувствами. — Это большое дело, — добавил он.

— Что он под этим подразумевал, Фред?

— Он сказал, что его усыновили.

— Это действительно так?

— Не знаю. Многие здешние ребята склонны думать, что их усыновили. Мой терапевт говорит, это типичный фрейдистский семейный комплекс.

— Как ты думаешь, Том серьезно это сказал?

— Уверен, что да. — И снова лицо его стало серьезным, и я смог заметить глубоко спрятанную человеческую зрелость в этом, казалось бы, немного недоразвитом парне. — Он говорил, что не знал, кто он, пока не смог точно узнать, кто был его отцом. — Конец фразы он бросил как бы между прочим: — Я все время стараюсь забыть своего папашу.

— Ты не сможешь.

— Я могу попробовать.

— Заинтересуйся чем-нибудь другим.

— Здесь нет чего-нибудь другого.

— Будет.

— Когда?

Миссис Маллоу прервала нас:

— Вы все спросили, что хотели, мистер Арчер? Фреду следовало бы возвратиться в класс.

Я спросил:

— На сей раз ты ничего не утаил, Фред?

— Нет, сэр. Честно. Мы ведь мало разговаривали.

Мальчик направился к выходу, но у дверей вдруг обернулся и глубоким, изменившимся голосом сказал мне:

— Я хочу, чтобы вы были моим отцом.

Он повернулся и скрылся в лучах солнечного света.

Возвратившись в машину, я спросил Стеллу:

— Том когда-нибудь говорил тебе, что он усыновленный?

— Усыновленный? Этого не может быть.

— Почему не может?

— Не может быть, и все!

Дорога огибала заросшее тростником болото. Черные с красными крыльями птицы пищали в тростнике, напоминающая своим писком скрип раскачивающегося сухого дерева. А может быть, и скрипку.

— Кроме того, он похож на своего отца, — добавила Стелла после долгого молчания.

— Усыновленные дети бывают обычно похожи. Их даже подбирают с этой точки зрения.

— Как это ужасно. Как это бесчеловечно! Кто это скажет вам, что он приемный сын?

— Он говорил об этом со своим приятелем по школе.

— С девочкой?

— С мальчиком.

— Я уверена, что он все это выдумал.

— Он часто выдумывал?

— Не часто, но бывало. У него было несколько очень смешных взглядов на эту тему. Он рассказывал мне прошлым летом, что, возможно, его подбросили эльфы! Представляете себе? Что они заменили им какого-то другого ребенка в больнице и что мистер и миссис Хиллман не настоящие его родители. — Она забралась на сиденье с ногами, подложила их под себя и резко повернулась ко мне. — Вы думаете, это может оказаться правдой?

— Может быть. Случиться может все что угодно.

— Но вы же не верите в это!

— Я не знаю, во что я верю, Стелла.

— Вы — взрослый, — сказала она с чуть заметной насмешкой. — Вам полагается знать.

Я оставил это без внимания. В полном молчании мы доехали до ворот Эль-Ранчо.

— Интересно, — сказала Стелла, — что мой отец собирается сделать со мной? — Она смутилась и добавила: — Извините, что я впутала вас во все это.

— Все в порядке.

Джей Карлсон, которого я еще не видел и, надо сказать, не искал встречи с ним, стоял перед дверью, когда мы подъехали. Это был упитанный моложавый мужчина с ясными, синими, как у Стеллы, глазами. Но сейчас он был буквально серый от злости. Его трясло.

Из дома вышла Рея Карлсон, чья красная прическа напоминала мне сигнал бедствия, и направилась к машине. Муж шествовал позади и выглядел как человек, который очень расстроен и не может этого скрыть. Женщина заговорила первой.

— Что вы сделали с моей дочерью?

— Охранял ее как только мог. Она провела ночь у моей хорошей знакомой. Сегодня утром я уговорил ее вернуться домой.

— Я намерена тщательно проверить эту историю. Как зовут вашу предполагаемую знакомую?

— Сюзанна Дрю.

— Он говорит правду, Стелла?

Она кивнула.

— Ты что, не можешь говорить? — закричал отец. — Ушла на всю ночь и теперь даже разговаривать с нами не хочешь!

— Не надо волноваться, папочка. Я виновата, что уехала в Лос-Анджелес, но... Он говорит правду...

Отец не мог дождаться, когда она закончит фразу.

— После того, что ты наделала, я имею полное право волноваться. Мы даже не знали, жива ли ты вообще!

— Прости меня, папа. — Стелла опустила голову.

— Ты жестокая, бесчувственная девчонка, — заявила мать. — Я теперь никогда не смогу тебе верить. Никогда.

— Она не такая, миссис Карлсон.

Ее муж резко обернулся ко мне:

— Вас это не касается!

Возможно, он даже хотел ударить меня, но не решился. Тогда он схватил за плечи Стеллу и начал трясти ее:

— Ты соображаешь, что ты делаешь?!

— Оставьте ее, мистер Карлсон.

— Она — моя дочь!

— Так и обращайтесь с ней как с дочерью. Стелла провела трудную ночь.

— Она провела трудную ночь? Что случилось?

— Она старается вырасти, повзрослеть, несмотря на трудности и на то, что вы ей не очень-то помогаете.

— Единственное, что ей нужно, это дисциплина. И я знаю, где она сможет ей научиться.

— Если вы имеете в виду «Проклятую лагуну», то думаете совсем не о том. Стелла очень хорошая девочка, одна из лучших...

— Меня не интересует ваше мнение. Предлагаю вам убраться отсюда, пока я не вызвал полицию.

Я оставил их одних, трех полных самых хороших намерений людей, которые, видимо, так и не смогут перестать причинять боль друг другу. У Стеллы хватило храбрости помахать мне рукой.

Глава 21

Я направился к Хиллманам. Проезжая мимо их почтового ящика, я увидел спортивную машину, выезжающую на дорогу. За рулем сидел Дик Леандро. Я поставил свою машину поперек дороги, так что Леандро вынужден был остановиться. Он взглянул на меня с такой ненавистью, словно я остановил его посредине гонки на Гран-при.

— Отличная машина, — заметил я, подойдя к машине и похлопав ее по капоту.

— Да, я тоже люблю ее.

— У вас есть еще какая-нибудь машина?

— Только эта. Слушайте, я с-с-слышал, что они нашли Тома. Это правда?

— Нет. Его еще не нашли, но он на свободе.

— Но это же великое дело, — сказал он без энтузиазма. — Слушайте, вы не знаете, где шкип-пер? Миссис Хиллман говорит, что его всю ночь не было дома. — Он озадаченно посмотрел на меня.

— Я не слежу за ним. Он может сам о себе позаботиться.

— Да, конечно. Но вы не знаете, где он? Я х-хочу поговорить с ним.

— О чем?

— Это личное дело. Между ним и мной.

— У вас с мистером Хиллманом много секретов? — спросил я довольно неприветливо.

— Не сказал бы. Он с-советует мне. Он дает мне хорошие советы.

Молодой человек пролепетал это с испугом и с определенной долей враждебности. Я отпустил его и поехал к дому Хиллманов: мне необходимо было увидеть Эллен Хиллман.

Она сама вышла мне навстречу. Выглядела она лучше, чем в последнюю нашу встречу, была тщательно причесана и не менее тщательно одета. Сшитое на заказ у хорошего портного платье из блестящего искусственного шелка плотно облегло ее стройную фигуру. Она улыбалась мне.

— У меня хорошие новости, мистер Арчер.

— Хорошие новости? — Лично у меня не было ни одной хорошей новости.

— Том определенно жив. Лейтенант Бастиан прислал мне об этом весточку. Входите и давайте поговорим.

Через зал для приемов мы прошли в гостиную.

— Я называю эту комнату «залом ожидания», — проговорила она почти весело. — Она напоминает мне зал ожидания в зубо врачебной лечебнице. Но ожидание уже почти закончено, не так ли? — В конце фразы голос ее сорвался на высокую ноту, выдав напряжение.

— Думаю, это действительно так.

— Слава богу, я больше не выдержала бы. Никто из нас больше не выдержал бы. Эти дни были очень трудными.

— Я знаю. Примите мои извинения.

— Не надо извинений. Вы нам принесли хорошие новости. — Она опустилась на диван. — Садитесь, расскажите мне остальное.

Я сел рядом с ней.

— У меня не очень много новостей, и они далеко не все благоприятные. Но Том жив, свободен и, возможно, все еще в Лос-Анджелесе. Я обнаружил его следы в отеле «Барселона», где он прятался, — это пригород Лос-Анджелеса. Его видели выходящим из автобуса на конечной остановке около десяти часов вечера. Сегодня во второй половине дня я туда собираюсь и попытаюсь найти его там.

— Хотелось бы, чтобы и мой муж мог разделить со мной эти радостные вести, — сказала она. — Я немного обижена на него. Он вчера вечером уехал из дома и до сих пор не вернулся. — Она оглядела комнату, словно в ней было что-то не так из-за его отсутствия.

— Возможно, он также получил известие, что Том жив.

— От кого?

Я оставил этот вопрос без ответа.

— Но он не уехал бы, не сказав мне.

— Если у него не было на то причины.

— Какая может быть причина для того, чтобы держать меня в неведении?

— Я не знаю, миссис Хиллман.

— Уж не сошел ли он с ума, как вы думаете?

— Сомневаюсь. Он, возможно, провел ночь в Лос-Анджелесе в поисках Тома. Я знаю, что сегодня утром он завтракал с Сюзанной Дрю.

Я намеренно произнес это имя без всякой подготовки и получил ту реакцию, которую ожидал. Изысканность

слетела с лица Эллен, оно стало сморщенным, как папиросная бумага.

— Господи,— сказала она,— неужели это все еще продолжается? Даже среди этих ужасов?

— Я не совсем понимаю, что продолжается?

— Они любовники,— сказала она с горечью,— вот уже семнадцать лет. Он поклялся мне, что с этим давно покончено, просил меня остаться с ним и дал слово чести, что никогда его не увидят с ней. Но у него нет чести,— она подняла на меня глаза,— у моего мужа нет чести. Он человек без чести.

— Для меня лично в этом нет ничего ужасного.

— Возможно, мужчины и могут полагаться на него. Но женщины — нет. Я научена своим горьким опытом. Я замужем за ним почти двадцать лет, и отнюдь не преданность удерживала его около меня. Я знаю что: это деньги моей семьи. Они нужны были ему для его бизнеса, для его хобби. Включая,— сказала она со страданием в голосе,— и его грязное постельное хобби.

Она закрыла лицо руками, стремясь скрыть гримасу боли.

— Мне не следовало бы вообще говорить на эту тему, это на меня не похоже. Все это противно воспитанию, которое я получила. У моей матери были тоже проблемы с отцом, и она всегда внушала мне, что страдать надо молча. Я следую ее примеру. За исключением Ралфа, вы — единственный человек, с которым я об этом говорю.

— Вы сказали мне совсем немного. Это может быть интересным. Необходимо кое-что проверить.

— Вы думаете, что каким-то образом это... поведение Ралфа может быть связано с Томом и со всей этой историей?

Она протянула мне руки, словно умоляя дать тот ответ, который ей хотелось бы услышать.

— Очень похоже на то. Думаю, что именно поэтому ваш муж и мисс Дрю провели эту утро вместе. Возможно, он звонил ей раньше, во вторник днем.

— Он звонил! Я вспомнила. Он звонил из бара, а я вошла в комнату, и он резко оборвал разговор. Но я слышала, как он говорил о необходимости для них соблюдать полную тайну. Да, та, с которой он говорил, была именно Дрю!

Презрение, с которым она произнесла эти слова, заставило меня вздрогнуть. Мы настолько были поглощены этим

странным мучительным разговором, что он создал между нами какую-то близость.

— Видимо, это была она,— заметил я.— О том, что она может быть свидетельницей, я говорил только лейтенанту Бастиану, и он, должно быть, передал это вашему мужу.

— Вы совершенно правы, мистер Арчер. Только от лейтенанта он мог об этом услышать. Но откуда вы сами знаете такие подробности из жизни других людей?

— Жизнь других людей — мой бизнес!

— И ваша страсть?

— И моя страсть, и мой крест. За исключением людей, ничто в этом мире не смогло серьезно увлечь меня.

— Но откуда вы могли знать о телефонном звонке? Вас ведь не было здесь, а мой муж наверняка не сказал бы вам?

— Я был в квартире мисс Дрю, когда раздался этот звонок. Я не слышал, о чем шел разговор, но он потряс ее.

— Надеюсь,— сказала она, бросив на меня быстрый взгляд. В глазах ее появились доброжелательность, мягкость. Она придвинулась ко мне и дотронулась до моей руки своими тонкими пальцами.— Она ваша подруга?

— Некоторым образом да.

— Вы живете с ней?

— Нет, и с этим ничего не поделать.

— Озадачивающий ответ.

— Я и сам озадачен. Если она все еще любовница вашего мужа, то это должно было охладить ее интерес... Нет, я не думаю, чтобы их связь продолжалась.

— Тогда что связывает их?

— Что-нибудь из прошлого.

Я надеялся, что все действительно было уже в прошлом. Сюзанна, и я это узнал только сегодня утром, все еще способна была причинить мне боль.

— Если бы вы рассказали об этом немного подробнее, миссис Хиллман, это могло бы оказаться весьма полезным. Я, конечно, понимаю, что этот рассказ причинит вам боль.—«И мне тоже»,— добавил я про себя.

— Эта боль незначительная по сравнению с той, которую я испытываю сейчас. Боль за Тома, например.— Она потрогала кончиками пальцев виски.

— Постарайтесь рассказать обо всем покороче, миссис Хиллман. Вы сказали, что это «дело» тянется уже семнадцать лет. Значит, оно началось где-то в конце войны?

— Да. Весной сорок пятого. Я жила одна, то есть в женском окружении, в своем доме в Брентвуде. Муж мой служил в военно-морском флоте. В то время он был

старшим помощником командира сторожевого корабля. Позже его сделали капитаном этого судна.— Она проговорила это с гордостью в голосе, тщательно подбирая слова, как будто главным для нее было точное изложение фактов прошлого.

— В январе или феврале сорок пятого года корабль мужа был поврежден, и они были вынуждены возвратиться в Сан-Диего для ремонта. Ралф получил отпуск на несколько дней и, конечно, навестил меня. Но я не видела его столько, сколько мне хотелось и сколько я ожидала. Позже я узнала почему. Несколько ночей и целиком все уик-энды он провел с Сюзанной Дрю.

— В отеле «Барселона»?

— Она рассказывала вам?

— Некоторым образом.— Она дала мне фотографию Кэрол, думал я, а надпись на обороте привела меня в отель «Барселона».— Она говорила мне о себе, но не о вашем муже. Она преданный человек, что бы там ни было.

— Я не хочу слышать о ней ничего хорошего. Слишком много страданий причинила она мне.

— Извините, но вспомните, ей было только двадцать.

— Сейчас ей около сорока. А то, что ей было тогда только двадцать, делает все еще страшней. Мне ведь тоже было далеко до тридцати, а мой муж уже изменял мне. Можете ли вы представить себе, что чувствует женщина, когда муж бросает ее ради более молодой? Можете ли вы вообразить себе это?

Даже воспоминания о перенесенных страданиях были для нее очень болезненными. Глаза ее были сухи и горели каким-то внутренним пламенем. С еще большей горечью она продолжала:

— Но он не оставил меня. Он вернулся. Но не ради меня, конечно. В его послевоенные планы входила организация технической фирмы, а для этого ему нужны были деньги. Тут уж он был совершенно откровенен и, видимо, даже думал, что доставляет этим мне огромное счастье. Он считал, что любая пара, которая не может иметь ребенка...— Она прикрыла рот рукой.

— Но у вас был Том,— подтолкнул я ее.

— Том появился позже, слишком поздно, чтобы спасти нас.— Голос ее стал еще более проникновенным.— Слишком поздно, чтобы спасти моего мужа. Он трагически несчастный человек. Но в сердце моем нет к нему жалости...

— В чем же был источник трудностей между ним и Томом?

— Фальшь,— сказала она тихо.

— Фальшь?

— Наверное, мне все следует вам рассказать, мистер Арчер. Так или иначе, но вы все равно об этом узнаете. Рано или поздно. Это может оказаться важным, особенно с точки зрения психологии.

— Не был ли Том... приемным сыном?

Она медленно кивнула.

— Это должно остаться между нами, мистер Арчер. По крайней мере, сейчас я прошу вас не сообщать об этом ни одному человеку. Мы усыновили его в Лос-Анджелесе, сразу после отставки мужа, уже перед тем, как приехать сюда.

— Но он похож на вашего мужа!

— Ралф учел это, когда выбирал его. Он очень тщеславный человек, мистер Арчер. Он постыдился даже друзьям сообщить, что у нас не может быть собственных детей. В действительности же, именно Ралф не может иметь детей. Я рассказала это вам для того, чтобы вы поняли, почему он с самого начала ведет себя так вызывающе. Желание его иметь собственного сына было настолько огромно, что иногда я действительно думала, что Том его собственная плоть и кровь.

— Он не говорил об этом Тому?

— Нет. Ни он, ни я. Ралф не разрешал мне.

— Наверное, это было неправильное решение по отношению к Тому.

— Я говорила ему об этом с самого начала. Он должен быть честен с Томом, иначе Том не будет честен с ним.— Голос ее слегка подрагивал.— Ну а какие последствия это повлекло за собой, вы уже знаете. Искалеченное детство Тома, разрушенная семья и теперь еще эта история.

— Да. Но мы все-таки найдем его и вернем вам. Главное, Том жив.

— Но вы же не сможете вернуть семье ее прежнюю целостность.

— Это зависит от всех вас троих. Были случаи, когда залечивались и более глубокие раны, но, конечно, не без квалифицированной помощи. Я не имею в виду «Проклятую лагуну» или помощь, оказываемую только Тому.

— Я знаю... Понимаете, я всегда была мучительно несчастлива, а мой муж совершенно не замечал этого. Многие годы. Это началось еще с Мидуэя. В этой кровопро-

литной битве эскадрилья, которой командовал Ралф, была полностью уничтожена. В этом он винил только себя и чувствовал себя так, будто потерял дюжину сыновей.

— Откуда это вам известно?

— Он тогда еще писал мне обо всем откровенно, как это и принято между нормальными людьми. Он написал мне множество тягостных писем о наших будущих сыновьях. Я знаю точно, что связано это у него с летчиками, погибшими в том бою, хотя сам он об этом никогда не говорил. А когда он обнаружил, что у него не может быть собственных детей, то решил усыновить Тома. Ну и...— нервным движением она опустила руки на колени.

— Вы хотели продолжить, миссис Хиллман?

— Мне трудно судить об этом, ведь я не психолог, хотя однажды и пыталась изучать психологию. Я чувствовала, что Ралф старается жить, исходя из своих каких-то определенных фантазий относительно Тома. Возможно, он пытался отдать долг тем военным годам, как-то возместить свои утраты. Но, вы знаете, пытаться использовать людей вместо пешек в своей игре — противоестественно. Это и разрушило отношения между Томом и его отцом.

— И Том пришел к убеждению, что ваш муж — не его настоящий отец?

Она нервно взглянула на меня.

— Вы действительно так думаете?

— Для этого есть определенные причины,— сказал я, вспомнив, что сказал мне Фред Тандал.— Миссис Хиллман, что произошло в то воскресное утро и что заставило вас отдать Тома в школу в «Проклятой лагуне»?

— Это сделал Ралф, а не я,— ответила она быстро.

— Они поссорились?

— Да. Ралф ужасно на него рассердился.

— За что?

Она опустила голову.

— Муж запретил мне говорить об этом.

— Том сказал или сделал что-то очень плохое?

Она сидела, опустив голову, и не ответила на мой вопрос.

— Я сказала вам даже больше, чем должна была,— неожиданно проговорила она.— И я надеюсь, что за этот разговор мне полагается некоторое вознаграждение. Не можете ли вы дополнить ваш краткий рассказ? Вы упомянули отель под названием «Барселона» и сказали, что Том там прятался. Вы употребили слово «прятался»?

— Да.

— Разве его не держали там?

— Не знаю. Возможно, некоторое принуждение было, скорее всего, психологическое. Но я сомневаюсь, чтобы его там «держали» в прямом смысле этого слова.

Она с отвращением посмотрела на меня. То, что я рассказывал до сих пор, было неприятно, но сказанное сейчас было самым тяжелым.

— Вы с самого начала подозревали, что Том добровольно объединился с похитителями?

— Я не исключал такой возможности, не исключая и сейчас. С ней следует считаться.

— Скажите мне все прямо. Я вынесу любую правду, как бы горька она ни была...

— Ну что ж. Думаю, что Том ушел с Харлеем по собственной воле, в багажнике его машины приехал в «Барселону» и оставался там вовсе не потому, что кто-то ему угрожал. По каким причинам он так поступает, ясно будет только после разговора с ним. Но о вымогательстве он, возможно, ничего не знал. Пока нет доказательств, что он получил от этого какую-то выгоду: денег у него нет.

— Откуда вы знаете? Вы виделись с ним?

— От одного человека, который с ним разговаривал. Том сказал, что ему нужны деньги.

— С одной стороны, это приятная новость.

— Я того же мнения.

Я собрался уходить, но она задержала меня, и по тому, как она задумалась, я понял, что в голову ей пришла какая-то мысль.

— Этот отель «Барселона», о котором вы говорите, такое большое старое заброшенное здание около шоссе, идущего к побережью?

— Да. Сейчас он закрыт.

— И Том прятался там или был спрятан?

Я кивнул.

— Сторож отеля, человек по фамилии Сайп, был одним из участников вымогательства. Сегодня утром его застрелили. Другой участник, Харлей, был зарезан нынешней ночью.

Внешне она никак не отреагировала на сказанное, возможно, была просто не в состоянии постигнуть эти ужасные события.

— Как это страшно! — выдохнула она наконец.

— Не надо преувеличивать значения этих смертей. Эти люди были закоренелыми преступниками, и они пришли к своему закономерному концу.

— Я не имею в виду только это. Я думаю о тех глубоких связях в нашей жизни, которые сводят воедино прошлое и настоящее.

— Что вы подразумеваете под этим?

По ее лицу пробежала гримаса.

— Это не очень значительно, но, боюсь, надо сказать, и об этом. Понимаете, отель «Барселона», где мой сын, мой приемный сын вместе с преступниками... находился,— голос ее дрожал,— видимо, то самое место, где встречались Ралф с Сюзанной Дрю. Вы говорите, что фамилия того сторожа, который был застрелен, Сайп?

— Да, Отто Сайп.

— Не служил ли он детективом в этом отеле?

— Да, он как раз из тех детективов, которые сослужили плохую службу нашей профессии.

— У меня есть основания верить вам,— сказала она.— Я знала его. Вернее, я разговаривала с ним однажды, и он произвел такое впечатление, что я постаралась поскорее забыть о нем. Он приехал ко мне в Брентвуд весной сорок пятого. Именно он сообщил мне о Ралфе и Сюзанне Дрю.

— Конечно, он потребовал денег?

— Да. Я дала ему деньги: он просил двести долларов. А когда увидел, что я могу заплатить больше, потребовал еще пятьсот долларов, всю мою наличность. Но деньги — это не самое важное, у меня их всегда хватало,— добавила она, напомнив мне, что никогда не нуждалась в деньгах.

— И что вам сообщил Сайп?

— Что у моего мужа адюльтерная связь, а в качестве доказательства предъявил фотографию. Он сказал, что его долг перед законом арестовать мужа... Я и сейчас не знаю, есть ли такой закон...

— Был. Не думаю, чтобы позже им пользовались, иначе немалое количество людей оказалось бы в тюрьме.

— Он упомянул тюрьму и сказал, что это может отразиться на репутации Ралфа. Это было как раз тогда, когда Ралф ждал повышения: его должны были произвести в капитаны. Сейчас, через столько лет, это звучит по-детски, но тогда в его жизни не было ничего более важного. Он происходил из небогатой семьи, его отец был мелким неудачливым бизнесменом. Он, конечно, отлично чувствовал то расстояние, которое отделяло его от моей семьи.— Она бросила на меня взгляд, полный грустной гордости за свое прошлое.— Нам всем нужны подпорки и подставки, чтобы гордость не рухнула.

— Вы рассказали мужу о ваших переговорах с Отто Сайпом?

— Да. Но я невольно уклонилась от этих малоприятных событий. Несмотря на тот шок, который на меня произвел рассказ Сайпа, а надо сказать, что у меня уже были подозрения в отношении Ралфа, я отнюдь не хотела, чтобы все его блестящие планы были разрушены. Поэтому я заплатила этому жуткому человеку его грязные деньги, и он передал мне ту отвратительную фотографию.

— Что-нибудь еще вы о нем слышали?

— Нет.

— Удивительно, что он не преследовал вас всю жизнь.

— Может быть, у него были такие намерения, но этому воспрепятствовал Ралф. Естественно, я ему рассказала об этом визите. — Она помолчала и добавила: — Фотографию я ему не показала. Я ее сразу же разорвала.

— Как удалось вашему мужу остановить его притязания?

— Возможно, он избил его или запугал. Но мне он ничего об этом не говорил. Видеться друг с другом у нас тогда больше не было возможности. Я уехала домой в Бостон и увидела Ралфа уже в конце года, когда он привел свой корабль на Бостонский рейд. Мы с ним обсудили все происшедшее и решили усыновить ребенка.

Я слушал ее невнимательно, мне стала ясна вся подноготная расследуемого дела. Ралфа Хиллмана связывали с обоими похитителями враждебные отношения. Он был командиром Майкла Харлея и он же избил Отто Сайпа. И теперь они отплатили ему: один за унижение, другой — за физическую боль. Похоже, что Эллен думала о том же самом.

— Сайп никогда не вошел бы в нашу жизнь, если бы Ралф не воспользовался этим отелем для своих мерзких целей.

— Вы не должны во всем обвинять вашего мужа. Конечно, он поступил плохо, но мы все так поступали. И то, что он сделал много лет назад, не может служить единственным объяснением того, что случилось сейчас. Все не так просто.

— Я знаю. И не виню его во всем.

— Сайпа, например, каким-то образом вовлек в это дело Майкл Харлей, который знал вашего мужа и таил на него злобу.

— Но почему Том, мой бедный дорогой Том, оказался в этом отеле? Это какой-то рок!

— Может быть, и рок. Что же касается Сайпа и Харлея, то для них отель был просто удобным местом, где они могли его спрятать.

— Почему же Том оставался с ними? Они, должно быть, очень жестокие люди.

— Подростки иногда стремятся к жестокостям.

— Дело не в этом,— проговорила она.— Я действительно не обвиняю Тома в том, что произошло. И я, и Ралф дали ему очень мало знаний о мире, который нас окружает. Том — искренний, сосредоточенный на своем внутреннем мире мальчик с артистической натурой. Муж не хотел, чтобы он был таким. Это, видимо, напоминало ему, что Том не родной сын. Он пытался изменить Тома, а когда увидел, что не смог, потерял к нему всякий интерес. Но не любовь. В этом я уверена. О Томе он всегда очень заботился.

— Но он проводит время с Диком Леандро?

Уголок ее рта приподнялся, из-за чего вокруг глаз образовались морщинки.

— Вы наблюдательны, мистер Арчер.

— Приходится, это моя работа. Но Дик и не делает секрета из этого. Я его встретил сейчас, он выезжал из вашей аллеи.

— Он разыскивал Ралфа. Он очень от него зависит,— добавила она сухо.

— Не могли бы вы описать мне их взаимоотношения? Он «заместитель» сына?

— Дело в том, что мать и отец Дика разошлись несколько лет тому назад. Дику нужен был отец, а Ралфу — кто-то, кто смог бы составить ему компанию на судне, так сказать, экипаж. Я думаю, для него было крайне важно, чтобы кто-то разделял с ним любовь ко всему тому, что так любил он. И ему хотелось, чтобы этим человеком был сын.

— Он мог подобрать кого-нибудь и получше Дика.

Некоторое время она молчала.

— Возможно, и мог. Но вам, конечно, так же хотелось бы, чтобы рядом был человек, чьи устремления совпадают с вашими. Дик в этом смысле подходящий партнер.

— Дик сказал, что ваш муж помог ему закончить колледж?

— Да, помог. Он никогда не забывает, что отец Дика работал у него в фирме. В этом отношении Ралф очень преданный человек.

— А Дик?

— Он фанатично предан Ралфу,— сказала она с воодушевлением.

— Позвольте мне задать вам один гипотетический вопрос без видимого основания, как это бывает в суде. Если бы ваш муж лишил Тома наследства, наследником стал бы Дик?

— Да, вопрос действительно сугубо гипотетический.

— Но ответ на него может иметь практические последствия. Так что вы ответите?

— Дику, может быть, будет кое-что оставлено. Это, возможно, произойдет в любом случае. Но, пожалуйста, не воображайте, что бедный, глупый Дик, у которого есть только кудрявые волосы да мускулы, способен замыслить заговор.

— Этого я и не предполагаю.

— Вы не должны быть так несправедливы к Дику. Он проявил большое благородство в этой ситуации. Мы опирались на него.

— Я знаю и оставляю его в покое.— Я собрался уходить.— Очень вам благодарен, вы были со мной искренни.

— Такая запоздалая искренность не заслуживает особой благодарности. Может быть, вы хотите что-нибудь еще узнать...

— Да. Вот сведения, которые могли бы мне помочь: не назовете ли вы агентство, через которое усыновили Тома?

— Мы сделали это не через агентство. Частным образом.

— Через судью или через врача?

— Через врача. Не могу назвать сейчас его имени, но именно врач нашел нам Тома. Мы оплатили все расходы по сделке, которая была совершена якобы с матерью.

— Кто была мать?

— Какая-то бедная женщина, попавшая в затруднительное положение. Я никогда в жизни не встречалась с ней, да и не хотела этого. Мне необходимо было почувствовать, что Том — мой собственный сын.

— Я понимаю.

— А какое отношение имеют настоящие родители Тома к текущим событиям?

— Возможно, Том бродит по Лос-Анджелесу в поисках своих действительных родителей. У меня есть реальная причина для такого предположения. У вас где-нибудь записана фамилия врача?

— Мой муж мог бы вам ее назвать.

— Но его нет сейчас.

— Это может быть в его столе, в библиотеке.

Я последовал за ней в библиотеку и, пока она произво-

дила раскопки в столе, еще раз рассмотрел фотографии на стенах. На групповом фото, сделанном на палубе авианосца, были, очевидно, летчики из эскадрильи Хиллмана. Я внимательно рассматривал их молодые лица. Все они погибли при Мидуэе.

Потом я рассмотрел фотографию Дика Леандро на яхте. Его красивое, здоровое, пустое лицо ничего не выражало. Может быть, для кого-нибудь другого оно будет что-нибудь значить. Я снял его фото со стены и положил во внутренний карман пиджака.

Эллен Хиллман ничего не заметила. Она нашла фамилию, которую искала.

— Элиа Вайнтрауб, — сказала она, — вот фамилия врача.

Глава 22

По междугородному телефону я позвонил доктору Вайнтраубу. Он подтвердил свое участие в деле усыновления Тома Хиллмана, но отказался обсуждать этот вопрос по телефону и пригласил меня к себе во второй половине дня.

Перед тем как выехать в Лос-Анджелес, я повидал лейтенанта Бастиана. Он занимался этим делом уже три дня, но нельзя было сказать, что сильно продвинулся вперед. Звездообразные морщины на его лице стали, казалось, еще глубже. Охрипшим и от этого еще более резким голосом он произнес несколько иронически:

— Было бы прекрасно, если бы вы снизошли до нас и в прошедшие дни.

— Я работаю сейчас на Ралфа Хиллмана.

— Знаю. Это дает вам определенные преимущества, которые вы и используете. Но и вы и я работаем в одном и том же деле, и по идее нам полагается кооперироваться. А это означает периодический обмен информацией.

— Зачем же, по-вашему, я пришел?

Он опустил глаза.

— Прекрасно. Что нового в ваших розысках мальчика Хиллмана?

Я рассказал Бастиану почти все, то есть ровно столько, чтобы я мог удовлетворить и его, и мою щепетильную совесть. Себе я оставил только доктора Вайнтрауба и то, что Том, может быть, вернется сегодня на автобусную станцию в Санта-Монике. О всех остальных его злоключе-

ниях и о том, что он, видимо, находился в добровольном заключении в отеле «Барселона», я честно доложил лейтенанту.

— Очень плохо, что Отто Сайп умер,— угрюмо заметил он.— Он мог многое прояснить.

Я согласился.

— Что же на самом деле произошло с Отто Сайпом? Вы же были свидетелем?

— Он бросился на Бена Дали с лопатой в руках. У Бена был мой револьвер, а я в это время осматривал труп Харлея. Револьвер выстрелил сам собой.

Бастиан неопределенно пошлепал губами.

— Что вы знаете о Дали?

— Немного. Он владелец станции техобслуживания автомобилей напротив «Барселоны». Показался мне заслуживающим доверия. Ветеран войны...

— Гитлер тоже ветеран. Лос-Анджелес сообщает, что у Дали были какие-то делишки с Сайпом. Сайп, например, покупал через него подержанные автомобили.

— Это естественно. От того места, где работал Сайп, станция Дали самая близкая.

— Вы не думаете, что Дали убил Сайпа, чтобы заставить его замолчать?

— Нет, но возьму это на заметку. Меня больше интересует другое убийство. Вы видели нож, которым был зарезан Харлей?

— Нет еще. Но у меня есть описание.— Бастиан взял со стола несколько бумаг.— Этот нож, который принято называть охотничьим, выпущен фирмой «Фортсман» в Орегоне. Об этом говорит марка фирмы на ноже. Длина лезвия около шести дюймов, резиновая ручка в черную и белую полоску, на ручке отпечатки пальцев. Описание точное? Могу добавить, что у ножа широкое заостренное на конце лезвие.

— Я видел только ручку. Но тот факт, что у ножа широкое заостренное лезвие, позволяет предположить, что это тот же нож, которым была убита Кэрл.

— То же самое я сказал в Лос-Анджелесе. Они высылают мне нож для идентификации.

— Именно это я и собирался вам предложить.

Бастиан наклонился вперед, тяжело опираясь ладонями на крышку стола, заваленного бумагами.

— Вы думаете, что его убил кто-то из жителей нашего города?

— Это достойная рассмотрения мысль.

- Но почему? Из-за его доли денег?
- Этого не может быть. В то время как Харлей выехал из Лос-Анджелеса, у него не оставалось ничего. Я разговаривал с мошенником, обчистившим его.
- Удивительно, что Харлей его не застрелил.
- Можно сделать вывод, что вокруг хватало профессиональных убийц. Харлей всего лишь любитель.
- Тогда почему? — спросил Бастиан, подняв брови. — Почему убили Харлея, если деньги тут ни при чем?
- Не думаю, что нам удастся узнать об этом точно до того, как мы найдем убийцу.
- У вас есть какие-нибудь подозрения?
- Нет. А у вас?
- У меня есть кое-какие мысли на этот счет, но я воздержусь высказывать их вслух.
- Потому что я работаю на Хиллмана?
- Этого я не говорил. — Он прикрыл глаза и переменял тему разговора. — О вас спрашивал человек по имени Роберт Браун, отец убитой. Он в гостинице «Сити».
- Я найду к нему завтра. Вы вежливо с ним общались, а?
- Я со всеми обхожусь вежливо. Несколько минут назад мне звонил Гарольд Харлей. Он очень тяжело воспринял смерть брата.
- Так и должно быть. Когда вы выпустили его?
- Вчера. У нас не было причин держать его под замком. Нет закона, который говорил бы, что вы обязаны доносить на брата.
- Он уехал домой в Лонг-Бич?
- Да. Он всегда может быть в распоряжении суда, если кто-то возбудит дело.
- Он еще раз уколол меня за смерть Отто Сайпа, и на этом я откланялся.
- По дороге в Лос-Анджелес я сделал крюк и заехал на станцию обслуживания Дали. Бен с повязкой на голове был около насоса. Когда он увидел меня, то вошел в свою конторку и больше оттуда не показывался. Потом из конторки появился мальчик лет десяти, точная копия отца. Он очень недружелюбно спросил, чем может быть мне полезен.
- Я хотел бы одну минуту поговорить с мистером Дали.
- Извините, но папа не хочет разговаривать с вами, он очень расстроен тем, что произошло утром.
- Передайте ему, что я тоже расстроен. Не смог бы он

взглянуть на одну фотографию? Может быть, он узнает изображенного там человека?

Мальчик вошел в конторку, плотно закрыв за собой дверь. Возвышавшаяся по ту сторону шоссе «Барселона» напоминала сейчас, в солнечных лучах, памятник вымершей цивилизации. У отеля я увидел несколько полицейских машин и человека в форме, который сдерживал толпу зевак.

Мальчик вышел из конторки.

— Папа сказал, что не хочет больше смотреть ни на какие ваши фотографии. Он говорит, что вы и ваши фотографии принесли ему несчастье.

— Передай ему, что я прошу прощения.

Мальчик торжественно поклонился и отправился выполнять свою роль посла. Но больше ни он, ни его отец так и не показались.

Я предоставил Дали самому себе.

Офис доктора Вайнтрауба я нашел среди новых медицинских корпусов в Уилшире, около больницы «Ливанские кедры».

Внутренний эскалатор поднял меня в комнату отдыха на пятом этаже. Она была прекрасно обставлена, откуда-то доносилась успокаивающая музыка, которая все время, пока я сидел там, действовала мне на нервы. Я, единственный мужчина в этой комнате, сразу же оказался под перекрестным огнем взглядов двух беременных женщин, сидящих в разных углах комнаты. Смотрели они на меня с явным сожалением.

Из-за конторки в углу комнаты ко мне обратилась сильно раскрашенная девица:

— Мистер Арчер?

— Да.

— Доктор Вайнтрауб примет вас через несколько минут. Вы ведь не пациент? Так что вам нет необходимости заполнять историю болезни, да?

— Она вызвала бы у меня приступ белой горячки, моя милая!

В крайнем изумлении девушка захлопала своими наклеенными ресницами, напомнившими мне почему-то ножки тарантула, такие они были длинные и толстые.

Тут открылась дверь, и доктор Вайнтрауб пригласил меня в кабинет, где он давал консультации. Это был человек примерно моего возраста, может быть, несколькими годами старше. Как и большинство врачей, он не следил за собой: под белым халатом — сутулые плечи, явно излиш-

ний вес. Волосы темные, вьющиеся, но на лбу уже залысины. Под очками же прятались чрезвычайно живые глаза, их воздействие я ощутил, едва обменявшись рукопожатием с доктором. Это лицо я определенно видел, только никак не мог вспомнить, где именно.

— Судя по вашему виду, вам необходим отдых,— сказал он.— Это бесплатный совет.

— Благодарю вас, отдыхать я буду чуть позже,— ответил я, а про себя отметил, что отдых и ему бы не повредил.

Он довольно тяжело опустился за стол, а мне предложил кресло для пациентов. Я сел лицом к нему. Одна из стен комнаты была целиком заставлена книжными полками: там были книги по всем разделам медицины, но больше всего книг было по психиатрии и гинекологии.

— Вы психиатр, доктор?

— Нет, я не психиатр.— В глазах его ясно была видна меланхолия.— Некоторое время я учился за границей, затем началась война, и я выбрал другую специальность — акушера.— Он улыбнулся, глаза его засветились.— Я доволен своей работой. У нас все больше успешных родов, хочу сказать, что все реже теряю детей.

— Вы принимали Тома Хиллмана?

— Да.

— Не можете ли вы вспомнить точно, когда это было?

— Я просил уже своего секретаря взглянуть. Том родился 12 декабря 1945 года. Неделей позже я договорился об усыновлении ребенка капитаном Ралфом Хиллманом и миссис Хиллман. Они устроили ему великолепные крестины,— сказал он очень тепло.

— Как отнеслась к этому его настоящая мать?

— Она не хотела ребенка.

— Она была замужем?

— Если это имеет значение, она была молодой замужней женщиной, но ни она, ни ее муж не хотели в это время иметь ребенка.

— Не можете ли вы назвать их фамилии?

— Это профессиональная тайна, мистер Арчер.

— А если это поможет раскрыть преступление или отыскать пропавшего ребенка?

— Я должен знать все факты и иметь время на то, чтобы их обдумать. Но времени у меня нет. Я и сейчас воруя его у своих пациентов.

— Вы ничего не слышали о Томе Хиллмане на этой неделе?

— Ни на этой неделе, ни когда-либо еще.

Он тяжело поднялся и прошел мимо меня к двери, где с преувеличенной вежливостью дождался, пока я пройду мимо него.

Глава 23

С портиком, поддерживаемым колоннами, дом, где была квартира Сюзанны Дрю, представлял собой нечто среднее между греческими храмами и особняками на плантациях в южных штатах и выкрашен был вместо белого в голубой цвет. Чувствуя себя совсем затерянным среди колонн, проходным коридором, отделанным под мрамор, я прошел к знакомой квартире. Мисс Дрю не было.

Я взглянул на часы: было около пяти. Вполне вероятно, что после завтрака с Хиллманом она пошла на работу. Я вышел и уселся в машину, наблюдая за бурным движением транспорта в часы пик.

Почти сразу же после пяти из потока машин вынырнуло желтое такси и стало позади меня. Вышла Сюзанна. Я подошел к ней, когда она расплачивалась с шофером. Увидев меня, она выронила пятидолларовую бумажку. Шофер поднял ее.

— Я надеялась, что ты навестишь меня, Лу,— сказала она не очень уверенно.— Ты зайдешь?

Она долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Ее красивая комната на этот раз показалась мне убогой и жалкой, подобно сцене, на которой было дано слишком много спектаклей. В свете заканчивающегося дня она казалась какой-то захудалой, далеко не новой.

Сюзанна бросилась на софу, вытянув свои прекрасные длинные ноги.

— Я совершенно разбита, приготовь себе что-нибудь выпить.

— Я бы не хотел пить, у меня впереди еще длинная ночь.

— Это звучит зловеще. Тогда приготовь мне. Сделай мне коктейль «Путешествие на край ночи» и добавь туда немного белены. Или зачерпни чашечку из Леты.

— Ты устала.

— Я работала весь день.

— Было бы неплохо, если бы ты немного успокоилась. Я хотел серьезно поговорить с тобой.

— Какая милая шутка!

— Замолчи.

Я приготовил ей выпить, и, когда принес бокал, она сразу немного отпила из него.

— Спасибо, Лу. Ты действительно славный.

— Прекрати эту фальшивую болтовню.

Она взглянула на меня, и я увидел в ее глазах боль.

— Я не сказала ничего особенного. Ты что, рассердился на меня? Может быть, мне не стоило оставлять Стеллу одну, но она еще спала, а мне нужно было идти на работу. Во всяком случае, она дома и с ней ничего не случилось. Как раз перед тем, как уйти из офиса, я разговаривала с ее отцом, он позвонил мне, чтобы поблагодарить.

— Поблагодарить тебя?

— Да, и устроить мне форменный допрос о тебе и еще кое о чем. По-видимому, Стелла опять ушла из дома. Мистер Карлсон просил меня сразу же сообщить, если она появится здесь. Мне сообщить?

— Это неважно. Дело сейчас не в Стелле.

— Во мне?

— Дело в твоём участии в этом. Ты оставила Стеллу утром не потому, что тебе надо было ехать на работу. Ты завтракала с Ралфом Хиллманом, и я хочу, чтобы ты знала, что мне это известно.

— Но это же было на людях,— сказала она совсем некстати.

— Какое это имеет значение? Я ничего не имел бы против, если бы это был завтрак в постели. Но суть в том, что ты пыталась скрыть это от меня, а это чертовски важный факт.

Боль в ее глазах исчезла, и возник было гнев, но наружу он так и не вышел. Гнев был еще одной уловкой, и она, наверное, поняла, что ее уловкам пришел конец. Закончив пить, она сказала по-женски очень горько:

— Это важно для тебя лично или по другим причинам?

— И то, и другое. Я сегодня разговаривал с миссис Хиллман, вернее, большей частью говорила она.

— Обо мне и о Ралфе?

— Да. Это был не очень приятный разговор для каждого из нас. А теперь я хотел бы послушать тебя.

Она отвернулась. Ее черные волосы поглощали почти весь свет, падавший ей на голову. Все это выглядело так, словно образовалась зона полной черноты в форме ее головы.

— Это не то событие в моей жизни, которым я могла бы гордиться.

— Потому что он много старше тебя?

— Это только одна причина. Теперь, когда я сама стала старше, я узнала, как это ужасно — пытаться увести мужа у другой женщины.

— Тогда зачем же ты продолжаешь это?

— Я не продолжаю,— воскликнула она с возмущением.— Все это закончилось почти сразу же после того, как началось. Если миссис Хиллман думает по-другому, то она просто поддается своему воображению.

— Я тоже думаю по-другому. Сегодня утром ты с ним завтракала. На днях он звонил тебе по телефону. Тот самый звонок, который ты отказалась объяснить.

Она медленно повернула ко мне лицо.

— Но это же еще ничего не значит. Я не просила его звонить мне. И я вышла с ним сегодня только потому, что он был в полном отчаянии, ему было необходимо поговорить с кем-нибудь, а я не хотела, чтобы это слышала Стелла. Если уж тебе так нужна правда, то он даже и не пытался приставать ко мне.

— Ему действительно было очень тяжело?

— Не знаю. Я не видела его около семнадцати лет и была поражена тем, как он изменился. А этим утром он уже совсем сдал: он был выпивши и сказал, что не спал всю ночь, бродя по Лос-Анджелесу в поисках сына.

— Я тоже провел кое-какие поиски, и никто не пошел со мной под руку завтракать.

— Ты действительно ревнуешь меня к нему, Лу? Но он же старик, разбитый жизнью старик!

— Ты слишком много протестуешь.

— Я и сама понимаю. Сегодня утром у меня было жуткое предчувствие каких-то крупных событий в моей жизни. Не только в связи с Ралфом Хиллманом...

Она оглядела свою комнату так, словно осознала ее убогость, которую вдруг почувствовал я часом раньше.

— Но ничего нельзя выбросить из своей жизни.

— Как ты встретила с ним?

— Сделай мне еще выпить.

Я приготовил выпить и принес ей.

— Когда и как ты с ним встретила?

— Это было в марте сорок пятого, когда я работала у «Уорнеров». Группа морских офицеров пришла на студию для закрытого просмотра нового военного фильма. После просмотра они организовали вечеринку, тут все и началось. Ралф напоил меня, привез в отель «Барселона», где и посвятил меня в украденное наслаждение незаконной люб-

ви. Все было для меня в первый раз: в первый раз выпила, в первый раз оказалась в постели.

Она помолчала и осевшим голосом добавила:

— Если бы ты остался со мной, Лу, все было бы намного легче.

Я подложил ей под ноги подушку.

— Но ты говоришь, это не продолжается?

— Все это было только несколько недель. Я буду с тобой честна: я любила Ралфа. Он был красивый, смелый и все такое.

— И женатый.

— Именно поэтому я и ушла от него. Миссис Хиллман, его жена, знала о нашей связи, пришла ко мне домой, и между нами произошла сцена. Я не знаю, чем бы все это кончилось, если бы там не было Кэрол. Она успокоила нас обоих, участливо поговорила с каждой. У Кэрол хватало своих неприятностей, но она умела смягчить тяжелые ситуации.

— А что там делала Кэрол в этот момент?

— Она жила у меня, разве я тебе не говорила? И при ней Эллен Хиллман подробно объяснила мне, что я сделала с ней и ее замужеством. Все уродство моего поступка. Я ответила, что теперь мне не по силам будет продолжать эту связь, и она этим удовлетворилась. Она очень чувствительная женщина, по крайней мере, была такой. Ты ведь ее знаешь.

— Она всегда была такой, да ведь и Ралф очень чувствительный мужчина.

— И тогда он был таким же.

Чтобы проверить ее честность, я задал ей вопрос:

— Кроме визита Эллен Хиллман, у тебя были еще причины, чтобы уйти от Ралфа?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала она, не выдержав проверки на честность, хотя, возможно, ей изменила память.

— Откуда Эллен Хиллман узнала о тебе?

— Ах, это! — Стыд выплеснулся из глубины ее души наружу. Это было видно по ее лицу. — Полагаю, Эллен Хиллман рассказала тебе? — почти пролепетала она.

— Она упомянула о фотографии.

— Она показала ее тебе?

— Для этого она слишком хорошо воспитана.

— Это мерзкая острова!

— Я другое имел в виду. Ты становишься параноиком.

— Да, доктор. Не использовать ли мне этот удачный случай и не рассказать ли тебе о своих миражах?

— Я думаю, что этот случай может найти лучшее применение.

— Не сейчас,— сказала она быстро.

— Не сейчас.

Прояснив темные события ее прошлого, мы ощутили какую-то близость, по крайней мере взаимопонимание.

— Мне очень неприятно, что я был вынужден поднять весь этот мусор со дна памяти.

— Я знаю. Я знаю о тебе очень много. Даже знаю, что у тебе есть еще вопросы.

— Кто сделал фотографию? Отто Сайп?

— Он присутствовал при этом. Я слышала его голос.

— Ты не видела его?

— Я спрятала лицо,— сказала она.— Когда сверкнула лампа вспышки, мне показалось, что весь мир рухнул.— Она закрыла лицо руками.— Я думаю, что в дверях стоял еще один человек, который и сделал снимок.

— Гарольд Харлей?

— Должно быть. Я не видела его.

— Когда это точно было?

— Этот день я помню всегда. 1 апреля 1945 года. Какое это имеет значение?

— Мир не может рухнуть. Все наши жизни связаны воедино. Все связано. Главное обнаружить связь.

— И в этом твоя жизненная миссия, да? — проговорила она с иронией в голосе.— Люди тебя не интересуют, интересуют только их связи?

Я засмеялся. Она тоже слегка улыбнулась, но глаза ее остались грустными.

— Есть еще одна связь, в котором нам предстоит разобраться. Но она касается уже не людей, а телефона.

— Ты имеешь в виду этот звонок Ралфа?

— Он хотел, чтобы ты сохранила его в полной тайне. Почему?

Она смутилась и, чтобы скрыть смущение, переменила позу, подобрав под себя ноги.

— Я не хотела оставлять его одного в трудную минуту. Я многим ему обязана.

— Пожалуйста, оставь эти сентиментальные рассуждения, ближе к делу.

— Зачем ты оскорбляешь меня?

— Прошу прощения. Не обращай внимания.

— Хорошо. Он узнал, что ты виделся со мной, и заявил,

что нам необходимо договориться и отвечать на твои вопросы одно и то же. Он сказал тебе, что никогда не встречался с Кэрол, но он знал ее. Когда был арестован Майкл Харлей, она обратилась к нему за помощью. Тогда он сделал для нее все, что мог. Я не должна была говорить тебе, что Кэрол его очень заинтересовала.

— Он заинтересовался Кэрол?

— Не так, как ты предполагаешь,— сказала она, подняв голову.— Я была его девушкой. Ему просто не понравилось, что такая очаровательная девочка, как Кэрол, живет совсем одна в «Барселоне», и он просил меня взять ее к себе под крыло. Под мое надломленное крыло, что я и сделала.

— Все это звучит очень наивно.

— Но так и было. Клянусь тебе. Кроме того, Кэрол очень нравилась мне. В то лето в Бербанке у меня было ощущение, что ребенок, которого она ждала, принадлежит нам обоим.

— У тебя был когда-нибудь ребенок?

Она горько покачала головой.

— И теперь уже никогда не будет. Однажды мне показалось, что я забеременела, той самой весной, о которой я говорила, но врач сказал, что ничего нет, просто мое ощущение вызвано слишком большим желанием иметь ребенка.

— Когда Кэрол жила у тебя, врач осматривал ее?

— Да, я сама водила ее. Естественно, она ходила к тому же врачу. Его фамилия была Вайнтрауб.

— Он принимал ее ребенка?

— Не знаю. Помню, что в то время она ушла от меня и вернулась к Майклу Харлею. А с доктором Вайнтраубом я больше не встречалась, слишком это неприятные воспоминания.

— Он сам показался тебе неприятным?

— Нет, я имею в виду воспоминания о Хиллмане. Это он послал меня к нему. Думаю, на флоте они были друзьями.

Лицо Вайнтрауба снова возникло у меня в памяти, и я тут же вспомнил, где видел его, более молодого, и тоже сегодня. Вайнтрауб был среди группы летчиков, снятых на палубе авианосца, и снимок этот висит сейчас на стене в библиотеке Хиллмана.

— Смешно,— сказала Сюзанна,— как имя человека, о котором ты не вспоминала 17 или 18 лет, вдруг за какие-

нибудь два часа всплывает снова и снова. Так это произошло с Вайнтраубом.

— Его имя всплыло еще в каком-нибудь контексте?

— Да, сегодня днем в офисе. У меня был очень странный телефонный разговор, а потом и посетитель. Я хотела рассказать тебе о нем, но за всеми делами это совершенно вылетело у меня из головы. Этот человек тоже интересовался доктором Вайнтраубом. Он не хотел называться, но, когда я поднажала, сказал, что фамилия его Джексон.

— Сэм Джексон?

— Имени он не назвал.

— Сэм Джексон, негр средних лет, с очень светлой кожей, который выглядит и разговаривает так, как джазовые музыканты, когда у них нет ни гроша.

— У этого юноши тоже, видимо, не было ни гроша, это точно, но это определенно не Сэм. Может быть, это сын Сэма? Ему не больше восемнадцати.

— Опиши мне его.

— Тонкое лицо, очень приятные черты, крайне возбужденные темные глаза, настолько возбужденные, что он даже испугал меня. Он мог бы показаться интеллигентным, если бы не был так напряжен.

— Чем он был возбужден? — спросил я, чувствуя, что и сам начал волноваться.

— Думаю, смертью Кэрл. Он не сказал об этом прямо, но спрашивал меня, не знала ли я Кэрл в сорок пятом году. Видимо, он прошел весь мой путь, начиная от Бербанка, пытаясь разыскать меня. Он был даже у старого секретаря «Уорнеров», с которым я до сих пор поддерживаю связь, и использовал имя Кэрл. Он хотел узнать все о ребенке Харлея и, когда я ничего не смогла ему рассказать, спросил, к какому врачу обращалась Кэрл. Я назвала ему доктора Вайнтрауба, и это его удовлетворило. Я успокоилась только тогда, когда отделалась от него.

— Очено жаль, что ты отделалась.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Ты предполагаешь, что это мог быть сын Харлея?

Я не ответил, достал свою коллекцию фотографий и развернул ее веером. Руки мои мелко дрожали.

— Разве он не умер, Лу? — испуганно спросила Сюзанна.

Я протянул ей одну фотографию.

— Лу, я не хочу больше смотреть на фотографии мертвецов.

— Здесь живой человек. По крайней мере, я надеюсь, что живой.— Я показал ей фотографию Тома Хиллмана.

— Да, именно он и разговаривал со мной, только одет он был много хуже чем здесь. Это ребенок Харлея?

— Думаю, что да. Он также тот самый ребенок, которого усыновили Ралф и Эллен Хиллманы. Не создалось ли у тебя впечатление, что прямо от тебя он отправился к Вайнтраубу?

— Да.— Она тоже была взволнована.— Все это похоже на древний миф. Он разыскивает своих настоящих родителей.

— Черт побери! Оба его родителя мертвы. В котором часу ты видела его?

— Около четырех часов.

— Сейчас почти шесть.— Я подошел к телефону и позвонил в офис к Вайнтраубу. Дежурная ответила, что офис уже закрыт, а девушка на коммутаторе не решилась дать мне ни домашнего адреса Вайнтрауба, ни его телефона, ни телефона старшего дежурного в здании. Я попросил ее записать мое имя и номер телефона Сюзанны. Теперь оставалось ждать, когда Вайнтрауб сам позвонит мне, если, конечно, он позвонит.

Прошел час. Сюзанна поджарила мне мяса и сама поела без всякого аппетита. Мы сидели за мраморным столиком в патио, и она рассказывала мне все о мифах и о том, как они видоизменялись. Эдип, Гамлет, Стефен Дедалус — ее отец читал по этому предмету курс лекций. Время шло, и я беспокоился о мальчике все больше и больше. Гамлет пришел к кровавому концу, Эдип убил своего отца, женился на матери, а затем ослепил себя.

— Том Харлей,— сказал я негромко.— Том Харлей, Хиллман, Джексон. Он знал, что он не настоящий сын Хиллманов, он думал, что его подбросили эльфы.

— Это тоже миф.

— Я говорю о реальной жизни. Он бросил своих приемных родителей и пошел искать своих действительных родителей. Как странно, что они оказались именно Харлеями.

— Ты совершенно уверен, что он ребенок Харлея?

— Это следует из всего, что я знаю о нем. Кстати, это объясняет и то, почему Ралф Хиллман попытался скрыть факт своего знакомства с Кэрл. Он не хотел, чтобы всплыла наружу история с усыновлением.

— Почему не хотел?

— Он держал это в секрете от всех и на этой почве, по-видимому, немного свихнулся.

— У меня сложилось такое же впечатление сегодня утром.— Она прикоснулась к моей руке.— О, Лу, ты не думаешь, что он мог совершенно сойти с ума и убить Кэрол собственными руками?

— Возможно, но маловероятно. Ты хочешь сказать, что именно это и мучило его утром?

— Больше того. У него было ощущение, что земля разверзлась у него под ногами. Он думал, что я пойму его состояние и помогу ему собрать осколки его жизни. Через семнадцать лет он нанес мне второй сокрушительный удар.

Она сказала это с презрением, которое в равной степени отнесла и к Хиллману и к себе.

— Я не совсем понимаю.

— Он попросил меня выйти за него замуж, Лу. Это так соответствует современным нравам: прежде чем разорвать настоящий брак, вы пытаетесь подготовить почву для будущего.

— Не понимаю, что он имел в виду. Он говорил о своих намерениях в отношении Эллен?

— Нет.— Сюзанна побледнела, как призрак.

— Ну, надеюсь, он имел в виду только развод. Каков был твой ответ?

— Мой ответ?

— Твой ответ на его предложение?

— О! Я сказала ему, что жду более приятного предложения.

Ее темные глаза со значением посмотрели на меня. Я же сидел, мучительно подыскивая вразумительный ответ. Спас меня телефонный звонок. Я взял трубку.

— Арчер слушает.

— Это доктор Вайнтрауб.— В голосе его уже не было бывшего спокойствия.— Со мной только что произошел из ряда вон выходящий случай...

— Вы видели сына Хиллмана?

— Да. Он пришел ко мне как раз тогда, когда я собирался уходить, и задал мне тот же самый вопрос, что и вы.

— Что вы ответили ему, доктор?

— Я сказал ему правду. Но он уже ее знал. Он хотел знать, действительно ли Майкл и Кэрол Харлей его родители. Это действительно так.

— Как он на это отреагировал?

— Боюсь, что очень бурно. Он ударил меня и разбил мне очки. Без них я практически слепой. И убежал от меня.

— Вы сообщили полиции?

— Нет.
— Сообщите немедленно и скажите, кто он!
— Но его отец, его приемный отец не разрешил бы мне...

— Я знаю, как это бывает, когда имеешь дело со своим старым командиром, доктор. Одно время он был вашим командиром, не так ли?

— Да, я был в его эскадрилье.

— Но это было уже давно, поэтому сейчас предоставьте Хиллману самому позаботиться о себе. Вы позвоните в полицию, или это сделать мне?

— Я позвоню. Я понимаю, что вы не можете оставлять на свободе мальчика, учитывая его состояние.

— О каком состоянии вы говорите?

— Он чрезвычайно возбужден и, как я сказал, очень бурно на все реагирует.

«С его наследственностью,— подумал я,— едва ли это удивительно».

Глава 24

Поцеловав на прощанье Сюзанну, я поехал по направлению к автобусной станции в Санта-Монике. До девяти время еще было, и я решил предпринять очередную атаку на Бена Дали. По Сан-Винсенте я спустился к побережью.

Солнце наполовину скрылось за горизонтом, окрасив небо и океан в кроваво-красные тона. Розовые отсветы коснулись даже фасада старой «Барселоны». Толпа зевак на шоссе поредела, но некоторые все еще стояли в ожидании, что произойдет нечто такое, чего никогда не происходило в их собственных жизнях. Вечер теплый, большинство было в светлых костюмах. Только один мужчина был одет в строгий темно-серый костюм и темно-серую шляпу. Он показался мне знакомым.

Повинуясь какому-то импульсу, я остановил машину и вышел. Человек в темно-сером костюме был Гарольд Харлей. На нем был черный галстук, который, несомненно, выбрала сама Лилла. Мрачное выражение лица стало еще более резким, когда он увидел меня.

— Мистер Арчер?

— Вы так и не можете забыть меня, Гарольд?

— Нет. Хотя все теперь изменилось, даже человеческие лица. Или вот этот отель. Сейчас он только груда хлама, а когда-то казался мне таким приятным местом. Да и небо

совсем не такое. Он поднял глаза к багровому небу.— Оно выглядит так, будто его раскрасили от руки, оно фальшиво, как и та жизнь на нем, о которой мечтают на земле.

Он говорил как художник. Я подумал, что он, может быть, и стал бы художником, если бы у него было другое детство.

— Я прекрасно понимаю вас. Ведь вы так любили своего брата.

— Не только я. Но дело не в этом. Я ненавижу Калифорнию, я не нашел здесь никакого счастья. Ни я, ни Майкл.— Он сделал неопределенный жест в сторону скопления полицейских машин.— Я решил вернуться в Айдахо.

Я отвел его от толпы зевак.

— Что изменилось бы, если бы ваш брат вернулся в Айдахо?

— Вы думаете, я знаю, что? Старик всегда говорил, что Майкл кончит на виселице. Но виселицу он все-таки обманул.

— Я вчера разговаривал с вашим отцом.

Гарольд резко обернулся и уставился на меня.

— Он здесь, в городе?

— Я вчера был в Покателло.

Он смутился, но успокоился.

— Как он?

— Думаю, что все так же. Он почти свихнулся. Вы не говорили мне об этом.

— Вы и не спрашивали. Во всяком случае, он не всегда был таким.

— Мне бы не хотелось встретиться с ним еще раз.

— Да.

Он опустил голову, и в последних лучах уходящего солнца мне удалось рассмотреть старые следы нафталина на его шляпе и новый кожаный ремешок на ней.

— Вам не в чем упрекнуть себя. То, что я увидел, мне многое объяснило.

— Я знаю. Старик буквально терроризировал Майкла еще в детстве. Когда-нибудь он ответит за то, что сделал Майклу и мне. Майкл уехал из дома и никогда уже не возвращался туда. И кто может упрекнуть его за это?

— Но вы остались?

— Только на время. Я был достаточно хитер и попытался заранее подыскать себе место. В конце концов я уехал оттуда в Калифорнию, поступил в школу фотографов, где и начал учиться.

Меня интересовал еще целый ряд вопросов, касающихся совместной жизни Майкла Харлея и Кэрол Браун — начиная с Айдахо и кончая Калифорнией. То, что было в начале, стало для меня уже достаточно ясным, несколько смущала середина, а самый конец и вовсе терялся во мраке.

— Я разговаривал с родителями Кэрол, — сказал я. — Она была у них в начале лета и оставила в своей комнате чемодан. Письмо, найденное в нем, открыло мне глаза на причину, по которой вы обвиняете себя в том, что способствовали преступлению Майкла.

— Вы видели мое письмо? Больше я никогда не буду писать таких писем, как это. Но я хотел как лучше. — Он снова опустил голову.

— Очень трудно предвидеть то, что ожидает впереди, и предугадать, к чему могут привести даже незначительные поступки. Вы ведь не собирались предлагать Майклу ничего плохого?

— Господи, конечно нет.

— Тем не менее ваше письмо помогло мне. Оно привело меня сюда, к Отто Сайпу, и я надеюсь, что в конце концов приведет и к мальчику. Он находился здесь с утра понедельника до вечера в среду.

— Вот оно как!

— Вы хорошо знали Отто Сайпа?

Только не этого вопроса ждал Гарольд Харлей. Если бы он мог, он, наверное, провалился бы сквозь землю, оставив свой темно-серый выходной костюм, черный галстук и пыльную шляпу здесь, на кривых сучьях магнолии, вместе с ее высохшими листьями.

— Он был товарищем Майкла, — сказал он так тихо, что я едва расслышал. — От брата я узнал о Сайпе. Он тренировал Майкла, готовя его к карьере боксера.

— А к какой карьере готовил он вас, Гарольд?

— Меня?

— Вас. Разве не Сайп предложил вам работать фотографом здесь, в отеле?

— Ну, это не в счет... Я был братом Майкла.

— Я убежден, что вы должны были что-то делать за это. Не хотел ли Сайп, чтобы вы помогли ему в его побочной работе?

— Что это за побочная работа?

— Шантаж.

Он так резко мотнул головой, что шляпа чуть не свалилась на землю.

— Честное слово, я не имел никакой доли в его дохо-

дах. Он установил мне стандартные цены за те фотографии, платил жалкие доллары за такой риск, а если бы я отказался, то потерял бы работу. Я ушел сразу же, как только у меня появилась возможность. Это был грязный бизнес.

Он всматривался в постепенно исчезающий фасад отеля. Сейчас, в сумерках, фасад был совершенно белым.

— Я никогда не имел никакой выгоды от этого, никогда не знал, что это были за люди.

— Кроме одного раза.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Разве не вы сделали фотографию капитана Хиллмана и его девушки?

Он побледнел и стал весь мокрый.

— Не знаю. Я никогда не знал имен.

— Прешлой весной, в Ньюпорте, вы узнали Хиллмана.

— Конечно же, он был старшим помощником на судне Майкла. Я встретил его, когда в тот раз поднялся на борт к Майклу.

— А не в другой раз?

— Нет, сэр.

— Когда вы и Майкл были арестованы? Весной сорок пятого?

Он кивнул.

— Пятого марта. Похоже, что я никогда не забуду этот день. Это был единственный раз, когда меня арестовали. После того, как меня выпустили, я больше никогда туда не попадал. До сих пор.

Он вновь осмотрел это место, которое, казалось, преда-ло его во второй раз.

— Если вы правильно назвали дату, то фотографию, которой я интересуюсь, делали не вы. Ее сделали первого апреля.

— Я не лгу. К тому времени у Отто Сайпа был другой парень.

— Почему он получил в отеле такую большую власть?

— Думаю, он сделал что-то для правления. Много лет тому назад он замял какое-то дело, касавшееся кинозвезд, останавливавшихся там.

— Когда Майкл сбежал с корабля, он скрывался здесь?

— Да. Я предоставил ему и Кэрол свою комнату, мне ее дали, потому что я работал в отеле. Сам я спал в служебном помещении. Думаю, что Отто Сайп разрешил Кэрол остаться в той комнате и на то время, пока мы были арестованы.

— Это та комната, что в конце коридора, следующая после его комнаты?

— Да.

— Там стояла медная кровать?

— Да. Ну и что?

— Ничего, просто удивляюсь. Они не меняли обстановку еще с войны. Эта общая ванная, расположенная между обеими комнатами, была бы очень удобна для Сайпа, если бы он заинтересовался Кэрол.

Харлей покачал головой.

— Нет, для женщин он был бесполезен, и Кэрол для него ничего не значила. Она уехала отсюда сразу же, как только получила новое предложение: она переехала к подруге в Бербанк.

— К Сюзанне.

— Да, ее звали именно так. — Гарольд оживился. — Я никогда не встречал ее, но, наверное, она хороший человек.

— А что за девушка была Кэрол?

— Кэрол? Она была красавица. Когда у девушки такие глаза, тебе больше ни о чем не надо думать. Я всегда думал, что она просто наивная девочка. Но Лилла говорит, что она может написать целую книгу о том, чего я не знаю о женщинах.

Я взглянул на часы: девятый час. Гарольд мог бы мне еще пригодиться, если только он способен на это. Отчасти для того, чтобы это проверить, я попросил его перейти шоссе, чтобы повидать своего старого знакомого, Бена Дали. Он не отказался.

Бен угрюмо взглянул на нас с порога своей конторки, залитой ярким светом.

Когда он признал Гарольда, настроение его явно улучшилось. Он вышел, намеренно не замечая меня, и пожал ему руку.

— Давно не виделись, Гар!

— И я тебя давно не видел, Бен.

Они заговорили друг с другом о прошедших годах. Говорили тепло и искренне, не обнаруживая никаких признаков бывших греховных связей. Конечно, это не было еще абсолютно точным, но меня порадовала мысль о том, что ни один из них не замешан в недавних преступлениях.

Я прервал их разговор.

— Не уделите ли вы мне одну минуту, Бен? Вы могли бы мне помочь распутать это убийство.

— Каким образом? Еще кого-нибудь убить?

— Если вы можете, попробуйте проделать еще одно опознание.— Я достал фотографию Дика Леандро и почти насильно сунул ему в руки.— Вы видели когда-нибудь этого человека?

Он изучал фотографию целую минуту. Руки его слегка вздрагивали.

— Может быть, но я не уверен.

— Когда?

— Прошлой ночью. Может быть, это именно он подъезжал к отелю прошлой ночью.

— Человек с девушкой в новеньком «шевроле»?

— Да. Это мог быть и он. Но я не стал бы давать об этом клятву в суде.

Глава 25

Было без четверти девять, когда я остановил своего верного коня напротив автобусной станции в Санта-Монике.

Я вошел в здание станции: Стелла, этот невероятный ребенок, была уже там. Она сидела за стойкой для ленча, в глубине помещения, так, чтобы видеть все, что происходит в дверях и снаружи. Конечно, она заметила меня и постаралась спрятать лицо за чашкой кофе. Я сел около нее. С раздраженным стуком она поставила чашку на стол: кофе ее уже давно остыл и подернулся серой пленкой.

Она заговорила, не глядя на меня, так, как разговаривают в шпионских фильмах:

— Уходите отсюда, а то вы спугнете Томми.

— Он не знает меня.

— Но я предпочла бы остаться одна. Кроме того, у вас вид полицейского или кого-то в этом духе.

— Почему у Тома такая аллергия на полицейских?

— У вас тоже была бы такая аллергия, если бы вас разыскивали, чтобы посадить под замок.

— Если ты будешь убегать из дома, тебя посадят под замок тоже.

— У них не будет такой возможности,— сказала она, посмотрев на меня с неприязнью.— Отец водил меня сегодня к психиатру, чтобы убедиться, не нужно ли отдать меня в школу в «Проклятой лагуне». Я рассказала врачу все, как и вам. Она сказала, что с нервной системой у меня все в порядке. Но как только отец вошел к ней в кабинет, я выскочила, села в такси и приехала сюда, потому что автобус уже ушел.

— Мне опять придется взять тебя домой.

— Разве у подростков нет никаких прав? — сказала она с молодым задором.

— Конечно есть, — ответил я. — В том числе и право находиться под защитой у взрослых.

— Я не уеду отсюда без Томми.

Это имя она выкрикнула слишком громко. Половина людей, находящихся на этой маленькой станции, оглянулась на нас. Женщина за стойкой быстро подошла к Стелле.

— Он чем-нибудь мешает вам, мисс?

Она помотала головой.

— Он — мой хороший знакомый.

Это только усилило подозрения женщины, но она промолчала. Я заказал чашку кофе. Когда женщина отошла я сказал Стелле:

— Я тоже не уеду отсюда без Тома. Кстати, что думает о нем твоя подруга-психиатр?

— Она не сказала мне. А что?

— Ничего. Я только спросил.

Официантка принесла мне кофе. Я придвинул его к себе и стал медленно пить. Было без восьми минут девять. Люди начали подтягиваться к дверям, чувствовалось, что скоро подойдет автобус.

Я вышел наружу и почти столкнулся с Томом. На нем были брюки и грязная белая рубашка. Лицо тоже грязное, за исключением места, где начинала пробиваться борода.

— Простите, сэр, — сказал он и отступил в сторону.

Я не мог допустить, чтобы он вошел внутрь, где разговор между нами мог привлечь внимание людей, а это было чревато встречей с полицией. Мне нужно было поговорить с ним до того, как кто-нибудь еще увидит его. Он был настороже, молод и быстр и вполне мог убежать от меня.

В одну секунду эти мысли пронеслись у меня в голове, и еще до того, как он подошел к дверям станции, я догнал его, обхватил за туловище, поднял в воздух и, отчаянно сопротивлявшегося, принес к машине. Я бросил его на заднее сиденье, а сам сел рядом. Все это время по дороге шли другие машины, но никто не остановился и не задал мне никаких вопросов — люди обычно именно так и поступают.

Том всхлипнул или попытался было захныкать, я не знаю, издав носом свистящий звук. Он, должно быть, понял, что его путешествию пришел конец.

— Мое имя — Лу Арчер, — сказал я. — Я частный детектив, работаю на твоего отца.

— Он не мой отец.

— Приемный отец — тоже отец.

— Для меня он — не отец. Я не хочу иметь никакого отношения ни к капиталу Хиллману, ни к вам, — проговорил он совершенно безразличным голосом.

Я заметил на его правой руке кровоточащий порез. Мальчик положил палец в рот и пососал его, внимательно поглядывая на меня. В такой момент воспринимать его серьезно было трудно, но выглядел он очень серьезно.

— Я не поеду обратно к моим так называемым родителям.

— У тебя больше никого нет.

— Есть, я сам.

— Ты не можешь отвечать за себя.

— Еще одна лекция.

— Я укажу на факты. Если бы ты мог прямо посмотреть на себя, то увидел бы, что тебя подводят твои поступки. Например, что ты сделал с врачом, который намного старше тебя?

— Он пытался отвезти меня домой.

— Ты и так поедешь домой. Иначе альтернативой будет жизнь с бездельниками и преступниками.

— Вы говорите о моих родителях, моих настоящих родителях? — Он нарочно драматизировал разговор, но в голосе его чувствовалась какая-то неуверенность. — Моя мама не была бездельницей и не была преступницей. Она была... прекрасна!

— Я не имел в виду ее.

— И мой отец не такой уж плохой, — сказал он не особенно уверенно.

— Кто убил их, Том?

Он весь зажался и замкнулся в себе, лицо его стало похоже на деревянную маску, которую обычно используют, чтобы отпугивать злых духов.

— Об этом я ничего не знаю, — заговорил он монотонно. — Я не знал, что Кэрл убита, пока не прочитал об этом вчера вечером в газетах. И о том, что Майкл убит, узнал из газет только сегодня. Следующий вопрос?

— Не надо так разговаривать, Том. Я не «коп» и не твой враг.

— Если есть такие так называемые родители, какие были у меня, враги не нужны. Все, что хотел мой... все, что хотел капитан Хиллман, это чтобы в его доме был пай-мальчик, с которым можно было бы время от времени пошутить. Я и попробовал пошутить с ним.

— Ты вынужден был попробовать после его последней шутки? Это была милая «шутка»!

В первый раз он прямо посмотрел на меня, наполовину со злобой, наполовину — со страхом.

— Я имел право уехать со своими настоящими родственниками.

— Может быть. Не будем спорить об этом. Но ты определенно не должен был помогать вымогать деньги у твоего отца.

— Он не мой отец.

— Я знаю это. Сколько ты можешь повторять одно и то же?

— А сколько вы можете называть его моим отцом?

«Он хороший, но трудный парень», — подумал я и сказал:

— О'кей. Будем называть его мистер Икс, твою мать мадам Икс, а тебя будем называть потерянный дофин Франции.

— Это совсем не смешно.

Он был прав — это было не смешно.

— Ты, надеюсь, понимаешь, что помогая им получить эти двадцать пять тысяч долларов, ты оказался замешанным в серьезном уголовном преступлении?

— Я не знал о деньгах, они не говорили мне. Думаю, и Кэрол ничего не знала.

— В это трудно поверить, Том.

— Это правда, Майкл не говорил нам. Он только сказал, что задумал хорошее дельце.

— Если ты не знал о вымогательстве, то почему бежал, воспользовавшись багажником его машины?

— Так это же совершенно понятно. Майкл сказал, что мой отец... — Он опять натолкнулся на это проклятое слово, — Он сказал, что капитан Хиллман разыскивает меня с полицией, чтобы вернуть в «Лагуну».

Пока он вышел победителем. Я задумался. Воспользовавшись этим, он попытался открыть дверцу. Я водворил его обратно на сиденье и крепко взял за руку.

— Ты останешься со мной, Том. Иначе я пушу в ход наручники.

— Сука!

Это ругательство очень странно прозвучало в его устах, словно это было иностранное слово, но оно огорчило меня. Дети, как и взрослые, должны принадлежать к какому-то определенному миру. Обманчивость плюшевого мира Ралфа Хиллмана однажды уже принесла Тому несчастье. Оно было тем глубже, что в этом мире были такие школы, как в «Проклятой лагуне». Том бросил этот предавший его мир

и слепо бросился в другой. И вот теперь он терял и его. Я подумал, что в голове у него сейчас отчаянная пустота, и придется приложить немало усилий, чтобы ее заполнить.

К станции подъехал автобус. Когда он разворачивался, я обратил внимание на пассажиров, высунувшихся из окон: они были опьянены путешествием и Калифорнией.

Я немного ослабил руку, которой держал Тома.

— Я не могу позволить тебе уйти, даже если бы и хотел. Ты не так глуп, попытайся хотя бы раз подумать и о других людях.

— О каких других?

— О тех, кто принял участие в разгадывании всех твоих загадок. Ты бежал из школы — я, конечно, не обвиняю тебя в этом...

— Премного благодарен.

Я пропустил мимо ушей его иронию.

— Теперь это ложное похищение и все остальное. Приемный сын так же дорог для своих родителей, как и настоящий. Твои родители очень беспокоились.

— Премного благодарен.

— Кстати, они послали к чертям деньги. Единственное, о чем они думали, это ты, ты и ты!

— Здесь есть некая фальшь, — сказал он.

— В чем?

— В скрипичном сопровождении.

— С тобой трудно разговаривать, Том.

— Мои друзья так не думают.

— А кто твои друзья?

— Те, кто не хочет, чтобы меня вернули в «Проклятую лагуну».

— Я не хочу.

— Вы только так говорите. Вы работаете на капитана Хиллмана, а он хочет этого.

— Он тоже не хочет.

Мальчик покачал головой.

— Я не верю вам, не верю и ему. Когда с вами что-нибудь происходит, вы начинаете верить тому, что люди делают, а не тому, что они говорят. Люди, подобные Хиллманам, должно быть, думают, что такой человек, как Кэрл, — ничто, просто никчемная женщина. Но для меня это не так — я полюбил ее. Она очень хорошо ко мне относилась. Даже мой настоящий отец никогда не поднимал на меня руку. Плохо было только то, как он относился к Кэрл.

Он наконец оставил свой язвительный тон и заговорил

нормальным человеческим языком. Именно этот момент выбрала Стелла для того, чтобы появиться на площади. На ее лице было написано разочарование.

Том поймал ее взглядом почти одновременно со мной. Глаза его широко раскрылись, будто он увидел ангела из своего утраченного рая. Перегнувшись через меня, он крикнул в окно:

— Эй, Стелла!

Она бросилась бежать. Я вышел из машины и впустил ее на свое место рядом с мальчиком. Они не обнялись и не поцеловались. Наверное, только руки выдавали их. Я сел впереди и закрыл замки.

— У меня такое ощущение, что тебя не было целую вечность,— заговорила она.

— У меня тоже.

— Ты должен был позвонить мне раньше.

— Я звонил.

— Да, я забыла.

— Я боялся, что ты сделаешь... сделаешь то, что сделала,— показал он подбородком на меня.

— Я не хотела этого, в самом деле. Это его идея. Во всяком случае, ты должен ехать домой. Мы поедем вместе.

— У меня нет дома.

— Тогда и у меня нет. Мой дом такой же плохой, как и твой.

— Нет, ты не права.

— Да, да, плохой,— повторила она свой единственный аргумент.— Том, тебе же надо помыться в ванной. И побраться.

Я взглянул на его лицо: на нем было глуповато-счастливое выражение.

В этот момент улица освободилась от транспорта, и я тронул машину. Том молчал.

Уже в темноте, в отсвете фонарей, мелькавших при выезде из города, он начал рассказывать Стелле, как несколько недель назад ему позвонила Кэрол и сказала, что хочет встретиться с ним. Вечером, воспользовавшись «кадиллаком» Ралфа Хиллмана, он привез ее на побережье, к тому месту, где расположен мотель Дака. Там, в апельсиновой роще, он выслушал историю ее жизни. Даже несмотря на то, что он часто сомневался в том, что он в действительности Хиллман, ему трудно было поверить, что Кэрол его мать. Но она очень притягивала его, и вообще это признание показалось ему люком на свободу, неожи-

данно открывшимся в семейном корабле капитана Хиллмана. Он ей поверил и даже некоторым образом полюбил.

— Почему же ты сразу не рассказал мне об этом, Томми? — спросила Стелла. — Мне так хотелось бы узнать ее.

— Нет, тебе нельзя было. — Голос его был грустным. — Сначала я должен был все узнать сам и свыкнуться с этим и с моей новой мамой. И затем решить, что же делать. Понимаешь, она хотела бросить моего отца, ей с ним стало слишком трудно. Она сказала, что если не уйдет от него сейчас, то никогда уже больше не решится. Но она не смогла бы справиться с этим сама, ей нужна была моя помощь. Мне кажется, Кэрол подозревала, что отец во что-то впутался, и это ее очень беспокоило.

— Ты имеешь в виду похищение и все остальное?

— Я думаю, что она и знала, и не знала, как это часто бывает у женщин.

— Я знаю мою маму, — ответила она мудро.

Они совсем забыли обо мне. Я был просто их личным шофером, добрым старым седым Лу Арчером, и мы продолжали нестись вперед через ночь, которая совсем не опасна, когда чувствуешь себя под защитой. Я вспомнил то ли поэму, то ли притчу, из тех, которыми пичкала меня Сюзанна много лет назад. «Птица влетела в окно в одном конце освещенного зала, перелетела его и через другое окно вылетела в темноту. Вот что значит человеческая жизнь».

Вдалеке показывались фонари, — они вырастали и пролетали мимо, напоминая птиц из притчи, рассказанной Сюзанной. И мне вдруг захотелось, чтобы она была здесь, со мной.

Том рассказывал Стелле о том, как в первый раз встретил своего отца. Первую неделю Майкл не показывался, предполагалось, что он подыскивает работу в Лос-Анджелесе. В конце концов Том встретился с ним в субботу вечером в мотеле.

— Это было в ту самую ночь, когда ты разбил нашу машину?

— Да. Мой о.. Ралф, как ты знаешь, запретил мне ехать. Кэрол перед этим пролила немного вина на переднее сиденье машины, и они учуяли запах. Он решил, что я уезжаю, чтобы пить.

— Кэрол много пила?

— Нет. Но в ту субботу выпила порядочно. И он тоже. Я тоже немного выпил.

— Ты стал совсем взрослый.

— У нас был обед, — рассказывал он, — Кэрол приготовила спагетти — спагетти а ля Покателло, как она называла их. Она пела мне свои старые песни, вроде «Сентиментального путешествия», и это было довольно весело.

Однако в голосе его я услышал сомнение.

— Вот почему ты вернулся домой?

— Нет, я... — Дальнейшее застряло у него в горле. — Я...

Зеркальце заднего обзора позволило мне увидеть, что он с трудом сдерживался. Он так и не смог закончить предложение.

Некоторое время они молчали.

— Ты хотел остаться с ними? — наконец спросила Стелла.

— Нет. Я не знаю.

— Тебе нравился твой отец?

— Я думаю, что он вполне нормальный человек, пока не напьется. Мы играли в какую-то странную игру, и он не выиграл. Тогда он бросил играть и стал приставать к Кэрол, я с ним почти подрался. Он сказал, что раньше был боксером и надо быть сумасшедшим, чтобы драться с ним, своими кулаками он может просто убить меня.

— Наверное, это был ужасный вечер?

— Да, эта его часть была не слишком хороша.

— А какая часть была хороша?

— Когда она пела свои старые песни и рассказывала мне о моем дедушке.

— И это заняло у тебя всю ночь? — спросила она голосом сплетницы.

— Я не остался у них ночевать, я уехал около десяти часов, когда мы почти подрались. Я...

Опять это слово застряло у него в горле. Создавалось такое впечатление, что оно слишком много значит для него.

— Что же ты делал?

— Я уехал и долго стоял там, где мы были с ней в первый раз. Я сидел там почти до двух часов ночи и, знаешь, слушал океан. Океан и шоссе. Слушал и пытался понять, что же я должен делать. — И он добавил таким тоном, словно это предназначалось специально для меня: — А сейчас, насколько я понимаю, у меня нет никакого выбора. Конечно, они возвратят меня в «Проклятую лагуну».

— И меня тоже, — сказала Стелла нервно. — Мы смо-

жем посылать друг другу секретные записки. Будем прятать их в дуплах и в мусоре.

— Это совсем не смешно, Стел. Они все там сойдут с ума, если уже не сошли, даже преподаватели. Им не выбраться оттуда.

— Давай о другом,— сказала она.— Что же ты делал после двух часов?

— Я поехал повидаться с Сэмом Джексоном, хотел посоветоваться с ним, что мне делать. Но так и не смог сказать ему, кто были мои настоящие родители. Тогда я поехал в город и ездил так несколько часов. Я не хотел ехать домой и не хотел возвращаться в мотель.

— Тогда ты и перевернулся в машине, пытаюсь покончить с собой!

— Я...

Опять наступило молчание, и на этот раз уже окончательное. Том отвернулся, прижался лбом к стеклу и стал смотреть, как проносятся мимо фонари, скрываясь в темноте, из которой они только что возникли. Некоторое время спустя я заметил, как рука Стеллы легла ему на плечи. По лицу его текли слезы.

Глава 26

Стеллу я высадил первой. Она отказывалась выйти из машины до тех пор, пока Том не пообещал ей, что никуда не убежит опять, по крайней мере, не сказав ей.

Из дома вышел Джей Карлсон. Он шел осторожно, будто на цыпочках. Подойдя к Стелле, он обнял ее за плечи. Это было настолько неожиданно для нее, что она тоже прислонилась к нему. Может быть, они научились чему-нибудь? Или начали учиться? Люди иногда начинают кое-что понимать.

Они вошли в дом, а я свернул на дорогу к Хиллманам.

— Я не верю ему, он фальшивит,— сказал Том.— Стелла разрешила мне взять машину, а он потом все перевернул и сказал полиции, что я ее украл.

— Можно предположить, что в то время у него были основания так думать.

— Но ведь позже он узнал от Стеллы правду и все-таки продолжал настаивать на своем заявлении, что я украл.

— Один бесчестный поступок влечет за собой другие,— сказал я.— Это всем известно.

Он подумал над этим и решил, что я имею в виду и его.

— Это камешек в мой огород?

— Нет, я думаю, ты честен, поскольку ты понимаешь, о чем мы говорим. Но ты смотришь на все только с одной стороны, с той, которая ближе тебе, поэтому естественно, что у тебя накопилось так много недовольства.

— Да, у меня его много,— согласился он. Через некоторое время он заговорил снова: — Вы ошибаетесь, думая, что я смотрю только с одной стороны. Я могу себе представить, что чувствовали мои приемные родители, но я знаю также и то, что чувствовал я сам. Я не мог оставаться расколотым пополам, а последние несколько ночей у меня было такое чувство, словно кто-то разрубил меня топором на две части. Я лежал и не спал на старой медной кровати, где, как вы знаете, Майкл и Кэрол зачали меня, а в другой комнате храпел старый Сайп, и я был там и меня не было. Понимаете? Я никак не мог поверить, что я — это я, и что эта жизнь — моя жизнь, и что эти люди — действительно мои родители. Вообще-то я никогда не верил, что мои родители — Хиллманы. Мне казалось, они всегда разыгрывали какой-то спектакль. Может быть,— сказал он полушутливо,— я свалился с другой планеты?

— Ты же читал, что это не больше чем научная фантастика.

— Нет, не то чтобы я действительно верил в это. Я знаю, кем были мои родители. Кэрол сказала мне. Майкл сказал мне. Доктор сказал мне. Сказал и то, что все было сделано официально. Но я все еще никак не могу понять самого себя.

— Не надо так сильно сосредоточиваться на этом. Суть ведь не в том, кто именно твои родители.

— Для меня в этом,— сказал он тихо.— Это самая важная вещь в моей жизни.

Я ехал медленно, стараясь растянуть время разговора, а поравнявшись с почтовым ящиком Хиллманов, съехал на обочину и остановился вовсе.

— Я иногда думаю, что дети и родители — две противоположности.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Арчер?

В первый раз он назвал меня по имени.

— Ничего особенного. Я только хотел бы подчеркнуть разницу между ними. Взрослые, как им это ни трудно, пытаются продлить свою жизнь через детей. А дети, в свою очередь, пытаются отбросить все, чем жили их родители. Каждый живущий, кроме всего прочего, должен быть с

кем-то «за», а с кем-то «против». В этом не очень много смысла и не всегда правильно срабатывает.

Я пытался слегка освободить его голову прежде чем он столкнется со своим следующим потрясением. Но, очевидно, успеха не достиг.

— Это и не может сработать, когда вам лгут,— сказал он,— а они лгали мне. Они вели себя так, будто я их собственная плоть и кровь. А когда увидели, что я не чувствую себя полностью их сыном, разочаровались во мне.

— Я разговаривал об этом с твоей матерью, с Эллен, и она очень сожалеет обо всем.

— Я тоже.

— Все не может остаться по-старому, Том.

Некоторое время он молчал.

— Думаю, что мне надо пойти и поговорить с ними, но я не хочу с ними жить, не хочу, чтобы продолжался весь этот обман!

«Никаких обманов,— подумал я,— вот признак нового поколения. По крайней мере, оно не хуже других. В идеале это было бы прекрасно, но на практике это иногда оборачивается жестокостью».

— Ты не можешь простить им «Проклятую лагуну»?

— А вы бы смогли?

Я вынужден был задуматься над ответом.

— У них могли быть свои причины. Я могу представить себе совершенно отчаявшихся родителей, которые хватаются за подобные заведения, считая их спасительной соломинкой для своих непокорных сыновей и дочерей.

— Они были в отчаянии, это правда,— сказал он.— Ралф и Эллен очень легко впадают в отчаяние, они не могут жить без трудностей, и буквально выкапывают их из-под земли. Но они боятся трудностей. Единственное, чего они хотели, когда я перестал быть их пай-мальчиком, это убрать меня с глаз долой. И на мою голову посыпались все эти ужасы.

Он положил руку на голову, словно пытаюсь защитить себя от ужасов, он был близок к тому, чтобы рассказать все.

— Прости меня, Том. Что же такое страшное произошло утром в воскресенье?

Он в упор посмотрел на меня из-под руки.

— Они рассказали вам?

— Нет. Я прошу тебя мне рассказать.

— Спросите их.

Это было все, что он захотел сказать.

Я поднимался по извилистой темной аллее к вершине холма. Дом был ярко освещен фонарями, и в потоках их света оштукатуренные стены выглядели уродливыми и какими-то нереальными. То, как Ралф Хиллман вышел из дверей, попав в луч света, слегка папахивало мелодрамой. Он вовсе не был «разрушен», как его описывала Сюзанна, по крайней мере, внешне он был спокоен. Его красивая серебряная голова была аккуратно причесана, лицо несколько напряжено, и держался он слишком прямо даже тогда, когда пробежал несколько шагов по направлению к машине. На нем был пиджак с круглым воротником цвета красного вина.

— Возвращение блудного сына,— сказал позади меня Том с наигранной бравадой.— Но они не убили убежавшего теленка, они убили блудного сына.

— Я думал, это лейтенант Бастиан,— сказал Хиллман.

— Вы ждете его?

— Да. Он говорил, что хочет мне что-то показать.

В этот момент он увидел в машине Тома, и глаза его вспыхнули.

— Мой мальчик!

Окончательно поверить его словам мешал его огрубевший от постоянного употребления виски голос.

— Ты вернулся?

— Да, я вернулся.

Хиллман обежал машину и открыл дверцу с другой стороны.

— Иди сюда, дай мне взглянуть на тебя!

Бросив на меня взгляд, Том выбрался из машины, двигался он медленно и одеревенело, как старик. Хиллман обнял мальчика, потом отодвинул его от себя на расстояние вытянутой руки и повернул его так, чтобы свет падал Тому на лицо.

— Ну как ты, Том?

— О'кей. Как вы?

— Когда ты здесь, все прекрасно.

Несомненно, чувства Хиллмана были совершенно искренни, но способ их выражения был какой-то неправдоподобный. И я увидел, как Том потихоньку высвобождался из его рук.

Из дома вышла Эллен Хиллман. Я подошел к ней, чтобы помочь спуститься с лестницы. В свете фонарей морщины на ее лице казались глубже, а лицо мертвенно бледным. Она выглядела такой исхудавшей, что напомина-

ла мне жертвы концентрационных лагерей. Жизнь теплилась только в ее глазах. Но вот она увидела Тома.

— Вы привезли его, мистер Арчер. Да благословит вас бог!

Она взяла меня под руку, и я подвел ее к Тому. Он стоял с видом послушного сына, и она, поднявшись на цыпочки, целовала его грязное, со следами слез лицо.

После этого он отошел от них и стал, прислонившись спиной к машине, засунув большие пальцы рук за поясной ремень. Мне уже приходилось видеть ребят, стоявших так же, как стоял сейчас он, спокойных и разъяренных, в тот момент, когда их допрашивали люди в полицейской форме. Отдаленный шум шоссе чуть нарушал повисшее в воздухе молчание.

Том заговорил:

— Я не хочу обидеть кого-нибудь и никогда не хотел. Или, может быть, хотел, я не знаю. Во всяком случае, выяснять, это сейчас бесполезно. Вы знаете, что я узнал, кто я? Моей матерью и моим отцом были Кэрол и Майкл Харлеи. Вы уже в курсе дела?

— Я — нет, — быстро ответила Эллен.

— Но вы знали, что вы не моя настоящая мать?

— Конечно, я знала это.

Она посмотрела на него, потом как-то задумчиво на своего мужа, но тот, казалось, вообще здесь отсутствовал. Все происходящее, по-видимому, причиняло ему боль, и он хотел таким образом ее спрятать.

— А вы знали? — обратился Том к Хиллману.

Хиллман не ответил. Тогда Том заговорил высоким голосом, в котором не было ничего, одно только отчаяние.

— Я не могу оставаться здесь. Вы оба лжецы. Все эти годы вы разыгрывали длинный спектакль и, как только я отступил от правил игры, всадили в меня нож.

— Думаю, это не совсем так, — сказал Хиллман.

— О'кей. Значит, я не прав! Тогда поставьте меня к стенке и расстреляйте.

Мальчик был уже на грани истерики, но не это главным образом беспокоило меня. Он, видимо, метался с одной позиции на другую, от одного мира к другому, пытаясь понять, где же все-таки его место. Я подошел и встал рядом с ним.

— Никто не собирается наказывать тебя, — сказал Хиллман, — но покушение на человеческую жизнь — это то, над чем нельзя смеяться.

— Вы говорите ерунду! — сказал мальчик.

Хиллман вздернул подбородок:

— Не смей так разговаривать со мной!

— А что вы сделаете? Засадите меня в психушку и забросите ключ в море?

— Я не говорил этого.

— Не говорили! Вы только сделали это.

— Возможно, я поступил опрометчиво.

— Да,— выступила вперед Эллен.— Твой отец поступил опрометчиво. Давай забудем обо всем этом, войдем в дом и будем друзьями!

— Он мне не отец! — упрямо сказал Том.

— Но можем же мы быть, по крайней мере, друзьями? Разве нет, Том? — В ее взгляде и голосе была мольба.— Можем же мы забыть обо всем плохом и просто порадоваться, что все позади и мы опять все вместе?

— Я не знаю. Я хотел бы уехать отсюда на какое-то время, пожить один и все обдумать. Что-нибудь опять не так? Но ведь я уже достаточно взрослый!

— Это же нонсенс!

Хиллману не следовало этого говорить. Секундой позже я увидел по его глазам, что он и сам это понял. Он шагнул вперед и положил руку на плечо мальчику.

— А может, это не такая уж плохая идея? Мы интеллигентные люди и должны уметь ладить друг с другом. Послушай, в Орегоне есть охотничий домик, куда мы с тобой планировали поехать в следующем месяце. Мы можем отступить от расписания и сверить часы, не так ли?

Представление набирало силу. Том все это выслушал без всякого интереса и без надежды на что-либо. Тогда Эллен взяла под руку мужа и повела его к дому, мы с Томом последовали за ними.

В дверях нас ждала миссис Перес. В ее приветствии было столько тепла, что это даже вызвало некоторый отклик у Тома. Они поговорили о еде, и Том сказал, что ему хотелось бы горохового супа и сэндвичей с ветчиной. Миссис Перес унеслась, как стрела.

В свете люстры Хиллман осмотрел мальчика.

— Тебе хорошо бы пойти в ванную, вымыться и переодеться.

— Сейчас?

— Я только предлагаю,— отступил Хиллман.— К нам сейчас придет лейтенант Бастиан из службы шерифа, и я хотел бы, чтобы ты был похож на самого себя.

— Он едет, чтобы забрать меня? Да?

— Нет,— сказал Хиллман.— Ну, я могу подняться наверх вместе с тобой.

— Я могу переодеться и сам, папа.

Это слово вылетело естественно и непоправимо.

— Нам следовало бы условиться, что ты будешь говорить ему. Нет необходимости самому совать шею в петлю... То есть, я хочу сказать, что...

— Я расскажу ему всю правду.

Мальчик начал подниматься по лестнице, и Ралф и Эллен следили за ним, пока он не скрылся из виду, продолжая потом прислушиваться к его шагам. Трудное божество их дома вернулось в родные стены, и все хозяйство снова пришло в ход, пошло дальше по своему нелегкому пути.

Мы прошли в гостиную. Хиллман сразу же направился к бару и рассеянно приготовил себе выпивку, казалось, только потому, что не знал, чем занять руки, а потом рот.

Когда он выходил из ниши, держа стакан в руке, он напомнил мне актера, появляющегося из-под рамки просцениума, чтобы приблизиться к зрителям.

— Неблагодарные дети чем-то похожи на зубную боль,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

Эллен громко и отчетливо ответила ему со своего диванчика:

— Если ты цитируешь «Короля Лира», то правильно цитата звучит так: «Насколько больнее, чем болят зубы, иметь неблагодарных детей». Но это совершенно неподходящее место, потому что Том не твой сын. Более удачна другая цитата из той же пьесы, это слова Эдмунда: «Ну, боги, вступитесь же за бастардов!»

Хиллман сделал глоток виски, подошел и, немного наклонившись, сказал:

— Я возмущен тем, что ты сказала!

— Это твое право и твоя привычка.

— Том не бастард. Его родители были женаты.

— Это едва ли имеет значение, если считаться с их прошлым. Что, ты и твой аккуратист доктор Вайнтрауб не могли подобрать нам другого ребенка, не отпрыска преступников?

Ее голос был холоден и ясен. После стольких лет молчания она, наконец, заговорила, и, казалось, начала возвращать ему все удары.

— Слушай,— сказал он,— Том же вернулся! Я рад, что он вернулся. Ты тоже. И мы хотим, чтобы он остался с нами. Разве не так?

— Я хочу только того, что будет для него самым лучшим.

— Я знаю, что для него самое лучшее.— Он всплеснул руками и развел их так, будто принес Тому в подарок весь дом и все, что в нем находится.

— Ты не можешь знать, кому что лучше. Еще давно, командуя людьми, ты приобрел привычку думать за них. Но меня интересует мнение мистера Арчера. Прошу вас,— обратилась она ко мне,— подойдите, сядьте рядом и скажите, что вы думаете?

— Что конкретно вы имеете в виду, миссис Хиллман?

— Какое будущее нам лучше предусмотреть для Тома?

— Не думаю, что вы сможете это сделать без него. Будет лучше, если он сам подумает над этим.

— Но все, что он хочет,— бросил Хиллман через комнату,— это уехать отсюда.

— Я согласен, это не самая хорошая идея. Вы смогли бы заставить его отказаться от мысли уехать одному. Разрешите ему год пожить в другой семье или пошлите его в подготовительную школу. Во всяком случае, после этого он сможет поступить в колледж.

— Господи, неужели вы думаете, что он будет поступать в колледж?

— Конечно будет, Ралф.— Она повернула голову в мою сторону.— А вы думаете, сейчас он подготовлен для обычной подготовительной школы? Сможет ли он догнать?

— Он пропустил только две недели.

— Да. За это мы должны благодарить бога. И вас!

Подошел Хиллман и встал надо мной, помешивая в виски лед.

— Скажите, а какова ситуация с теми людьми? Был ли Том заодно с ними, против нас? Поймите, я не намерен его наказывать или что-то предпринимать. Просто я хочу знать.

Я ответил не сразу и очень осторожно:

— Едва ли можно говорить, что мальчик был «заодно» со своими матерью и отцом. Он был совершенно растерян, как, впрочем, растерян до сих пор. Он был уверен, что, когда вы отправили его в школу в «Проклятой лагуне», вы полностью отвернулись от него. Не надо быть психиатром, чтобы понять: это совсем не та школа, которая ему нужна.

— Боюсь, вы не знаете всех фактов.

— Каких фактов?

Он покачал головой.

— Продолжайте, пожалуйста. Он мог быть сообщником тех людей?

— Не так, как вы думаете. Они предложили ему выход, физический и эмоциональный, и он принял его. Видимо, его мать была добра к нему.

— Но я также всегда была добра к нему, — сказала Эллен, бросив ненавидящий взгляд на своего мужа. — Но в этом доме жила ложь, которая все и определяла.

— Фальшь была и в другом доме, — сказал я, — в мотеле Дака. Несомненно, Майкл Харлей управлял Томом, втянув его в ложное похищение. Но он не открыл своих истинных намерений. Кэрл — другое дело. Если она и управляла Томом, то была управляема и сама. Том говорил что-то, будто она знала о задуманном Харлеем, но не разрешала себе знать все до конца. После того как она столько лет прожила с Харлеем, вы можете себе представить, что это значит.

Эллен медленно покачала головой. Я подумал, что это комментарий к ее собственной жизни с мужем.

— С такими родителями я очень беспокоюсь за наследственность Тома.

Кровь бросилась в лицо Хиллману. Он отвернулся, прошел в дальний угол комнаты и, войдя в нишу, опрокинул порядочное количество виски. Эллен критически наблюдала за ним.

— Это успокаивает меня, — сказал он.

— Я не обращаю внимания.

Он взглянул на часы и заходил по комнате взад и вперед. Однажды он уже потерял равновесие и теперь должен был сделать следующий шаг.

— Почему же не едет Бастиан? Пора уже покончить со всем этим, — заговорил он. — Становится уже поздно. Я ждал сегодня к вечеру Дика, но он, наверное, нашел занятие поинтереснее.

Наконец он разрядил свое напряжение на жене:

— Какой мрачный, тоскливый дом!

— Я думаю об этом уже много лет. И старалась удержаться здесь только ради Тома. Это довольно смешно, не правда ли?

— Не вижу в этом ничего смешного.

Я тоже не видел. Острые края их неудавшегося брака терлись друг о друга, как края кости, которая надломилась, но так и не распалась на части.

Наконец появился лейтенант Бастиан. Он вошел в зал для приемов, неся в руке черный металлический служебный

чемоданчик. Он был мрачен, а лицо его совсем почернело. Даже весть о том, что Том находится в безопасности дома, почти не подействовала на него.

— Где он?

— Принимает ванну,— ответил Хиллман.

— Я хочу поговорить с ним. Мне нужны все подробности.

— Не на ночь глядя, лейтенант. Мальчик совершенно истерзан.

— Но он самый важный свидетель, имеющийся в нашем распоряжении.

— Я знаю это. Он расскажет вам обо всем завтра.

Бастиан перевел взгляд с Хиллмана на меня.

Мы все еще стояли у входной двери в гостиную, и, по-видимому, Хиллман вовсе не собирался пригласить его войти.

— Я ожидал от вас большей помощи, мистер Хиллман. Мы делали все, чтобы помочь вам, но вашей поддержки мы не чувствовали.

— Не читайте мне лекций, лейтенант. Мой сын дома, но вовсе не вас я должен благодарить за то, что он вернулся.

— Здесь много сделала и полиция,— заметил я.— Лейтенант Бастиан и я работали рука об руку. Так же, как, надеюсь, и сейчас.

Хиллман посмотрел на меня уже по-другому: он, видимо, готов был вышвырнуть нас обоих.

— Вы что-то хотели показать нам, лейтенант? — обратился я к Бастиану.

— Да.— Он приподнял свой чемоданчик.— Вы уже это видели, Арчер. Но я не уверен, видел ли мистер Хиллман?

— Что это?

— Я покажу вам. Разрешите нам присесть к столу?

Хиллман провел нас в библиотеку и усадил у стола, на котором стояла маленькая лампа под зеленым абажуром. Она прекрасно освещала поверхность стола, а на всем остальном в комнате, в том числе и на наших лицах, лежал неяркий зеленоватый свет. Бастиан открыл коробку, в которой хранились вещественные доказательства: там был охотничий нож с полосатой ручкой, тот, что я обнаружил между ребрами Майкла Харлея.

Хиллман хрипло задышал.

— Вы опознаете нож, мистер Хиллман?

— Нет, не опознаю.

— Посмотрите на него внимательнее, можете взять

в руки. Анализ крови и отпечатков пальцев на нем уже сделан.

Хиллман не двигался.

— Крови?

— Этим ножом был убит Майкл Харлей. И мы предполагаем, что им еще раньше убита Кэрол Харлей: на нем обнаружена кровь, группа которой совпадает с группой крови Кэрол. Как утверждает врач, производивший вскрытие, рана на теле Кэрол нанесена ножом именно такой формы. Достаньте его, мистер Хиллман.

Робким движением Хиллман протянул руку к коробке и взял нож. Он развернул его к себе той стороной, где была обозначена фамилия изготовителя, и прочитал ее.

— Похоже, это очень хороший нож,— сказал он.— Но боюсь, мне не опознать его.

— Вы можете подтвердить это под присягой?

— Да, могу. Я никогда не видел его до этого момента.

Бастиан взял нож из его рук, как родители отбирают у ребенка опасную игрушку.

— Я не хочу говорить, что вы лжете, мистер Хиллман. Но у меня есть свидетель, который уличит вас во лжи. Мистер Боткин, владелец лавки в нижней части Мейн-стрит, утверждает, что он продал этот нож вам.

Он потряс ножом перед лицом Хиллмана.

Хиллман выглядел усталым, больным и упрямым.

— Это, должно быть, кто-то другой. Боткин, вероятно, ошибся.

— Но он знает вас лично.

— Но я не знаю его!

— Вы достаточно известный человек, сэр, и мистер Боткин определенно утверждает, что вы были у него в лавке в начале месяца. Этого месяца. Может быть, я смогу освежить вашу память? Вы упомянули у Боткина, что нож покупаете в связи с запланированным у вас с сыном путешествием в Орегон. Вы также рассказали мистеру Боткину, что в баре «Фло», как вы подозреваете, творятся беспорядки. Я уверен, что так и должно называть продажу спиртного несовершеннолетним. Теперь вы вспоминаете разговор?

— Нет,— сказал Хиллман.— Не вспоминаю. Этот человек лжет!

— Зачем он стал бы лгать?

— Не имею представления. Идите и выясняйте. Я не обязан выполнять за вас вашу работу.

Он встал, приглашая Бастиана уйти, но Бастиан вовсе не хотел, чтобы его выгоняли.

— Я не считаю, что вы хорошо подумали, мистер Хиллман, занимая подобную позицию. Если вы купили этот нож у мистера Боткина, сейчас самое время сказать об этом. То, что вы до этого все отрицали, дальше этой комнаты никуда не пойдет.

Хиллман посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Я вспомнил, что говорил мне Боткин о баре «Фло». Практически можно было утверждать, что разговор Хиллмана с Боткином действительно состоялся, и, хотя из этого не следовало, что Хиллман купил нож, большая вероятность этого была.

— Сейчас, когда все факты выложены на стол, вы должны все взвесить, мистер Хиллман.

— Не могу же я просто сказать ему, что это не так?

— Нет, этого я вам не советовал бы. Может быть, вы хотите обсудить все это с вашим адвокатом?

— Я подумаю над этим.— Хиллман совершенно протрезвел. Крупные капли пота выступили у него на лбу, словно под давлением данной ситуации алкоголь вышел наружу.— Насколько я понимаю, вы более или менее видите во мне убийцу? — обратился он к Бастиану.

— Нет.

Затем Бастиан добавил официальным тоном:

— Вы, конечно, можете настаивать на своих конституционных правах.

Хиллман злобно потряс головой. Часть его прекрасных седых волос упала ему на лоб, из-под них сверкал металлический блеск его глаз. Он все-таки был необычайно красивым мужчиной, но то, каким точным, отработанным движением руки он возвратил волосы на место, выдавало, что он отлично осведомлен о своей красоте.

— Слушайте,— сказал он,— не можем ли мы продолжить наш разговор утром? У меня была очень трудная неделя, и я хотел бы иметь возможность выспаться перед этим разговором. Я не спал нормально с понедельника.

— Так же как и я,— сказал Бастиан.

— Может быть, вам тоже необходимо поспать? Этот ваш приход в столь позднее время действительно тревожен, а потому не совсем уместен.

— Он не тревожный.

— Позвольте мне судить об этом,— Хиллман повысил голос.— Вы принесли ко мне в дом нож и трясете им

у меня под носом. У меня есть свидетель этого,— добавил он, имея в виду меня.

— Давайте оставим эти бесплодные споры,— вмешался я.— У меня есть одно дело к лейтенанту Бастиану, которое я хотел бы с ним обсудить.

— Все, что вы скажете ему, вы должны будете повторить мне.

— Прекрасно.

— После того, как я поговорю с мальчиком,— сказал Бастиан.

Хиллман сделал отрицательный жест рукой.

— Вы не поговорите с ним. Я даже не убежден, что вам удастся поговорить с ним и завтра. Прежде всего его надо показать врачу. Должно быть медицинское освидетельствование. Вы врач?

— В моем распоряжении есть врач.

В полном бешенстве друг против друга сидели два человека. Бастиан — пуританин, в первую очередь полисмен, абсолютно честный, дотошный в поиске, а потом уже человек. В противоположность ему личность Хиллмана не была такой чистой. Хотя в нем и были некоторые романтические и артистические черты, он слишком часто прибегал к ним, стремясь уйти от неблагоприятной для него ситуации. Его карьера была молниеносной, но именно такие карьеры часто заканчиваются тем, что человек в середине жизни остается ни с чем.

— Вы хотите что-нибудь сказать лейтенанту, прежде чем он уйдет? — обратился ко мне Хиллман.

— Да. Может быть, вам это не понравится, мистер Хиллман, я не знаю. Мне лично это не понравилось. Прошлым вечером на шоссе, около отеля «Барселона», видели молодого человека за рулем нового, последней марки, синего «шевроле». Это там, где был вот этим ножом убит Майкл Харлей,— я показал на коробку, стоящую на столе.— Молодой человек был опознан как Дик Леандро.

— Кто проводил опознание? — спросил Бастиан.

— Бен Дали, владелец заправочной станции.

— Тот, который убил Сайпа?

— Да.

— Он тоже ошибается или лжет,— сказал Хиллман.— Дик пользуется синей машиной, но это небольшая спортивная машина «триумф».

— Есть ли у него доступ к синему «шевроле»?

— Насколько я знаю, нет. Вы даже и не пытайтесь впутать Дика в это дело.

— Мы и должны узнать, не впутан ли он туда.

Я обратился к Бастиану:

— Может быть, вы сможете установить, не занимал ли он у кого-нибудь и не брал ли напрокат синий «шевроле» вчера вечером. Или, что едва ли возможно, не украл ли он его.

— Сделаем, — сказал Бастиан.

Хиллман не сказал ничего.

Глава 27

Бастиан собрал свой чемодан и, щелкнув замком, встал, ни на кого не глядя. Мимо Хиллмана он прошел так, словно того вообще не существовало.

Хиллман же, проводив его от дверей библиотеки до входной двери, вернулся в комнату, но вместо того, чтобы сесть на свое место у стола, подошел к стене, где висели фотографии.

— Что-то здесь не так... — сказал он. — Здесь висела фотография Дика.

— Я снял ее, чтобы провести опознание.

Я достал фотокарточку из кармана, и Хиллман взял ее у меня. На стекле виднелись отпечатки пальцев. Он протер его полый пиджака.

— Вы не имели права брать ее. Что вы пытаетесь сделать с Диком?

— Выяснить о нем всю правду.

— Здесь не может быть никаких загадок. Он просто приятный, самый обыкновенный парень.

— Надеюсь.

— Слушайте, — сказал он. — Вы закончили работу, ради которой я вас нанял. Не подумайте, что я неблагодарен, — я намерен заплатить вам значительную сумму. Но я не нанимал вас расследовать эти убийства.

— И вы не заплатите мне ничего, если я не останюсь?

— Я не говорил этого.

— Вы и не должны говорить.

Он оперся руками о стол и наклонился ко мне. Я разглядывал его тяжелое властное лицо.

— Вы со всеми вашими покровителями разговариваете так, как со мной?

— Под покровителями вы подразумеваете людей, у которых много денег?

— Грубо говоря, да.

— Я объясню вам, мистер Хиллман. Вы мне даже нравитесь. Я попытаюсь поговорить с вами напрямик, потому что ведь кто-то должен сказать вам это. Вы вступаете на дорогу, ведущую к конфликту с законом. Если вы останетесь на ней, вы можете попасть в переделку.

Он прищурил глаза, и лицо его стало совсем жестким. Он не терпел, когда с ним так разговаривали. И он привык к тому, чтобы инициатива в разговоре принадлежала ему.

— Я могу купить и продать Бастиана.

— Не можете, потому что он не продается. Вы ведь отлично знаете это, черт побери!

Он выпрямился, вышел из полосы света, и на него снова легли зеленые тени. Лицо его показалось мне отлитым из старинной зеленоватой бронзы. Только оно было живое. Через некоторое время он сказал:

— Что, по-вашему, надо делать?

— Говорить правду.

— Будь я проклят! Вы что, намекаете, что я говорю неправду?

— Более чем намекаю, мистер Хиллман.

Он почти бросился на меня со сжатыми кулаками. Я не пошевелился. Он отошел, потом вернулся опять. Трезвый, он двигался очень изящно.

— Полагаю, вы уверены, что это я убил их?

— Я не занимаюсь никакими спекуляциями. Я убежден, что вы покупали нож у Боткина.

— Откуда у вас такое убеждение?

— Я с ним разговаривал.

— Кто нанял вас? Я плачу вам не за то, чтобы вы собирали сведения обо мне!

— Вы не можете не говорить о своих деньгах,— проговорил я устало.— Почему мы не можем поговорить сейчас просто как два человека, связанных одним делом?

С этим он посчитался и неожиданно заявил:

— Вы не связаны с этим делом. Только я.

— Расскажите мне все, если действительно не имеете отношения к убийствам. В противном случае вам надо говорить с адвокатом, и больше ни с кем.

— Я не имею отношения к убийствам, но почти хочу, чтобы было иначе.— Он сел напротив меня, положив руки на стол.— Я признаю, что купил этот нож. Но не намерен признаваться в этом более ни перед кем. Боткина можно заставить изменить показания.

— Каким образом?

— Его лавка не приносит ему никакого дохода. Я знаю это точно. У моего отца была такая же лавка в южном Бостоне. Я могу дать Боткину достаточно денег, чтобы он убрался в Мексику.

Я был несколько ошарашен. Не только самим предложением, такое я слышал и раньше — грубый подкуп, больше ничего. А тем, что это предложил Хиллман. Какое глубокое моральное падение человека, который командовал эскадрилей при Мидуэе!

— Лучше забудьте о том, что вы придумали, мистер Хиллман. Это та самая дорожка, о которой я вам только что говорил. В конце концов вы утонете.

— Я уже утонул, — сказал он ровным голосом.

Он опустил голову на руки, и волосы его рассыпались по столу, как большой срезанный белый сноп. На затылке я рассмотрел круглую лысину, которую он обычно прятал.

— Что вы сделали с ножом? — спросил я. — Вы отдали его Диду Леандро?

— Нет. — Опершись руками о стол, он выпрямился. На полированной поверхности остались следы его грязных ладоней. — Но хотел бы, чтобы отдал.

— Том? Вы отдали нож Тому?

Он застонал:

— Я не только отдал нож Тому. Я еще говорил Боткину, что покупаю это изделие в подарок своему сыну. Бастиан, должно быть, не придавал этому особого значения. Но он еще докопается.

— Бастиан докопается, — сказал я. — Но из этого еще не следует, что Том воспользовался ножом против своей матери и отца. Наверняка у него не было причины убивать мать.

— Ему не нужны рациональные мотивы. Вы не знаете Тома.

— Вы уже говорили мне об этом. И в то же время вы отказываетесь рассказать мне все до конца.

— Это почти жуткая картина.

— Вечером вы что-то сказали о покушении на человеческую жизнь.

— Я совсем не хотел, чтобы это вырвалось у меня.

— Кто на кого покушался? И почему?

— Том угрожал Эллен револьвером. Это было совсем не мальчишество.

— Это и есть тот воскресный утренний эпизод, который вы так скрывали?

Он кивнул.

— Я думаю, этот случай совершенно лишил его разума. Когда я приехал домой после визита к судье, Эллен была у него в комнате. Он держал револьвер возле ее головы. Вот здесь...— Хиллман указал пальцем на висок,— а она стояла на коленях, взывая к его милосердию. Буквально умоляя его. Я не знаю, почему он отдал мне оружие. Целую минуту потом он держал меня под дулом револьвера. Я почти был уверен, что он застрелит меня.

Я почувствовал, как у меня на затылке взмокли волосы. Картина и в самом деле страшная; более того, она была классической. Шизофреник в роли убийцы.

— Он сказал что-нибудь, когда вы забрали у него оружие?

— Ни слова. Он отдал мне револьвер совсем спокойно. Действовал как автомат, по-видимому, не понимая, что он сделал или что собирался сделать.

— Он говорил что-нибудь вашей жене?

— Да. Он сказал, что убьет ее, если она не оставит его в покое. Она просто вошла в комнату, чтобы предложить ему поесть, и тут он совершенно взбесился.

— У него в голове было много всякого,— сказал я,— и должно было быть после той ночи. Он мне кое-что об этом рассказывал. Пожалуй, это была самая критическая ночь в его жизни. Он первый раз встретил своего настоящего отца.— Хиллман поморщился.— Отца, который, быть может, разбил вдребезги его представление о нем. Можно сказать, что он был затерян между двумя мирами, и он готов был обвинить вас и вашу жену, что вы не подготовили его. Вы знаете теперь, что должны были сделать это. Вы не имели права скрывать от него правду, нравится она вам или нет. И когда, наконец, правда ему открылась, он не смог воспринять ее во всем объеме. Он ведь не случайно перевернулся в машине тем утром.

— Вы хотите сказать, что он пытался покончить жизнь самоубийством?

— Да, он сделал такую попытку. Думаю, что это был больше чем сигнал, что его жизнь вышла из-под контроля. Он не смог выпустить из рук руля и потому не пострадал. Никто не пострадал и в инциденте с револьвером.

— Вы восприняли это совершенно серьезно. А он был болезненно серьезен.

— Может быть. Но я не пытаюсь ничего сбросить со счетов. Вы разговаривали об этом с психиатром?

— Нет, не разговаривал. Существуют вещи, которые нельзя выносить за пределы семьи.

— Это зависит от семьи.

— Послушайте,— сказал Хиллман,— я боялся, что его не примут в школу, если узнают, что он бывал таким необузданным.

— Это была бы такая трагедия?

— Я должен был как-то реагировать. А я и сейчас не знаю, как поступить с ним.

Он опустил свою всклокоченную голову.

— Вам нужны более квалифицированные советы, чем могу дать я, психиатра и юриста.

— Вы считаете, что он убил тех двоих?

— Совершенно необязательно. Почему вы не попросили доктора Вайнтрауба порекомендовать вам кого-нибудь? Хиллман поднялся.

— Эту старую бабу?

— Я думал, что он ваш старый товарищ и кое-что понимает в психологии.

— Я полагаю, что у Элиа ничтожные знания.— В голосе Хиллмана послышалось презрение.— У него было нервное потрясение после Мидуэя, и мы были вынуждены отправить его на родину для поправки здоровья в то время, как гибли люди. В то время, как гибли люди,— повторил он и погрузился в молчание.

Он сидел, и казалось, слушал самого себя, свои воспоминания. Я ждал. Его сердитое лицо постепенно смягчилось, и даже голос изменился.

— Господи, что это был за день! Мы потеряли больше половины наших машин. Их сбивали, словно сидящих уток. И я не смог вернуть их обратно. Я не виню Элиа за это нервное расстройство. Слишком много людей умерло у него на руках.

Голос его становился все тише, глаза удалялись от меня все дальше и дальше. Он, видимо, даже забыл о моем присутствии и был в том краю, где умирали его парни, а он так и не умер.

— Черт с ним,— сказал он.— Я люблю Тома. Мы не были очень близки эти годы. Но он мой сын, и, хотя с ним трудно договориться, я люблю его.

— Я уверен в этом. Но вы, может быть, хотите от него больше, чем он может дать вам. Он не может вернуть вам ваших погибших летчиков.

Хиллман не понял меня. Он, казалось, зашел в тупик. Стальные глаза его подернулись дымкой.

— Что вы сказали?

— Возможно, вы слишком много ждете от него.

— Каким образом?

— Оставим это,— сказал я.

Но Хиллмана это задело.

— Вы думаете, я хочу слишком много? Я получил чертовски мало. А все это я предоставляю ему.— Он развел руками, как бы охватывая ими весь дом и все, что ему в нем принадлежало.— Он может взять себе, если это хоть как-то защитит его, последний цент, который у меня есть. Мы заберем его отсюда и уедем жить в другое место.

— Вы уезжаете, оставив себя во главе, мистер Хиллман. Так ничего не изменится.

— Изменится.— В голосе его прозвучали и фатализм, и вызов.

— Может быть. Давайте просчитаем вероятности. Единственным доказательством против него является нож, но, если подумать, и это очень сомнительно. Он наверняка не брал его с собой, когда вы отправили его в «Проклятую лагуну».

— Может быть, и брал. Я не обыскивал его.

— Готов держать пари, что они обыскивали.

Хиллман опять прищурил глаза, и они превратились в узенькие щелочки.

— Вы правы, Арчер. Когда он уходил, у него не было ножа. Я помню, что видел его после всего в тот же день.

— Где он был?

— В его комнате. В одном из ящиков письменного стола.

— И вы его оставили там?

— У меня не было причин не делать этого.

— Тогда любой человек, имеющий доступ в дом, мог забрать его?

— К несчастью, и Том тоже. Он мог пробраться сюда после того, как сбежал из школы.

— Но это также не исключает и Дика Леандро. Ему не надо пробираться, он ведь входит и выходит в любое время.

— Да. Но что это доказывает?

— Пока ничего, но, если мы соединим это с тем, что, возможно, именно его видели вчера вечером у «Барселоны», то появится повод для некоторых размышлений. И все-таки, знаете, в этой версии что-то пропущено. Равенство не равно.

— Дик никак не может быть этим пропущенным звеном,— сказал он поспешно.

— Почему вы так заботливы по отношению к Дикуну?

— Я очень люблю его. А почему бы и нет? Он — очень

приятный парень, в свое время я смог помочь ему. Черт вас возьми, Арчер,— заговорил он искренне,— когда человек достигает определенного возраста, ему нужен кто-то, кому он мог бы передать свои знания или хотя бы часть их.

— Вы думаете также, что можно передать и некоторые деньги?

— Практически возможно и это. Это будет зависеть от Эллен. Основные деньги у нее. Но я могу заверить вас, что для Дика это ничего не значит.

— Это кое-что значит для любого из нас, и я думаю, что это много значит для Дика.

— На чем основано ваше предположение?

— Он — приживал. Вы знаете, что это значит? Он живет на благодеяния других людей. Особенно ваши. Скажите мне вот что. Дик знал об инциденте с револьвером в комнате Тома?

— Да. Он был в то воскресное утро со мной. Он отвозил меня сначала к судье, потом обратно домой.

— Он в курсе очень многих событий,— отметил я.

— Это естественно. Он практически член нашей семьи. Дело в том, что я ждал его сегодня к вечеру.— Он посмотрел на часы.— Но сейчас уже слишком поздно, десятый час.

— Вы не можете вызвать его сюда?

— Не на ночь глядя. И потом, у меня вовсе нет желания брать себя в руки, чтобы появиться перед Диком.

Он робко посмотрел на меня. Тут-то он и раскрыл себя, свою суть. В нем жили два человека: тщеславный, никогда не забывающий о своем лице-маске, и второй — тайный, скрывающийся под этой маской и никогда из-под нее не появляющийся.

Он водворил на место свою серебряную гриву и пригладил ее руками.

— Ночь — это все, что мы имеем,— сказал я.— Утром к вам может нагрянуть Бастиан, шериф и, возможно, уголовная полиция. И вам не удастся отделаться от них, просто заявив, что вы не покупали ножа. Вам придется давать объяснения.

— Вы действительно думаете, что нож взял Дик?

— На мой взгляд, у нас больше оснований подозревать его, чем Тома.

— Хорошо, я позвоню ему.— Он подошел к телефону.

— Только не говорите, что вы ждете его. Он может все бросить и убежать.

— Естественно, не скажу.— Он набрал номер и стал

ждать. Потом заговорил. Голос его приобрел другие краски, стал свежим и молодым.— Дик? Ты что-то говорил Эллен, что к вечеру появишься. Удивительно, что я должен тебя ждать... Я знаю, что поздно. Я беспокоился, здоров ли ты... Что беспокоит?... Очень жаль. Слушай, почему бы тебе не приехать прямо сейчас? Вечером домой вернулся Том, разве это не прекрасно? Он хочет повидаться с тобой. И я, как обычно, буду рад видеть тебя... Нет, это не приказ... Прекрасно, я буду ждать.

Он повесил трубку.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Говорит, что плохо себя чувствует.

— Заболел?

— Нет, депрессия. Но он обрадовался, когда я ему сказал, что Том дома. Он скоро будет здесь.

— Хорошо. За это время я хотел бы поговорить с Томом.

Хиллман подошел и опять встал надо мной. В зеленом полусвете-полутьме я не мог как следует рассмотреть выражение его лица.

— До того, как вы поговорите с ним, я должен вам кое-что сказать.

Я ждал продолжения, но он молчал. Я спросил:

— Это о Томе?

— Это касается нас обоих.

Он смутился, но глаза его по-прежнему испытующе всматривались мне в лицо.

— С другой стороны, не думаю, что я могу позволить себе так распуститься.

— Вы рискуете больше никогда не получить такой возможности,— сказал я,— до тех пор, пока вас не вынудят к этому. Думаю, это будет хуже.

— Здесь вы ошибаетесь. Никто этого не знает, кроме меня.

— Но это касается вас и Тома.

— Совершенно верно. Забудем об этом.

Он, однако, не хотел забывать. Он хотел раскрыть секрет, но так, чтобы не нести ответственности за то, что он рассказал. Он медлил, глядя на меня сверху вниз своими холодными стальными глазами.

Я подумал, что, когда Хиллман говорил о своих чувствах к Тому, голос его звучал совершенно искренне. Возможно, эта искренность и есть недостающая часть равенства.

— Том действительно ваш сын? — спросил я.

С ответом он не замешкался:

— Да, моя собственная плоть и кровь.

— И вы единственный, кто знает об этом?

— Кэрол знала, конечно, и знал Майкл Харлей. Он согласился на это в обмен на кое-какие блага, которые я смог предоставить ему.

— Вы вытащили его из Портсмута.

— Я помог. Не надо только воображать, что я сплел здесь какую-то жуткую интригу. Все произошло совершенно естественно. После того, как Майкл и его брат были арестованы, Кэрол пришла ко мне. Она просила, чтобы я вступился за них. Я сказал, что постараюсь. Она была восхитительная девочка и выразила свою признательность естественным образом.

— Отправившись с вами в постель.

— Да, она подарила мне одну ночь. Я пришел к ней в комнату в отель «Барселона». Надо было ее видеть, Арчер, когда она разделась. Она осветила собой эту убогую комнату с медной кроватью...

Я прервал его возбужденное воспоминание:

— Медная кровать все еще там, так же как и Сайп был там до прошлой ночи. Сайп знал о вашей большой ночи на медной кровати?

— Сайп?

— Гостиничный детектив.

— Кэрол сказала, что в ту ночь он уходил.

— И вы говорите, что только раз были там?

— С Кэрол — только один раз. Я провел в «Барселоне» несколько ночей с другой девушкой. Думаю, что я попытался еще раз получить то же наслаждение или нечто похожее. Она была очень старательной девочкой, но Кэрол заменить не могла.

Я встал. Он заметил выражение моего лица и отскочил в сторону.

— Что с вами? Вам нехорошо?

— Сюзанна Дрю — моя подруга. Моя близкая подруга.

— Откуда же я мог знать это? — спросил он перекоренным ртом.

— Вы многого не знаете. Вы не знаете, как противно мне сидеть тут и выслушивать про ваши прошлые грязные похождения.

Он был изумлен. Я тоже был поражен собой. Сердито кричать на свидетелей — это привилегия второсортных следователей и прочих судейских.

— Никто не позволяет себе так разговаривать со

мной,— заговорил Хиллман дрожащим голосом.— Убирайтесь вон из моего дома и держитесь от него подальше!

— С большим удовольствием.

Я почти дошел до входных дверей. Это напомнило прогулку по глубокой липкой грязи. Тут меня окликнул Хиллман.

— Послушайте...

Это была его любимая фраза.

Я послушал. Он подошел ко мне, делая руками какие-то неопределенные движения.

— Я не могу продолжать сам, Арчер. Простите, если я чем-нибудь задел вас.

— Все в порядке.

— Нет, не все. Вы любите Сюзанну?

Я не ответил.

— В таком случае вы удивительный человек. Я не притрагивался к ней с сорок пятого года. У меня были некоторые неприятности с этим гостиничным сыщиком. Сайп...

— Вы избили его,— заметил я безучастно.— Я знаю это.

— Я проучил его на всю жизнь,— сказал он с некоторой гордостью.— Это был первый и последний раз, когда он выманил у меня деньги.

— Если не считать этой недели.

Повисло молчание, которое он и нарушил.

— Во всяком случае, Сюзанна потеряла интерес...

— Я не желаю говорить о Сюзанне.

— Ваше право.

Мы вышли в коридор, ведущий в библиотеку. Хиллман не хотел, чтобы наш разговор был слышен в гостиной, где находилась Эллен. Он стоял, прислонившись к стене, так в театре стоят люди, у которых нет билета. По его позе я мог понять, каким непрочным было его положение здесь, каким временным жильцом ощущает он себя в своем собственном доме.

— Я не понимаю только двух вещей,— сказал я.— Вы говорили, что провели с Кэрл только одну ночь, и до сих пор уверены, что вы действительный отец ее ребанка.

— Он родился точно через девять месяцев—12 декабря.

— Но это еще не доказывает, что вы его отец. Беременность часто бывает дольше девяти месяцев, особенно первая. Майкл мог стать отцом еще до того, как морской патруль забрал его. Или любой другой мужчина.

— Других мужчин не было, она была девственница.

— Вы лжете!

— Нет, это правда. Женитьба Кэрол и Майкла Харлея никогда не была совершенно полной. Майкл был импотентом, это и послужило единственной причиной, по которой он согласился считаться отцом ребенка.

— Но какая была в этом необходимость, Хиллман? Почему же вы не взяли ребенка и не вырастили его сами?

— Я это и сделал.

— Я имею в виду, взяли открыто и вырастили как своего собственного сына?

— Я не мог. Я имел другие обязательства. Я был уже женат на Эллен. А она была из Новой Англии, пуританка чистой воды.

— И с будущим чистой воды.

— Я признаю, что мне нужна была ее помощь, чтобы начать собственный бизнес. Мужчина должен сделать выбор.

Он поднял голову. Свет от люстры упал на его пустое бронзовое лицо. Он отвернулся от света.

— Кто сказал вам, что Майкл был импотентом?

— Кэрол. Она не лгала. Она была, как я уже говорил, девственницей. В ту ночь она многое рассказала о своей жизни. Рассказала о том, что Майкл стал таким, каким он был, после того, как его избили ремнем.

Волна горечи подкатила к моему горлу. Я вспомнил старика в коровнике, занятого дойкой, и явно услышал скулеж одноглазого колли.

— Я думал, что вы единственный, о ком говорят, что он импотент,— сказал я.— Или стерилен.

Он резко повернулся ко мне:

— Кто вам сказал это?

— Ваша жена. Именно она и сказала.

— Так она и до сих пор думает, что я не могу иметь детей?

— Да.

— Хорошо.— Он повернул лицо к свету и позволил себе довольно улыбнуться.— Может быть, мы когда-нибудь и вытащим это на свет божий. Когда мы усыновляли Тома, я сказал Эллен, что Вайнтрауб провел тестирование и выяснил, что я стерилен. Я боялся, что она узнает о моем отцовстве.

— Вы и так можете быть стерильны.

Он не понял, что я имел в виду.

— Нет. Это относится к Эллен. Мне же нет необходи-

мости проходить эту проверку. У меня есть Том, и это доказывает, что я мужчина...

Но Тома у него не было...

Глава 28

Мы вошли в гостиную, «зал ожидания», как называла ее Эллен Хиллман. Хотя Том был уже дома, ожидание, казалось, еще продолжалось, словно оно срослось со временем. Эллен сидела на своем месте на диванчике, в руках у нее было вязание. Длинные быстрые спицы быстро бегали по краю красной шерстяной полосы. Она пристально посмотрела на мужа.

— Где Том? — спросила она. — Он все еще наверху?

— Я слышал, как он спускался по задней лестнице. Представляю, что приготовила ему на кухне миссис Перес. Он, видимо, сделал из кухни столовую. Можно понять это, учитывая его наследственность.

— Нам не следовало бы углубляться в этот вопрос, не так ли?

Хиллман вошел в нишу с баром и приготовил себе какой-то очень темный коктейль. Потом он вспомнил и обо мне, но я отказался.

— Что хотел этот полисмен? — спросила Эллен.

— Он упрямо держит в голове несколько вопросов. Я не стал в них углубляться.

— Так ты говоришь мне уже двадцать лет. Как всегда, ты предпочитаешь не углубляться в суть вещей. Плаваешь по поверхности. Неважно и то, что в сердце у тебя одна гниль.

— Может быть, мы обойдемся без мелодрамы?

— Это трагедия, а не мелодрама. В твоём доме разыгралась трагедия, а тебе даже лень задуматься над этим. Ты живешь в мире призраков, как дурак.

— Я знаю... — Голос его был спокоен, но я видел, что он готов выплеснуть ей в лицо содержимое стакана. — Я невежественный инженер-шарлатан и никогда не изучал философию.

Спицы ее продолжали постукивать.

— Я могу простить тебе твое невежество, но не могу простить постоянные увертки.

Он отпил из стакана и в то же время другой рукой плавным движением пригладил свою шевелюру.

— Боже мой, Эллен! Сколько мне еще предстоит вы-

слушать от тебя! Здесь не место и не время для таких разговоров.

— Всегда не место и не время. А если и время, так ты подводишь часы. А если и место, то ты всегда найдешь путь для спасительного бегства. Я вижу только твои мелькающие ноги, ты — то далеко, то близко, дикий Ралф. То — здесь, то — там. Ты никогда не вглядывался ни во что, все пролетало мимо.

Он поморщился ст ее слов.

— Это неправда, — сказал он легко. — Арчер и я проводили на самом деле ночные раскопки.

— Раскапывали темные закоулки твоей натуры? Я думала, ты оставляешь это развлечение для своих женщин. Таких, как Сюзанна Дрю.

Это имя отозвалось во мне острой болью. Это было прекрасное имя, светлое и дерзкое, немного абсурдное, и оно совсем не заслужило сомнительной чести быть связанным с этими людьми. Если Хиллманы и обладали когда-нибудь чистотой, то постепенно они лишились ее из-за фальши, постоянно сопровождавшей их брак. Меня вдруг пронзила мысль, что связь Хиллмана с Сюзанной тоже была одним из его обманов. Он заставил ее принять на себя заботу о Кэрол, даже не намекнув, что он отец ребенка, которого ждала Кэрол.

— О господи! — говорил он сейчас. — После всех этих лет мы снова вернулись к девочке Дрю.

— Ну так как? — спросила Эллен.

К счастью, раздался телефонный звонок. Хиллман снял трубку, ответил и повернулся ко мне, зажав рукой микрофон.

— Это Бастиан. Просит вас. Вы можете воспользоваться телефоном в комнате прислуги. Я бы хотел послушать с этого аппарата.

Спор вряд ли бы оказался плодотворным. Я прошел «музыкальную» комнату, столовую и добрался до буфета в комнате прислуги, где в полной темноте отыскал телефон. Я слышал, как на кухне миссис Перес полунапевала, полурассказывала Тому о своей родной провинции Синалоа. В трубке зазвучал голос Бастиана, резкий, не имеющий никакого сходства с человеческим.

— Арчер?

— Я.

— Ну вот, я проверил дела, связанные с переездами Дика Леандро, и только что разговаривал с его подружкой. Она на последнем курсе колледжа, зовут ее Кати Оджилви,

и ей принадлежит «шевроле», модель этого года, синего цвета. В конце концов она призналась, что прошлым вечером разрешила ему воспользоваться своей машиной. Судя по спидометру, он проехал более сотни миль.

— Вы уверены, что ее с ним не было? С ним была девушка или, возможно, мальчик, в этом Дали не совсем убежден.

— Это была не мисс Оджилви. Ее очень обидело, что он воспользовался ее машиной, чтобы отправиться в длительную поездку с другой девушкой.

— Она знает, что это была девушка?

— Та леди обронила на переднем сиденье губную помаду, очень дорогую, белую с золотом, 14 карат. Я не думаю,— добавил он холодно,— что мисс Оджилви раскололась бы с такой готовностью, если бы не было этой губной помады. Видимо, Леандро предпринял все необходимое, чтобы сохранить тайну.

— Он объяснил ей, почему так поступил?

— Ему надо было сделать что-то, связанное с похищением Хиллмана. Вот все, что она знает. Может, пора нам добраться до Леандро? Кажется, вы просите еще об одной попытке для себя?

— Он едет сюда. Может, вам тоже лучше приехать? Вслед за ним?

— Вы так говорите, словно события достигли критической точки?

— Да.

Я уже видел их очертания. Они горели у меня перед глазами, как фонари, освещающие мотель Дака. После того как я повесил трубку, я посидел в темноте и попытался отогнать видения. Но они кружились вокруг и, наконец, растворились, соединившись с реальным миром.

— Моя родина,— напевала Тому на кухне миссис Перес,— страна множества рек. Там целых одиннадцать рек, и я со своей семьей жила от реки так близко, что мои братья бегали купаться каждый день. А отец обычно приходил на реку по воскресеньям, ловил сетью рыбу, а потом раздаривал ее соседям. И у всех соседей на воскресный ленч была свежая рыба.

Том сказал, что так не бывает.

— Ах,— говорила она,— это был самый настоящий рай, отец был очень уважаемым человеком. Летом там было очень жарко. А затем над Сьерра-Мадре собирались большие черные тучи и начинал лить страшный дождь, такой, что вода в реке за два часа поднималась на несколько

дьюмов. Потом опять выходило солнце. Солнце. Солнце. Вот такой была жизнь.

Том захотел узнать, жив ли еще ее отец. Она весело сказала, что отец жив, ему сейчас за восемьдесят, но здоровье у него прекрасное. Ее муж поехал сейчас навестить его в Мексику.

— Я хотел бы повидаться с твоим отцом.

— Может, у тебя и найдется когда-нибудь денек.

Я открыл дверь. Том сидел за кухонным столом, доедая суп. Миссис Перес с материнской улыбкой наклонилась над ним, а глаза ее были далеко, в Синалоа. Она неприязненно посмотрела на меня: я был чужестранец на их земле, в Синалоа.

— Что вы хотите?

— Я хочу поговорить с Томом и прошу вас оставить нас ненадолго.

Она заулыбалась.

— С другой стороны, в этом доме больше не должно быть никаких секретов. Если вы хотите, пожалуйста, оставайтесь, миссис Перес.

— Благодарю вас.

Она схватила кастрюлю из-под супа и понесла ее, потряхивая, к раковине, где до краев наполнила горячей водой. Том с нескрываемой скукой предложил мне сесть к столу напротив него.

— Я очень не люблю заставлять людей перебирать все детали,— сказал я,— но ты единственный, кто может ответить на некоторые вопросы.

— О'кей.

— Мне неясен вчерашний день, особенно прошлый вечер. Ты был в «Барселоне», когда Майкл приехал из Вегаса?

— Да. Он был в очень дурном настроении. Сказал, что сначала избьет меня, а потом убьет. Во всяком случае, я был намерен убежать.

— Никто не остановил тебя?

— Он хотел избавиться от меня.

— А Сайп?

— Он был так пьян, что едва ли понимал, что делает. Он напился до потери сознания еще до того, как я ушел.

— В какое время ты ушел?

— Было чуть больше восьми, еще не стемнело. На углу я дождался автобуса.

— Тебя не было там, когда приезжал Дик Леандро?

— Нет, сэр.— Глаза его широко раскрылись.— Он был в отеле?

— Видимо, был. Сайп или Майкл ни разу не упоминали его?

— Нет, сэр.

— Ты не знаешь, что он мог бы там делать?

— Нет, сэр, я вообще не много знаю о нем. Он — их приятель.

Он показал плечом и подбородком в направлении, где сидели Хиллманы.

— А чей он приятель в особенности: ее или его?

— Его. Но и она использует его.

— Он ее возит?

— Он делает все, что она захочет.— В голосе Тома послышались боль и гнев, гнев скрытый, гнев смещенного сына.— Когда он выполняет все ее желания, она говорит, что оставит ему по завещанию денег. Если же он чего-то не делает, например, тогда, когда он должен идти на свидание, она говорит, что вычеркнет его из завещания. Но обычно он не идет на свидание.

— Мог бы он кого-нибудь для нее убить?

Миссис Перес вылила горячую воду в раковину, пар заполнил дальний угол кухни, откуда донесся звук, напоминавший небольшой взрыв, его издала миссис Перес, что-то вроде «ш-ш-шуу-уух!».

— Я не знаю, что он мог бы для нее сделать,— с сомнением проговорил Том.— Он просто «мальчик» для яхты, а все они в общем-то одинаковые, хотя, конечно, и разные. Это будет зависеть от того, на какой риск ему придется идти. И за сколько денег.

— Харлей,— сказал я,— был зарезан ножом, который подарил тебе отец, охотничий нож с полосатой ручкой.

— Я не убивал его.

— Где ты в последний раз видел этот нож?

Он задумался.

— Он был в моей комнате на письменном столе, сверху, вместе с платками и каким-то мусором.

— Дик Леандро знал, где был нож?

— Я никогда не показывал ему нож. Кроме того, он никогда не входил в мою комнату.

— А твоя мать... Эллен Хиллман знала, где нож?

— Думаю, да. Она всегда входила в мою комнату и проверяла мои вещи...

— Это правда,— сказала миссис Перес.

Я подарил ей взгляд, который прекратил все дальнейшие комментарии.

— Я знаю, что в то самое воскресное утро она, как обычно, вошла к тебе в комнату и ты стал угрожать ей отцовским револьвером.

Миссис Перес опять издала такой взрывной звук, означавший, очевидно, крайнюю степень негодования. Том смотрел на стенку за моей спиной, будто там кто-то стоял.

— Они так рассказали вам эту историю?

— Это неправда! — не выдержала миссис Перес. — Я слышала ее пронзительный крик, потом она сбежала вниз по лестнице, схватила револьвер, лежавший на столе в библиотеке, и с ним в руках вбежала к Тому в комнату.

— Почему вы не остановили ее?

— Я испугалась, — сказала она. — И потом, подъехал мистер Хиллман, я услышала шум его машины. Я выскочила и сказала ему, что происходит. И вообще, что я могла сделать, если Перес уехал в Мексику?

— Это не имеет значения, — сказал Том. — Ведь все равно ничего не случилось. Я забрал у нее револьвер.

— Она хотела застрелить тебя?

— Сказала, что застрелит, если я не возьму обратно свои слова, которые я ей перед этим сказал.

— А что ты ей сказал?

— Что мне будет много лучше, если я буду жить в мотеле с моими настоящими родителями, чем с ней в этом доме. Она вся вспыхнула, побежала вниз и схватила револьвер.

— Почему ты не сказал об этом отцу?

— Он мне не отец.

Я не спорил. Отцовство определяется не только генами.

— Почему же все-таки ты не рассказал ему?

Он сделал неопределенный жест рукой.

— Какая была бы от этого польза? Он не поверил бы ни одному моему слову. Во всяком случае, она совершенно свела меня с ума своей постоянной ложью о том, кто я. Я вырвал у нее из рук револьвер и приставил ей к голове.

— И хотел убить ее?

Он кивнул. Было такое ощущение, будто его шея не может выдержать тяжести головы. Миссис Перес под тем предлогом, что ей надо выйти из кухни, подошла к нему и положила на секунду ему на плечо руку. Этот жест словно оказался сигналом. Зазвонил звонок у входной двери.

— Это у входной двери,— сказала она, не обращаясь ни к кому.

В страшном нетерпении я отправился туда. Мистер Хиллман впустил Дика Леандро. Эта неделя тяжело отразилась на внешнем виде Дика: лицо его осунулось, а кожа приобрела желтоватый оттенок.

Он посмотрел на меня мутным взглядом и обратился к Хиллману:

— Могу я поговорить с вами наедине, шкипер? Это очень важно.

Он почти стучал зубами.

На пороге гостиной показалась Эллен.

— Неужели это настолько важно, что вы забыли о вежливости, Дик? Я весь вечер сидела одна. Или мне это только показалось?

— Мы присоединимся к тебе попозже,— сказал Хиллман.

— Уже и так слишком поздно,— сказала она в раздражении.

Тусклый взгляд Леандро перебегал с одного на другую, как у зрителя, наблюдающего игру в теннис, да еще и поставившего на одного из игроков все, что у него было.

— Если ты не будешь ласков со мной,— проговорила она почти нежно,— то и я не буду с тобой ласкова.

— Это меня не волнует.

В его голосе слышался скрытый вызов.

— Твоя воля.

Повернувшись к нам спиной, она прошествовала в гостиную.

— Мы не можем больше терять времени,— обратился я к Дик-Леандро.— Вы вчера вечером возили куда-нибудь миссис Хиллман?

Он отвернулся от меня и, почти прильнув к уху Хиллмана, сказал как можно тише:

— Мне очень надо поговорить с вами наедине. Произошло нечто такое, о чем вы не знаете.

— Мы поговорим в библиотеке,— ответил ему Хиллман.

— Если вы разрешите, я продолжу,— снова заговорил я.— Мы ведь можем так же хорошо поговорить и здесь. Я не хотел бы слишком далеко удаляться от миссис Хиллман.

Молодой человек повернулся и посмотрел на меня как потерянный, но в то же время и с облегчением. Он понял, что я знал.

Я подумал, что Хиллман тоже знает. На это указывало сделанное им Сюзанне предложение, а его признание, что он настоящий отец Тома, объяснило мне мотивы. Хиллман прислонился к стене около дверей, крупный и загадочный, как статуя, полузакрыв глаза и приготовился слушать.

— Ты возил ее к отелю «Барселона», Дик? — спросил я.

— Да, сэр.— Он стоял, высоко подняв одно плечо и наклонив голову к другому, будто собирался что-то писать.— Но я не мог знать, что у нее в голове. Я и сейчас не знаю.

— Кое-что ты, наверное, знаешь. Иначе к чему вся эта таинственность?

— Она сказала, что я должен взять на время машину, что они позвонили и требуют еще денег, а шкипера сейчас нет, так что деньги придется отвезти нам. Мы должны держать все в тайне от полиции, а после она сказала, что я не должен вообще никому ничего рассказывать.

— И ты поверил тому, что она сказала?

— К-к-конечно.

— Когда ты начал сомневаться?

— Ну, я никак не мог понять, где она держала всю эту наличность. Она говорила, что в своей корзинке, она несла с собой большую корзинку для вязания, но в действительности я не видел никаких денег.

— А что ты видел?

— Я вообще ничего не видел.— Волосы упали ему на лоб и лезли в глаза.— То есть я хочу сказать, что видел этого человека... этого челов-в-века, когда он вышел из гостиницы, потом они обошли ее, исчезли из вида, и я услышал этот крик.

Он держал себя рукой за горло.

— Что ты сделал?

— Я остался в машине. Она сказала мне, чтобы я оставался в машине. Когда она вернулась, то сказала, что это кричала птица.

— И ты поверил ей?

— Я не очень разбираюсь в птицах, ведь правда, шкипер?

Вдруг с порога комнаты раздался пронзительный крик Эллен:

— Так о чем все-таки ты разговариваешь с этими мужчинами?

Я направился к ней.

— О вас. И о птице, которую вы слышали вчера

вечером в саду около гостиницы. И что же это была за птица?

Рука ее взлетела вверх и прижалась к губам.

— Она, по-моему, была похожа на человека. Не очень приятного, но все-таки человека.

Она дышала с трудом, хватая воздух открытым ртом.

— Он был подонком или дьяволом!

— Потому что он хотел денег?

— Это должно было продолжаться и продолжаться. Я... мне пришлось покончить с ним.— Она вся дрожала, но громадным усилием воли ей удалось заставить себя успокоиться.— Кстати, о деньгах. Я могу позаботиться и о вас. Я уверена, что полиция поняла бы меня, поскольку совершенно не надо связывать меня с этим... этим...— Она никак не могла подобрать слова.— Я могу позаботиться и о вас, и о Дике.

— Сколько вы обещаете?

Она взглянула на меня с таким превосходством, на которое люди получают право только при соответствующем происхождении.

— Пройдемте в гостиную,— сказала она,— там все и обсудим.

Мы все трое последовали за ней в комнату, она села на диванчик, а мы встали вокруг нее. Хиллман с любопытством поглядывал на меня. Он был тих, задумчив и мягок, словно из него вынули стержень, но чувствовалось, что в голове у него продолжала тикать счетная машинка. У Дика Леандро в глазах появились признаки жизни. Возможно, он все еще воображал, что где-то, как-то, когда-то, но деньги Хиллмана все же приплывут к нему.

— Так сколько? — спросил я ее.

— Двадцать пять тысяч.

— Это лучше, чем нож между ребер. Вы имеете в виду двадцать пять тысяч всего или двадцать пять тысяч за каждое убийство?

— За каждое убийство?

— Их было два, совершенных одним и тем же ножом и почти наверняка одним и тем же человеком. Вами.

Жестом молоденькой испуганной актриски она отвела голову от моего указующего перста. Молоденькая актриска исполняла роль женщины в возрасте, с лицом, покрытым тонкими морщинками, и белыми прекрасными светлыми волосами, но уже потерявшими свой прежний блеск.

— Тогда пятьдесят тысяч,— сказала актриска.

— Он играет с тобой, — сказал Хиллман. — Ты не сможешь купить его.

Она повернулась к нему.

— Мой покойный отец однажды сказал мне, что я смогу купить любого, любого и каждого. Я доказала это, купив тебя. — В голосе ее было явное отвращение. — К сожалению, ты оказался плохой покупкой.

— Ты не купила меня. Тебе почти не пришлось пользоваться моими услугами.

Они с ненавистью смотрели друг другу прямо в глаза.

— Ты вынудил ее всучить мне ее незаконного ребенка?

— Я хотел сына. Но я не рассчитывал на такой оборот событий. Так получилось.

— Так получилось, потому что ты так захотел. У тебя хватило наглости принести ее ребенка ко мне в дом, заставить выкормить и вырастить его и назвать своим. Как ты мог жить среди такой фальши?

— Не стоит говорить о фальши. Нам, видимо, лучше не касаться этого вопроса.

— Жеребец, — сказала она. — Развратник.

В соседней комнате послышалось какое-то движение. Вглядевшись в темноту, я рассмотрел Тома, сидевшего на вертящемся стуле рядом с фортепиано. У меня возникло желание закрыть дверь, но, конечно, было уже поздно: он наверняка уже все слышал.

Хиллман проговорил с удивительным спокойствием:

— Я никогда не понимал твоего пуританского образа мыслей, Элли. Ты все время думала, что самая безобидная шутка в постели — это смертный грех, более тяжкий, чем убийство. Господи, я вспоминаю нашу первую брачную ночь. Ты, должно быть, думала, что я убиваю тебя.

— Хотела бы, чтобы это было так.

— Я тоже почти что хочу этого. Ты убила Кэрол, это правда, Элли?

— Конечно. Это я убила ее. Она позвонила мне в понедельник утром, после того как ты ушел. Том дал ей телефон. Я подняла трубку в его комнате, и она мне все выложила. Она сказала, что разгадала планы своего мужа и что она боится, что он будет жестоко обращаться с Томом, который в действительности не его сын. Я уверена, что это был только благопристойный предлог, чтобы всадить в меня нож.

— Какой нож? — спросил я.

— Неплохое я подобрала сравнение, а? Я хотела ска-

зать, что она одержала надо мной полную победу, в один миг отняв у меня весь смысл моего существования.

— Я думаю, она просто пыталась спасти своего сына.

— Ее сына, ее, а не моего! Ее и Ралфа. Вот в чем была суть! Неужели вы не понимаете этого? Я чувствовала, что она убила меня. Я оказалась всего лишь бесплотным привидением в этом мире, моя жизнь была пригодна только для того, чтобы выбросить ее на свалку вместе с другим никому не нужным хламом. Шел дождь, и я, идя от того места, где оставила «кадиллак», чувствовала себя настолько бесплотной, что дождь, казалось, легко проходил сквозь меня.

Наверное, муж застал ее, когда она звонила мне. Он приволок ее в коттедж, где они жили, избил ее, бросил без сознания на полу. Убить ее было легко. Очень легко. Нож вошел в нее, как в масло, и так же легко вышел. Я даже не представляла себе, как это будет легко.

— Но во второй раз было уже не так просто,— сказал я.— Нож застрял в ребрах. Я сам не смог вытащить его оттуда.

— Да,— сказала она высоким голосом, в котором прозвучала какая-то детская обида и жалоба. Эта маленькая актриска, скрывающаяся за морщинами, жаловалась на жестокий мир, где вещи не слушаются ее, люди не покупаются.

— Что заставило вас убить и его?

— Он начал подозревать, что Кэрол убила я. Тогда он воспользовался телефоном Тома, позвонил мне, предъявил свои обвинения и стал угрожать. Конечно, он требовал денег.

Она проговорила это так, словно то, что у нее были деньги, давало ей право осуждать людей, которым деньги были нужны, необходимы.

— Это наверняка продолжалось и продолжалось бы.

Из темноты вышел Том. Он смущенно посмотрел на всех нас, но я заметил в его взгляде нечто другое — сожаление.

Мальчик сказал Хиллману:

— Почему ты не говорил мне? Все могло быть совсем по-другому.

— Еще может быть,— сказал Хиллман с наигранным оптимизмом.— А, сын?

Хиллман протянул руку к Тому и пошел к нему, но мальчик не позволил себя обнять, повернулся и вышел из комнаты. Нетвердыми шагами Хиллман последовал за ним.

Я слышал, как они поднимались по лестнице, впереди Том, несколькими ступенями ниже Хиллман.

Неуверенно, словно освобождаясь от невидимого рабства, покинул свое место и Дик. Он вошел в нишу, и я услышал, как он приготавливает себе выпить.

Эллен Хиллман все еще думала о деньгах.

— Ну так как же, мистер Арчер? Можно купить вас?

Лицо ее было совершенно спокойно, вместе с Хиллманом ушел и гнев.

— Меня нельзя купить даже за все, что вы можете предложить.

— Тогда скажите, есть ли у вас хоть капля сострадания ко мне?

— Сострадания во мне вообще не так уж и много.

— Я не прошу ничего особенного. Только разрешите мне провести еще одну ночь в моем доме.

— Что это вам даст?

— Очень много. Я буду откровенна с вами. Я довольно долго собирала снотворные таблетки...

— Как долго?

— Почти год. Я была в отчаянии, что...

— Вы могли бы воспользоваться ими и раньше.

— Вы имеете в виду до всего этого?

Волнообразным движением руки она обвела гостиную с таким видом, словно это была сцена, на которой только что была разыграна трагедия, и сейчас она была усеяна трупами.

— До всего этого,— повторил я.

— Но я не могла умереть, не зная. Я знала, что моя жизнь была пуста и бессмысленна. Я должна была найти причину.

— А сейчас она полна и обрела смысл?

— Сейчас переполнена,— ответила она.— Послушайте, Арчер. Я ведь была искренна с вами сегодня. Дайте мне в благодарность за это последний шанс. Я прошу только время, чтобы я смогла принять таблетки.

— Нет.

— Ведь вы мне кое-чем обязаны. Я помогла вам сегодня днем настолько, насколько у меня хватило смелости.

— Вы даже не пытались помочь мне, миссис Хиллман. Вы сообщили мне лишь то, что я уже знал или к чему я был уже близок. Вы сообщили мне об усыновлении Тома, но таким образом, чтобы это могло скрыть то, что он настоящий сын вашего мужа. Вы дали мне и ложную информацию о стерильности вашего мужа. Это понадобилось вам

для того, чтобы скрыть мотивы убийства вами Кэрл Харлей.

— Боюсь, ваши рассуждения слишком тонки для меня.

— Едва ли. Вы достаточно тонкая женщина.

— Я — тонкая? Я дура! Набитая дура! Люди на улицах, любой подонок знал о моей жизни гораздо больше, чем я сама...— Она прервала себя.— Так вы поможете мне?

— Нет, не могу. Извините. Полиция уже выехала сюда. Она оценивающе посмотрела на меня.

— Этого времени мне хватило бы, чтобы воспользоваться револьвером.

— Нет.

— Вы тяжелый человек.

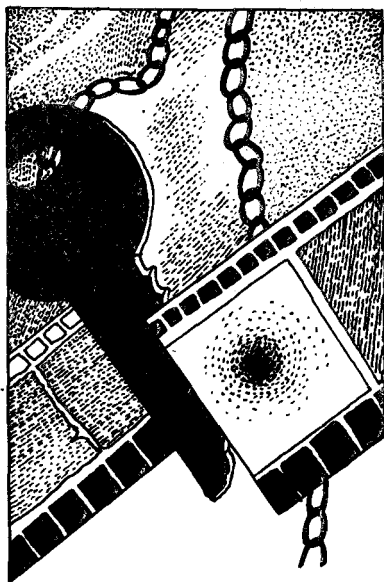
— Это не я, миссис Хиллман. Это наша действительность такова.

В это время подъехала машина шерифа. Я услышал шум двигателя у входных дверей, поднялся и направился к дверям, ведущим в гостиную, чтобы пригласить Бастиана. За спиной у себя я услышал, как глубоко вздохнула Эллен. Это был тяжелый вздох человека, который остался совершенно один. Затем она взяла из корзины вязальные спицы и вонзила их острием себе в грудь. До того, как я успел подскочить к ней, она ударила себя еще несколько раз.

В середине следующего дня она добила того, чего так страстно хотела: она скончалась.

НЕУКРОТИМЫЙ ВРАГ

Как всегда ранним утром, машин на Сепульведе было немного. Когда я миновал по шоссе нижний перевал, из-за синих гор по ту сторону долины поднялось пылающее огнем солнце. Минуту, другую, пока не начался обычный день, все выглядело таким новым, свежим, вызывающим чувство благоговения, словно только что сотворенный мир.

Возле Канога-парк я съехал с автострады и остановился у кафе, чтобы, не выходя из машины, проглотить дежурный завтрак за девяносто девять центов. А затем начал подниматься вверх к дому Себастианов в Вудлэнд Хиллс.

Кит Себастиан подробно объяснил мне, как найти его дом. Это было остроугольное современное строение, нависшее над склоном холма. Сам склон круто сбегал вниз к краю площадки для гольфа, зазеленевшей от первых зимних дождей.

Кит Себастиан вышел из дома без пиджака. Это был красивый мужчина лет сорока с густыми вьющимися каштановыми волосами, лишь чуть тронутыми сединой. Он не успел побриться, и из-за щетины на подбородке нижняя часть его лица казалась измазанной грязью.

— Спасибо, что приехали сразу,— сказал он, когда я представился.— Я понимаю, в такую рань...

— Ничего, вы же не выбирали это время специально. Она, по-видимому, еще не вернулась?

— Нет, не вернулась. После того как я позвонил вам, я обнаружил еще одну пропажу. Мое ружье и коробка с патронами. Они тоже исчезли.

— Думаете, их взяла ваша дочь?

— Боюсь, она. Замок от витрины с оружием не был взломан, а больше никто не знает, где ключ. Кроме моей жены, конечно.

Тут в распахнутых дверях, легка на помине, появилась миссис Себастиан. Стройная, темноволосая и вся какая-то вымученно-красивая. Свежая губная помада, свежее желтое полотняное платье.

— Прощу в дом,— пригласила она нас обоих.— На улице холодно.

Она обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Ее трясло, как в лихорадке.

— Это мистер Лью Арчер,— представил меня Себастиан.— Частный сыщик, которому я звонил.

Он произнес это таким тоном, точно, представляя меня, предлагал ей заключить перемирие.

Она раздраженно ответила:

— Я уже догадалась. Входите, кофе готов.

Я сидел между ними у кухонной стойки и потягивал из тонкой фарфоровой чашечки горький напиток. Кухня казалась чересчур чистой и чересчур пустой. А в свете, проникавшем через окно, была какая-то зловещая яркость.

— Александрия умеет стрелять из ружья? — спросил я их обоих.

— Любой сумеет, — мрачно ответил Себастиан. — Спустить курок — вот и все, что требуется.

— Сэнди прекрасно стреляет, — сказала миссис Себастиан. — В начале года Хэккетты брали ее с собой охотиться на перепелов. Я была против, должна заметить.

— Уж коли была против, обязательно заметишь, — отпарировал Себастиан. — Я уверен, этот опыт пошел ей на пользу.

— Она ненавидит охоту. В ее дневнике так и написано. Ненавидит убивать.

— Привыкнет. Во всяком случае, мистер и миссис Хэккетт остались очень довольны.

— Опять то же самое!

Я не дал им начать ссору:

— А кто такие эти мистер и миссис Хэккетт?

Себастиан посмотрел на меня с откровенным изумлением, чуть оскорбленно и одновременно покровительственно.

— Мистер Стивен Хэккетт — мой босс. Он управляет акционерным обществом, которому принадлежит банк, где я работаю. И кое-что другое тоже.

— В том числе и ты, — сказала его жена. — Но не моя дочь.

— Как ты можешь, Бернис. Я никогда не говорил...

— Важно, что ты это делаешь.

Я поднялся, обошел стойку и остановился по другую ее сторону лицом к ним. Оба выглядели немного испуганными и пристыженными.

— Все это, конечно, очень интересно, — заметил я. — Но, честно говоря, я встал в пять утра не для того, чтобы быть арбитром в семейном споре. Давайте лучше сосредоточим внимание на вашей дочери. Сколько ей лет, миссис Себастиан?

— Семнадцать. Она уже заканчивает школу.

— Хорошо учится?

— Вообще-то хорошо, но в последнее время она начала получать плохие отметки.

— Почему?

Она усталилась в свою кофейную чашку.

— Не знаю, — наконец ответила она, но произнесла эти слова нерешительно, словно не хотела дать ответа даже себе самой.

— Как это ты не знаешь, в чем дело? — вмешался муж. — Все началось после того, как она связалась с этим ненормальным. Дэйви, что ли, его зовут?

— Он всего лишь девятнадцатилетний мальчишка, а вот мы во всей этой истории повели себя отвратительно.

— Какой истории, миссис Себастиан?

Она раскинула руки, словно пытаясь охватить всю ситуацию. И в отчаянии опустила их.

— В истории с этим мальчиком. Мы все делали не так, как следовало бы.

— Она хочет сказать, что я по обыкновению все делал не так, как следовало бы, — сказал Себастиан. — Я же делал лишь то, что был должен. Сэнди совершенно разболталась. Прогуливала школу, чтобы бегать днем на свидания с этим малым. Вечера проводила на Стрипе или бог знает где еще. Вчера вечером я поехал и нашел их...

— Это было не вчера, а позавчера, — перебила его жена.

— Какая разница? — Его голос, казалось, сник под напором ее холодного неодобрения. Потом регистр сменился, и он уже почти кричал: — Я нашел их в весьма низкопробном заведении в Западном Голливуде. На глазах у всех они сидели обнявшись. Я заявил ему, что, если он не оставит мою дочь в покое, я возьму ружье и разнесу ему башку.

— Мой муж чересчур увлекается телевизором, — сухо заметила миссис Себастиан.

— Смейся надо мной, сколько хочешь, Бернис, но кто-то должен был сделать то, что сделал я. Моя дочь пустилась во все тяжкие с каким-то преступником. Я привез ее домой и запер в ее собственной комнате. А что еще мне оставалось делать?

На этот раз его жена промолчала. Лишь медленно покачала своей красивой темноволосой головой.

— Вам известно, что молодой человек — преступник? — спросил я.

— Он отсидел срок в окружной тюрьме за угон автомобиля.

— Захотелось покататься, и все,— заметила миссис Себастиан.

— Говори что хочешь, но это не первое нарушение закона с его стороны.

— Откуда вы знаете?

— Бернис прочитала об этом в дневнике нашей дочери.

— Неплохо бы и мне заглянуть в этот знаменитый дневник.

— Нет,— сказала миссис Себастиан.— И я-то поступила непорядочно, прочитав его. Не следовало мне этого делать.— Она глубоко вздохнула.— Боюсь, мы были не слишком хорошими родителями. Не слишком деликатными, я хочу сказать. И меня можно за это винить не меньше, чем моего мужа. Но вы же не собираетесь входить в эти подробности.

— Сейчас нет.— Я устал от этой войны поколений, взаимных обвинений и контробвинений, конфликтов и сделок, от бесконечной болтовни за столом переговоров.— Как давно сбежала ваша дочь?

Себастиан взглянул на часы.

— Почти сутки назад. Вчера утром я выпустил ее из комнаты. Она вроде успокоилась...

— Она была вне себя,— возразила мать.— Но мне и в голову не пришло, что, отправляясь в школу, она вовсе не собиралась туда. Спыхватились мы только вечером около шести, когда она не пришла домой к ужину. Тогда я связалась с ее классной наставницей и узнала, что она прогуляла школу. К тому времени уже совсем стемнело.

Она посмотрела в окно, будто там и сейчас было темно, отныне и во веки веков. Я проследил за ее взглядом. Мимо дома шли двое, мужчина и женщина, оба седые, словно они так и состарились в погоне за своим маленьким счастьем.

— Одного не могу понять,— сказал я.— Если вчера утром вы были уверены, что она отправилась в школу, как вы не заметили, что она с ружьем?

— Должно быть, она еще раньше засунула его в багажник своей машины,— объяснил Себастиан.

— Ясно. Значит, она на машине?

— Вот почему мы так волнуемся,— перегнулся через стойку Себастиан.— У вас ведь есть опыт в таких делах? Тогда скажите ради бога, зачем ей понадобилось мое ружье?

— Одна причина для этого, мистер Себастиан, совершенно очевидна. Вы же сами сказали ей, что разнесете ее приятелю голову из этого ружья.

- Но не могла же она принять мои слова всерьез.
- Почему же? Я принял их всерьез.
- Я тоже,— сказала его жена.

Себастиан опустил голову, словно обвиняемый на скамье подсудимых.

— Если он не привезет ее назад, клянусь богом, я убью его,— чуть слышно произнес он.

— Лучше не придумайшь, Кит! — отозвалась миссис Себастиан.

Глава 2

Пикировка этой супружеской пары начала действовать мне на нервы. Я попросил Себастиана показать мне его витрину с оружием. Он повел меня в небольшой кабинет, служивший одновременно и библиотекой и оружейной.

За стеклом в раме из красного дерева стояли мелко- и крупнокалиберные ружья. И виднелось пустое место, где раньше была двустволка. На книжных полках лежала целая коллекция бестселлеров, изданий книжного клуба, а также один ряд скучных учебников по экономике и психологии рекламного бизнеса.

— Вы работаете в отделе рекламы?

— В отделе деловых связей. Я начальник отдела в «Сентениал банк». И мне следует сегодня утром быть там. Мы сейчас составляем программу нашей работы на будущий год.

— Это дело может подождать один день?

— Не убежден.

Он повернулся и открыл оружейную витрину, а также ящик под ней, где хранились патроны. Все это отпиралось одним медным ключом.

— А где хранится ключ?

— В верхнем ящике моего письменного стола.— Он выдвинул ящик и показал мне.— Сэнди, разумеется, знает, где он лежит.

— Но и кто угодно другой мог легко его найти.

— Верно. И все-таки я уверен, что взяла она.

— Почему?

— Чувствую.

— Она любит баловаться ружьем?

— Конечно, нет. Если вас научили, как пользоваться ружьем, вы никогда не будете им баловаться, как вы выразились.

— А кто ее научил?

— Разумеется, я. Я же ее отец.

Он вновь подошел к витрине и погладил ствол крупнокалиберного ружья. Затем осторожно закрыл и запер стеклянную дверцу. И, должно быть, увидев в ней свое отражение, вдруг отшатнулся и потер ладонью заросший щетиной подбородок.

— Вид у меня жуткий. Неудивительно, что Бернис без конца цепляется ко мне.

Он извинился и вышел. Я тоже посмотрелся в стекло. Не могу сказать, чтобы я выглядел наилучшим образом. Рано утром я не так быстро соображаю, но одну не совсем приятную мысль мне все же удалось смутно сформулировать: Сэнди была связующим звеном в несложившемся браке, а я — связующим звеном в сложившейся на данный момент ситуации.

В кабинет неслышно вошла миссис Себастиан и остановилась подле меня перед самой витриной.

— Увы, я вышла замуж за бойскаута,— сказала она.

— Бывают и более печальные судьбы.

— Назовите хоть одну. Моя мать предостерегала меня против красивых мужчин. Выходи замуж за умного, говорила она. Но я ее не послушалась. Бросила карьеру манекенщицы, хотя я и сейчас могу рассчитывать на свои достоинства.— И она провела рукой вдоль бедра.

— С личными достоинствами у вас все в порядке. К тому же вы еще и откровенны.

— Поняла за эту ночь, что надо быть откровенной.

— Покажите мне дневник вашей дочери.

— Ни за что!

— Вам стыдно за нее?

— За себя,— сказала она.— Да разве дневник сможет рассказать вам больше, чем я?

— Сможет. Например, спала ли она с этим молодым человеком или нет?

— Конечно, нет,— сказала она, и лицо ее вспыхнуло от гнева.

— Или с кем-нибудь другим?

— Чушь! — Но тут ее лицо помертвело.

— Да или нет?

— Конечно, нет. Сэнди удивительно невинна для своего возраста.

— Или была. Впрочем, будем надеяться, что осталась. Бернис Себастиан отступила на более твердые позиции:

— Я, то есть мы, наняли вас не для того, чтобы вы копались в личных делах моей дочери.

— Вы меня пока не наняли, миссис Себастиан. А в таком рискованном деле, как ваше, я хотел бы получить задаток.

— Что значит «рискованном»?

— Ваша дочь в любую минуту может вернуться домой. Или вы с мужем вдруг передумаете...

Она остановила меня, нетерпеливо взмахнув рукой:

— Хорошо. Сколько вы хотите?

— За два дня работы и на непредвиденные расходы. В общем, двести пятьдесят долларов.

Она села к письменному столу, достала из среднего ящика чековую книжку и выписала чек.

— Что еще?

— Ее последние фотографии.

— Посидите, я сейчас принесу.

Когда она ушла, я просмотрел корешки чековой книжки. После выплаты мне гонорара, на счету у Себастианов останется меньше двухсот долларов. Их великолепный новый дом, нависший над крутым обрывом, являл собой точное отражение их жизни.

Миссис Себастиан вернулась с целым ворохом фотографий. Темноволосая, в мать, Сэнди выглядела на них серьезной девочкой. Большинство фотографий фиксировало ее в действии: вот она скачет верхом, едет на велосипеде, стоит на вышке, приготовившись нырять в воду, целится из ружья двадцать второго калибра, точной копии одного из выставленных в витрине. Держала она его со знанием дела.

— Кстати, миссис Себастиан, насчет стрельбы из ружья. Это увлечение самой Сэнди?

— Нет, мужа. Это отец приучил его к охоте. И Кит решил передать великую семейную традицию дочери. — Голос ее звучал насмешливо.

— Она ваша единственная дочь?

— Совершенно верно. Сыновей у нас тоже нет.

— Можно мне осмотреть ее комнату?

Мать заколебалась.

— Что вы надеетесь там найти? Следы разгульной жизни? Наркотики?

Она старалась сохранить насмешливый тон, но я понял смысл ее вопросов. В комнатах молодых людей я находил вещи и более странные.

Комната Сэнди была полна солнечного света и свежего нежного аромата. Я нашел там очень много такого, что

и ожидал найти в комнате невинной серьезной старшеклассницы. Груды свитеров и юбок, школьные учебники и несколько хороших романов, вроде «Сильный ветер на Ямайке». И целый зверинец мягких игрушек. Вымпелы привилегированных учебных заведений, розовую, всю в оборочках сумочку, полную разнообразной косметики. Фотографию другой юной школьницы. Она улыбалась из серебряной рамки на стене.

— А это кто?

— Лучшая подруга Сэнди, Хейди Генслер.

— Я хотел бы поговорить с ней.

Миссис Себастиан снова заколебалась. Эти ее колебания тянулись недолго, но в них постоянно чувствовалась какая-то хмурая напряженность, словно она далеко вперед рассчитывала каждый свой шаг в крупной игре.

— Генслеры ничего не знают о случившемся, — сказала она.

— Не можете же вы разыскивать свою дочь и одновременно держать от всех в тайне, что она пропала. Генслеры — ваши друзья?

— Просто соседи. А девочки и в самом деле очень дружат. — Неожиданно она приняла решение. — Я попрошу Хейди заглянуть к нам перед школой.

— Почему не прямо сейчас?

Она вышла из комнаты. Я спешно осмотрел все возможные тайники: заглянул под овальный розовый коврик из овечьей шерсти, поглядел между матрасами, на верхней полке в стенном шкафу, под бельем в комод. Перелистал и перетряхнул несколько книг. Из «Сонетов с португальского» выпорхнул листок бумаги.

Я поднял его с коврика. Это был кусок линованной тетрадной страницы. На нем кто-то ровными черными буквами вывел:

Послушай, моя пташка, ты делаешь мне больно,
Размахивая крыльями у меня в крови.
Пожалуй, лучше вскрыю себе вены,
И выпущу на волю пташку из крови.

Миссис Себастиан наблюдала за мной, стоя в дверях.

— Вы тщательно работаете, мистер Арчер. Что это такое?

— Стишок. Интересно, не Дэйви ли его написал?

Она выхватила листок у меня из рук. Прочитала.

— Мне это кажется бессмыслицей.

— А мне нет.— Я выхватил его назад и спрятал в бумажник.— Хейди придет?

— Немного погодя. Она как раз кончает завтракать.

— Прекрасно. У вас есть какие-нибудь письма от Дэйви?

— Конечно, нет!

— Он мог писать Сэнди. Хорошо бы узнать, его ли рукой написано это стихотворение.

— Понятия не имею.

— Я уверен, что да. А фотография Дэйви у вас есть?

— Откуда у меня может быть его фотография?

— Оттуда же, откуда у вас дневник вашей дочери.

— Вам непременно надо тыкать мне этим в лицо?

— Да нет. Просто было бы полезно прочитать его. Это очень бы помогло.

Она снова отдалась во власть мрачных сомнений. Напряженный взгляд ее устремился вперед, за кривую будущего.

— Так где же дневник, миссис Себастиан?

— Его больше нет,— осторожно начала она.— Я его уничтожила.

Я понял, что она лжет, и даже не попытался скрыть этого от нее.

— Каким образом?

— Разжевала и проглотила, если угодно знать. А теперь извините меня. У меня страшно болит голова.

Она остановилась в дверях, ожидая, пока я покину комнату. Потом закрыла и заперла ее. Замок на двери был новый.

— Чья это была мысль — поставить замок?

— В общем-то, Сэнди. Последние месяцы она все больше искала независимости. Даже больше, чем надо.

Она ушла в другую спальню и захлопнула дверь. Себастиана я нашел снова в кухне за чашкой кофе. Он уже успел умыться, побриться и пригладить свои выющиеся каштановые волосы. Был в пиджаке, при галстукe и при улыбке.

— Хотите еще кофе?

— Нет, спасибо.— Я вынул маленький черный блокнот и сел рядом с ним.— Можете описать Дэйви?

— Мне он показался юным убийцей.

— Но убийцы бывают разной комплекции. Какого он примерно роста?

— Почти как я. Во мне около шести футов.

— А вес?

— Тяжеловат, наверное, фунтов двести.

— Атлетически сложен?

— Я так и думал, что вы это спросите.— В его голосе зазвучали ноты угрюмого соперничества.— Но я положил бы его на обе лопатки.

— Не сомневаюсь. Опишите его лицо.

— Недурен собой. Но взгляд озлобленный.

— Был озлобленный до того, как вы пообещали разнести ему башку, или после?

Себастиан привстал:

— Послушайте, если вы держите не нашу сторону, тогда за что, спрашивается, мы должны вам платить?

— Именно за это,— сказал я,— а также за кучу скучных вопросов. Вы что, думаете, мне нравится такое времяпрепровождение?

— Мне тоже не нравится.

— Но дело-то касается вас. Какого цвета у него волосы?

— Светлые.

— Длинные?

— Короткие. Наверное, его остригли в тюрьме.

— Глаза голубые?

— По-моему, да.

— Борода, усы?

— Нет.

— Как он был одет?

— Обычно, как все они одеты. Узкие брюки, которые держатся на бедрах, выцветшая голубая рубашка, сапоги.

— А как он говорит?

— Как? Языком.— Себастиан был уже на пределе.

— Как человек образованный или необразованный? Как хиппи или нормально?

— Не берусь судить, я недолго его слушал. Он вышел из себя. Мы оба вышли из себя.

— К кому бы вы его причислили?

— К шпане. К опасной шпане.— Он вдруг как-то быстро развернулся и глянул на меня, сделав большие глаза, будто и его отнесли к этой же категории.— Извините, мне пора в офис. У нас назначено важное совещание по программе на будущий год. А затем я собираюсь на обед с мистером Хэкеттом.

Но прежде чем он ушел, я выудил из него описание машины его дочери. Двухдверный «дарт» выпуска прошлого года, светло-зеленый, зарегистрирован на его имя. Он не согласился, чтобы я внес «дарт» в официальный список

угнанных автомобилей. А также сообщить об этом в полицию.

— Вы даже представить себе не можете, что это значит в моей должности,— сказал он.— У меня должна быть безупречная репутация. Стоит ей пошатнуться, и я полечу вниз. Клиенты нашего банка должны полностью мне доверять.

Он укатил в новом «олдсмобиле», который, судя по корешку в его чековой книжке, стоил ему сто двадцать долларов в месяц.

Глава 3

Несколько минут спустя я впустил в дом Хейди Генслер. Она оказалась аккуратным на вид подростком с соломенными волосами, которые падали на ее тонкие плечи. Никакой косметики. В руках сумка с учебниками.

Во взгляде ее светло-голубых глаз сквозила неуверенность.

— Это вы хотели поговорить со мной?

— Да,— сказал я.— Моя фамилия Арчер. Входите, мисс Генслер.

Она посмотрела мимо меня в глубину дома.

— Что случилось?

Из своей комнаты в розовом воздушном одеянии появилась миссис Себастиан.

— Входи, Хейди, дорогая, не бойся. Очень мило, что ты пришла.— Однако голос ее звучал не слишком приветливо.

Хейди вошла. Она чувствовала себя очень неловко.

— Что-нибудь случилось с Сэнди?

— Мы еще не знаем, дорогая. Я могу открыть тебе все обстоятельства, но только при одном условии: ты обещаешь никому ничего не рассказывать ни в школе, ни дома.

— Конечно, не расскажу. Я никогда не рассказываю.

— Что ты хочешь этим сказать, дорогая: «никогда не рассказываю»?

Хейди прикусила губу:

— Хочу... Ничего не хочу.

Миссис Себастиан устремилась к ней, подобно розовой птице с вытянутой вперед темной головкой.

— Ты знала, что Сэнди встречается с молодым человеком?

— Я не могла этому помешать.

— И нам ничего не сказала? Разве так поступают друзья, моя милая?

— Я дружу только с Сэнди,— чуть не плакала девочка.

— Ладно. Хорошо. Тогда, значит, ты поможешь нам благополучно вернуть ее домой, правда?

Девочка кивнула.

— Она что, сбежала с Дэйви Спеннером? Прежде, чем ты ответишь, вспомни, ты должна дать обещание никому ничего не рассказывать.

— Вряд ли в этом есть необходимость, миссис Себастиан,— вмешался я.— К тому же вопросы я предпочел бы задавать сам.

— А откуда мне знать, что вы не скажете лишнего? — повернулась она ко мне.

— Ниоткуда. И вообще в сложившейся ситуации ничего предусмотреть нельзя. Поэтому не лучше ли вам уйти и предоставить мне разобраться во всем?

Миссис Себастиан уйти отказалась. Она готова была испепелить меня. Но меня это мало волновало. Я сразу понял, что в данном случае я вряд ли обрету друзей и очень немного заработаю.

Хейди тронула меня за рукав.

— Мистер Арчер, не подвезете ли вы меня в школу? Когда Сэнди нет, мне не на чем ехать.

— С удовольствием. Когда надо выехать?

— Да хоть сейчас. Если я приезжаю задолго до первого урока, я успеваю повторить домашнее задание.

— Вчера Сэнди отвозила вас в школу?

— Нет. Я ехала на автобусе. Она позвонила мне утром, примерно в это же время. Сказала, что в школу не поедет.

Миссис Себастиан прислушалась.

— А она сказала тебе, куда едет?

— Нет.

Лицо девочки приобрело замкнутое, неприступное выражение. Если она и знала что-то еще, матери Сэнди она не собиралась об этом докладывать.

— По-моему, ты лжешь, Хейди,— сказала миссис Себастиан.

Девочка вспыхнула, на глаза ее навернулись слезы.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать. Вы мне не мать.

Я снова вмешался. Мне было ясно, что ничего представляющего интерес в этом доме не будет сказано.

— Пойдемте,— сказал я девочке.— Я подвезу вас до школы.

Мы вышли на улицу, сели в мою машину и поехали вниз с холма в сторону автострады. Хейди сидела совершенно спокойно, но сумку с учебниками положила на сиденье между нами. Возможно, вспомнила, что садиться в машину с незнакомым мужчиной не полагается.

— Миссис Себастиан всегда обвиняет меня, — спустя минуту заметила она. — Это несправедливо.

— Обвиняет? В чем?

— Во всем, что делает Сэнди. Но если Сэнди мне все рассказывает, это еще не значит, что я несу ответственность за ее поступки.

— Что значит все?

— Ну хотя бы про Дэйви. Не могу же я бегать к миссис Себастиан и сообщать все, что мне сказала Сэнди. Я не доносица.

— Но вы совершили кое-что более недопустимое.

Я задел ее честь, и она ответила с вызовом:

— Что, например?

— Вы позволили своей лучшей подруге попасть в беду и пальцем не пошевелили, чтобы остановить ее.

— Ничего я не позволяла. Разве я могла удержать ее? К тому же она вовсе не попала в беду. В том смысле, в каком вы говорите.

— А я вовсе и не говорю про то, что у нее будет ребенок. Это еще не самое худшее из всего, что может случиться с девушкой.

— А что самое худшее?

— Жизнь ее может оборваться раньше, чем она захочет иметь ребенка. Или она вдруг чересчур быстро повзрослеет.

Хейди тоненько пискнула, словно маленький испуганный зверек. И произнесла приглушенным голосом:

— Что-то в этом роде и случилось с Сэнди. Откуда вы узнали?

— Я уже не раз видел, что случалось с девушками, которые были слишком нетерпеливы. Вы знакомы с Дейви?

— Я его видела, — не сразу ответила она.

— Что вы о нем думаете?

— Он, конечно, личность впечатляющая, — осторожно сказала она. — Но не думаю, что он подходит Сэнди. Он груб и необуздан. По-моему, он какой-то одержимый. А Сэнди совсем другая. — Она помолчала, задумавшись. — Беда, которая с ней случилась, уже случилась.

— Вы хотите сказать, что она влюбилась в Дэйви?

— Нет, я имею в виду другого человека. По сравнению с ним Дэйви Спеннер не такой уж плохой.

— Кто он?

— Сэнди не называла его и вообще не хотела говорить о нем.

— Откуда же вы тогда знаете, что Дэйви лучше?

— Нетрудно догадаться. Сэнди сейчас спокойнее, чем прежде. Раньше она все время говорила о самоубийстве.

— А когда это раньше?

— Летом. До начала школьных занятий. Она собиралась войти в воду у Зума-Бич и уплыть в открытый океан. Я отговорила ее от этого.

— Что же ее мучило? Любовные дела?

— Можно сказать и так.

Больше Хейди мне ничего не поведала. Она дала Сэнди торжественную клятву: ни слова ни о чем. И уже нарушила ее, сообщив мне кое-что.

— Вам случалось видеть ее дневник?

— Нет. Я знаю, что она вела дневник. Но она никогда никому его не показывала. — Она повернулась ко мне и натянула юбку на колени. — Можно мне задать вам вопрос, мистер Арчер?

— Пожалуйста.

— Что случилось с Сэнди? На этот раз?

— Не знаю. Двадцать четыре часа назад она уехала из дому. Накануне вечером мистер Себастиан помешал ее свиданию с Дэйви в Западном Голливуде. Он насильно увез ее домой и на всю ночь запер в комнате.

— Чего же тогда удивляться, что Сэнди ушла из дому? — спросила Хейди.

— Между прочим, она прихватила с собой отцовскую двустволку.

— Зачем?

— Не знаю. Зато мне стало известно, что за Дэйви числится преступление.

Девочка не отреагировала на мой скрытый вопрос. Она сидела, уставившись на свои кулаки, зажатые между коленок. Мы спустились с холма и направились к Вентура-бульвару.

— Как вы думаете, мистер Арчер, она сейчас с Дэйви?

— Именно это я и собираюсь узнать. Куда дальше ехать?

— Одну минуту. Остановитесь у обочины.

Я припарковал машину в по-утреннему густой тени

зеленого дуба, которому каким-то образом удалось уцелеть, когда прокладывали автостраду и проезжую улицу.

— Я знаю, где живет Дэйви,— сказала Хейди.— Сэнди однажды брала меня с собой в его берлогу.— Она употребила это жаргонное словечко с оттенком гордости, будто оно доказывало, что она уже взрослая.— Он живет в «Лорел Апартаментс» в Пасифик Пэлисейдс. Сэнди сказала мне, что квартира там ему ничего не стоит, потому что он присматривает за бассейном и обслуживающим персоналом.

— Что произошло, пока вы там были?

— Ровным счетом ничего. Мы просто сидели и болтали. Шел очень интересный разговор.

— О чем же вы болтали?

— О том, как сейчас живут люди. Об ужасных нравах.

Я предложил Хейди довести ее до самой школы, но она сказала, что поедет на автобусе. Я высадил ее на углу, и она осталась стоять там — нежное создание, словно потерянное в этом мире высоких скоростей и низкой морали.

Глава 4

На углу Сансет-бульвара я съехал с Сепульведы и направился на юг к центру Пасифик Пэлисейдс. Свернув налево по Чотоква, я очутился на Элдер-стрит, полого спускавшейся к морю.

«Лорел Апартаментс» оказался одним из новых и не-больших жилых домов в этом районе. Я оставил машину у обочины и вошел во внутренний двор.

Сверкал на солнце плавательный бассейн. Кустарник в саду был аккуратно подстрижен. В зеленой листве рдели красные цветы боярышника и пурпурные головки багрянки.

Из квартиры на первом этаже появилась женщина, сама похожая на красный боярышник. В ярком платье, оранжевом с черным, босая, она двигалась так, будто привыкла, что за каждым ее движением следят. Ее красивое лицо казалось чуть грубоватым под шапкой крашенных волос. Ноги у нее были стройные и загорелые.

Приятным уверенным голосом — судя по произношению, в колледже ей не довелось учиться,— она спросила, что мне угодно.

— Вы здесь хозяйка?

— Да. Меня зовут миссис Смит. Это мой дом. Но свободных квартир в данный момент у меня нет.

Я назвал ей себя.

— С вашего разрешения я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— О чем?

— У вас служит некий Дэйви Спеннер.

— Разве?

— Насколько мне известно, служит.

Вяло пытаюсь защититься, она сказала:

— Неужели хотя бы для разнообразия нельзя оставить его в покое, а?

— Да я его и в глаза никогда не видел.

— Но вы же полицейский, разве нет? Если наступать все время ему на пятки, он наверняка опять свернет с правильного пути. Вы этого добиваетесь? — Голос ее низкий, но сильный рокотал, точно пылающий горн.

— Нет, и к тому же я не из полиции.

— Значит, из отдела по надзору за условно осужденными? Для меня это все одно. Дэйви Спеннер — хороший мальчик.

— И у него есть, по крайней мере, один хороший друг, — заметил я, надеясь изменить тон беседы.

— Если вы имеете в виду меня, вы не ошиблись. А что вам надо от Дэйви?

— Всего лишь задать ему несколько вопросов.

— Задайте их мне.

— Хорошо. Вы знакомы с Сэнди Себастиан?

— Встречались. Очень миленькая девушка.

— Она сейчас здесь?

— Она здесь не живет. Она живет со своими родителями где-то в районе Вудлэнд Хиллс.

— Вчера утром она исчезла из дому. Здесь она была?

— Вряд ли.

— А Дэйви?

— Я еще не видела его сегодня утром. Я сама только что встала. — Она задрала голову и посмотрела на небо, как женщина, которая любит свет, но не всегда имеет возможность им наслаждаться. — Значит, вы все-таки полицейский?

— Частный детектив. Меня нанял отец Сэнди. Надеюсь, вы будете благоразумны и дадите мне поговорить с Дэйви.

— Говорить буду я. Вы же не хотите, чтобы он прогнал вас.

Она проводила меня до маленькой квартиры в задней части дома рядом со входом в гараж. На белой карточке на двери было написано «Дэйви Спеннер» точно тем же почерком, что и стихи, выпавшие из книги Сэнди.

Миссис Смит легко постучала и, не получив ответа, окликнула:

— Дэйви!

Из-за двери послышались голоса: молодой мужской голос и затем голос девушки, от которого ни с того ни с сего мое сердце часто забилося. Я услышал мягкие шаги. Дверь отворилась.

Ростом Дэйви был не выше меня, но плотнее, он закрыл собой весь дверной проем. Мускулы его так и ходили под черной футболкой. Он сердито посмотрел вверх на солнце, будто был им когда-то отвергнут.

— Я тебе нужен?

— Твоя девушка у тебя? — В голосе миссис Смит прозвучала нота, которую я не совсем понял. Не ревнует ли она, подумал я.

По-видимому, Дэйви уловил эту ноту.

— Что-нибудь случилось?

— Вот этому джентльмену кажется, что да. Он говорит, что твоя девушка пропала.

— Как это пропала? Она здесь. — Голос его звучал монотонно, он старался сдерживаться. — Вас, конечно, прислал ее отец? — обратился он ко мне.

— Угадали.

— Вернитесь и скажите ему, что сейчас двадцатый век, вторая его половина. Может, и были времена, когда старику отцу удавалось, заперев дочь на замок, совладать с нею. Да только те дни давно миновали. Так и передайте старику Себастиану.

— Он вовсе не старик. Но сильно постарел за последние двадцать четыре часа.

— Прекрасно. Чтоб ему сдохнуть! Сэнди того же ему желает.

— Могу я поговорить с нею?

— Даю вам одну минуту, не больше. — Потом, повернувшись к миссис Смит, он добавил: — Пожалуйста, уйди пока отсюда.

Он говорил с нами обоими очень властно, и эта власть казалась почти маниакальной. Видимо, женщина это почувствовала. Не возражая и не оглядываясь, она пошла прочь через двор, словно считала нужным потакать ему.

Когда она присела возле бассейна, я снова задал себе вопрос: кем он работает у нее?

Загородив дверной проем своим телом, он повернулся и позвал девушку:

— Сэнди! Пойди сюда на минутку!

Она подошла к двери. Темные очки скрывали выражение ее лица. Как и Дэйви, она была в темной футболке. Рванувшись вперед, она всем телом прильнула к Дэйви с той откровенностью, на которую способны лишь очень молоденькие девушки. Лицо ее было бледным и каким-то застывшим, и, когда она говорила, губы едва шевелились.

— Я, по-моему, с вами незнакома.

— Меня прислала ваша мать.

— Чтобы утащить меня опять домой?

— Ваши родители, естественно, интересуются вашими намерениями. Если они у вас есть.

— Передайте им, что очень скоро они станут им известны.

Злости, как полагалось бы в этом случае, в ее голосе я не слышал. Он звучал ровно и монотонно. Глаза за темными стеклами очков, казалось, были устремлены не на меня, а на Дэйви.

Они оба были охвачены какой-то страстью. Вокруг них словно что-то дымилось, пахло чем-то паленым, как возле детей, которые играют со спичками.

Я не знал, как говорить с ними.

— Ваша мать плохо себя чувствует... из-за всей этой истории, мисс Себастиан.

— Ей будет еще хуже.

— Это звучит как угроза.

— Так и есть. Могу поручиться, ей будет еще хуже.

— Не говори больше ничего,— затряс головой Дэйви.— К тому же его минута прошла.— Он нарочито сверился с часами на руке, и я уловил, что у него в голове: обширные планы, сложные военные действия, путаные выкладки, не имеющие ничего общего с реальной действительностью.— Ваша минута истекла. До свидания!

— И здравствуйте вновь. Мне нужна еще минута, а может, две.— Не то, чтобы я нарочно злил молодого человека, но и не боялся сделать это. Мне важно было узнать, до какого накала способна дойти его злость.— Сделайте одолжение, мисс Себастиан, снимите очки, чтобы я мог видеть ваше лицо.

Она взялась обеими руками за очки и подняла их. Во взгляде ее горящих глаз сквозила потерянность.

— Надень очки,— приказал Дэйви.

Она подчинилась.

— Ты слушаешься только меня, птичка. Больше никого.— Он резко повернулся ко мне: — А что касается вас, я хочу, чтобы вы убрались с глаз долой. Сию же минуту. Это — приказ.

— Вы еще не в том возрасте, чтобы отдавать приказы. Я уеду, но мисс Себастиан поедет со мной.

— Вы так думаете? — Он втолкнул ее назад в комнату и захлопнул дверь.— Она никогда не вернется в этот застенок.

— Лучше жить в застенке, чем под одной крышей с психом.

— Я не псих!

В подтверждение своих слов он размахнулся и нацелил кулак мне в голову. Я отклонился, и кулак проехал мимо. Но очень быстро последовал удар левой, который пришелся мне по шее. Я зашатался и отступил в сад, пытаясь удержать в равновесии качающееся над головой небо. Каблуком я задел за край бетонированного барьера вокруг бассейна и затылком стукнулся о бетон.

Дэйви вырос между мною и небом. Я откатился в сторону. Он пнул меня ногой. Раз, другой. В спину. Я кое-как поднялся и начал наступать на него. С таким же успехом я мог бы схватиться врукопашную с медведем. Он оторвал меня от земли и поднял в воздух.

— Стоп! — закричала миссис Смит. Можно было подумать, что она в самом деле обращается к непослушному зверю.— Тебе что, захотелось обратно в тюрьму?

Он замер, не выпуская меня из своих медвежьих объятий, от которых у любого перехватило бы дыхание. Рыже-волосая женщина подошла к крану, и из шланга брызнула вода. Всю силу струи она направила на Дэйви. На меня тоже попало.

— Отпусти его.

Дэйви опустил меня на землю. Женщина не отвела шланг, она целилась ему прямо в грудь. А он и не пытался увернуться. Он следил за мной. А я следил за зеленым кузнечиком, который, словно неуклюжий крошка-человечек или скорее карикатура на человека, пересекал образовавшуюся на бетоне лужу.

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям, да поскорее! — бросила мне через плечо женщина.

Меня оскорбили не только действием, но и словесно, и тем не менее я ушел. Правда, недалеко: за угол, где

оставил машину. Я объехал квартал и снова припарковался на полого спускавшейся вниз улочке повыше «Лорел Апартаментс». Мне не были видны ни внутренний двор, ни двери, выходящие в него. Но вход в гараж был как на ладони.

Я сидел в машине и в течение получаса не спускал с него глаз. Мои разгоряченные и раненые чувства постепенно остыли. Лишь пинок в спину давал себя знать.

Я никак не ожидал, что меня так просто застать врасплох. Это означало, что либо я уже старею, либо Дэйви — крепкий орешек. Мне не понадобилось и полчаса, чтобы прийти к заключению: пожалуй, верно и то и другое.

Улица, на которой я стоял, называлась Лос Баньос-стрит. Это была довольно красивая улица с целым рядом новых особняков, расположенных один над другим по склону холма. Каждый разительно отличался от остальных. Хотя бы вот тот, что стоял от меня через улицу и в котором были задернуты шторы — в его фасад была вписана десятифутовая плита вулканического происхождения. На подъездной аллее стоял новый «кугар».

Из дома вышел мужчина в пиджаке из мягкой кожи. Он открыл багажник и достал оттуда маленький плоский диск, который меня сразу заинтересовал, потому что был похож на магнитофонную катушку. Мужчина заметил, что привлек мой интерес, и засунул диск в карман пиджака.

Но этого ему показалось мало. С чванливо-властным видом он перешел на мою сторону улицы. Это был рослый, плотный мужчина. Его лысую голову покрывали веснушки. Пронзительные колючие глаза на широком обвислом лице казались так же не к месту, как гравий в горчице.

— Вы где-то здесь живете, дружище? — обратился он ко мне.

— Нет, просто остановился, чтобы наблюдать. А по-вашему, стоять может только тот, кто здесь проживает?

— Мы не любим, когда тут крутятся чужие люди. Поэтому будьте любезны уехать.

Я не хотел привлекать к себе внимание. И отъехал, прихватив в памяти номер «кугара» и номер дома — 702 по Лос Баньос-стрит.

У меня хорошо развито чувство времени, или это время так умело распорядилось мной, не знаю, но только моя машина тронулась с места, как из гаража «Лорел Апартаментс» выехал задним ходом светло-зеленый «дарт». Когда, съезжая вниз с холма, машина свернула в сторону прибрежного шоссе, я увидел за рулем Сэнди, а рядом на

сиденье Дэйви. Я последовал за ними. Они выехали на шоссе и на углу Сансет-бульвара проскочили на желтый свет, оставив меня скрежетать зубами от злости перед красным.

Я мчался до самого Малибу, стараясь их догнать, но безуспешно. И вернулся обратно в «Лорел Апартаментс» на Элдер-стрит.

Глава 5

Табличка на двери квартиры номер один гласила: «Миссис Лорел Смит». Она приоткрыла дверь, не снимая цепочки, и зарычала:

— Ну что, заставили его уехать? Теперь, надеюсь, довольны?

— Вы хотите сказать, что они уехали навсегда?

— Не желаю я с вами разговаривать.

— Напрасно. Я вовсе не хочу ему неприятностей, но они могут быть. Если Дэйви Спеннер получил условный срок, то он не оправдал его, набросившись на меня.

— Сами запросились.

— Это еще как посмотреть. Вы явно на стороне Дейви. А коли так, вам лучше быть моим союзником.

Она задумалась.

— Союзником в чем?

— Мне нужна девушка. Если я заполучу ее в приемлемом состоянии в приемлемое время — то есть сегодня, — я не стану доносить на Дэйви. А если нет, стану.

Она сняла дверную цепочку.

— Ладно, мистер Бог, входите. В доме беспорядок, но вы и сами не в лучшем виде.

Она улыбнулась одной стороной рта и одним глазом. Ей, наверное, хотелось злиться на меня и дальше, но в ее жизни все было так перепутано, что она сама не знала, злиться ей дальше или нет. Кое-ю чем в ее жизни я мог догадаться по ее дыханию — она пила.

Часы над камином показывали половину одиннадцатого. Их прикрывал стеклянный колпак, словно Лорел Смит хотела защитить себя от бег времени. От остальных вещей — разбросанных повсюду журналов и разных безделушек — гостиная с чересчур мягкой мебелью оставляла ощущение нежилой. Она скорее смахивала на приемную, где вам не дано расслабиться из боязни, что в любую минуту вас вызовет дантист. Или психиатр.

В углу комнаты работал маленький телевизор. С выключенным звуком. Лорет Смит, как бы извиняясь, заметила:

— Я никогда раньше не смотрела телевизора. Но этот я выиграла на конкурсе две недели назад.

— На каком конкурсе?

— Ну, знаете, один из этих телефонных конкурсов. Мне позвонили и спросили, как называется столица Калифорнии. Сакраменто, ответила я, и тогда мне сказали, что я выиграла портативный телевизор. Вот этот самый. Я подумала, что меня разыгрывают, но через час телевизор был здесь.

Она выключила телевизор. Мы сели на мягкий диван лицом друг к другу. Но в разных углах.

На журнальном столике между нами стоял невымытый стакан. В широком окне за спиной раскинулись синее море и синее небо.

— Расскажите мне про Дэйви.

— Особенно рассказывать нечего. Я наняла его месяца два назад.

— В каком качестве?

— Убирать, наводить здесь порядок. Ему нужна была работа с неполным рабочим днем, он собирается с начала года поступить в двухгодичный колледж. Вам, конечно, трудно в это поверить после утренней стычки, но, уверяю вас, он честлюбивый молодой человек.

— А вы знали, когда брали его на работу, что он побывал в тюрьме?

— Конечно, знала. Поэтому и заинтересовалась его судьбой. У меня самой хватало неприятностей в жизни...

— Нелады с законом?

— Я этого не говорила. И вообще давайте не будем обо мне, ладно? Мне немного повезло в торговле недвижимостью, вот и хочется сделать что-нибудь для других. Поэтому я и дала Дэйви работу.

— Вы хоть поговорили с ним перед этим?

— Уж будьте уверены, поговорила, — коротко рассмеялась она. — Этот мальчик и сам заговорит кого хочешь.

— На какой предмет?

— Да на любой. Главная его тема, что наша страна катится ко всем чертям. Может, он и прав. Он говорит, что тюрьма научила его видеть, где корень зла.

— Да, он у вас заправский адвокат. Из тех, что разглагольствуют в бильярдных.

— Ничего подобного, — встала она на его защиту. — Он

вовсе не болтун. И в бильярдных не околачивается. Он мальчик серьезный.

— А в чем его серьезность?

— Он хочет поскорее стать взрослым, настоящим мужчиной и делать что-нибудь полезное.

— Мне кажется, он вас морочит, миссис Смит.

— Нет. — Она тряхнула своей крашеной головой. — Меня он не морочит. Может быть, себя самого немного. Господи, проблем у него хватает. Я беседовала с офицером из отдела по надзору за условно осужденными... — Она замялась.

— Как зовут этого офицера?

— Забыла. — Она вышла в прихожую за телефонным справочником и посмотрела записи на обложке. — Мистер Белсайз. Вы его знаете?

— Мы встречались. Достойный человек.

Лорел Смит опустилась на диван ближе ко мне. Она, казалось, немного оттаяла, но глаза все еще выдавали настороженность.

— Мистер Белсайз признался мне, что это он дал Дэйви возможность выйти на свободу. Предложил выпустить его досрочно, понимаете? Сказал, что Дэйви может исправиться, а может и снова сорваться. А я ответила ему, что тоже готова рискнуть.

— То есть?

— Нельзя жить только для себя. Я поняла это. — Ее лицо вдруг засияло улыбкой. — Конечно, я играю с огнем, вы согласны?

— Куда уж больше. А Белсайз сказал, что с Дэйви такое?

— У него нервное расстройство. Когда разозлится, во всех видит врагов. Даже во мне. Хотя меня он и пальцем никогда не тронул. Да и никого до сегодняшнего утра.

— Или вы просто не знаете?

— Я знаю, что в прошлом ему сильно досталось, — сказала она. — Вот я и стараюсь помочь ему. Вы даже представить себе не можете, что выпало на долю этого мальчика: сиротский приют, приемные родители. Его то и дело перебрасывали из рук в руки. У него никогда не было своего дома. Он не знал ни отца, ни матери.

— Тем не менее он должен научиться держать себя в руках.

— Я знаю. По-моему, вы прониклись к нему сочувствием, а?

— Я сочувствую Дэйви, но это ему не поможет. Сейчас

он разыгрывает спектакль с этой юной девушкой. А ему надо вернуть ее домой. Ее родители могут навесить на него столько, что ему до старости не выбраться из тюрьмы.

Она прижала руку к груди.

— Этого нельзя допустить.

— Куда он мог ее увезти, миссис Смит?

— Не представляю себе.

Она провела рукой по рыжим волосам, затем поднялась и подошла к окну. Повернувшись ко мне спиной, она застыла перед широкой панорамой. Против света ее фигура казалась неживой.

— Раньше он приводил ее сюда? — обратился я к ее черно-оранжевой спине.

— На прошлой, нет, на позапрошлой неделе он привел ее, чтобы познакомиться со мной.

— Они собираются пожениться?

— Не думаю. Они еще такие юные. Я уверена, что у Дэйви совсем другие планы.

— Какие?

— Я же сказала вам, колледж и все такое прочее. Он хочет стать врачом или юристом.

— Ему сильно повезет, если он хотя бы избежит тюрьмы.

Она обернулась ко мне, стиснув руки с такой силой, что они хрустнули.

— Чем я могу помочь?

— Позвольте мне обыскать его квартиру.

Она с минуту молча глядела на меня, будто взвешивала, можно ли мне доверять.

— Пожалуй, это не мешает сделать.

Она достала ключи — тяжелую звякающую связку, похожую на браслет с чересчур большим количеством брелочков. Карточка с надписью «Дэйви Спеннер» исчезла с его двери. Это указывало на то, что возвращаться он не собирался.

Квартира была однокомнатной с двумя раскладными диванами, стоящими под углом друг к другу. На обоих диванах спали, и постели остались неприбранными.

— Не могу сказать, спали ли они вместе, — заметила миссис Смит.

— По-моему, спали.

Она бросила на меня тревожный взгляд.

— А что, разве девочка несовершеннолетняя?

— Нет. Но если он увез ее против ее воли или если она захочет уйти, а он применит силу...

— Я знаю, тогда это называется похищение — киднеппинг. Но Дэйви никогда так с ней не поступит. Она ему нравится.

Я открыл стеной шкаф. Он был пуст.

— У него вообще не так много одежды,— сказала она.— К одежде и тому подобному он почти равнодушен.

— А к чему не равнодушен?

— К машинам. Однако условный приговор не позволяет ему водить машину. Мне кажется, в этом одна из причин, почему он связался с этой девушкой. У нее машина.

— А у ее отца ружье. Но теперь оно у Дэйви.

Она резко повернулась.

— Почему вы мне ничего об этом не сказали раньше?

— А это так важно?

— Он может кого-нибудь застрелить.

— Кого именно?

— Он сам не знает кого.— Ответ прозвучал глупо.

— Тем лучше.

Я осмотрел всю квартиру. В маленьком холодильнике на крохотной кухне остались ломтики ветчины, сыр и молоко. На письменном столе у окна я нашел несколько книг: «Пророк», книгу про Кларенса Дарроу и еще одну про американского врача, построившего больницу в Бирме. На таком горючем далеко не уедешь.

Над письменным столом кнопками был прикреплен список из десяти заповедей-запретов. Написаны они были рукой Дэйви, я сразу узнал его почерк:

1. Не води машину.
2. Не пей спиртного.
3. Не засиживайся допоздна. Ночь — опасное время.
4. Не посещай злачных мест.
5. Не заводи случайных друзей.
6. Не сквернословь.
7. Не делай грамматических ошибок, когда говоришь.
8. Не сиди сложа руки, вздыхая о прошлом.
9. Не дерись.
10. Не выходи из себя, не считай, что вокруг одни враги.

— Видите, какой характер у мальчика? — спросила, подойдя ко мне, Лорел.— Он старается как может.

— Вы души в нем не чаете?

— Вам бы он тоже понравился, если бы вы узнали его получше,— вместо ответа сказала она.

— Возможно.

Эти правила поведения выглядели, пожалуй, трогательно, но я прочел их иными глазами, нежели Лорел. Юноша начинал понимать свою натуру и то, что он в себе открыл, ему было не по душе.

Я осмотрел его письменный стол. Он был пуст, лишь в глубине нижнего ящика застрял лист бумаги. Я разложил его на столе. Это оказался небрежно набросанный план ранчо или большого поместья. Подписи под всем, что находилось в усадьбе, были сделаны еще не оформившимся девичьим почерком: «главный дом», «гараж и квартира Л.», «искусственное озеро и плотина», «подъезд с шоссе», проходящий через «запертые ворота».

Я показал план Лорел Смит.

— Говорит вам это что-нибудь?

— Ничего.— Но глаза ее сузились и всмотрелись пристальнее.— А должно?

— Похоже, они тут что-то затеяли.

— А по-моему, просто дурачились.

— Или собираются кого-то одурачить.— Я сложил план и спрятал его во внутренний карман.

— Что вы собираетесь с этим делать? — спросила она.

— Отыскать это место. Если вы знаете, где оно, избавьте меня от лишних хлопот.

— Не знаю,— резко ответила она.— А теперь, если вы здесь закончили, меня ждут другие дела.

Она стояла в дверях, пока я не вышел. Я поблагодарил ее.

— Не нужна мне ваша благодарность,— мрачно показала она головой.— Послушайте, сколько вы возьмете, чтобы отстать от Дэйви? Бросьте это проклятое дело, а?

— Не могу.

— Глупости. Я дам вам пятьсот долларов.

— Нет.

— Тысячу? Тысячу наличными, без налогов.

— И не думайте.

— Тысячу и меня в придачу?

— Предложение заманчивое, но я не могу его принять. Вы забываете о девочке. Я не могу себе этого позволить.

— К черту девочку! И вас вместе с ней! — И она, звеня ключами, направилась к своей квартире.

Я вошел в гараж. У задней стены в темноте виднелся верстак, на нем валялись разные инструменты: молоток, отвертка, плоскогубцы, гаечные ключи, слесарная ножовка. К верстаку были прикручены небольшие тиски. Под самым

верстаком и вокруг на бетонированном полу рассыпалась смешанная с опилками блестящая металлическая стружка.

Вид этой стружки внушил мне подозрение. Я продолжал поиски и закончил их на стропилах гаража. Там я обнаружил завернутые в грязное махровое полотенце и закатанные в кусок ковра два ствола, которые Дэйви отпилил от украденного ружья.

Глава 6

Я положил стволы в багажник машины и поехал в свою контору на Сансет-бульвар. Оттуда я позвонил в «Сентениал банк» Киту Себастиану. Секретарша ответила, что он только что ушел обедать.

Я назначил встречу с Себастианом в середине дня и, чтобы не терять времени, перед уходом связался по телефону с Джейкобом Белсайзом.

Белсайз помнил меня. Когда я упомянул о Дэйви Спеннере, он тут же согласился встретиться со мной за обедом в ресторане неподалеку от места его работы на Южном Бродвее.

Он ждал меня в отдельном кабинете. Я не видел Джейкоба Белсайза несколько лет, за это время он постарел. Морщины вокруг его глаз и рта напоминали растрескавшуюся почву по краям лунки от высохшего водоема в пустыне.

Комплексный обед бизнесмена ценой в один доллар состоял из сэндвича с горячим ростбифом, жареной картошки и кофе. Мы с Белсайзом сделали заказ. Когда официантка отошла, он под гул переговаривающихся за едой посетителей ресторана и стук посуды спросил:

— Я не совсем понял вас по телефону. Что выкинул Дэйви на этот раз?

— Совершил нападение. Пнул меня ногой в поясницу.

Темные глаза Джейка блеснули. Он был один из тех добросовестных людей, которые никогда не перестают беспокоиться о своих подопечных.

— Вы намерены подать жалобу?

— Возможно. Однако за ним более тяжкий проступок, вот что вызывает тревогу. Имен называть не буду, мой клиент не разрешил. Его дочь школьница. Уже сутки ее нет дома. Эту ночь она провела с Дэйви в его квартире.

— А где они теперь?

— Разъезжают в ее машине. Когда я потерял их след, они ехали по прибрежному шоссе в сторону Малибу.

— Сколько лет девочке?

— Семнадцать.

— Не очень хорошо,— вздохнул он.— Но могло быть и хуже.

— Хуже некуда, если учесть все детали. Гораздо хуже.

— Хотелось бы знать детали. Что собой представляет девушка?

— Я видел ее всего две минуты. Я сказал бы, что она милая девушка, попавшая в беду. Судя по всему, у нее это вторая встреча с мужчиной. Первая, по словам ее подруги, завершилась попыткой к самоубийству. На этот раз может случиться кое-что посерьезней. Ручаться не могу, но полагаю, они с Дэйви подстрекают друг друга на какой-то безумный шаг.

Белсайз наклонился ко мне через стол.

— На что они, по-вашему, способны?

— Думаю, что они замышляют преступление.

— Какого рода преступление?

— И вы меня спрашиваете? Он же ваш подопечный.

Белсайз покачал головой, морщины на его лице сделались еще глубже, словно оценка им самого себя дала трещины.

— Мой-то мой, но не могу же я следовать за ним по пятам на улице или гнаться по шоссе. У меня сто пятьдесят подопечных, сто пятьдесят Дэйви Спеннеров. Они мне даже во сне снятся.

— Я понимаю, что вы не в силах следить за каждым шагом каждого из них,— сказал я.— Никто от вас этого и не требует. Я встретился с вами, чтобы услышать профессиональное мнение о Дэйви. За ним числятся преступления против личности?

— Нет, но он может их совершить.

— Даже убийство?

Белсайз кивнул.

— Дэйви в большой степени наделен подозрительностью. Когда он чувствует, что ему угрожает опасность или его хотят оттолкнуть, он теряет самообладание. Однажды он чуть на меня не накинулся в моей собственной конторе.

— Почему?

— Это случилось как раз перед вынесением ему приговора. Я рекомендовал, сказал я ему, чтобы его, несмотря на условный приговор, на шесть месяцев отправили в тюрьму.

Что-то в нем взорвалось, что-то связанное с прошлым. В чем дело, не знаю. У нас нет полного досье на Дэйви. Он потерял родителей и ранние годы жизни провел в сиротском приюте, пока его не взяли оттуда приемные родители. Во всяком случае, когда я ему объявил, что собираюсь сделать, он словно заново пережил предательство: от него снова все открестились. Он готов был убить меня. К счастью, я сумел успокоить его. Однако от своей рекомендации, чтобы он прошел испытательный срок в тюрьме, я не отказался.

— Для этого нужна убежденность.

Белсайз пожал плечами.

— Я и лечу с убежденностью. Я понял уже много лет назад, что должен идти на риск. Если я не рискну, не дам им шанс исправиться, я не могу ожидать, что они отыщут его сами.

Официантка принесла сэндвичи, и несколько минут мы были заняты едой. По крайней мере я. Белсайз лишь куснул свой сэндвич несколько раз, будто мы с Дэйви испортили ему аппетит, а потом и совсем отодвинул тарелку.

— Пора научиться не надеяться на многое,— сказал он.— Пора привыкнуть к мысли, что они не раз были биты до встречи со мной. Еще удар, и от них ничего не останется.— Он поднял голову.— Очень прошу вас, сообщите мне все факты касательно Дэйви.

— Боюсь, они вас не порадуют. И я не хочу, чтобы вы объявили розыск его и девочки. По крайней мере до тех пор, пока я не переговорю с моим клиентом.

— Чем тогда я могу быть вам полезен?

— Ответьте еще на несколько вопросов. Если вы поверили в Дэйви, почему вы все-таки рекомендовали посадить его на шесть месяцев в тюрьму?

— Ему это было необходимо. Он угонял машины, поддавшись порыву, импульсивно. Вероятно, уже в течение нескольких лет.

— Чтобы их продать?

— Нет, чтобы покататься. Он мне признался, когда у нас установилось взаимопонимание, что исколесил весь штат. Он сказал, что искал своих родителей, своих настоящих родителей. Я ему поверил. Мне очень не хотелось отправлять его в тюрьму, но я считал, что шесть месяцев пребывания под контролем дадут ему шанс остыть, он повзрослеет.

— Получилось?

— До некоторой степени. Он закончил среднюю школу, много читал сверх программы. Но, конечно, у него остаются нерешенные проблемы. Только бы он дал себе время.

— Проблемы, связанные с психикой?

— Я предпочел бы называть их жизненными проблемами, — сказал Белсайз. — У юноши ведь никогда не было никого и ничего своего — ни своих родителей, ни дома. Лично я считаю, что психиатр мог бы оказать ему помощь. Но психолог, который по нашей просьбе давал ему тесты, полагал, что вряд ли он оправдает возлагавшиеся на него надежды.

— По причине его неуравновешенности?

— Я никогда не спешу навешивать ярлыки на молодых людей. Мне неоднократно доводилось наблюдать подростковые кризы. В любом виде, о чем можно прочитать в учебнике по психологии. И нередко бывает, что, когда криз проходит, они меняются к лучшему. — Он положил руки на стол ладонями вверх.

— Или к худшему.

— Вы циник, мистер Арчер.

— Только не я. Я оказался одним из тех немногих, которые изменились к лучшему. Чуть к лучшему, честно говоря. Стал полицейским, а не нарушителем порядка.

Белсайз улыбнулся, и лицо его при этом сморщилось.

— А я еще не решил, с кем я. Мои подопечные говорят, что я полицейский. А в полиции меня считают защитником нарушителей. Но дело не в нас, верно?

— Вы представляете себе, куда мог поехать Дэйви?

— Куда угодно. Вы говорили с его хозяйкой? Я не помню ее фамилии, такая рыжеволосая женщина...

— Лорел Смит. Я говорил с ней. Откуда она вообще взялась?

— Через наше учреждение она предложила ему работу на неполный рабочий день. Это произошло два месяца назад, как раз когда он вышел из тюрьмы.

— А до этого она его знала?

— Не думаю. По-моему, она из тех женщин, которые любят помогать.

— А что она хочет взамен?

— Вы циник, — повторил он. — Люди часто делают добро, потому что это в их характере. По-моему, у миссис Смит тоже были неприятности.

— Почему вы так решили?

— О ней был запрос из полиции Санта-Тересы. Примерно тогда же, когда Дэйви вышел из тюрьмы.

— Официальный запрос?

— Полуофициальный. Помощник тамошнего шерифа, некий Флайшер, приезжал ко мне. Он хотел разузнать все, что нам известно о Лорел Смит и о Дэйви. Распространяться я не стал. Если откровенно, он мне не понравился. К тому же он не пожелал объяснить, зачем ему нужна эта информация.

— Вы навели справки о Лорел Смит?

— Нет. Я не считал это необходимым.

— Я бы на вашем месте навел. А где Дэйви жил до того, как попал в тюрьму?

— По окончании школы он год или немногим больше жил один. Летом на взморье, зимой перебивался случайными заработками.

— А до этого?

— У приемных родителей. У мистера и миссис Эдвард Спеннер. Он взял их фамилию.

— Можете вы мне сказать, где найти этих Спеннеров?

— Они живут в Западном Лос-Анджелесе. Вы найдете их адрес в телефонной книге.

— Дэйви продолжает поддерживать с ними отношения?

— Не знаю. Спросите их сами.

Официантка принесла счет, и Белсайз поднялся, чтобы уйти.

Глава 7

«Сентениал банк» занимал на Уилшир-бульвар новую двенадцатизатжную башню, одетую в стекло и алюминий. Лифт поднял меня в офис Себастиана на третьем этаже.

В приемной секретарша с фиалковыми глазами сказала мне, что Себастиан ждет меня.

— Но,— добавила она значительным тоном,— сейчас у него мистер Стивен Хэкетт.

— Сам великий босс?

Она нахмурилась и зашикала на меня.

— Мистер Хэкетт вернулся сюда после обеда с мистром Себастианом. Но он любит сохранять инкогнито. Я сама вижу его всего второй раз в жизни.— Она говорила так, будто речь шла о визите королевской особы.

Я присел на диван у стены. Секретарша встала из-за машинки и, к моему большому удивлению, села рядом со мной.

— Вы полицейский, или доктор, или еще кто-то в этом роде?

— Еще кто-то.

— Можете не говорить, если не хотите,— обиделась она.

— Согласен.

Она помолчала.

— Я очень беспокоюсь за мистера Себастиана.

— Я тоже. А почему вы решили, что я врач или полицейский?

— По тому, как он говорил о вас. Он ждет вас с нетерпением.

— Он не сказал почему?

— Нет, но сегодня утром я слышала, как он плакал у себя в кабинете.— И она показала на дверь в кабинет.— Мистер Себастиан вообще очень сдержанный человек. А тут плакал по-настоящему. Я вошла и спросила, не могу ли я чем-нибудь помочь. Он ответил, что ничем помочь нельзя, что его дочь очень больна.— Она повернулась и своими фиалковыми глазами заглянула мне в глаза.— Это правда?

— Возможно. Вы знаете Сэнди?

— Я ее видала. А что с ней?

Мне не пришлось сочинять диагноз. Из кабинета донеслись мягкие шаркающие шаги. Когда Себастиан открыл дверь, секретарша уже снова сидела за машинкой, являя собой постоянно не хуже гипсовой статуи в нише.

Стивен Хэкетт оказался благообразным мужчиной лет сорока, моложе, чем я предполагал. Его плотное тело смотрелось довольно элегантно в превосходно сшитом костюме из твида, приобретенном, скорей всего, на Бонд-стрит. Он прошелся по мне презрительным взглядом, словно на глаза ему попался предмет мебели, стоящий не на месте. Производил он впечатление человека, который несет бремя своего богатства так же, как иные носят ботинки на платформе.

Себастиану явно не хотелось с ним расставаться, а потому он попытался проводить его до лифта. Но уже в дверях Хэкетт обернулся, быстро подал Себастиану руку, бросив:

— Продолжайте работать в том же духе. До свидания.

Себастиан подошел ко мне, глаза его возбужденно горели.

— Это был мистер Хэкетт. Ему очень, очень нравится моя программа.

Его хвастовство было адресовано не только мне, но и секретарше.

— Я в этом нисколько не сомневалась, — отозвалась она. — У вас прекрасная программа.

— Конечно, но заранее ничего не знаешь.

Он пригласил меня в кабинет и закрыл дверь. Кабинет был небольшой, но находился в торце, а потому выходил окнами и на бульвар и на стоянку автомашин. Я глянул вниз и увидел, как Стивен Хэккетт сел в красную спортивную машину и укатил.

— Он превосходный автомобилист, — заметил Себастиан.

Его преклонение перед своим кумиром начинало раздражать меня.

— А еще чем он занимается?

— Он всегда на страже своих интересов. Но не слишком активно вмешивается в дела.

— Откуда у него деньги?

— Он унаследовал отцовское состояние. Марк Хэккетт был одним из нефтяных королей Техаса. Но Стивен Хэккетт делает деньги по-другому. За последние несколько лет, например, он откупил «Сентениал банк» и построил это здание.

— Повезло ему. Чертовски повезло.

Себастиан кинул на меня удивленный взгляд и сел за свой письменный стол. На нем стояли фотографии дочери и жены, а также лежала стопка рекламных проспектов. На верхнем старинным шрифтом было напечатано: «Мы бережем чужие деньги так же хорошо, как свои собственные».

Я ждал, пока Себастиан не вернется мыслями к своей беде. На это потребовалось время. Ему надо было оторваться от мира денег, в котором лучшее, на что можно рассчитывать, — это запродаться миллионеру. Я стал терпимее относиться к Себастиану, когда узнал, что он способен на слезы.

— Не более, чем несколько часов назад, я видел вашу дочь.

— Правда? С ней все в порядке?

— Физически, пожалуй, да. А душевно — не знаю.

— Где вы ее видели?

— Она была у своего приятеля в его квартире. Домой, боюсь, она не собирается. По-моему, она имеет зуб на вас и на вашу жену.

Я хотел, чтобы это прозвучало как вопрос. Себастиан

взял в руки фотографию дочери и долго изучал ее, как будто надеясь найти ответ.

— Дочь всегда меня обожала,— сказал он.— Мы были настоящими друзьями. До прошлого лета.

— Что случилось прошлым летом?

— Поворот на сто восемьдесят градусов — против меня, против нас обоих. Практически перестала с нами разговаривать. Только когда распалялась, позволяла себе в наш адрес разные выражения.

— Я слышал, у нее прошлым летом была какая-то любовная история.

— Любовная история? В ее возрасте?

— История оказалась несчастливой,— заметил я.

— Кто же он?

— Я надеялся услышать это от вас.

Выражение его лица снова изменилось. Челюсть отвисла. В глазах возникло нечто прятавшееся в подсознании.

— От кого вы об этом узнали? — спросил он.

— От ее подруги.

— Вы говорите о близких отношениях?

— Нет сомнений, что, начиная с прошлого лета, она состоит в близких отношениях с мужчинами. Да не расстраивайтесь вы так!

Однако он был расстроен. Вид у него сделался побитый, в глазах возник страх. Он положил фотографию Сэнди на стол лицом вниз, словно не хотел, чтобы дочь смотрела на него.

Я достал тот план, что нашел в ящике письменного стола Дэйви, и разложил его перед Себастианом.

— Посмотрите повнимательнее, пожалуйста. Прежде всего скажите, узнаете вы почерк?

— Похож на почерк Сэнди.— Он взял план в руки и вгляделся в него.— Да, я уверен, это рука Сэнди. Что это значит?

— Не знаю. Вам знакомо это место с искусственным озером?

Себастиан почесал в затылке. Длинный выющийся локон закрыл ему один глаз. Вид у него сделался хитрый и какой-то жалкий. Он осторожно убрал волосы со лба, но все равно остался жалким.

— Похоже на поместье мистера Хэкетта,— сказал он.

— Где оно находится?

— На холмах над Малибу. Место очень красивое. Не пойму только, зачем Сэнди понадобилось чертить план поместья? Вам приходит что-нибудь в голову?

— Кое-что. Но прежде чем мы поговорим об этом, я хочу показать вам ваше ружье, вернее, часть его.

— Что значит «часть»?

— Пойдемте на стоянку, и я вам покажу. В ваш офис мне не хотелось это приносить.

Мы спустились на лифте, вышли на улицу и направились к моей машине. Я открыл багажник и развернул жалкие останки — стволы от ружья.

Себастиан взял их в руки.

— Кто это сделал? — Он говорил потрясенно и разгневанно. — Неужели Сэнди?

— Больше похоже на Дэйви.

— Что за вандал! Это ружье стоило мне сто пятьдесят долларов.

— Не думаю, что это был вандализм. Скорее это наводит на более страшную мысль. Теперь почти с уверенностью можно сказать, что в руках у Дэйви обрез. Сопоставьте это с планом дома Хэкеттов, который начертила Сэнди...

— Господи боже, неужели вы считаете, что они собираются его ограбить?

— Пока я считаю, что его следует предупредить о такой возможности.

Себастиан сделал было шаг к зданию банка, затем снова повернулся ко мне. Он исходил тревогой, она выплескивалась через край.

— Нет, нет, исключено. Не заставляйте меня. Не могу же я сказать ему, что моя собственная дочь...

— Но ведь она начертила план. Она что, хорошо знает это место?

— Очень хорошо. Хэкетты всегда были очень добры к Сэнди.

— Вам не кажется, что вы обязаны их предупредить?

— В данный момент вовсе нет. — Он бросил останки ружья обратно в багажник, где они громко звякнули. — Нам же неизвестно наверняка, замышляют они что-либо или нет. По правде говоря, чем больше я об этом думаю, тем менее правдоподобным мне это кажется. Неужели вы хотите, чтобы я отправился туда и погубил себя в глазах Хэкеттов, не говоря уж о Сэнди...

— Она скорее погибнет, если ее приятель совершит вооруженный налет на Хэкеттов. И вы тоже.

Он глубоко задумался, глядя себе под ноги на асфальт. Я смотрел на машины, пронесившиеся мимо нас по Уил-

шир-бульвар. Мне всегда становилось легче, когда я смотрел на машины, а не ехал сам. Но не сегодня.

— Хэкетт свои деньги и драгоценности хранит в доме?

— Деньги вряд ли у него в доме. Но у его жены брильянты. Кроме того, у них целая коллекция ценных произведений искусства. Мистер Хэкетт провел много времени в Европе, скупая картины.— Себастиан помолчал.— Как бы вы преподнесли все это Хэкетту, если бы решили предупредить его? Я хочу спросить, могли бы вы не упоминать имени Сэнди?

— Именно над этим я и ломаю голову.

— А почему вы не привезли ее домой, когда встретили ее?

— Она не захотела. Заставить ее я не мог. Равно как не могу заставить вас пойти к Хэкетту. Но считаю, что вам следует это сделать. Или пойдите в полицию.

— Чтобы ее бросили в тюрьму?

— В тюрьму ее не посадят, если она ничего плохого не сделала. Кстати, есть места и похуже тюрьмы.

Он взглянул на меня с неодобрением.

— Вы, кажется, не отдаете себе отчета, что речь идет о моей дочери.

— Только о ней я и думаю. Это у вас, кажется, на уме другие заботы. Так мы и будем топтаться на месте и упустим дело из своих рук?

Себастиан прикусил губу. Потом бросил взгляд на здание из стекла и металла. Словно искал у него одобрения. Но это был всего лишь памятник деньгам. Он подошел ко мне совсем близко и тронул меня за предплечье, проверяя мои мускулы,— он отдавал дань моей силе и одновременно оценивал ее: вдруг нам доведется схватиться врукопашную?

— Слушайте, Арчер, а почему бы вам не пойти и не поговорить с мистером Хэкеттом? Не раскрывая ему, кто в этом деле замешан. Тогда вам не придется называть мое имя или Сэнди.

— Вы хотите, чтобы именно я это сделал?

— По-моему, это единственно разумный путь. Я не верю, что они замышляют что-то действительно серьезное. Сэнди — не преступница.

— С кем поведешься, от того и наберешься.

— Про мою дочь этого сказать нельзя. С ней никогда ничего не случилось.

Я устал спорить с Себастианом. Он верил только в то, во что ему в данный момент было удобней верить.

— Пусть будет по-вашему. Хэккет собирался домой, когда вы расстались?

— По-моему, да. Значит, вы поедете и поговорите с ним?

— Раз вы настаиваете.

— Но нас в это дело не будете вмешивать?

— Вряд ли мне это удастся. Вспомните, ведь Хэккет видел меня у вас в кабинете.

— Сочините для него какую-нибудь историю. Предположим, вы случайно получили эту информацию и решили сообщить ее мне, потому что я работаю в его компании. Мы с вами старые друзья, вот и все.

Это было далеко не все. Я ему ничего не пообещал. Он объяснил мне, как найти поместье Хэккетта, и дал его незарегистрированный номер телефона.

Глава 8

По этому номеру я позвонил из Малибу. Трубку сняла женщина и с иностранным акцентом ответила мне, что ее мужа нет дома, но она ждет его с минуты на минуту. Когда я упомянул имя Себастиана, она сказала, что вышлет кого-нибудь встретить меня у ворот.

Усадьба находилась всего в каких-то двух милях от центра Малибу. Ворота были высотой в десять футов. Поверху шла еще колючая проволока. В обе стороны от ворот протянулась тяжелая изгородь также из колючей проволоки, на которой висели таблички «Частное владение. Посторонним вход запрещен» и которая уходила далеко в горы.

Поджарый мужчина, ожидавший меня у ворот, был типичный испанец. Обтягивающие брюки и длинные волосы делали его похожим на юношу, но черные глаза без возраста опровергали это сходство. Он не делал попытки спрятать крупнокалиберный револьвер в кобуре, висящей у него под пиджаком.

Прежде чем открыть ворота, он заставил меня показать ему фотостат официального разрешения быть частным детективом.

— Вроде все в порядке. Проезжайте.

Он отпер ворота, дал мне въехать и снова запер их, пока я стоял позади его вездехода.

— Мистер Хэккет уже приехал?

Он покачал головой, сел в вездеход, и я последовал за

ним по залитой асфальтом дороге. За первым же поворотом открылась совершенно дикая, нетронутая рукой человека местность, настоящая сельская глушь. В кустах перекликались перепела, совсем крохотные пичужки лакомились красными ягодами с тутовника. Парочка грифов планировала в раскаленном воздухе, высматривая на земле добычу.

Дорога поднялась к перевалу и побежала вдоль хребтовинной широкой земляной плотины, запиравшей воды искусственного озера. На воде сидели утки, шилохвости и светло-коричневый чирок, а в траве у берега шуршали водяные курочки.

Мой конвоир выхватил револьвер и, не замедляя ход машины, выстрелил в ближайшую курочку. По-моему, он рисовался передо мной. Утки взвились в небо, курочки все, кроме одной, сломя голову кинулись в воду — ну прямо живая карикатура на перепуганных до смерти людей.

Дом стоял на возвышении у дальнего края озера. Широкий, низкий, очень красивый, он прекрасно вписывался в пейзаж, словно сам был частью его.

Миссис Хэкетт ждала на террасе перед домом. Она была в коричневом шерстяном костюме, длинные светлые волосы пышным пучком собраны на затылке. Лет тридцати с небольшим, хорошенькая, довольно пухленькая блондинка.

— Это вы стреляли? — сердито крикнула она мужчине из вездехода.

— Да. Я застрелил курочку.

— Я же просила вас этого не делать! Распугаете всех уток.

— Курочек развелось слишком много.

Она побледнела.

— Не смейте мне возражать, Лупе!

Молчаливая борьба взглядов. Его лицо было словно вырезано из грубой кожи. Ее лицо — настоящий дрезденский фарфор. Дрезденский фарфор победил. Лупе укатил в своем вездеходе и скрылся в одной из пристроек.

Я представился. Женщина повернулась ко мне, хотя на уме у нее все еще был Лупе.

— Совершенно не подчиняется. Просто не знаю, как поставить его на место. Я живу в этой стране вот уже больше десяти лет, но так и не пойму американцев.

У нее был средневропейский акцент. Она приехала то ли из Австрии, то ли из Германии.

— А я более сорока, — сказал я, — но тоже не понимаю

американцев. А уж в испано-американцах и вовсе трудно разобраться.

— Значит, в этом вы мне не помощник.— Она улыбнулась и беспомощно пожала довольно широкими плечами.

— Какие у Лупе обязанности?

— Присматривать за поместьем.

— Он делает это один?

— Здесь не так много работы, как может показаться. Дом и все уголья обслуживаются по вызову. Мой муж не любит, чтобы вертелись слуги под ногами. А мне их очень недостает, у нас дома всегда держали слуг.

— А где был ваш дом?

— В Баварии,— в голосе ее ясно слышалась ностальгия.— Вблизи Мюнхена. Моя семья жила в одном и том же доме со времен Наполеона.

— А сколько лет вы здесь живете?

— Десять. Стивен привез меня в эту страну десять лет назад. Но я еще никак не привыкну к ней. В Германии прислуга нас уважает.

— Лупе держит себя не как обычный слуга.

— А он и есть не обычный. Моя свекровь настояла, чтоб мы наняли его. И он это знает.— Из ее слов было ясно, что ей необходимо выговориться. Но тут она, должно быть, услышала себя: — Боюсь, я чересчур болтлива. Почему вы мне задаете все эти вопросы?

— Такая уж у меня привычка. Я частный детектив.

В ее глазах появился страх.

— Стивен попал в аварию? Поэтому он еще не вернулся домой?

— Надеюсь, что нет.

Она посмотрела на меня с упреком. Я был вестником беды.

— По телефону вы сказали, что вы друг Кита Себастиана.

— Я знаком с ним.

— С моим мужем что-нибудь случилось? И вы не решаетесь мне об этом сообщить?

— Нет, нет. Уж лучше я вам скажу, зачем я здесь. Можно мне сесть?

— Разумеется. Только пойдемте в дом. На террасе из-за ветра становится холодно.

Она провела меня через стеклянные двери, потом вверх на несколько ступенек, и мы очутились в ярко освещенной

галерею, увешанной картинами. Я узнал полотна Клее¹, Кокошки и Пикассо и подумал: неудивительно, что поместье обнесено проволоочной оградой.

Из гостиной открывалась широкая панорама океана, который, казалось сверху, уходил под уклон, до самого горизонта. К его поверхности, словно мотыльки к голубому стеклу, прилепилось несколько парусов.

Миссис Хэккет предложила мне сесть в простое с виду кресло — металл и кожа, — которое оказалось очень удобным.

— Баухаус, — объяснила она мне его происхождение. — Хотите выпить? Бенедиктин?

Она достала из бара на колесиках керамическую бутылку и рюмки и налила нам обоим. Потом подседа ко мне поближе, так что ее округлые шелковые колени почти касались моих, и доверительно произнесла:

— Так в чем же дело?

Я объяснил ей, как в ходе одного расследования, не назвав какого, я случайно натолкнулся на несколько фактов, сопоставив которые можно предположить, что ей и ее мужу грозит опасность ограбления или шантажа.

— Опасность с чьей стороны?

— Имен называть я не могу. Но считаю, что вам необходимо нанять охрану.

Мои слова были прерваны далекими звуками, напоминающими пулеметную очередь. Затем появилась красная спортивная машина Хэккетта, она обогнула озеро и понеслась к дому.

— Ах! — воскликнула миссис Хэккетт. — Он привез с собой мать.

— Она живет не здесь?

— Рут живет в Бель-Эйр. Мы с ней не враги, но и не друзья. Она слишком близка со Стивеном. А муж ее моложе Стивена.

Судя по всему, я завоевал доверие миссис Хэккетт. Но есть ли в нем нужда? Она была привлекательна, но полновата и довольно скучна, к тому же подвержена смене непредсказуемых эмоций.

Мистер Хэккетт остановил машину под террасой и помог матери выйти. Она выглядела примерно одного возраста с ним и одета была соответственно. Но если Хэккетту уже стукнуло сорок, его матери должно было быть не меньше

---

¹ Клее, Пауль (1879—1940) — известный швейцарский художник-абстракционист.

пятидесяти шести-семи. Пока она, опершись на его руку, шла через террасу, я разглядел на моложавом лице следы прожитых лет.

Миссис Хэкетт подошла к окну и довольно вяло помахала им рукой. Вид свекрови, казалось, лишил ее жизненных сил.

Мать Хэкетта представилась как миссис Марбург. Она окинула меня оценивающим взглядом стареющей профессиональной красавицы.

Ее сын посмотрел на меня холодно и тоже оценивающе. Но его интересовал другой вопрос:

— Не вас ли я видел в кабинете Кита Себастиана?

— Меня.

— И вы последовали за мной сюда? Зачем? Я вижу, вы довольно уютно здесь устроились.

Последнее замечание относилось к рюмкам на журнальном столике. Его жена виновато вспыхнула. Но мать кокетливо пожурила:

— Хотя ты и не любишь неожиданных визитов, Стивен, но злиться не следует. Я уверена, этот милый человек нам сейчас все объяснит.

— Так в чем же дело? — уже более спокойным тоном спросил он.

— Это была идея Себастиана. — Я сел и повторил ту же историю, какую рассказал его жене.

Кажется, она всех троих очень огорчила. Хэкетт вынул из бара бутылку виски и, не предложив никому, плеснул себе солидную порцию, которую осушил залпом.

Его жена принялась беззвучно всхлипывать, волосы ее распустились и рассыпались по плечам. Мать Хэкетта села рядом с ней и погладила ее по спине. Другой рукой она схватилась за шею, задрапированную крепом.

— Я буду рада помочь, — сказала мне миссис Марбург, — если вы изложите нам все факты. Между прочим, я не совсем расслышала, как вас зовут.

— Лью Арчер. Сожалею, но мне нечего добавить к сказанному.

— Кто же эти люди? Откуда нам знать, что это не выдумка?

— От меня.

— А может, вы стараетесь для службы охраны? — возразил Хэкетт.

— Охранная служба никогда не казалась мне достойной работой. Но, если хотите, могу порекомендовать вам надежную фирму. — Никто из них не выразил желания. —

Конечно, поступайте, как знаете. Обычно все только так и поступают.

Хэкетт понял, что я собираюсь уехать.

— Подождите, мистер Арчер. Откровенно говоря, я вам крайне признателен за визит.— Виски утихомирило его, смягчило голос и тревогу за будущее.— И я вовсе не хотел бы оказаться негостеприимным. Угощайтесь.

— Благодарю вас, одной рюмки мне достаточно.— Но я стал испытывать к нему более дружеское расположение.— В последнее время вам не угрожали по телефону? Не присылали писем с требованием денег?

Хэкетт взглянул на жену, и оба отрицательно покачали головой.

— Разрешите задать вам вопрос,— сказал он.— Откуда вам известно, что этот преступный заговор направлен против меня... Против нас?

— Мне это неизвестно. Но у людей, замешанных в этом деле, есть план вашего поместья.

— Этого поместья или коттеджа на берегу?

— Именно этого. Я счел это достаточной причиной, чтобы приехать сюда и поговорить с вами.

— Очень любезно с вашей стороны,— заметила Рут Марбург. У нее был приятный с чуть заметной хрипотцой голос и манера растягивать слова, как у жителей тех районов, что тянутся от Тихоокеанского побережья и до Мексиканского залива. За звоном монет в ее голосе угадывались времена, когда этих монет у нее не было и в помине.— По-моему, нам следует заплатить мистеру Арчеру. Он потратил на нас время.

Хэкетт достал бумажник и среди разных купюр выбрал одну в двадцать долларов.

— За потраченное на нас время.

— Спасибо, за него мне уже заплатили.

— Не отказывайтесь, когда дают,— сказала миссис Марбург.— Это чистые, хорошие деньги, сделанные на нефти.

— Спасибо, нет.

Хэкетт смотрел на меня с изумлением. Интересно, подумал я, неужто никто никогда не отказывался от его денег? Когда я собрался уходить, он последовал за мной в галерею и принялся называть художников всех висящих там картин.

— Вы любите живопись?

— Очень.

Однако его перечисление быстро наскучило мне. Он

объяснял, сколько каждая картина ему стоила и как высоко ценится она нынче. На картинах, купленных за последние десять лет, он нажил немалые деньги, похвастался он.

— Дуракам счастье.

Он уставился на меня бесцветными глазами.

— Это что, шутка?

— Конечно.

— Ладно.— Но он был обижен. Я не выразил должного уважения ему и его деньгам.— Вы же сами сказали, что любите живопись. А здесь собраны самые дорогие современные картины со всей Калифорнии.

— Вы мне уже об этом говорили.

— И прекрасно, оставим картины, раз они вас не интересуют.— Он отошел в сторону, но потом вернулся.— Одного я только не понимаю: каким образом во всем этом оказался замешан Кит Себастиан?

Пришлось мне соврать ему, чего я очень надеялся избежать:

— Я знал, что Кит служит в одной из ваших компаний. Я обратился к нему, а он послал меня сюда.

— Понятно.

Чтобы Хэкетту не стало понятно еще что-нибудь, я сел в машину и покатил к воротам. Лупе следовал за мной на своем вездеходе.

Утки так и не вернулись на озеро. Испуганные водяные курочки перебрались на дальний берег. Издали они походили на похоронную процессию.

Глава 9

На обратном пути в город я остановился перед «Лорел Апартаментс» посмотреть, не появились ли Дэйви и Сэнди. Дверь в квартиру Лорел Смит была приоткрыта. На мой стук никто не ответил. Я прислушался: из глубины квартиры доносились хрипы. Наверное, Лорел напилась до беспамьятства, решил я.

Но, войдя внутрь, обнаружил ее сидящей в ванне и понял, что она впала в беспамьятство по более серьезной причине, чем алкоголь. Нос ее был разбит и кровоточил, распухшие веки плотно сжаты, губы порезаны. Ванна стояла без воды вся забрызганная кровью. Лорел была в том же оранжево-черном платье.

Я подошел к телефону и вызвал полицию, попросив одновременно прислать «Скорую помощь». За те несколько

минут, пока они прибыли, я успел быстро перетряхнуть всю квартиру. Первым делом я заглянул в переносной телевизор. Рассказ Лорел, что она выиграла его в телефонном конкурсе, сразу показался мне блефом.

Я снял заднюю стенку. К внутренней ее поверхности было прикреплено подслушивающее устройство — миниатюрный, размером с пачку сигарет, радиопередатчик в пластиковой упаковке. Я ничего не стал трогать и поставил заднюю стенку телевизора на место.

Затем я обнаружил еще одну странность. Она заключалась в том, что в ходе этих моих поспешных поисков я не обнаружил ровным счетом ничего, что было бы каким-то образом связано с прошлым Лорел Смит: ни писем, ни старых фотографий, ни документов. Лишь в спальне в одном из ящиков комода я нашел сумочку, в которой хранилась сберегательная книжка на общую сумму более шести тысяч долларов, а также потрепанная карточка социального страхования на имя Лорел Блевинс.

В том же ящике лежала записная книжка всего с несколькими адресами, среди которых я нашел знакомые имена: Джейкоб Белсайз и мистер Эдвард Спеннер. Я переписал адрес Спеннеров, которые жили неподалеку от моего дома в Западном Лос-Анджелесе. Затем положил все обратно в ящик и задвинул его.

И тут я услышал вой полицейской сирены, идущий с Тихоокеанского шоссе. Я ненавидел эти звуки: вопль беды в городской пустыне. Он ворвался на Чотоква и замер, как подстреленный волк, на Элдер-стрит. Издалека неся жалобный вой «скорой».

Я знал обоих полицейских, которые приехали. Яновски и Принс были сержантами сыскной службы из участка на Пэрдью-стрит. Им было за тридцать, оба гордились своей службой и преуспевали в ней. Я вынужден был сообщить им, что я здесь делаю, однако имя Сэнди я опустил. Я назвал им только Дэйви Спеннера.

— Это что, работа Спеннера? — спросил Принс и ткнул большим пальцем в сторону ванной, где двое санитаров перекладывали Лорел Смит на носилки.

— Сомневаюсь. Они были добрыми друзьями.

— Насколько добрыми? — спросил Яновски. Он был довольно добродушный, круглолицый мужчина северного типа.

— Она наняла его на работу, когда он вышел из тюрьмы.

— Тогда уж и впрямь, добрыми друзьями! — заметил Принс. — За что он сидел?

— Угон автомобилей.

— А теперь, стало быть, совершенствуется.

Принс ненавидел преступления всей душой. Когда-то он был золотой перчаткой во втором полусреднем весе и мог бы избрать другой жизненный путь. Как и я.

Я не стал с ним спорить. Если они поймают Дэйви, возможно, они этим только окажут ему услугу. К тому же день был на исходе. А я хотел, пока не поздно, повидать Спеннеров.

Мы вышли из дома и смотрели, как Лорел Смит грузят в санитарную машину. Трое или четверо жильцов ее дома, все женщины, высыпали на тротуар. Лорел принадлежал дом, в котором они жили, поэтому они, разумеется, ее знали.

Яновски спросил у одного из санитаров:

— Сильно ее покалечили?

— Когда ранение в голову, трудно сказать. У нее сломаны нос и челюсть, возможно, проломлен череп. Сомневаюсь, что все это проделали кулаками.

— Чем же?

— Рукояткой большого ножа или дубинкой.

Принс опросил женщин, но никто ничего не слышал и не видел. Они стояли притихшие и подавленные, как птицы, заведшиеся ястреба.

«Скорая помощь» уехала. Женщины ушли в дом. Принс сел в полицейскую машину и тихим монотонным голосом передал рапорт.

Яновски вернулся в квартиру Лорел. А я пошел по Лос Баньос-стрит, чтобы еще раз взглянуть на дом с плитой вулканического происхождения, вписанной в фасад. Занавески все еще были задернуты. Но «кугара» уже не было.

Я обошел дом с тыла и обнаружил незавешанную стеклянную раздвижную дверь. Она вела в комнату без мебели. Я оглядел маленький задний дворик. Он сплошь зарос сухой травой, даже дожди не смогли вернуть ее к жизни. Двор окружала пятифутовая изгородь из вьющегося винограда.

Из соседнего двора через изгородь заглянула женщина. Крашеная блондинка с большими глазами, которые казались еще больше из-за фиолетовых теней, украшавших веки.

— Что вам здесь надо?

- Я ищу человека, проживающего в этом доме.
- Рослого с лысой головой?
- Именно.
- Он уехал с час назад. По-моему, совсем. Что меня бы очень устроило.
- Почему?

Через виноградную изгородь она бросила на меня скорбный фиолетовый взгляд.

- Он ваш приятель?
- Не сказал бы.
- Что вам от него надо?
- Не мне, а ему. Он вызвал меня по телефону, чтобы я тут что-то починил.
- Наверное, его электронику?
- Угадали.
- Вы опоздали. Он забрал ее с собой. Погрузил в багажник и увез. Слава богу.

— Он вам мешал?

— Придаться вроде было не к чему. Но у меня мурашки по спине бегали от такого соседства. Сидел целый день один-одинешенек в пустом доме. Мне было просто не по себе.

- Откуда вы знаете, что дом был пуст?
- Что я не вижу, что ли? — спросила она. — Когда он въезжал, он привез с собой только раскладушку, складной стул, ломберный столик и радиоаппаратуру. Эти же вещи он забрал, когда уехал.

- Сколько он прожил здесь?
- Недели две в общей сложности. Я уж была готова пожаловаться мистеру Сэнти. Что это за соседи без мебели? Так не полагается.

- А кто такой мистер Сэнти?
- Алекс Сэнти. Агент, с помощью которого я сняла этот дом. И тот дом тоже он обслуживает.
- Где можно найти мистера Сэнти?
- Его контора на Сансет-бульвар. — Она показала рукой в сторону Пэлсейдс. — А сейчас, извините, я должна идти. У меня обед на плите.

Я прошел в другой конец двора и поглядел вниз с холма на другие задние дворы. Квартира Лорес Смит тоже была видна. Распахнутая дверь находилась прямо передо мной. Из нее вышел сержант Яновски и запер ее.

Алекс Сэнти оказался маленьким человечком средних лет со спрятавшимся за очками самоуверенным взглядом. Когда я подъехал, он как раз закрывал контору по найму и торговле недвижимостью, но был рад задержаться ради перспективного клиента.

— Правда, у меня всего несколько минут, поскольку я договорился показать один дом.

— Меня интересует дом номер 702 по Лос Баньос-стрит. Тот, в который вписана плита из лавы.

— Приметный дом, верно? К сожалению, он уже сдан.

— С какого времени? Он стоит пустой.

— С 15 ноября этого года. Вы хотите сказать, жилец еще не въехал?

— По словам соседей, он уже въехал и выехал. Съехал именно сегодня.

— Странно.— Сэнти пожал плечами.— Что ж, его право. Если Флайшер действительно выехал, дом может быть опять сдан в аренду с пятнадцатого числа этого месяца. Триста пятьдесят долларов в месяц за год аренды, первый и последний месяцы выплачиваются авансом.

— Может быть, я сначала переговорю с ним. Вы сказали, его фамилия Флайшер?

— Джек Флайшер,— Сэнти заглянул в папку с документами и произнес фамилию по буквам.— Вот адрес, который он мне дал: «Доринда-отель» в Санта-Монике.

— Он сказал, каким делом занимается?

— Помощник шерифа в отставке где-то к северу отсюда.— Он еще раз заглянул в папку.— В Санта-Тересе. Возможно, решил вернуться туда.

Портье в «Доринда-отель», грустный человек с пышным коком, искусно прикрывающим лысину, сначала не мог вспомнить Джека Флайшера. Но, полистав регистрационный журнал, установил, что примерно месяц назад в начале ноября Флайшер останавливался у них на две ночи.

В коридоре, что шел из глубины холла, я нашел телефонную будку и набрал номер Спеннеров. Ответил низкий мужской голос:

— Квартира Эдварда Спеннера.

— Мистер Спеннер?

— Да.

— Говорит Лью Арчер. Мне посоветовал обратиться к вам мистер Джейкоб Белсайз. Я веду расследование и очень бы хотел поговорить с вами...

— Насчет Дэйви? — Голос его вдруг истончился.

— Насчет Дэйви и прочих разных дел.

— Он опять что-нибудь натворил?

— Женщину, у которой он работал, сильно избили. Ее только что увезли в больницу.

— Вы говорите о миссис Смит? Но до сих пор он ни одной женщины не трогал.

— Я и не говорю, что это сделал он. Вы его знаете лучше, чем кто-либо другой. Поэтому я и прошу вас, мистер Спеннер, уделить мне несколько минут.

— Но мы только что сели ужинать. Не понимаю, неужели нас нельзя оставить в покое? Дэйви уже несколько лет не живет с нами. Мы его не усыновляли и по закону не отвечаем за него.

— Буду у вас через полчаса, — отрезал я.

Солнце уже садилось, когда я выходил из гостиницы. Оно, словно угрожая, полыхало огнем над западной окраиной города. В Лос-Анджелесе ночь наступает быстро. Огонь уже догорел, когда я добрался до дома Спеннера, и над землей легкой дымкой повис вечер.

Спеннеры жили в одноэтажном оштукатуренном доме с верандой, построенном еще до войны и втиснутом в ряд других таких же домов. Я постучал в дверь, и Эдварду Спеннеру волей-неволей пришлось открыть. Передо мной предстал высокий худой мужчина с беспокойными глазами на вытянутом лице. Он весь зарос черными волосами не только на голове, но и на руках. В полосатой рубашке с засученными рукавами он производил впечатление человека старомодного, от которого отдает какой-то прописной добродетелью.

— Входите, мистер Арчер. Милости просим в наше скромное жилище. — Выражался он по-книжному правильно.

Он провел меня через гостиную с обветшалой мебелью и цитатами из священного писания на стенах в кухню, где за столом сидела его жена. Она была одета в простое домашнее платье, подчеркивавшее ее худобу. На лице ее угадывались следы сильных переживаний, смягченные чутким ртом и добрыми глазами.

Супруги Спеннеры были похожи друг на друга и, судя по всему, очень хорошо понимали один другого, что не совсем обычно для людей среднего возраста. Миссис Спеннер, казалось, побаивалась своего мужа или боялась за него.

— Марта, это мистер Арчер. Он приехал, чтобы поговорить о Дэйви.

Она опустила голову. Ее муж считал нужным пояснить:

— После вашего звонка жена призналась мне кое в чем. Пока я был на работе, днем сюда заезжал Дэйви. Она, по-видимому, не собиралась сообщать мне об этом. — Он говорил это скорее для нее, чем для меня. — Как мне стало известно, он ежедневно является сюда без моего ведома.

Он чересчур разошелся, и она его осадила.

— Сам знаешь, что это не так. И я собиралась тебе все рассказать. Просто не хотела портить обед. — Она повернулась ко мне, избегая прямых препирательств со Спеннером. — У моего мужа язва. Нам дорого обошлась эта история.

Словно в подтверждение ее слов, Спеннер вернулся на свое место во главе стола и безжизненно уронил руки.

Я тоже сел за стол напротив его жены.

— Когда Дэйви был здесь?

— Часа два назад, — сказала она.

— С ним был кто-нибудь?

— Он привез с собой свою подружку. Свою невесту. Очень хорошенькая девушка. — Женщина вроде была удивлена этим обстоятельством.

— В каком настроении они были?

— Оба казались возбужденными. Знаете, они ведь собираются пожениться.

Эдвард Спеннер презрительно фыркнул.

— Дэйви сказал вам об этом? — спросил я миссис Спеннер.

— Они оба. — Она мечтательно улыбнулась. — Я понимаю, они еще очень молоды. Но мне было так приятно узнать, что у Дэйви симпатичная девушка. Я дала им десять долларов на свадебный подарок.

— Ты дала ему десять долларов? — с болью воскликнул Спеннер. — Мне надо обстричь десять голов, чтобы заработать десять долларов.

— Я накопила эти деньги. Это не из твоих.

— Не приходится удивляться, что он пошел по кривой дорожке, — печально покачал головой Спеннер. — С первого же дня, как он появился в нашем доме, ты начала его портить.

— Вообще нет. Просто я относилась к нему с любовью. Он так нуждался в любви после сиротского приюта.

Она перегнулась через стол и тронула мужа за плечо. Словно он и Дэйви были едины.

Но Спеннер в ответ впал в еще большее отчаяние:

— Нам следовало оставить его в приюте.

— Что ты, Эдвард! Ты же так не думаешь. Десять лет мы втроем жили очень хорошо.

— Да? Дня не было, чтобы мне не приходилось учить его ремнем. Если бы мне никогда больше не слышать о Дэйви, я бы...

— Не говори так.— Она прикрыла ему рот рукой.— Ты сам его любишь не меньше, чем я.

— Это после всего, что он сделал нам?

Она поглядела мимо него на меня:

— Мой муж не может не чувствовать горечи. Он столько вложил в Дэйви. Он был для него настоящим отцом. Но мы не могли дать Дэйви всего, что ему было нужно. И когда Дэйви в первый раз попал в беду, наша община отказалась от услуг Эдварда в качестве проповедника. Для него это было ужасным ударом. Потом пошло одно за другим, и мы переехали из нашего города сюда. Тогда у Эдварда и открылась язва, и он долгое время не мог работать, почти все последние три года. При таких обстоятельствах мы не могли сделать многое для Дэйви. К тому времени Дэйви уже ушел от нас, вырвался на свободу и зажил самостоятельно.

Спеннер смутился от такой откровенности жены.

— Это все история.

— Но я для того и приехал, чтобы ее услышать. Говорите, вы переехали сюда из другого города?

— Почти всю жизнь мы прожили в Санта-Тересе,— сказала женщина.

— Вам знаком некий Джек Флайшер?

— Не так ли звали человека, который приезжал сюда в прошлом месяце? — Она посмотрела на мужа.

— Рослый мужчина с лысой головой,— подсказал я.— Называется помощником шерифа в отставке?

— Это он,— сказала она.— Он задал нам кучу вопросов про Дэйви, про его прошлое. Мы пересказали ему то немногое, что знали. Мы взяли его из приюта в Санта-Тересе, когда ему было шесть лет. Фамилии его никто не слышал, поэтому мы дали ему свою. Я хотела усыновить его, но Эдвард не решился взять на себя такую ответственность.

— Она хочет сказать,— вмешался Спеннер,— что, ес-

ли бы мы его усыновили, округ не платил бы нам пособие на его содержание.

— Но мы относились к нему, как к родному. У нас не было детей. И я никогда не забуду, как мы в первый раз увидели его в кабинете управляющего приютом. Он сразу подошел к нам, встал рядом с Эдвардом и ни за что не хотел уходить. «Хочу пойти с этим дядей», — вот что он сказал. Ты помнишь, Эдвард?

Он помнил. В глазах его засветилась скорбная гордость.

— Ростом он пошел в тебя. Почти догнал уже. Ты бы видел его сегодня!

Она была истинной женщиной, сделавшей попытку, подумал я, создать семью из маленького беглеца и упрямого мужа — единое целое из разъединенных людей с несостоявшейся судьбой.

— Миссис Спеннер, а вы знаете, кто его настоящие родители?

— Нет, он сирота. В северном округе умер какой-то сезонный рабочий, и у него остался сын. Это мне рассказал тот человек, Флайшер.

— А Флайшер объяснил, почему его интересуется Дэйви?

— Я его не спрашивала. Боялась даже спрашивать, потому что Дэйви получил испытательный срок и все такое... — Она запнулась, всмотрелась в мое лицо. — Вы не возражаете, если я задам вам тот же вопрос?

За меня ответил Спеннер:

— Избили миссис Лорел Смит. Я же тебе говорил.

У нее округлились глаза.

— Дэйви не мог этого сделать. Миссис Смит была ему лучшим другом.

— Я за него не поручусь, — мрачно произнес Спеннер. — Помнишь, он ударил школьного учителя? С этого и начались наши несчастья.

— Мужчину или женщину? — уточнил я.

— Мужчину. Мистера Лэнгстона из средней школы. Есть непростительные поступки. Ударить учителя — это непростительно. После этого в школу обратно уже не примут. Вот мы и не знали, что делать с Дэйви. Работу он найти не мог. Собственно, это одна из причин, почему мы переехали сюда. Все у нас не ладилось после этого переезда.

Он говорил о своем переезде, как об изгнании.

— Вообще-то он ударил не просто учителя, все было хуже, — сказала женщина. — Генри Лэнгстон на самом де-

ле был не учителем, а, что называется, воспитателем. Он пытался давать Дэйви советы. Тогда-то все и случилось.

— Советы в чем?

— Точно я не выясняла.

— У Дэйви не все в порядке с головой,— резко повернулся к ней Спеннер.— А ты не хочешь этого признать. Пора наконец это сделать. У него был психический сдвиг уже тогда, когда мы взяли его из приюта. Он так и не смог привязаться ко мне. Он никогда не был нормальным мальчиком.

Она медленно покачала головой, упрямо не желая сдаваться:

— Не верю.

Было ясно, что они уже много лет спорят на эту тему. Наверное, и не перестанут до конца своих дней.

— Миссис Спеннер,— прервал я их,— значит, вы видели его сегодня? Что-нибудь его беспокоило, огорчало?

— Видите ли, веселым он никогда не был. А сегодня он показался мне очень возбужденным. Правда, событие-то какое для молодого человека, он же собирается жениться.

— А они всерьез говорили о женитьбе?

— По-моему, даже очень. Я не хотела упоминать об этом,— обратилась она к мужу,— но все равно ты узнаешь. Дэйви надеялся, что, может, ты бы их и поженил. Правда, я объяснила ему, что у тебя нет на это законного права, потому что ты же мирской проповедник, а не духовный.

— Я бы в любом случае не стал его ни на ком женить. Для этого я слишком уважаю женскую половину рода человеческого.

— Миссис Спеннер, говорили они что-нибудь еще о своих планах? Где они хотели пожениться?

— Они не сказали.

— И вы не знаете, куда они отсюда поехали?

— Нет, не знаю.— Однако взгляд ее стал более сосредоточенным, словно она пыталась что-то вспомнить.

— Может, намекнули случайно?

Она была в нерешительности.

— Вы ни разу не ответили на мой вопрос. Почему вас это так интересует? Не думаете же вы на самом деле, что это он избил миссис Смит?

— Нет. Но я привык, что люди преподносят мне сюрпризы.

Какое-то время она изучала мое лицо, опершись локтями о стол.

— Разговариваете вы не как полицейский. А ведь вы полицейский, да?

— Был когда-то. Теперь я частный детектив. И я ни в чем не собираюсь Дэйви обвинять.

— А что вы собираетесь делать?

— Убедиться, что с девушкой все в порядке. Меня нанял для этого ее отец. Ей всего семнадцать лет. Она должна была сидеть в школе, а не разъезжать по окрестностям.

Женщины просто обожают свадьбы независимо от того, удалась ли их собственная супружеская жизнь или нет. Свадебные мечты миссис Спеннер разбивались с трудом. Я наблюдал, как это происходит.

— Когда я готовила здесь, на кухне, чай для них, — сказала она, — я слышала, о чем они говорили в гостиной. Они вслух читали цитаты на стенах и смеялись над ними. Это было не слишком приятно, но и мне, верно, не следовало их подслушивать. Так вот, они все шутили насчет какого-то невидимки. Дэйви сказал, что сегодня вечером к дядюшке Доллару нагрянет в гости Невидимка.

— Безобразие! — взорвался Спеннер.

— Что-нибудь еще на эту тему было сказано?

— Дэйви спросил девушку, уверена ли она, что сумеет провести его в дом. С легкостью, ответила она, потому что Луис знает ее.

— Луис? — переспросил я. — Или Лупе?

— Может, и Лупе. Да, пожалуй, я даже уверена, что так. Вы знаете, о ком они говорили?

— Боюсь, да. Можно, я позвоню?

— Пожалуйста, если не будете говорить по междугородному. — Спеннер проявил бережливость.

Я дал ему доллар и набрал номер Хэкеттов в Малибу. Ответил женский голос, который поначалу я не узнал.

— Стивен Хэкетт дома? — спросил я.

— А кто говорит?

— Лью Арчер. Это миссис Марбург?

— Да. — Голос ее звучал чуть слышно и сухо. — Вы оказались хорошим пророком, мистер Арчер.

— С вашим сыном что-нибудь случилось?

— Вы оказались таким хорошим пророком, что я сомневаюсь, пророчество ли это. Где вы сейчас?

— В Западном Лос-Анджелесе.

— Приезжайте немедленно! Приедете? Я велю моему мужу отпереть ворота.

Я не сказал Спеннерам, куда и зачем я еду. По дороге в Малибу я заехал к себе домой и захватил револьвер.

Глава 11

Ворота усадьбы Хэкеттов были распахнуты настежь. Я ожидал увидеть перед домом полицейские машины, однако под лучами прожекторов стоял лишь новый синий «мерседес» с откидным верхом. Из дома вышел молодой человек, владелец этой машины.

— Мистер Арчер? Я Сидни Марбург.

Он крепко, до хруста пожал мне руку. При ближайшем рассмотрении он выглядел не так уж молодо. Улыбка у него была какая-то ломкая, и разбегающиеся от нее лучики могли с таким же успехом обернуться морщинами. Узкие черные глаза на свету стали непроницаемыми.

— Что произошло, мистер Марбург?

— Я сам еще не очень разобрался. Меня здесь не было, когда все это случилось. Стивена, по-видимому, похитили. Молодая девица и мальчишка, вооруженный обрезом, увезли его в своей машине.

— А где был Лупе?

— Лупе был здесь. Он и сейчас здесь, лежит с разбитой головой. Мальчишка вытащил из багажника обрез и наставил его на Лупе, а девица треснула его по голове то ли молотком, то ли монтировкой.

— Именно девица?

Он кивнул.

— Но самое странное, в нашей семье ее знают. Моя жена хочет поговорить с вами.

Марбург провел меня в библиотеку, где под лампой возле телефона с револьвером у локтя сидела его жена. Она казалась спокойной, но на лице ее застыло выражение изумления. Она попыталась улыбнуться.

— Спасибо, что приехали. Сидни — очаровательный мальчик, но практической пользы от него ни на грош. — Она повернулась к нему. — Теперь беги, играй со своими красками или делай что хочешь.

Он, обиженный, остановился у двери. Открыл было рот, потом снова закрыл.

— Иди же, будь пай-мальчиком. Нам с мистером Арчером надо кое-что обсудить.

Марбург вышел. Я сел на кожаный пуф под цвет ее кресла.

— Где миссис Хэккетт?

— Герда совсем расклеилась, как и следовало ожидать. К счастью, у меня всегда с собой хлоралгидрат. Я дала ей две капсулы, она выплакалась и уснула.

— Стало быть, все под контролем.

— Нет, все в полном раздрызге, вы сами знаете. Хотите помочь мне снова навести порядок?

— У меня есть уже клиент.

Она пропустила это мимо ушей.

— Я заплачу вам кучу денег.

— Сколько?

— Сто тысяч.

— Слишком много.

Прищурившись, она бросила на меня испытующий взгляд.

— Я видела сегодня, как вы отвергли двадцать долларов. Но никто никогда не отказывался от ста тысяч.

— Это не плата за работу. Вы предлагаете их мне, потому что думаете, что я причастен к вымогательству. Я не настолько удачлив.

— Тогда откуда вы все узнали еще до того, как это случилось?

— Наткнулся на улику. Они забыли план этой местности, словно нарочно, чтобы их могли остановить. Правда, менее опасными они из-за этого не стали.

— Я знаю, что они опасны. Я видел их. Они вдвоем вошли в гостиную и препроводили Стивена в свою машину. В огромных темных очках они были похожи на инопланетян.

— Вы узнали кого-нибудь из них?

— Герда узнала девушку сразу же. Она бывала здесь в гостях, и не раз. Александрия Себастиан.

Она повернулась ко мне, будто о чем-то догадавшись. Я был рад, что тайна выходит наружу.

— Мой клиент — Кит Себастиан.

— И он знал обо всем?

— Он знал только, что его дочь сбежала. Потом он узнал то, что сообщил ему я. А это немного. Давайте не будем доискиваться, кто в чем виноват. Сейчас главное — вызволить вашего сына.

— Согласна. Мое предложение остается в силе. Сто тысяч долларов, если Стивен вернется домой целым и невредимым.

— Полиция сделает это бесплатно.

Она отмахнулась от моего предложения.

— С ними я не хочу иметь дело. Слишком часто они находят преступника, но теряют жертву. Я хочу получить назад моего сына живым.

— Я не могу вам это гарантировать.

— Это я знаю,— отозвалась она нетерпеливо.— Но попробуйте? — Она прижала обе руки к груди, затем протянула их мне. Ее волнение было одновременно и напускным и настоящим.

— Попробую,— сказал я.— Хотя считаю, что вы совершаете ошибку. Вам лучше обратиться в полицию.

— Я уже сказала, не хочу. Я им не доверяю.

— А мне доверяете?

— А что, не должна? Доверяю, до известной степени.

— Кит Себастиан тоже. Поэтому сначала я должен связаться с ним.

— Не понимаю, зачем. Он же один из наших служащих.

— В неслужбное время он сам себе хозяин. Не забывайте, пропала его дочь. Он беспокоится, за нее не меньше, чем вы за своего сына. Хотя, может, и меньше, однако кто его знает?

— Мы сейчас вызовем его сюда.— Она быстро схватила трубку.— Какой у него номер?

— Мы теряем время.

— Я спрашиваю, какой у него номер.

Я нашел номер в моей записной книжке. Она набрала его, и Себастиан поднял трубку после первого же гудка. Должно быть, сидел у телефона.

— Мистер Себастиан? Говорит Рут Марбург. Мать Стивена Хэкетта. Я у него в доме в Малибу и очень хотела бы вас видеть... Да, сегодня же вечером. Точнее, немедленно. Как быстро вы сумеете сюда добраться? Прекрасно, жду вас через полчаса. Надеюсь, вы не подведете?

Она повесила трубку и посмотрела на меня спокойно, почти нежно. Руку с телефонной трубки она не сняла, словно держала ее на пульсе Себастиана, чтобы управлять им на расстоянии.

— Неужели он стал бы впутываться в такое дело вместе с дочерью? Нет, не может быть. Хотя я знаю, Стивен не всегда пользуется любовью своих служащих.

— А кто пользуется ею всегда, миссис Марбург?

— Не уходите от ответа. Я задала вам вопрос.

— И я отвечаю: нет. У Себастиана на это не хватит смелости. И по правде говоря, он просто боготворит вашего сына.

— Почему? — удивилась она.
— Из-за денег. Он неравнодушен к деньгам.
— А вы уверены, что он не подучил свою дочь?
— Уверен.
— Тогда что, черт возьми, она надумала?
— По-моему, она восстала против всех, кто старше тридцати. Ваш сын оказался самой крупной и самой досягаемой мишенью. Хотя сомневаюсь, что она сама выбрала мишень. Скорее ее подбил на это Дэйви Спеннер.

— Чего он хочет? Денег?

— Я еще не разобрался, чего он хочет. Вы случайно не знаете, нет ли какой-нибудь связи между ним и вашим сыном? Может, у них личные счета?

Она покачала головой и попросила:

— Расскажите, что вам известно о нем.

Вкратце я пересказал ей то, что мне удалось узнать про Дэйви Спеннера: сын сезонного рабочего, сирота с трех или четырех лет, попал сначала в приют, потом к приемным родителям; со скандалом был выставлен из средней школы, бродяга-подросток, угонял автомобили, отсидел срок в тюрьме, кандидат в более серьезные преступники, возможно, не совсем психически здоров.

Рут Марбург посмотрела на меня с некоторым подозрением.

— Вас послушать, так получается, вы почти сочувствуете ему.

— Так и есть, — признался я, хотя спина у меня все еще побаливала. — Дэйви Спеннер не сам дошел до этого.

Она ответила мне с нарочитой грубостью:

— Не делайте из меня дуру. Знаю я этих психов. Они вроде той собаки, что кусает руку, которая ее кормит.

— У Спеннера раньше были какие-то контакты с вашей семьей?

— Нет, насколько мне известно.

— Но у девушки были.

— Только не со мной. С Гердой, женой Стивена. Девчонка увлекалась иностранными языками или притворялась, что увлекается. Прошлым летом Герда взяла ее под свое крылышко. В следующий раз будет разборчивее, если семья уцелеет.

Казалось, мы целую вечность сидим в этой комнате. С книжными полками по стенам, с наглухо задрапированными окнами, она напоминала подземный бункер, отрезанный от мира.

Должно быть, Рут Марбург это поняла или разделила

мое чувство. Она подошла к одному из окон и раздвинула портьеры. Мы увидели неровную линию огней вдоль побережья.

— Я все еще не верю в то, что случилось, — сказала она. — Стивен всегда был так осторожен. Собственно, поэтому у них и нет слуг.

— А что собой представляет Лупе?

— Мы относимся к нему не как к слуге. Он ведь управляющий поместьем.

— Ваш друг?

— Не совсем так. Мы в добрых отношениях.

— Могу я поговорить с Лупе?

— Не сейчас. Ему порядком досталось.

— Требуется доктор?

— Да, я собираюсь пригласить. — Она повернулась и всмотрелась мне в лицо, словно сама была поражена вдруг вспыхнувшей в ней злобой. — Вам не следует вмешиваться в то, что вас не касается. Я наняла вас, чтобы вы вернули моего сына живым.

— Вы меня еще не наняли.

— Не захочу и не найму. — Она вновь отвернулась к окну. — Что он не едет? — Она так стиснула руки, что пальцы хрустнули.

Будто услышав этот хруст или почувствовав ее нетерпение, тут же появился Себастиан. Фары его большой машины осветили подъездную аллею, обогнули темное озеро и остановились под прожекторами.

— Однако вы не спешили, — бросила ему миссис Марбург, встретив Себастиана в дверях.

— Извините, пожалуйста. Когда я уходил, мне позволили. Я не мог не взять трубку.

Себастиан не скрывал сильного волнения. Он был бледен, глаза горели. Он перевел взгляд с нее на меня.

— Что случилось?

— Входите, сейчас я вам расскажу, что случилось, — мрачно отозвалась Рут Марбург. Она провела нас в библиотеку и с видом тюремного надзирателя заперла за нами дверь. — Ваша драгоценная доченька похитила моего сына.

— Что вы хотите этим сказать?

— Она прикатила сюда со своим дружкой-бандитом. Его она спрятала в багажнике. Ударил нашего управляющего монтировкой по голове. Вошла вместе со своим приятелем в дом, вывела Стивена, посадила его в машину и укатила.

— Но это же безумие!

— Однако так все случилось.

— Когда?

— Как раз перед заходом солнца. Где-то около половины шестого. А сейчас уже больше восьми. Хотелось бы знать, что вы намерены предпринять по этому поводу?

— Что угодно. Я готов на все.

Хлынул поток слез, так долго сдерживаемых. Себастиан вытирал их тыльной стороной ладони и стоял, покачиваясь, закрыв лицо руками.

— Вы уверены, что это Сэнди?

— Да. Моя невестка хорошо ее знает. В сущности, мистер Арчер предупредил нас, что нечто подобное может случиться. Это и дало мне основание вызвать вас. Я хочу, чтобы мистер Арчер помог вернуть мне моего сына.

— Это значит,— объяснил я Себастиану,— что мы с вами можем оказаться противниками. Ваша дочь — соучастница серьезного преступления. Боюсь, мне не удастся оградить ее от возможных последствий.

— А мне хотелось бы, чтобы вы объединили свои усилия с мистером Арчером,— обратилась к Себастиану миссис Марбург.— Например, если вы что-то услышите от своей дочери, вы должны немедленно передать это мистеру Арчеру.

— Конечно.— Он кивнул несколько раз.— Обещаю сотрудничать с ним. И благодарю вас... благодарю за доверие.

Она отослала его домой.

— Ну,— сказала она, когда он уехал,— не кажется ли вам, что это он подговорил ее?

— Вы сами знаете, что нет.

— Не отвечайте за меня! Люди способны на все. Даже самые милые люди, а уж он к таким никак не относится.— И добавила: — Я, кстати, тоже, если на этот счет у вас есть сомнения.

— Мы теряем время.

Последнее слово она оставила за собой:

— Ваше время принадлежит мне. Когда будете уходить, окажите любезность, попросите моего мужа принести сюда двойную порцию виски. Устала до смерти.

Она тяжело опустилась на стул и позволила лицу и телу расслабиться. Ее мужа я нашел в галерее, где он любовался картинами. Я передал ему ее просьбу.

— Спасибо, старина. Не выкладывайтесь чересчур в этой истории, стоит ли? Если Стивен не вернется, все это достанется Рут и мне. Обожаю хорошую живопись.

Марбург произнес это полусерьезно, он и сам-то был полущут. Я вышел из дома. Себастиан ждал меня в моей машине. Он грыз ноготь большого пальца, и тот кровоточил.

Я сел за руль.

— Хотите мне что-то сказать?

— Да. Я боялся сказать это при ней. Телефонный звонок, когда я собирался выйти из дома... Это звонила Сэнди. Она просила, чтобы я приехал и забрал ее.

— Откуда?

— Из Санта-Тересы. Но разговор прервали до того, как она успела мне объяснить, куда ехать.

— Она сказала, откуда звонит?

— Нет, но разговор должен был оплатить я, и телефонистке удалось узнать, откуда говорили. Сэнди звонила с заправочной станции «Пауэр Плас» по эту сторону Санта-Тересы. Мы часто, когда уезжали на уик-энды, останавливались именно на этой станции.

— Тогда я срочно еду туда.

— Возьмите меня с собой,— попросил он.— Пожалуйста.

Я повернулся и внимательно посмотрел на его лицо. Он мне не нравился, нет, и не вызывал большого доверия. Но чем дальше, тем терпимее я к нему относился.

— Вы хорошо водите машину?

— Аварий не было. И я не пил сегодня.

— Ладно, поедem на моей машине.

Свою машину Себастиан оставил на стоянке в Малибу у самого въезда в закусочную. Пока он звонил жене, я наскоро проглотил сандвич, который отдавал ароматом шоссе-ных дорог. Затем он позвонил на заправочную станцию «Пауэр Плас» в Санта-Тересе.

— Там открыто до полуночи,— сказал он мне.— И тамошний служащий помнит Сэнди.

Мои часы показывали девять пятнадцать. Это был длинный день, и большая часть ночи предстояла без сна. Я устроился на заднем сиденье и тут же заснул.

Глава 12

Стоило Себастиану выключить мотор, как мой сверхзвуковой полет во сне оборвался. На машину падал ослепительно яркий свет. Она стояла совсем рядом с бензиновыми помпами на станции «Пауэр Плас». Из здания станции

вышел молодой служащий в комбинезоне. Одна нога у него была тоньше другой, и он носил специальный ортопедический ботинок. Но двигался очень быстро — час был поздний, и лицо его было измучено усталостью.

— Чем могу помочь? — обратился он к Себастиану.

— Я вам звонил недавно. По поводу моей дочери. — Голос Себастиана звучал тихо и неуверенно, как у просителя.

— Помню. — Боль и усталость на лице молодого человека сменились симпатией, и обстановка сразу изменилась. — Она что, убежала из дома?

— Вроде этого. — Я вышел из машины, чтобы поговорить с ним. — Она была за рулем зеленого «дарта»?

— Точно. Она остановилась аккуратно на том же месте, где вы сейчас. И попросила наполнить бак. Он был почти пуст, вошло туда чуть больше девятнадцати галлонов.

— А кто еще был с ней?

— Только один человек. Такой здоровенный, и волосы у него ежиком. Он сидел в машине, пока не увидел, что она звонит по телефону. Она сказала, что хочет пойти в туалет. Я пошел в помещение за ключом для нее. Тогда она спросила меня, нельзя ли ей воспользоваться телефоном, чтобы позвонить по междугородному. Я сказал, можно, если разговор оплатит абонент. Она так и сделала. Я остался там вроде как помочь ей. Но когда вошел тот парень, он заставил ее повесить трубку.

— Он применил силу?

— Он ее не ударил. Он ее просто обнял, вернее, взял в охапку. Она расплакалась, а он повел ее обратно к машине. Она заплатила за бензин, села за руль и уехала в сторону города. — Он показал на Санта-Тересу.

— А ружья вы не видели?

— Нет. Хотя было заметно, что она боится этого парня.

— Говорил он что-нибудь?

— Только когда вошел в помещение станции. Он сказал, что она с ума сошла звонить своим родителям, раз они ее злейшие враги.

Себастиан пробормотал нечто нечленораздельное.

— Ее враги или его?

— Обоих. По-моему, он сказал «наши злейшие враги».

— Спасибо вам за все эти сведения. Как вас зовут?

— Фред Крэм.

Я протянул ему доллар.

— За что? Вы мне ничего не должны. — Он держал себя деликатно, но твердо. — Жаль, что я не сумел сделать

больше. Мне, наверное, следовало попробовать остановить их или вызвать полицию. Только я подумал, что не имею на это право.

С улицы въехал старый коричневый «шевроле» и остановился у помпы. На переднем сиденье красовались двое мальчишек. Тот, что за рулем, дал гудок, чтобы его обслужили.

— Вы уверены, что в машине не было никого третьего? — спросил я Фреда Крэма.

Он задумался над вопросом.

— Да, если не считать собаки.

— Какой еще собаки?

— Не знаю. Скорее всего большой.

— А вы ее не видели?

— Она сидела в багажнике. Я слышал, как она дышит и жалобно подвывает.

— Почему вы решили, что это собака?

— Девушка так сказала.

Себастиан застонал.

— Вы хотите сказать, что там был человек? — спросил молодой заправщик.

— Не знаю.

Фред Крэм бросил на меня долгий вопросительный взгляд. На лице его отразился ужас, когда он понял, в какую нехорошую историю оказался втянутым. Мальчишка дал еще один нетерпеливый гудок, и он пошел прочь, прихрамывая.

— Господи боже, — уже в машине вздохнул Себастиан, — значит, это на самом деле произошло. Арчер, мы должны вернуть ее домой!

— Вернем. — Я постарался, чтобы он не расслышал сомнений в моем голосе, сомнений, что мы найдем ее, и еще более серьезных сомнений, что закон оставит ее дома, если мы ее найдем. — А сейчас, пожалуй, вам стоит связаться с вашей женой по телефону и вообще быть у телефона. Раз Сэнди позвонила домой, она может позвонить еще.

— Если он даст ей это сделать.

Но он воспользовался моим советом. Мы разместились в смежных комнатах прибрежного мотеля, расположенного неподалеку от центра Санта-Тересы. Была середина зимнего сезона, и все вокруг пустовало. Причал с яхтами в белой дымке под моим окном казался при свете звезд фантазией лета.

Портье отпер дверь между нашими комнатами. Я при-

слушался к телефонному разговору Себастиана с женой. Оживленно и весело он сообщил ей, что дело быстро продвигается и ей не о чем беспокоиться. Это напускное благополучие напоминало мне хромого молодого человека с бензостанции, который бегал быстрее всех.

— И я тебя целую, — сказал Себастиан и повесил трубку.

Я подошел к двери.

— Как приняла сообщение ваша жена?

— Потрясающе. Она потрясающая женщина.

— Я выйду ненадолго, — сказал я и постарался улыбнуться. — Свяжусь с вами позднее.

— Что вы собираетесь делать?

— Нанесу кое-кому визиты в этом городе.

— Поздновато для визитов.

— Тем лучше. Скорее застаю всех дома.

Я вернулся в свою комнату, вынул из ящика телефонный справочник и нашел номер Генри Лэнгстона, того воспитателя, с которым была стычка у Дэйви. Ответил девичий голос, и на миг мне показалось, что судьба загадочно подшутила над нами и что это Сэнди.

— Кто это? — спросил я.

— Илейн. Приходящая няня. Мистер и миссис Лэнгстон ушли на весь вечер.

— Когда они обещали вернуться?

— Обещали к полуночи. Что-нибудь передать им?

— Нет, спасибо.

Случайные стечения обстоятельств редко встречаются в моей практике. И если копнуть поглубже, почти всегда обнаружишь подоплеку. Возможно, вовсе не по случайному стечению обстоятельств Джек Флайшер сорвался с места и, судя по всему, вернулся домой в Санта-Тересу сразу после того, как избили Лорел Смит. Я посмотрел в справочник и нашел его адрес: Пайнстрит, 33.

Это была улица из старых респектабельных домов под сенью сосен соответственно названию, от которой было рукой подать до здания суда. В большинстве домов свет уже не горел. Я припарковался на углу перед старой церковью и пошел дальше пешком, высматривая с помощью карманного фонарика номер дома Флайшера.

Я нашел две ржавые металлические тройки, прибитые к крыльцу двухэтажного дома с белым каркасом. В доме был свет, он казался тусклым, желтым за опущенными шторами. Я постучал в дверь.

Послышались неуверенные шаги, и женский голос спросил:

— Что вам надо?

— Мистер Флайшер дома?

— Нет.

Но она все-таки открыла дверь, чтобы глянуть на меня. Это была блондинка средних лет. Еще раньше, днем, на ее лицо была очень умело наложена косметика, которая уже начала расползаться. С этого размалеванного лица на меня уставился болезненно подозрительный взгляд. Такой вырабатывается годами. Она была очень похожа на Лорел Смит, прямо ее старшая сестра.

— Миссис Флайшер?

Она мрачно кивнула.

— Мы разве знакомы? Что-то не узнаю.

— Я знаком с вашим мужем. Вы не знаете, где его найти?

Она развела руками. Под стеганым розовым халатом угадывалась ее располневшая фигура.

— Понятия не имею.

— Дело очень важное. Я специально приехал из Лос-Анджелеса.

Рука ее вытянулась и схватила мою повыше локтя.

— Что это Джек делал там, а?

— Боюсь, это секрет.

— Мне можно сказать. Я его жена.— Она потянула меня за руку.— Входите...

Я позволил ей ввести меня в большую мрачную гостиную. Она казалась какой-то нежилой, разве что выдержавшей испытание временем. Главным украшением в ней были расставленные на каминной полке призы, полученные Флайшером в состязаниях по стрельбе.

— Что будете пить? Я пью джин со льдом.

— И мне то же самое.

Шлепая туфлями, она вышла из комнаты и вернулась с низкими пузатыми стаканами, полными джина со льдом. Я отхлебнул из своего.

— Ваше здоровье!

— Садитесь-ка сюда! — Она показала на покрытую чехлом тахту, а потом уселась рядом.— Вы собирались рассказать мне, чем Джек занимается.

— Подробностей я не знаю. Похоже, он ведет расследование...

Она нетерпеливо прервала меня:

— Не давайте ему морочить себя. И сами его тоже не

покрывайте, ясно? Здесь замешана женщина, разве не так? Он снял квартиру в Лос-Анджелесе и опять живет там с этой женщиной. Верно?

— Вам видней, вы его лучше знаете.

— Еще бы! Мы женаты уже тридцать лет. И пятнадцать из них он гоняется все за той же юбкой. — Она наклонилась. — Вы видели эту женщину?

— Видел.

— Если я покажу вам ее фотографию, — предложила она, — вы скажете мне, это она или нет?

— При условии, что вы поможете мне найти Джека.

Она всерьез задумалась над моим предложением.

— Он отправился в сторону Сан-Франциско. Зачем, бог его знает. Я надеялась, он хоть ночь проведет дома. Но он принял душ, переоделся, съел ужин, который я приготовила для него, и был таков.

— А куда в Сан-Франциско?

— Я слышала, как он звонил в Пало Альто перед отъездом. Заказывал себе номер в «Сэндмен-мотеле». Вот все, что я знаю. Он ничего мне теперь не говорит, и я знаю почему. Потому что снова увивается вокруг этой юбки. По блеску в глазах вижу. — Голос ее жужжал от негодования, словно шершень, попавший в паутину. Она топила свой гнев в джине. — Я вам покажу ее карточку.

Она поставила пустой бокал на столик, инкрустированный отшлифованными камешками, вышла из комнаты и сразу вернулась. Протянула мне маленькую фотографию и включила торшер.

— Это ведь она, верно?

На фотографии была Лорел Смит, снятая, когда она была еще темноволосой двадцатилетней девушкой. Даже на этой маленькой, небрежно сделанной фотографии ее красота была очевидна. Мне припомнилось изуродованное лицо, когда ее грузили в «скорую», и я долго не мог избавиться от сознания, что время и насилие изувечили нечто ценное.

Миссис Флайшер повторила свой вопрос. Я ответил с осторожностью:

— По-моему, да. Где вы взяли этот снимок?

— Вынула из бумажника Джека, когда он принимал душ. Снова начал таскать его с собой. Это — старая фотография, она у него давно.

— Как давно?

— Дайте подумать. — Она принялась считать по пальцам. — Пятнадцать лет. Пятнадцать лет назад он подцепил

ее. И держал в Родео Сити, заверив меня, что она просто свидетельница, что у него чисто деловой интерес.

В глазах ее светилось удовлетворение. Сейчас она предала своего мужа, как когда-то он предал ее. Но как жена бывшего полицейского, она предала и себя.

Она взяла фотографию, положила ее на столик. Потом подняла свой стакан.

— Пейте.

Я не возражал. Дела можно раскрывать по-разному. Это дело раскрывалось вовсе не как распахивается дверь или даже разверзается могила и, уж конечно, не как распускается роза. Оно раскрывалось с помощью немолодой обиженной блондинки с червоточиной в сердцевине.

Я осушил свой стакан, и миссис Флайшер отнесла его на кухню. Вполне возможно, что на кухне она еще тайком выпила, потому что, возвращаясь, наткнулась на дверной проем гостиной.

Глаза ее разъезжались в стороны, и, покачиваясь передо мной, она пыталась сосредоточить их на одной точке, отчего паутина тонких морщин прорезалась еще глубже.

— Это та самая женщина, да? — спросила она.

— Я почти уверен, что та самая. Вы знаете, как ее зовут.

— В Родео Сити она называла себя Лорел Смит.

— И сейчас так же.

— Джек живет с ней в Лос-Анджелесе, да?

— Насколько мне известно, с ней никто не живет.

— Не пытайтесь провести меня. Вы, мужчины, всегда покрываете друг дружку. Только я-то чувствую, когда мужчина тратит деньги на женщину. Меньше чем за месяц он снял с нашего счета в банке сверх тысячи долларов. А я должна просить у него двенадцать долларов на парикмахера. — Она запустила руки в свои красивые волнистые волосы. — Она все еще хороша?

— Недурна. — Я собрался с духом, чтобы сделать и ей комплимент. — По правде говоря, она очень похожа на вас.

— И всегда так. Женщины, вокруг которых он увивается, всегда похожи на меня. Но от этого мне не легче, они всегда моложе. — Голос ее взвился словно хлыст, готовый опуститься ей же на спину. Но она ударила им Флайшера: — Грязная свинья! Тратит наши кровные денежки! А потом приходит домой и рассказывает, будто вложил их в нечто, что обеспечит нас на всю жизнь.

— Он объяснил, каким образом?

— Вам лучше знать. Вы же его закадычный друг, да?

Она удалилась из комнаты. Домашние туфли ее скользили по полу, тело кренилось вперед, будто ее необратимо несло куда-то по наклонной плоскости — в вечный ад покинутых женщин. На кухне что-то разбилось. Глянув в открытую дверь, я увидел, что она бьет в раковине посуду.

Вмешиваться я не стал. Это была ее посуда. Вернувшись в гостиную, я взял со столика фотографию Лорел и вышел из дома.

На соседнем крыльце стоял, прислушиваясь, седой мужчина в махровом халате. Увидев меня, он повернулся и ушел в дом. Пока он еще не закрыл дверь, я услышал, как он сказал:

— Джек Флайшер вернулся.

Глава 13

Одноэтажный дом Генри Лэнгстона находился в более новой части предместья к северу от города. Свет горел в доме и снаружи. Двери примкнувшего к дому гаража были открыты, но машины в гараже не было, только стоял у стены трехколесный детский велосипед.

Из дома вышла молодая женщина в пальто с меховым воротником. У нее были живые глаза и изящный овал лица. Не дойдя до меня, она замерла на месте, готовая испугаться.

— Я могу видеть мистера Лэнгстона? — спросил я ее.

— Зачем? Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего.

— Но ведь уже очень поздно.

— Прошу прощения. Я пытался найти его раньше. Он дома?

Она посмотрела через плечо на открытую входную дверь. Мое появление ее встревожило.

Я попытался улыбнуться полуночной улыбкой.

— Не расстраивайтесь. К вам это не имеет ни малейшего отношения. Просто мне необходимо задать ему несколько вопросов относительно одного из его бывших учеников.

— Я уверена, сегодня вечером он не захочет говорить с вами.

— А я уверен в обратном. Передайте ему, что речь идет о Дэйви Спеннере.

— Опять о нем.— Она вскинула голову, словно речь

шла о сопернике, затем прикусила губу.— Дэйви попал в новую беду или все еще не выбрался из старой?

— Я предпочел бы обсуждать это с вашим мужем. Вы, по-видимому, миссис Лэнгстон?

— Да. И я замерзла, устала и собралась спать. У нас был чудесный вечер с друзьями, а вот теперь вы все испортили.

— Мне очень жаль.

— Если вам так жаль, что же вы не уходите?

Она вошла в дом и захлопнула дверь с точно рассчитанной силой — от шести до семи баллов по шкале Рихтера. Я остался стоять где стоял — на выложенной плитками дорожке. Миссис Лэнгстон осторожно приоткрыла дверь, как иной заново открывает судебное дело.

— Извините, пожалуйста. Я понимаю, у вас что-то важное, иначе вы бы сюда не приехали. Вы из полиции?

— Я частный детектив. Моя фамилия Арчер.

— Генри вот-вот вернется. Он повез домой приходящую няню. Входите, ночь промозглая.

Она отступила в гостиную. Я последовал за ней. Комната была забита мебелью и книгами. Главным в гостиной был небольшой рояль с закрытой крышкой.

Миссис Лэнгстон встала возле него, словно взволнованная перед концертом певица.

— Я приготовлю вам кофе.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. И прошу вас, ничего не бойтесь.

— Это не из-за вас. Я боюсь Дэйви Спеннера.

— Вы испугались прежде, чем я успел назвать это имя.

— Разве? В самом деле, вы правы. Вы так странно на меня посмотрели, словно мне суждено умереть.

Я не стал говорить ей, что когда-нибудь это действительно случится. Она сбросила пальто. Стало ясно, что она где-то на шестом месяце беременности.

— Если не возражаете, я пойду лягу. И пожалуйста, не держите Генри всю ночь.

— Постараюсь. Спокойной ночи.

Она помахала мне пальчиками и ушла, оставив в комнате ощущение страха. Услышав на подъездной дорожке шум машины, я вышел на улицу.

Лэнгстон вылез из машины, оставив ее перед гаражом с зажженными фарами и невыключенным мотором. В воздухе веяло тревогой, это отражалось и на его лице. Он был рослый, некрасивый, светловолосый молодой человек с выразительными глазами.

— С Кейт все в порядке?

— Ваша жена прекрасно себя чувствует. Она впустила меня в дом и ушла спать.— Я представился ему.— Сегодня вечером в городе был Дэйви Спеннер.

Взгляд Лэнгстона ушел куда-то в сторону, словно я тронул невидимую антенну. Он вернулся к своей машине, выключил мотор и фары.

— Давайте поговорим в машине, ладно? Я не хочу ее беспокоить.

Мы расположились на переднем сиденье и осторожно закрыли двери.

— А вы сегодня вечером случайно не видели Дэйви?

Он ответил не сразу.

— Видел. Накоротке.

— Где?

— Он приходил сюда.

— Примерно в какое время?

— В восемь. Кейт как раз поехала за Илейн. Это старшекласница, которая остается присматривать за нашим сыном, когда мы уходим. Хорошо, что Кейт не было дома. И вернулась она, к счастью, после его ухода. Дэйви действует Кейт на нервы, понимаете?

— Не только ей.

— Он опять бился головой об стену? — скосил на меня глаза Лэнгстон.

— Вы это так называете?

— Дэйви — саморазрушитель.

— Я-то волнуюсь не за него. С ним была девушка по имени Сэнди?

— Была. Из-за нее в первую очередь он ко мне и приехал. Он просил, чтобы я, то есть мы с Кейт, присмотрели за ней, пока его не будет. Он сказал, что они собираются пожениться, но сначала он должен покончить с одним делом. На это ему потребуется день или два.

— Он объяснил, какое дело?

— Нет. Но, как я понял, малоприятное. Он сказал, что было бы очень хорошо, если бы Сэнди пожила у нас, пока он не покончит со всем.

— Почему именно у вас?

— Я и сам себя все время спрашиваю об этом,— ответил он, криво усмехнувшись.— Почему именно у меня? Ответ простой: я сам напросился. Я принимал слишком большое участие в его делах несколько лет назад. А когда вникаешь всей душой, отвыкнуть нелегко, сами знаете. Тогда это чуть не разрушило мою семейную жизнь. Больше

такое не повторится. Поэтому я отказал Дэйви. Он очень тяжело принял отказ, словно я его подвел. Но выбирать надо было одно из двух: либо подвести его, либо погубить семью.

— А как реагировала на это девушка?

— Мне не пришлось с ней говорить. Я лишь видел ее в машине. Она сидела очень бледная и напряженная. А Дэйви стоял. Но я не мог взять на себя ответственность за нее. По правде говоря, я хотел, чтобы они уехали до возвращения Кейт. У нее скоро будет ребенок. С первым нашим сыном она так намучилась, что я должен оберегать ее от лишних волнений.

— Вы правы.

— Надо выбирать, что главное, а что второстепенное, — продолжал он. — Иначе израсходишься и потерпишь полный крах. — Он говорил, как человек, который повторяет трудный урок. Но судьба девушки не могла не волновать его. — Она на самом деле невеста Дэйви?

— Они так думают. Хотя она убежала из дому и ей всего семнадцать лет. Ее родители пригласили меня, чтобы я нашел ее и вернул назад.

— По этой причине вы и приехали сюда?

— Отчасти. Скажите, а что еще привело Дэйви к вам?

— Что еще?

— Вы сказали, одна из причин кроется в девушке. А другие?

— Это связано с его историей, — мрачно ответил Лэпстон. — Он хотел кое-что узнать, кое-что очень важное касательно его самого. Как я уже говорил, я глубоко увяз в его деле несколько лет назад, когда он еще был учеником нашей школы. Теперь я понимаю, что слишком глубоко. Когда я учился в колледже, я проходил курс психологии и решил, что могу вылечить Дэйви. Но все обернулось иначе. Я даже не знаю, как объяснить. — Вид у него был озадаченный, он задумался, словно пытался объяснить самому себе, что же тогда произошло. — Мы очень подружились. Временами мне казалось, что в наших характерах много общего. Я мог чувствовать, как он, и думать, как он. Ужасно тяжело так сопереживать... — Он вдруг замолчал. — С вами не случалось ничего подобного?

— Нет. Так вы собирались рассказать историю Дэйви.

— Да не было у него никакой истории, в том-то и беда. Я думал, что смогу помочь ему, создав ее. Но он не выдержал этого. Честно говоря, я тоже. Именно я не

справился с ситуацией, поскольку я был воспитателем, а он пострадавшим шестнадцатилетним подростком.

Вероятно, Лэнгстон и сам настрадался. Его сознание, казалось, прорывается сквозь магнетические поля памяти, которая искажает все, о чем он говорит. Я снова вернул его к теме нашего разговора.

— Это правда, что его отец был убит?

Он вонзился в меня взглядом:

— А вы знаете про смерть его отца?

— Знаю. Так как же это произошло?

— Точно я так и не сумел выяснить. Очевидно, он попал под поезд где-то возле Родео Сити. Поезд переехал его и отрезал ему голову. — Лэнгстон схватился за горло. — Он был совсем молодой тогда, моложе, чем я сейчас.

— Как его звали?

— Похоже, никто не знает. При нем не было никаких документов. По версии помощника шерифа, который вел это дело...

— Джека Флайшера?

— Да. Вы с ним знакомы?

— Я его разыскиваю, чтобы познакомиться. Так какая у него была версия?

— Что этот человек был сезонным рабочим, который ехал на платформе с бревнами и случайно упал. Только в этой версии есть огромный провал. С рабочим ехал трехлетний сын, который, если его отец действительно упал с идущего поезда, должен был бы тоже упасть. Однако Дэйви остался невредим, во всяком случае, физически. Но перенес тяжелое психическое потрясение, — добавил он. — И я уверен, что в этом источник всех его дальнейших бед. Он целую ночь просидел у железнодорожного полотна рядом с обезглавленным телом. — Голос Лэнгстона совсем стих, я едва мог разобрать, что он говорил.

— Откуда вы все это знаете?

— Флайшер нашел Дэйви рядом с трупом. И сам Дэйви подтверждает это. Я помог ему воскресить все в памяти. Я думал, ему будет от этого легче. Но, боюсь, ошибся. Теперь я понимаю, что осмелился быть психиатром, не получив соответствующего образования.

В его голосе слышалось раскаяние.

— Дэйви пришел в ярость и накинулся на меня. Мы были в моем школьном кабинете, поэтому сохранить в тайне случившееся я никак не мог. Да и на самом деле он сильно избил меня. Его исключили из школы, несмотря на мои протесты. Но я помог хотя бы в том, что Дэйви не

отправили в исправительную школу. Это все, что мне удалось сделать. А сегодня, когда он явился сюда вечером, он настаивал, чтобы я точно указал ему место, где было найдено тело его отца. Это остается у него навязчивой идеей.

— И вы ему сказали?

— Да. Иначе он бы не уехал.

— А меня вы можете отвезти на это место? Сегодня же?

— Мог бы. Но туда ехать не меньше часа вдоль побережья.— Он посмотрел на часы.— Уже больше половины первого. Если я повезу вас, раньше трех я домой не вернусь. А без четверти восемь мне надо быть уже в школе.

— Забудьте про школу. Вы же сами сказали: надо отличать главное от второстепенного. В данном случае речь идет о жизни и смерти человека.

— Какого человека?

Я рассказал Лэнгстону о хрипах в багажнике машины.

— Поначалу я было подумал, что похищение совершенно ради денег. Эти похитители со временем делаются все моложе. Но и мотивы похищения со временем тоже меняются. Все чаще это лишь страсть к насилию, желание испытать свою власть над другими. Бог знает, что там у Дэйви на уме. Или, на этот раз, у девушки. Возможно, они хотят воспроизвести сцену гибели его отца.

Мне удалось завладеть вниманием Лэнгстона. Психологически он уже не мог противиться искушению принять участие в поисках.

— Наверное, вы правы. Он очень настойчиво выпрашивал, где это место. Полиция в курсе дела?

— Нет. Семья похищенного просила, чтобы я один разобрался во всем.

— А кто он?

— Лос-анджелесский финансист. Отец девушки работает в одном из его банков.

— Да, дело, пожалуй, более сложное, чем преступление ради денег.

— Вы мне поможете? — спросил я.

— У меня вроде нет выбора. Мы возьмем вашу машину, хорошо?

— Как скажете, мистер Лэнгстон.

— Пожалуйста, зовите меня просто Хэнком, как все.— Он вылез из своего фургона.— Зайдем на минутку в дом? Мне надо оставить записку жене.

Он писал записку на крышке рояля, а я тем временем

бегло просмотрел его книги. Они охватывали удивительно широкий круг интересов, включая историю и право.

Записку жене он оставил на пюпитре рояля и направил на нее свет маленькой лампочки. Украдкой я прочитал записку:

«Моя дорогая.

Если ты проснешься и удивишься, где я, то знай, что я уехал ненадолго с мистером Арчером. Если кто-нибудь подойдет к входной двери, не открывай. И пожалуйста, не волнуйся. Я тебя очень люблю, не сомневайся. Скоро вернусь. Целую. Х. (12.30 ночи)».

Глава 14

Я сам повел машину и предложил Лэнгстону поспать. Он утверждал, что не хочет, однако, когда мы выбрались на шоссе, он пригасил сигарету и задремал.

Шоссе, сделав петлю в глубь горного ущелья, ушло от океана, а затем снова вернулось к нему. Железная дорога шла между океаном и горами, и время от времени я видел отблеск ее рельсов.

Машин на шоссе было мало. В основном эта северная часть страны была пустынной местностью. На приокеанской полосе тьму пересекали лишь всполохи нефтяных вышек да огни бензоколонок. А вверх по склонам гор тянулись поля. В полях, словно каменные изваяния, замерли стада.

— Нет! — закричал Лэнгстон во сне.

— Проснитесь, Хэнк!

Он казался совершенно ошеломленным.

— Жуткий сон! Мы трое... — Он замолк на полуслове и уставился в проносящуюся мимо ночь.

— Кто трое?

— Моя жена, я и Дэйви. Отвратительный сон.

— Вы боитесь, что Дэйви может снова заявиться к вам домой? — спросил я, помолчав.

— Мне это приходило в голову, — признался он. — Но он никогда не сделает ничего с человеком, которого я люблю.

Он говорил, не поворачивая головы. Видимо, следовало оставить его дома, подумал я, но теперь жалеть было поздно. Если верить спидометру, от его дома я проехал уже более пятидесяти миль.

— Далеко еще, Хэнк?

— Точно не могу сказать. Когда увижу это место, я его узнаю. Вам надо будет сделать левый поворот и съехать на дорогу, покрытую гравием. Она пересекает железную дорогу.— Он напряженно вглядывался во тьму.

— Вы давно были там в последний раз?

— Года три назад. Помощник шерифа Флайшер возил меня туда.

— Зачем вас туда понесло?

— Я хотел точно представить себе, как все могло произойти. Люди в приюте рассказывали мне, что, когда Дэйви привели туда, он был как в столбняке — не мог ни говорить, ни воспринимать, что говорят. Я пробовал у них узнать, в чем дело. Но Флайшер ничего им толком не рассказал.

— А с вами он поделился?

— Разве полицейские чем-нибудь делятся? И я могу понять полицейского, которому вовсе не хочется делиться добытыми им сведениями. Когда мы ездили с ним сюда, он сказал, что уже двадцать лет занимается этим делом.

— Он так и сказал?

— Да.

— Значит, он не считает это несчастным случаем?

— Не знаю, что он считает.— Лэнгстон вытянул шею.— Сбавьте скорость. Мы подъезжаем к повороту.

В нескольких сотнях ярдов перед нами в свете фар идущего навстречу грузовика я разглядел уходящую влево покрытую гравием дорогу. У поворота «голосовал» одинокий путник. Это оказалась девушка, она стояла к нам спиной и неистово махала водителю грузовика. Но грузовик на скорости промчался мимо нее, потом мимо нас.

Я сделал левый поворот и вылез из машины. На девушке были темные очки, как будто сама ночь была для нее недостаточна темна. Она резко повернулась. Мне даже показалось, она собралась бежать. Но ноги ее словно приросли к гравию.

— Сэнди?

Она мне не ответила, но, узнав, чуть застонала. Я как бы со стороны, с высоты птичьего полета увидел себя: на пустынном перекрестке мужчина приближается к перепуганной девушке. Правда, мои намерения в этой картине не отразились.

— Где те двое, Сэнди?

— Не знаю. Я убежала и спряталась за деревьями.

Она махнула рукой в сторону сосновой рощи за желез-

ной дорогой. От нее еще веяло запахом сосен, я его почувствовал.

— Он положил мистера Хэкетта поперек рельсов, и я ужасно испугалась. Сначала я думала, он не всерьез это затеял, а только делает вид. Я никак не ожидала, что он на самом деле хочет его убить.

— Хэкетт без сознания?

— Нет, но он связан по рукам и ногам, во рту кляп. Когда он лежал на рельсах, он казался таким беспомощным. Он прекрасно понимал, где он. Я догадалась по звукам, какие он издавал. Я просто не могла этого выдержать и убежала. А когда вернулась туда, их уже не было.

К нам направился Лэнгстон. Гравий шуршал у него под ногами. Девушка шарахнулась в сторону.

— Не бойтесь, — сказал он.

— Кто вы? Я разве вас знаю?

— Меня зовут Генри Лэнгстон. Дэйви просил, чтобы я о вас позаботился. Выходит, мне все-таки суждено позаботиться о вас.

— Я вовсе не хочу, чтобы обо мне кто-нибудь заботился. Со мной все в порядке. Я могу «проголосовать».

Она произнесла это с уверенностью, но только по инерции, потому что с ее состоянием уверенность не вязалась.

— Пошли, — позвал он. — Не надо упрямиться.

— У вас есть сигареты?

— Целая пачка.

— Если дадите мне сигарету, я поеду с вами.

Он вынул пачку и торжественно вручил ей. Она взяла одну сигарету. Руки у нее дрожали.

— Дайте закурить.

Лэнгстон протянул ей спички. Она закурила и глубоко затянулась. Кончик сигареты отражался в стеклах ее темных очков, как два горящих маленьких красных глаза.

— Ладно. Пойдемте в машину.

Она села на переднее сиденье между Лэнгстоном и мной и закурила сигарету.

— Не очень-то удачной оказалась ваша затея, — сказал я. — Кто это все придумал?

— В основном Дэйви.

— Что у него на уме?

— Я уже сказала, он собирался убить мистера Хэкетта. Положить поперек рельсов, чтобы его переехал поезд.

— И ты согласилась с ним?

— Я не верила, что он это сделает. Да он ведь и не сделал.

— В этом надо еще убедиться.

Я отпустил ручной тормоз. Машина съехала под уклон к переезду, отмеченному старым деревянным знаком — крест-накрест.

— Куда он положил мистера Хэкетта?

— Вот сюда, у самой дороги.— Сэнди показала на северную сторону переезда.

Я вышел из машины и с помощью электрического фонарика осмотрел пути. На гравии отпечатались глубокие свежие следы. И все равно трудно было вообразить себе сцену, описанную девушкой.

Я вернулся к машине.

— Дэйви не говорил, почему он выбрал именно это место?

— Наверное, считал, что здесь удобнее убить мистера Хэкетта. Но потом, когда я убежала, он, вероятно, передумал.

— А почему в качестве жертвы он выбрал именно мистера Хэкетта?

— Понятия не имею.

Я заглянул в открытую дверь машины.

— А надо бы, Сэнди. Ведь мистер Хэкетт — друг вашей семьи. Или был другом.

— Мне он не друг,— ответила она сдержанно.

— Ты дала это понять достаточно ясно. Что же такого сделал Хэкетт?

Она повернулась к Лэнгстону.

— Я ведь не обязана отвечать, правда? Я несовершеннолетняя, но на адвоката у меня есть право.

— У тебя не только есть право,— вставил я,— тебе просто необходимо взять адвоката. Но тем, что будешь отмалчиваться, ты себе не поможешь. Если мы не помешаем твоему приятелю, тебе придется в конце концов отвечать перед судом за все, что он совершит.

Она снова апеллировала к Лэнгстону — он ведь угостил ее сигаретой:

— Все это неправда, да?

— Почему же, может и так случиться.

— Но ведь я несовершеннолетняя.

Я опять вмешался:

— При серьезном обвинении тебя это не защитит. Ты и так уже замешана в похищении человека. Если Хэкетт будет убит, тебя признают соучастницей в убийстве.

— Но я ведь убежала.

— Это не очень-то поможет, Сэнди.

Она была потрясена. По-моему, она начала кое-что соображать, ощущать реальность места и времени, понимать, что все это происходит в ее жизни и что ничего хорошего в этом нет.

Меня охватило сочувствие к ней. Эта сцена стала частью и моей жизни тоже, сосновая роща, черневшая на фоне темного неба, железнодорожные рельсы, как стальная неизбежность, бегущие с севера на юг. Запоздалая луна, как запоздалая мысль, повисшая низко над землей.

Где-то вдалеке луч головного прожектора поезда прочертил к северу светящуюся дугу. Он неслся на нас, покачиваясь, вырывая из темноты причудливые узоры, волоча за собой товарный состав. Фары моей машины освещали рельсы, и я видел, как они прогибаются под тяжестью локомотива. Оглушительный стук колес завершил неумолимую реальность этой картины.

Сэнди испустила придушенный крик и, проскочив мимо меня, кинулась было бежать. Я силой усадил ее обратно в машину. Она попыталась вцепиться мне в лицо. Пришлось дать ей пощечину. Надо сказать, мы оба вели себя так, словно шум поезда отрезал нас от всего человеческого, мы перестали быть людьми.

Когда поезд умчался на юг, Лэнгстон сказал:

— Теперь успокойтесь. В насилии нет смысла.

— Скажите об этом Дэйви Спеннеру, — предложил я.

— Говорил много раз. Будем надеяться, что он помнит. — Он обратился к девушке: — Сэнди, мистер Арчер совершенно прав. Если вы поможете нам, вы поможете себе. Должны же вы иметь представление, куда мог поехать Дэйви.

— Он сам толком не знал. — Сэнди дышала тяжело. — Он часто говорил про какое-то место среди холмов, где раньше жил. Но где оно, он не знал.

— Вы уверены, что такое место есть?

— Он считал, что есть. Я не знаю.

Я сел за руль. Наше короткое сражение разогрело ее. Я это почувствовал, когда она села рядом. Очень жаль, подумал я, что ее родители не сумели еще годик-другой держать ее на коротком поводке. Очень плохо для нее и для них.

На обратном пути я задал Сэнди еще несколько вопросов. В ответах о себе и о своих отношениях с Дэйви она

была уклончива. Но одно я постиг с облегчением: кто бы ни избил Лорел Смит, Сэнди об этом ничего не знала. Что же касается Дэйви, сказала она, они провели вместе весь день.

Глава 15

Было уже больше трех ночи, когда мы вернулись в Санта-Тересу. Я попросил Лэнгстона зайти с нами в мотель. Судя по всему, он действовал успокаивающе на Сэнди.

Себастиан услышал наши шаги и распахнул дверь прежде, чем я успел постучать. Лучи света хлынули на его дочь. Она стояла, глядя на него с вызовом.

Он бросился к ней с распростертыми объятиями. Она резко отступила. Спокойным, уверенным движением, полным презрения, закурила сигарету и пустила дым в его сторону.

— Я не знал, что ты куришь, — растерянно произнес он.

— Когда могу достать, курю марихуану.

Мы вошли в номер Себастиана, я замыкал шествие. Он обернулся ко мне:

— Где вы ее нашли?

— На шоссе. Это заслуга мистера Лэнгстона. Он помог отыскать ее.

Мужчины пожали друг другу руки. Себастиан выразил Лэнгстону свою благодарность. Но смотрел при этом на дочь с таким видом, будто сомневался, есть ли за что благодарить. Она сидела на краю кровати, положив ногу на ногу, и наблюдала за ним.

— Неприятности у нас не кончились, — сказал я. — Поэтому у меня есть несколько предложений. Во-первых, отвезите вашу дочь домой и не оставляйте ее без присмотра. Если вы и ваша жена сами не справитесь, пригласите кого-нибудь в помощь.

— Кого именно?

— Возможно, сиделку для душевнобольных. Посоветуйтесь с врачом.

— Он думает, что я спятила, — сказала Сэнди, обращаясь в пространство. — Это он спятил, а не я.

— Мистер Себастиан, у вас есть хороший адвокат? — не поглядев на нее, спросил я.

— У меня вообще нет адвоката. Мне он никогда не был нужен.

— Теперь понадобится. Попросите кого-нибудь рекомендовать вам адвоката по уголовным делам и предоставьте ему возможность сегодня же поговорить с Сэнди. Ее ждут серьезные неприятности, поэтому ей лучше содействовать представителям закона.

— Но я вовсе не хочу, чтобы ее вовлекли в судебное дело.

— У вас нет выбора.

— Глупости! Миссис Марбург сказала же вам, чтобы все шло частным порядком.

— С миссис Марбург я тоже поговорю. Дело так разрослось, что одному мне не справиться.

Сэнди рывком кинулась к двери. Прежде чем она достигла ее, Лэнгстон схватил ее одной рукой за талию. Она пригнала ему запястье сигаретой. Не выпуская, он бросил ее на кровать и стал над ней, тяжело дыша. Я почувствовал запах гари.

Кто-то забарабанил в стену из соседнего номера:

— Эй вы, кончайте шуметь!

Себастиан взирал на дочь с болезненным интересом. Она как-то вдруг выросла, превратившись в источник неприятностей. Он, должно быть, гадал, насколько крупными будут эти неприятности.

— Мне кажется, нам лучше уехать отсюда,— предложил я.— Вы собираетесь звонить жене?

— Да, я совсем забыл!

Он подошел к телефону и после нескольких попыток сумел разбудить девицу на коммутаторе. Его жена ответила сразу же.

— У меня чудесные новости,— сообщил он дрожащим голосом.— Сэнди рядом со мной. Я везу ее домой.— От собственных слов у него затуманились глаза.— Да, все в порядке. Часа через два увидимся. А сейчас лучше иди поспи.

Он повесил трубку и повернулся к Сэнди.

— Твоя мама просила поцеловать тебя.

— Очень нужно!

— Разве ты нас совсем не любишь?

Она повернулась лицом вниз и замерла на постели. Я ушел в свой номер, чтобы тоже позвонить.

Мне нужен был Уилли Мэки, который заправлял сыскным агентством в Сан-Франциско. Ответила телефонная служба и тут же передала вызов в квартиру Уилли на Калифорния-стрит. Он отозвался невнятным со сна голосом.

— Мэки слушает.
— Это Лью Арчер. У тебя сегодняшний день свободен?
— Могу освободиться.
— Прекрасно. У меня есть для тебя дело в ваших краях. Надо сесть на хвост одному человеку. Но дело может оказаться серьезным. Карандаш под рукой?
— Сейчас возьму, подожди.— Уилли отошел и быстро вернулся.— Давай.

— Знаешь «Сэндмен-мотель» в Пало Альто?
— Да, это на Камино Реаль. Бывал там.
— Сегодня вечером там, возможно, остановился человек по имени Джек Флайшер, бывший помощник шерифа из Санта-Тересы. Постарайся разведать, зачем. Мне надо знать, куда он поедет и с кем и о чем будет разговаривать. Ни в коем случае не теряй его из виду, даже если это будет стоить денег.

— Сколько можно тратить?
— На твое усмотрение.
— Можешь сказать мне, в чем суть дела?
— Все знает Джек Флайшер, не я. Могу только сказать, речь идет о человеческой жизни.

— Чьей?
— Его фамилия Хэккетт. Его похитил девятнадцатилетний Дэйви Спеннер.— Я описал обоих на случай, если они объявятся в поле зрения Уилли.— Хэккетт очень богат. Но цель похищения, похоже, не выкуп.

Я вернулся в номер Себастиана. Сэнди по-прежнему лежала лицом вниз на кровати. Лэнгстон стоял над ней.

— Я заброшу вас домой,— сказал я ему.— Очень сожалею, что испортил вам ночь.

— Ничуть. Я был рад помочь, готов помогать и дальше. Только мне кажется, я должен сообщить обо всем в местную полицию.

— Предоставьте это мне, ладно?

— Разумеется.

Сэнди по первому же моему слову поднялась, и мы четверо поехали через город. В доме Лэнгстона горел свет. Его жена выбежала ему навстречу в красном кимоно.

— Я не могла спать. Ужасно боялась, не случилось ли с тобой чего-нибудь.— Она повернулась ко мне.— Вы же обещали не держать его всю ночь.

— А я и не держал. И кроме того, сейчас только четыре часа.

— Только четыре!

— Тебе нельзя стоять здесь на холоде,— Лэнгстон

повел ее в дом, помахав мне рукой прежде, чем захлопнуть дверь.

Поездка на юг в Малибу была невеселой. Сэнди сидела между отцом и мною и всю дорогу молчала. Себастиан сделал несколько попыток заговорить с ней, но она притворилась глухой.

Одно было ясно. Изменив правила игры и включив в нее оскорбление, она одержала над ним верх. Он мог потерять больше, чем она. И терял, но не утратил надежды уцепиться за что-нибудь. А она вела себя так, будто ей уже терять нечего.

Я высадил их у стоянки, где Себастиан оставил свою машину. Подождал, пока они в нее сядут и выхлопная труба выпустит голубой дымок. Сэнди больше не пыталась бежать. Возможно, она уже поняла, что бежать ей, собственно, некуда.

Перед узкой полосой вытянувшегося вдоль побережья города шумел прибой. Отблески высоких волн, чуть фосфоресцирующих в час рассвета, мелькали передо мной между домами.

Начинать новый день было еще рано. В первом же попавшемся мотеле я снял себе комнату.

Глава 16

Проснулся я ровно в семь. Желудок мой бунтовал. Выйдя на улицу, я отыскал местечко, где мог съесть кусок жареной ветчины, яичницу-глазунью, целую гору поджаренного хлеба, блинчики с малиновым сиропом и выпить несколько чашек черного кофе.

Только после этого я почувствовал себя как никогда готовым к разговору с миссис Марбург. Не предупредив ее телефонным звонком, я помчался в усадьбу Хэкеттов. Ворота стояли настежь открытыми. Когда я объезжал искусственное озеро, у меня появилось неприятное чувство — *déjà-vu*¹. Утки так и не вернулись, а водяные курочки все еще оставались на дальнем берегу.

Перед домом стоял двухдверный «кадиллак», по всем признакам принадлежащий доктору. У входа меня встретил молодежавший на вид мужчина с умными глазами и стального цвета шевелюрой.

— Я доктор Конверс. Вы из полиции?

---

¹ Уже было (франц.).

— Нет, я частный детектив, приглашенный миссис Марбург.— Я назвал ему свое имя.

— Она вас не упоминала.— Он отошел от дверей и захлопнул их за собой.— Что здесь происходит? Что-то случилось со Стивенем Хэкеттом?

— Миссис Марбург ничего вам не говорила?

— Она намекала на большие неприятности. Но, видимо, считает, что можно справиться с бедой, не говоря о ней ни слова. Она устроила грандиозный скандал, когда я настаивал на вызове полиции.

— Чем она объясняет нежелание обратиться в полицию?

— У нее навязчивая идея, что все они коррумпированы и некомпетентны. Я полагаю, она пришла к такому заключению после случая с ее предыдущим мужем.

— А что с ним произошло?

— Я думал, вы знаете... Лет пятнадцать назад его застрелили на берегу океана. Подробностей не знаю, я тогда еще не работал здесь, но, по-моему, убийцу так и не поймали. Однако вернемся к нынешним событиям. Я объяснил миссис Марбург, что закон требует от врачей и больниц, чтобы они сообщали в полицию о серьезных увечьях.

— Вы говорите о Лупе?

— Да. Я вызвал «Скорую помощь» и отправил его в больницу.

— Он в тяжелом состоянии?

— Не берусь судить. Я терапевт, а не нейрохирург. Ранения в голову могут иметь последствия. Я передал его в руки весьма уважаемого доктора Сандерленда из больницы святого Иоанна.

— Лупе в сознании?

— Да, но говорить о случившемся отказывается.— Пальцы доктора Конверса пощипывали мое плечо. От него исходил запах хвои, и мне захотелось чихнуть.— Вы знаете, кто нанес ему удар по голове?

— Семнадцатилетняя девочка. Наверное, Лупе стыдится этого.

— А как ее зовут, знаете?

— Сэнди Себастиан.

Он почему-то нахмурился.

— Вы уверены?

— Да.

— Но Сэнди девочка совсем не агрессивная.

— Вы ее хорошо знаете, доктор?

— Видел раз-другой как специалист. Несколько месяцев тому назад.— Его пальцы крепче вцепились в меня.— Что же такое произошло между нею и Лупе? Он бросился на нее?

— Как раз наоборот. Сэнди и ее приятель набросились на него. Лупе защищался. И, по-видимому, защищал мистера Хэкетта.

— Так что же все-таки с мистером Хэкеттом? Мне вы можете сказать. Я его лечащий врач.— Но авторитета Конверсу явно не хватало. Он говорил и выглядел как доктор, который зарабатывает деньги тем, что позволяет себе только в должном тоне общаться с богатыми пациентами.— Его тоже ранили?

— Его похитили.

— Ради выкупа?

— Очевидно, в виде протеста.

— И в этом повинны мисс Себастиан и ее приятель?

— Да. Этой ночью я нашел Сэнди и доставил ее домой. Сейчас она в Вудленд Хиллс со своими родителями. Состояние ее психики оставляет желать лучшего. Я думаю, ей нужен доктор. Если вы ее врач...

— Нет, нет.— Доктор Конверс отпустил мое плечо и отшатнулся, словно я вдруг стал каким-то заразным.— Я всего раз видел ее прошлым летом, и с тех пор мы не встречались. Не могу же я позвонить им и навязывать свои профессиональные услуги.

— Пожалуй, да. От чего вы ее лечили прошлым летом?

— Врачебная этика не позволяет мне говорить об этом.

Наш контакт вдруг разладился. Я пошел в дом поговорить с миссис Марбург. Она полулежала в глубоком кресле в гостиной спиной к окну. Под глазами у нее были темные мешки. Она не переодевалась со вчерашнего вечера.

— Безуспешно? — охрипшим голосом спросила она.

— Да. Вы совсем не спали?

— Ни минуты. Я провела ужасную ночь. Никак не могла вызвать сюда доктора. А когда, наконец, явился доктор Конверс, он стал требовать, чтобы мы обо всем информировали полицию.

— По-моему, это — верная мысль. Следует изложить им суть дела. И они сделают то, чего мне никогда не удастся, найми я хоть тысячу помощников. У них, например, есть новая компьютерная система, в которую введены номерные знаки всех машин штата. А нам сейчас важнее всего найти «дарт» Себастиана.

Она со свистом втянула в себя воздух.

— Лучше б мне никогда не слышать об этом подонке и его мерзавке-дочери.

— Между прочим, я нашел ее. Может, вас это несколько утешит.

— Где она? — выпрямилась миссис Марбург.

— Дома с родителями.

— Жаль, что не привезли ее сюда. Я бы дорого дала, чтобы узнать, что таится у нее в голове. Вы допросили ее?

— Более-менее. Она не очень охотно отвечала.

— Какие у нее были мотивы?

— Чистая злоба, насколько я понял. Ей хотелось как можно больней ранить отца.

— Тогда почему, ради всего святого, они не похитили его?

— Понятия не имею. У девушки были какие-нибудь нелады с вашим сыном?

— Разумеется, нет. Стивен прекрасно к ней относился. Но больше всего она, само собой, дружила с Гердой.

— Где сейчас миссис Хэкетт?

— Герда все еще в своей комнате. Пускай спит, она нам ни в чем не помощник. Ничем не лучше Сидни.

Она говорила раздраженно и с нетерпением, на грани отчаяния. Миссис Марбург, по-видимому, принадлежала к тем упрямым натурам, которые, если случается несчастье, пытаются овладеть ситуацией и сами принимать все решения. Но тут дело выскользнуло у нее из рук, она прекрасно сознавала это.

— Вам нельзя не спать и все брать на себя. Борьба может затянуться, а исход оказаться печальным.

— Стивен мертв? — наклонилась она ко мне.

— Мы не должны исключать такую возможность. У Спеннера это не игра. Похоже, он одержим манией убийства.

— Откуда вам это известно? — Она очень рассердилась. — Вы просто хотите меня запугать, разве не так? Тогда я прибегну к помощи полиции.

— Я излагаю вам факты, чтобы вы могли принять правильное решение. Этой ночью Спеннер положил вашего сына поперек рельсов на железной дороге. Он хотел, чтобы его переехал товарный поезд.

Она глядела на меня в полном изумлении.

— Товарный поезд?

— Я понимаю, это звучит дико, однако это именно так. Сэнди видела, как это случилось. Она испугалась и в

критический момент сбежала от Спеннера. Так что почти наверняка она не лжет.

— А что случилось со Стивенсом?

— Когда девушка убежала, Спеннер отказался от своего намерения. Но он может к нему снова вернуться. Железных дорог в Калифорнии хватает, и товарные составы идут беспрерывно.

— Что ему от нас надо?

— Сомневаюсь, что он мог бы сам ответить, если бы вы спросили его. Видимо, он действует, исходя из каких-то детских воспоминаний.

— Все это какая-то ерунда.

— Отнюдь нет. Я беседовал со школьным воспитателем Дэйви Спеннера из Санта-Тересы. Отца Дэйви, когда ему было всего три года, на этом самом месте задавил поезд. Это случилось у него на глазах.

— Где это место?

— В северной части округа Санта-Тересы, близ Родео Сити.

— Мне не знакомы эти места.

— Мне тоже. Но теперь они могут быть уже в сотне миль оттуда. Где-нибудь в Северной Калифорнии или за ее пределами, в Неваде или Аризоне.

Она отмахнулась от моих слов, словно от мух, жужжащих вокруг ее головы.

— Вы пытаетесь запугать меня?

— Ни в коем случае, миссис Марбург. Вы ничего не добьетесь, держа это дело в тайне. Я один не найду вашего сына, мне не хватает данных. А те, что у меня есть, следует передать полиции.

— У меня уже был неудачный опыт с местной полицией.

— Вы имеете в виду смерть вашего мужа?

— Да.— Она окинула меня спокойным взглядом.— Кто вам об этом сказал?

— Не вы. А думаю, должны были сказать вы. Убийство вашего мужа и похищение сына могут иметь между собой некую связь.

— Не вижу, откуда ей взяться. Мальчику Спеннеру могло быть не больше четырех-пяти лет, когда убили Марка Хэкетта.

— Как он был убит?

— Его застрелили на берегу.

Она потерла рукой висок, словно смерть ее мужа оставила саднящий рубец на ее голове.

— На берегу в Малибу?

— Да. У нас есть приморский коттедж, и Марк любил по вечерам там гулять. Какой-то неизвестный подошел к нему сзади и выстрелил в голову из револьвера. Полиция арестовала с десятков, а то и больше подозреваемых — в основном бродяг и местных бездельников. Но против них не было достаточных улик, чтобы передать дело в суд.

— Его ограбили?

— Взяли бумажник, который тоже не нашли. Теперь вы понимаете, почему я отнюдь не горячая поклонница здешней полиции?

— И тем не менее, польза от нее есть. Да они так и так придут сюда. Мне нужно ваше разрешение, чтобы откровенно разговаривать с ними.

Она сидела в торжественном молчании. Было слышно, как она дышит, отмеряя тягостные секунды.

— Я вынуждена принять ваш совет, не так ли? Если Стивена убьют из-за того, что я приняла неверное решение, мне все равно не жить. Делайте, что сочтете нужным, мистер Арчер. Приступайте! — Она взмахом руки отпустила меня, затем снова позвала назад от двери: — Учтите, я хочу, чтобы вы продолжали поиски.

— Я так и полагал.

— Если вы сами найдете Стивена и привезете домой живым, я по-прежнему готова заплатить вам сто тысяч. На текущие расходы вам что-нибудь надо?

— Не мешало бы. Мне помогает один сыщик из Сан-Франциско, некий Уилли Мэки. Можете дать мне аванс в тысячу долларов?

— Сейчас заполню чек. Где моя сумка? — Повысив голос, она крикнула: — Сидни! Где моя сумка?

Из соседней комнаты появился ее муж. На нем был перепачканный красками халат, нос тоже был измазан чем-то красным. Глаза его смотрели сквозь нас, словно мы были прозрачными.

— В чем дело? — спросил он с раздражением.

— Я хочу, чтобы ты нашел мою сумку.

— Ищи сама. Я работаю.

— Не разговаривай со мной таким тоном.

— Я не выбирал никакого особого тона.

— Не будем спорить. Пойди и найди мою сумку. Тебя не убудет, если сделаешь что-нибудь полезное для разнообразия.

— Рисовать очень полезно.

Она приподнялась из своего глубокого кресла.

— Я сказала, не будем спорить. Принеси мою сумку. Наверное, я оставила ее в библиотеке.

— Ладно, если ты так уж хочешь настоять на своем.

Он вышел и вернулся с сумкой. Она выписала мне чек на тысячу долларов. Марбург вернулся к своим краскам.

Затем из участка прибыли два помощника шерифа. Миссис Марбург и я разговаривали с ними в большой гостиной. Доктор Конверс слушал, стоя в дверях, и скользил по лицам своим умным взглядом.

Позже я беседовал с офицером из дорожного патруля, потом с капитаном полиции по фамилии Обри. Это был рослый мужчина средних лет. Он обладал уверенностью, и мне понравился. К этому времени доктор Конверс уже уехал, и за исключением одной детали я ничего не стал скрывать от Обри.

Этим исключением был Флайшер. Флайшер еще совсем недавно был представителем закона, а как известно, представители закона поддерживают друг друга в сложных ситуациях. Я чувствовал, что роль Флайшера в этом деле еще предстоит расследовать, но только не служакам, а вольным стрелкам, вроде меня и Уилли Мэки.

Чтобы довести дело до конца, по дороге в город я остановился у сыскного участка на Пэрдью-стрит. Сержант Принс пылал такой яростью, что его напарник Яновски даже начал волноваться за него. Ночью умерла Лорел Смит.

Глава 17

Когда я взбирался в свой офис на третьем этаже, у меня дрожали колени. Стенные часы показывали несколько минут одиннадцатого. Я позвонил в телефонную службу и выяснил, что около десяти мне звонил из Сан-Франциско Уилли Мэки. Я перезвонил ему и застал его в конторе на Гири-стрит.

— Лью, ты как раз вовремя. Я только что пытался созвониться с тобой. Этот твой Флайшер снял номер в «Сэндмен-мотеле» около трех ночи. Я приставил к нему наблюдателя и договорился с ночным портье. Он заступил на смену на коммутаторе после полуночи. Флайшер велел разбудить его в половине восьмого и, как только встал, сразу же позвонил в «Боумен-отель» некоему Элберту Блевинсу. Флайшер прибыл в город, и они с Блевинсом вместе позавтракали в кафетерии на Пятой улице. Затем

вернулись в гостиницу Блевинса и, по-видимому, находятся и сейчас там, в его номере. Тебе это что-нибудь говорит?

— Фамилия Блевинс да.— Эта фамилия стояла на карточке социального страхования Лорел.— Постарайся выяснить о нем все, что удастся, и встречай меня в сан-францисском аэропорту.

— В котором часу?

Я достал из ящика стола расписание самолетов.

— В час в баре.

Я заказал билет на самолет и поехал в аэропорт. День для полета был превосходный. Когда наш самолет снижался над заливом, Сан-Франциско словно вырос из воды на фоне синей дуги горизонта. А за ним вдоль всего полуострова тянулись на юг крыши небольших домов в маленьких городах.

Я нашел Уилли в баре аэропорта. Он пил коктейль. Он был умным, опытным работником, который во всем подражал стилю расфранченных сан-францисских адвокатов, которые часто пользовались его услугами. Свои деньги Уилли тратил на женщин и одежду и всегда выглядел разряженным, как и на этот раз. Его седые волосы когда-то были черными. А вот зоркие черные глаза за двадцать лет, что я знал его, не утратили зоркости.

— Элберт Блевинс,— сообщил он,— проживает в «Боумен-отеле» уже около года. Это гостиница для пенсионеров, притом одна из лучших.

— Сколько ему лет?

— Наверное, шестьдесят. Точно не знаю. Ты дал мне не слишком много времени, Лью.

— Времени у нас почти нет.

Я объяснил ему, почему. Уилли любил деньги, и глаза его заблестели, как антрациты, когда он услышал о богатстве Хэкетта.

Уилли хотел заказать себе еще коктейль, а заодно и пообедать, но я повел его к лифту и дальше к автостоянке. Задним ходом он вывел свой «ягуар», и мы помчались к городу. Непрестанное движение голубой воды и растянувшийся до бесконечности низкий илистый берег всколыхнули во мне воспоминания детства, от чего вдруг защемило сердце.

— Какое отношение имеет Элберт Блевинс к похищению Хэкетта? — вторгся в мои мысли Уилли.

— Не знаю, но какая-то связь тут, несомненно, есть. Женщина по имени Лорел Смит — она умерла прошлой ночью, ее убили — называла себя также Лорел Блевинс.

Пятнадцать лет назад в Родео Сити Флайшер встречался с ней. Примерно в то же время и в тех же местах попал под поезд неопознанный мужчина. По всем данным, это был отец Дэйви Спеннера. Занимался этим делом помощник шерифа Флайшер, который квалифицировал его как несчастный случай.

— А ты считаешь, что это было не так?

— Пока я воздерживаюсь выносить решение. Есть тут еще одна взаимосвязь. Спеннер был жильцом Лорел Смит и ее работником.

— Это он убил ее?

— Не думаю. Но суть в том, что имена и места действия начинают повторяться.— Я рассказал Уилли про ночную сцену на железнодорожном переезде.— Если мы заставим Флайшера и Блевинса разговориться, мы быстро расколдуем это дело. Особенно Флайшера. В течение последнего месяца он вел подслушивание в квартире Лорел в Пасифик Пэлисейдс.

— Значит, ты думаешь, он убил ее?

— Возможно. Или знает, кто убил.

Мы въехали в город, и Уилли сосредоточился на уличном движении. Машину он оставил в подземном гараже на Гири-стрит. Я поднялся с ним в его офис, чтобы выяснить, не звонил ли «хвост» Флайшера. Он звонил. Флайшер ушел от Блевинса из «Боумен-отеля» и во время нашего разговора находился в копировальном ателье «Акме». Он заходил туда еще по дороге в «Боумен-отель».

Я тоже отправился туда. Все копировальное ателье состояло из одного человека, работавшего в узком помещении на Маркет-стрит. Худой человек, кашляя, трудился у копировальной машины. Я сунул ему пять долларов, и он сказал мне, какие копии делал у него Флайшер. Первый раз это была первая страница старой газеты, во второй раз — еще более старое свидетельство о рождении.

— Чье свидетельство о рождении?

— Не знаю. Подождите-ка. Чье-то, кого звали Джаспер. По-моему, это имя, а не фамилия.

Я подождал, но больше ничего не услышал.

— А что было в газете?

— Не читал. Если бы я читал все, что копирую, я бы ослеп.

— Вы сказали, газета была старая. Какого года?

— Я не видел, но бумага уже совсем пожелтела. Мне пришлось обращаться с ней очень осторожно.— Он закаш-

лялся и тут же по привычке закурил сигарету.— Вот все, что я могу сообщить вам, мистер. А что все это значит?

Этот вопрос я прихватил с собой в «Боумен-отель». Он находился в закопченном, из бывшего белого кирпича, здании, четыре ряда окон на фасаде которого глядели на железнодорожный тупик. К некоторым окнам с внешней стороны были приколочены деревянные ящики-холодильники.

Вестибюль был запружен пожилыми мужчинами. Я задал себе вопрос: а куда девались все пожилые женщины?

Один из этих мужчин сказал мне, что номер Элберта Блевинса на третьем этаже в конце коридора. Я поднялся и постучал. Сиплый голос спросил:

— Кто там?

— Моя фамилия Арчер. Мистер Блевинс, я хотел бы поговорить с вами.

— О чем?

— О том же, о чем говорил с вами ваш предыдущий посетитель.

Ключ повернулся в замке. Элберт Блевинс приоткрыл дверь на несколько дюймов. Он был не таким уж старым, но на лице, изрезанном морщинами, застыла печать закоренелого, упрямого неудачника. Светло-голубые глаза сохранили странно безмятежный взгляд человека, которого общество так и не сумело сломить окончательно. Таких мужчин можно встретить в маленьких городах, в пустыне, на дорогах. А теперь они собираются в опустевших центрах больших городов.

— Вы мне заплатите столько же, сколько тот человек?

— Сколько?

— Тот человек дал мне пятьдесят долларов. Спросите его сами, если не верите.— Страшное подозрение вдруг исказило его лицо.— Эй, вы берете не из благотворительного общества?

— Нет.

— Слава те, господи! А то в кои-то веки перепадут денешки, думаешь, удача! А тебя за это лишат благотворительности. И фьюить — твоя удача.

— Да, нехорошо это.

Своим ответом я угодил ему. Блевинс открыл дверь пошире и рукой пригласил зайти в номер. Размером комната была с десятифутовый куб, и стояли в ней стул, стол и кровать. Единственное окно перечеркивала наискосок железная пожарная лестница.

В номере стоял кисловатый дух времени. Исходил он,

насколько я мог судить, от чемодана из искусственной кожи, лежавшего раскрытым на кровати. Кое-что из его содержимого было выложено на стол, как будто Блевинс, рассортировав эти вещи, приготовил их для продажи.

Некоторые вещи можно было разглядеть сразу: рыбацкий нож с широким лезвием, к которому, словно высохшие слезы, пристала рыба чешуя; свидетельство о браке, истертое в местах сгиба; пачка писем, перевязанная коричневым шнурком от ботинок; несколько ружейных пуль и серебряный доллар в сетчатом мешочке; небольшая шахтерская кирка, две старинных трубки, плохо сохранившаяся кроличья лапка; несколько сложенных пар чистого белья и носки; стеклянный шарик, в котором, если его потрясти, начинался снежный буран в миниатюре; павлинье перо, следящее за вами своим синим глазом, и еще орлиный коготь.

Я сел за стол и взял свидетельство о браке. Оно было подписано гражданским чиновником-регистратором и свидетельствовало о том, что 3 марта 1927 года в городе Сан-Франциско Элберт Д. Блевинс взял в жены Генриетту Р. Краг. В то время Генриетте было семнадцать лет. Элберту — двадцать, стало быть, сейчас ему должно быть шестьдесят с гаком.

— Вы хотите купить мое брачное свидетельство?

— Возможно.

— Тот человек дал мне пятьдесят долларов за свидетельство о рождении. Это я отдам за двадцать пять. — Он присел на край кровати. — Оно для меня ценности не представляет. Жениться на ней было самой большой ошибкой в моей жизни. Да и вообще мне жениться не стоило. Она сама твердила это сотни раз после женитьбы. Но что делать мужчине, если девушка приходит к нему и говорит, что ждет от него ребенка?

Он вяло развел руками и опустил их на потертые джинсы. Его отекавшие растопыренные пальцы напомнили мне выброшенную на берег морскую звезду.

— Жаловаться мне не следует, — продолжал он. — Ее родители отнеслись к нам хорошо. Отдали нам свою ферму, а сами переехали в город. Мистер Краг не виноват, что три года подряд была засуха и у меня не стало денег на еду и питье. И весь скот перемер. Я даже не могу винить Этту за то, что она бросила меня. Убогая жизнь была на этой высохшей ферме.

Он говорил как человек, у которого годами, а то и больше не было случая выговориться. Он поднялся и

принялся мерить шагами комнату: четыре шага туда, четыре обратно.

— От этого я стал злым,— продолжал он.— Еще бы, жил с хорошенькой женщиной и даже дотронуться до нее не мог. Я стал обращаться с ней плохо, а с мальчишкой и того хуже. Часто бил его, готов был душу из него вытрясти. Я винил его за то, что он родился и отнял у меня возлюбленную. Иногда бил его до крови. Этта пыталась остановить меня, тогда я бил и ее.

Его спокойные голубые глаза заглядывали в мои. Я чувствовал холод его безмятежности.

— Как-то ночью я принимался бить ее несколько раз. Она схватила керосиновую лампу и запустила мне в голову. Я увернулся, но керосин выплеснулся на горячую плиту, и загорелась вся кухня. Когда мне удалось погасить огонь, от дома почти ничего не осталось, от Этты тоже.

— Вы хотите сказать, она сгорела?

— Нет, я имел в виду совсем другое.— Он рассердился из-за того, что я не сумел его понять.— Она сбежала. С тех пор от нее ни слуху, ни духу.

— А что случилось с вашим сыном?

— С Джаспером? Сначала он оставался со мной. Случилось это аккуратно в самом начале депрессии. Я получил место на государственной службе, стал дорожным рабочим. Раздобыл доски, купил толь и покрыл крышей то, что осталось от дома. Там мы прожили еще года два, маленький Джаспер и я. Я стал лучше к нему относиться, но он меня не очень-то любил. Он всегда боялся меня, правда, винить его за это я не могу. Когда ему стукнуло четыре года, он принялся убегать из дома. Я попробовал его привязывать, но он ловко научился развязывать узлы. Что мне было делать? Я отвез его к бабушке с дедушкой в Лос-Анджелес. Мистер Краг работал ночным сторожем в одной из нефтяных компаний, они согласились забрать у меня Джаспера.

После этого я несколько раз приезжал навестить Джаспера, но только злил его. Он кидался на меня с кулаками и колотил меня. Я перестал приезжать. Вообще убрался из этого штата. Добывал серебро на рудниках в Колорадо. Ловил кету в открытом море. Однажды моя лодка перевернулась. До берега я доплыл благополучно, но потом свалился с двусторонним воспалением легких. Одним словом, я надорвался и вернулся в Калифорнию. Вот и вся моя печальная история. Последние десять лет я живу в Сан-Франциско.

Он опять сел. Нельзя сказать, чтобы он загрустил, но и не улыбался. Медленно и глубоко дыша, он с удовлетворением смотрел на меня. Он разворошил свое прошлое, поднял эту тяжесть и опустил ее на прежнее место.

— Вы знаете, что было дальше с Джаспером? — спросил я.

Но сам вопрос обнажил для меня подтекст. Мне стало вдруг ясно, что пятнадцать лет назад под колесами поезда погиб Джаспер Блевинс.

— Вырос, женился. Родители Этты прислали мне извещение о свадьбе, а примерно через семь месяцев после этого я получил от них письмо, что у меня родился внук. Это было почти двадцать лет назад, когда я жил в Колорадо, но эти семь месяцев запали мне в память. Значит, Джаспер женился точно по той же причине, по какой я сам когда-то.

История повторяется, — продолжал он. — Но я не допустил, чтобы все повторилось сначала. Я держался подальше от внука. Не хотел, чтобы и он боялся меня. Я не собирался знакомиться с ним, чтобы потом обрывать это знакомство и больше его не видеть. Нет уж, я предпочел навсегда остаться одиноким.

— У вас могло сохраниться это письмо, как вы думаете?

— Могло. Думаю, сохранилось.

Он развязал коричневый шнурок от ботинок, которым была связана пачка писем. Неловкими пальцами перебрал их и вытащил голубой конверт. Вынул из конверта письмо, медленно шевеля губами, прочел его и протянул мне.

Письмо было написано выцветшими синими чернилами на голубой почтовой бумаге с обрезами.

«Миссис Джозеф Л. Краг
209, Уэст Капо-стрит,
Санта-Моника,
Калифорния,
14 декабря 1948 г.

М-ру Элберту Д. Блевинсу
П. ящик 49, Серебряный Ручей,
Колорадо

Дорогой Элберт!

Давно мы не имели от тебя вестей. Надеемся, это письмо застанет тебя на прежнем месте. Ты так и не дал нам знать, получил ли ты от нас извещение о свадьбе. На

случай, если нет, сообщаем, что Джаспер женился на гостившей у нас очень хорошенькой девушке Лорел Дадни. Ей еще только семнадцать, но она уже вполне зрелая девушка, в Техасе девушки быстро взрослеют. Они поженились, и теперь у них очаровательный сынишка, который родился только позавчера. Они назвали его Дэйвидом.

Значит, теперь у тебя есть внук. Если можешь, приезжай посмотреть его. Обязательно приезжай! А кто старое помянет, тому глаз вон! Джаспер, Лорел и малыши пока живут в нашем доме, потом Джаспер хочет попытать счастья на ранчо. Береги себя, Элберт, на этих рудниках. Надемся, что у тебя все в порядке.

Твоя любящая теща

Элма Р. Краг

Р. С. Про Этту мы ничего не знаем.

Э.Р.К».

— Есть у вас извещение о свадьбе? — спросил я Блевинса.

— Было, но я отдал его тому человеку. Вместе со свидетельством о рождении.

— С чьим свидетельством?

— Джаспера. Он интересовался только Джаспером.

— А сказал почему?

— Нет. Этот Флайшер свои карты не раскроет. Он и вправду полицейский?

— Бывший полицейский.

— Зачем ему мои бумаги?

— Не знаю.

— Зато знаете, зачем они вам, — заметил Блевинс. — Вы же не для того приехали сюда, чтобы выслушать историю моей жизни.

— Однако я слушал внимательно, разве нет?

— Вроде да. — Он улыбнулся так широко, что я мог пересчитать все шесть его верхних зубов. — Эта история с Джаспером всколыхнула столько воспоминаний. Почему все так интересуются Джаспером? И за что это вы, джентльмены, рветесь платить мне деньги? Вы ведь тоже?

Вместо ответа я вынул из бумажника три двадчатки и разложил их на свободной части стола. Блевинс расстегнул рубашку и вытащил засаленный мешочек, висевший на грязном шнуре из сыромятной кожи у него на шее. Он сложил двадчатки несколько раз и запрятал их в мешочек, который отправил назад, на заросшую редкими седыми волосами грудь.

— Двадцать пять за свидетельство о браке,— сказал я,— двадцать пять за письмо и десять за автобиографию.

— За что?

— За историю вашей жизни.

— А! Спасибо. Мне очень нужны теплые вещи. Шестидесять долларов надолго хватит, если покупать в магазине уцененных товаров.

Я почувствовал некоторую неловкость, когда он протянул мне письмо и свидетельство о браке. Пряча их во внутренний карман пиджака, я нашел там фотографию, которую взял у миссис Флайшер. Я показал ее Элберту Блевинсу, вспомнив со щемлящим чувством, что Лорел совсем недавно умерла.

— Вы узнаете ее, мистер Блевинс?

— Нет.

— На этой девушке женился Джаспер.

— Я никогда не видел ее.

Когда он возвратил мне фотографию, наши руки соприкоснулись. Я словно почувствовал короткое замыкание с шипением и ожогом, как будто я погрузил настоящее в живую плоть прошлого.

Время на миг затуманилось, как глаза от слез. Отец Дэйви погиб насильственной смертью. Его мать умерла в результате насилия. Дэйви, жертва насилия, неся по следу, который привел назад к Элберту Блевинсу. И это шипение, ожог и туман впервые дали мне почувствовать, каково пришлось Дэйви. Я был потрясен.

— Нет, нет,— повторил Блевинс.— Я никогда не видел жены Джаспера. А она хорошенькая.

— Была.

Я забрал фотографию и ушел, пока он не успел задать мне вопроса.

Глава 18

Обратно к Уилли Мэки я поехал на такси, купив по дороге газету. На первой полосе сенсация: исчез Стивен Хэккетт. Но в статье подробностей было мало, хотя из нее я узнал, что Хэккетт считается одним из самых богатых людей в Калифорнии.

В офисе Уилли Мэки я выяснил, что Джек Флайшер, выехав из «Сэндмен-мотеля», помчался в южном направлении. Агент Уилли потерял его на автостраде в районе Сан-Хосе.

Когда агент явился, мы с ним побеседовали. Боб Левайн, серьезный молодой человек со стрижкой ежиком, был очень огорчен случившимся. Флайшер не только сумел его перехитрить, но и машина Флайшера оказалась более быстроходной. У Боба был такой вид, что он вот-вот начнет пинать ногами резную с красной обивкой мебель в офисе Уилли.

— Да не стоит огорчаться,— сказал я Левайну.— Я знаю, где Флайшер живет, и думаю, что могу его догнать, если полечу на юг. Вы же только зря бы съездили.

— Правда?

— Чистая правда. Лучше скажите: пока вы за ним следили, Флайшер заезжал куда-нибудь, кроме как к Элберту Блевинсу?

— Только в копировальное ателье. Я еще не успел поговорить с хозяином ателье.

— Я уже поговорил. При случае попытайтесь перепроверить те сведения, что я получил от него. Он, вполне возможно, кое-что от меня скрыл. У него могли остаться копии с газетной страницы и свидетельства о рождении, которые носил к нему Флайшер.

— Если остались, я их достану,— пообещал Левайн.— Чем еще могу вам помочь?

— Отвезите меня в аэропорт.— Я посмотрел на часы.— Успею по дороге и в «Сэндмен-мотель».

Оказалось, что заехали мы туда не зря. В мотеле как раз шла уборка в том номере, где жил Флайшер. В корзинке для ненужных бумаг я нашел экземпляр той самой газеты, что купил и я. Статья о Хэкетте была из нее вырвана.

Чем бы ни определялись интересы Флайшера, они явно совпадали с моими. На данный момент он меня опережал. Я подсчитал, сколько в моем распоряжении времени, прежде чем в Лос-Анджелес доберется на машине Флайшер. Оказалось, три часа.

Автострада была забита, поэтому почти час ушел на дорогу от лос-анджелесского аэропорта до дома Себастиана в Вудлэнд Хиллс. Заранее звонить Себастиану я не стал, потому что не хотел услышать, как он откажется подзвать к телефону дочь. Когда я выехал из аэропорта, было еще светло, но пока моя с перегревшимся мотором старушка с трудом лезла в гору, уже совсем стемнело.

Перед домом Себастиана стояла машина лос-анджелесской полиции. В ней беспрерывно бубнило радио — казалось, будто у машины прорезался голос и она жалуется

на тяжкое житье-бытье. Я позвонил в дверь. Мне открыл мрачный помощник шерифа.

— Да, сэр?

— Я хотел бы поговорить с мистером Себастианом.

— Мистер Себастиан в данную минуту занят. Вы адвокат?

— Нет.— Я объяснил ему, кто я.— Мистер Себастиан не будет возражать против встречи со мной.

— Сейчас узнаю.

Помощник шерифа запер дверь на замок. Я стоял, прислушиваясь к бормотанию радио из патрульной машины. Дверь открыл Себастиан. Внешность его продолжала меняться, как у боксера, которого бьют все пятнадцать раундов. Волосы были всклокочены, лицо стало серым, в глазах застыло отчаяние. За его спиной на манер тюремного надзирателя высился помощник шерифа.

— Ее увозят,— сказал Себастиан.— Хотят посадить в тюрьму.

— Не в тюрьму,— поправил его помощник шерифа,— а в дом предварительного заключения для несовершеннолетних.

— А что, разве нельзя внести залог? — спросил я у Себастиана.

— Можно, но у меня нет двадцати тысяч долларов.

— Почему так много?

— Умышленное оскорбление действием — обвинение весьма серьезное,— объяснил помощник шерифа.— Кроме того, она обвиняется и в похищении человека...

— Все равно много.

— Судья придерживается другого мнения,— сухо сказал помощник.

— Не оставите ли вы нас на минуту? — спросил я.— Я хочу поговорить с мистером Себастианом с глазу на глаз.

— Вы же не адвокат, вы сами сказали. И не имеете права вмешиваться.

— Как и вы, между прочим. Послушайте, сержант, дайте нам поговорить.

Он отошел, но, вполне возможно, продолжал прислушиваться.

— Кто ваш адвокат? — спросил я у Себастиана.

— Я позвонил некоему Арнольду Бендиксу из Вэн Найса. Он обещал вечером приехать.

— Уже вечер. А чем вы были заняты весь день?

— Не помню.— Он оглянулся, словно события дня толпились у него за спиной.— Приходили какие-то люди от

окружного прокурора. Потом мы долго беседовали с Сэнди, стараясь разобраться во всем случившемся.

— Если только сидеть и беседовать, толку не будет. Вызовите адвоката. И врача. Надо сделать так, чтобы вашей дочери разрешили переночевать дома. Тогда у адвоката будет время съездить в суд и попытаться уменьшить сумму залога. До десяти тысяч. Поручитель за тысячу долларов ссудит вам эту сумму.

— А где мне взять тысячу долларов? — испуганно спросил он. — Меня ведь наверняка с работы выгонят.

— Обратитесь к ростовщику. Для этого они и существуют.

— И сколько это будет мне стоить? — с несчастным видом спросил он.

— Еще сотню-другую. Но сейчас разговор не о деньгах. Сейчас надо сделать так, чтобы ваша дочь не попала в тюрьму.

Наконец-то до него дошло, сначала, правда, смутно, будто через спутник связи: в его жизни наступил переломный момент. В глазах его на смену отчаянию пришло понимание. Не все еще потеряно.

Он снял трубку и позвонил их семейному врачу, доктору Джефффри из Каноба-парк. Доктор Джефффри приехать отказался. Тогда Себастиан напомнил ему о его обязанностях. Затем он позвонил адвокату и сказал ему то же самое.

В сопровождении помощника шерифа, которого, по-видимому, терзало подозрение, что мы задумали массовое бегство, мы вошли в гостиную. Там была Бернис Себастиан, похудевшая, вся в напряжении, но с безупречной прической и в отлично сшитом черном платье. С ней сидела довольно бойкая на вид блондинка, примерно моего возраста, в голубом костюме, скорее всего форменном.

Она назвала себя: миссис Шеррил из отдела по надзору за условно осужденными. Я сказал, что знаком с Джейком Белсайзом.

— Я разговаривала с ним сегодня, — сказала она. — Он очень расстроен всей этой историей. Винит себя за то, что мало уделял внимания Спеннеру.

— Конечно, мало, — заметила миссис Себастиан.

— Какой смысл сейчас говорить об этом? — сказал я им обеим и, обратившись к миссис Шеррил, спросил: — Белсайз не высказывал каких-либо соображений?

— Мое появление здесь — одно из его соображений. Но, к сожалению, Сэнди не желает со мной разговаривать.

Я пытаюсь объяснить ее родителям, что, если девочка проявит желание сотрудничать с нами, это значительно облегчит ее участь.

— Сэнди не в состоянии отвечать на вопросы, — вмешался Себастиан. — Ей дали успокоительное, и она в постели. Сюда едет доктор Джеффри. И мой адвокат Арнольд Бендикс.

— Мы всю ночь ждать не можем, — отозвался помощник шерифа. — У нас ордер на арест, и мы обязаны ее увезти.

— Давай подождем, Том, — сказала миссис Шеррил. — Посмотрим, что скажет доктор.

Помощник уселся в углу, и в комнате наступила тяжелая тишина. Как на похоронах или возле смертного ложа. Попад в беду, Сэнди очутилась в центре внимания, вся жизнь в доме теперь была сосредоточена только на ней. Не ради ли этого она пошла на все свои подвиги, подумал я.

Приехал доктор Джеффри, куда-то торопящийся молодой человек. В сопровождении миссис Себастиан он пошел к Сэнди. Вслед за ним явился адвокат. Вдвоем им удалось убедить помощника шерифа и миссис Шеррил отложить все дела до утра.

Доктор уезжал первым. Его время стоило особенно дорого. Я вышел за ним к его «роверу», и он с большой неохотой согласился уделить мне две минуты.

— Как у Сэнди с психикой?

— Она, естественно, испугана и растеряна. На грани истерики и очень утомлена.

— Могу ли я задать ей несколько вопросов, доктор?

— Это необходимо?

— От этого, возможно, зависит жизнь человека. Вы, наверное, не в курсе...

— Я видел вечернюю газету. Но мне вся эта история кажется не совсем правдоподобной. Каким образом такая девочка могла участвовать в похищении человека?

— Представьте себе, участвовала. Так могу я с ней поговорить?

— Пять минут, не больше. Ей нужен отдых.

— А наблюдение психиатра?

— Посмотрим завтра. Подростки быстро справляются с недугом.

Джеффри хотел было сесть в машину, но у меня был наготове еще один вопрос.

— Как давно вы ее наблюдаете, доктор?

— Года три-четыре, с тех пор как они отказались от услуг педиатра.

— Прошлым летом ее лечил некий доктор Конверс из Беверли Хиллс. Вам об этом известно?

— Нет.— Мне удалось его заинтересовать.— Я такого доктора не знаю. От чего он ее лечил?

— Мне он не скажет. А вам, глядишь, и скажет. Что может прояснить запутанную ситуацию.

— Правда? Тогда я, пожалуй, позвоню ему.

Из дома вышли помощник шерифа и миссис Шеррил, сели в патрульную машину и помчались вслед за «ровером» доктора вниз с холма. Бернис Себастиан, стоя у двери, смотрела им вслед.

— Слава богу, сегодня мы их больше не увидим. Спасибо вам, мистер Арчер, за вашу заботу.

Она была из тех, кто стесняется своих чувств. Глаза ее потускнели, стали скучными.

— Заботу проявил ваш муж. Я ему только кое-что посоветовал. Мне не раз приходилось участвовать в таких семейных делах.

— У вас есть дети?

— Нет. Было время, когда я об этом жалел.

Она пропустила меня в дом, заперла дверь и прислонилась к ней, словно боясь, что и тьма ворвется в дом вслед за нами.

— Ее не заберут у нас?

— Это зависит от многого. У вас в семье неблагополучно, и дело не только в Сэнди. Беда в том, что вы далеки друг от друга.

— Она больше сердится на Кита, чем на меня.

— Значит, вы все трое далеки друг от друга. Вам следует наладить отношения.

— Чье это мнение?

— Отдела по надзору за условно осужденными, если ей повезет и они рискнут взять ее к себе под опеку. А из-за чего Сэнди сердится на отца?

— Не знаю.— Но она опустила глаза и даже прикрыла их.

— Я не верю вам, миссис Себастиан. Вы по-прежнему не хотите показать мне дневник Сэнди?

— Я его уничтожила, как сказала вам сегодня утром... вчера утром.— Она опять опустила глаза и прикрыла их тонкой рукой с длинными пальцами. Она ошиблась на день — всего лишь оговорила, — но это ее взволновало.

— Скажите мне, что в нем было такого, из-за чего вам пришлось его уничтожить?

— Не могу. И не хочу. Это унижительно!

Она рванулась в сторону. Я тоже отступил, и мы столкнулись.

— Извините,— сказала она, не объясняя, в чем я должен был ее извинить.

— Это я виноват. Но мы не закончили нашего разговора,— настаивал я.

— Разве?

— Что будет с Сэнди, мы сможем определить, только когда будем знать судьбу Стивена Хэкетта. Если сумеем разыскать его живым и...— Я намеренно не договорил: пусть поразмыслит сама.— Может, Сэнди в состоянии мне что-нибудь подсказать? Доктор разрешил задать ей несколько вопросов.

— О чем?

— Вчера она сказала, что Дэйви Спеннер ищет место, где он когда-то жил. Может, ей известны кое-какие подробности.

— И это все?

— Пока все.

— Хорошо, можете с ней поговорить.

Мы прошли мимо гостиной, где Себастиан с адвокатом обсуждали возможность уменьшить залог. Дверь в комнату Сэнди была заперта, но в замке торчал ключ. Миссис Себастиан повернула ключ и тихо приоткрыла дверь.

— Сэнди, ты не спишь?

— А ты как думаешь?

— Разве можно так отвечать маме? — Голос миссис Себастиан стал ласково-поучительным, словно она разговаривала со слабоумным существом.— С тобой хочет поговорить мистер Арчер. Помнишь мистера Арчера?

— Неужели нет?

— Сэнди, прошу тебя, говори, как все люди.

— А я теперь не как все. Ладно, давай сюда своего шпика.

Грубость Сэнди явно была напускной, вызванной чувствами вины, страха и отвращения к самой себе, а также довольно агрессивным презрением к матери, но сейчас она завладела ею полностью, стала ее вторым «я». Я же вошел в комнату в надежде протянуть руку помощи той девочке, которая собирала университетские вымпелы и игрушечных животных.

Она сидела в постели, прижав к груди одну из таких

игрушек — коричневого бархатного спаниеля с висячими ушами, глазами-пуговками и красным языком из фетра. Лицо у Сэнди горело, веки опухли. Я присел на корточки возле ее кровати, и наши глаза оказались на одном уровне.

— Привет, Сэнди!

— Привет! Меня собираются упрятать в тюрьму. — Голос у нее был тусклый, безжизненный. — Можете торжествовать.

— Почему ты так говоришь?

— Вы этого добивались, разве нет?

— Ты не имеешь права разговаривать с мистером Арчером таким тоном, — вмешалась стоявшая у двери миссис Себастиан.

— Уходи, — сказала девочка. — У меня от тебя болит голова.

— Это у меня болит голова.

— У меня, по-моему, тоже начинает болеть, — сказал я. — Прошу вас, разрешите мне минуту поговорить с Сэнди наедине.

Миссис Себастиан вышла.

— О чем это мы будем говорить? — спросила девочка.

— Ты можешь помочь мне и одновременно себе. Всем будет лучше, если мы сумеем разыскать Дэйви до того, как он убьет мистера Хэкетта. Ты знаешь, где они?

— Нет.

— Вчера вечером или, пожалуй, уже ночью ты сказала, что Дэйви ищет одно место, место, где он когда-то жил. Ты знаешь, где это, Сэнди?

— Откуда мне знать? Он сам не знает.

— Он помнил какие-нибудь приметы?

— Помнил, что оно где-то в горах, к северу от Санта-Тересы. Какое-то ранчо, где он жил до того, как его поместили в приют.

— Он что-нибудь рассказывал про это место?

— Да, но мне оно не показалось похожим на ранчо. Дом давно сгорел. Кто-то настелил крышу над уцелевшим крылом.

— Дом сгорел?

— Так он сказал.

Я встал. Девочка отшатнулась, вцепившись в бархатную собаку, как будто та была ее единственным другом и защитником.

— Почему он хотел вернуться туда, Сэнди?

— Не знаю. Он когда-то жил там со своим отцом. И матерью. Наверное, это место представлялось ему раем.

— Лорел Смит — его мать?

— По-моему, да. Она сказала ему, что она его мать. Но она бросила его, когда он был еще маленьким. — Сэнди шумно вздохнула. — Он может считать, что ему крупно повезло, сказала я.

— А чем тебе не угодили твои родители?

— Об этом я не хочу говорить.

— И что у тебя общего с Дэйви? Ты ведь совсем ему не пара.

— Откуда вам знать? Я порядочная дрянь.

Напускная грубость, о которой она на минуту позабыла, снова заявила о себе. Она была не только напускной, потому что мысли девочки блуждали где-то между светом и мраком, кружась, как подброшенная ею самой монета.

В коридоре, где меня ждала Бернис Себастиан, я вспомнил, что в комнате Сэнди что-то изменилось. Она сняла со стены фотографию Хейди Генслер в серебряной рамке.

Глава 19

С разрешения Бернис Себастиан я закрылся в кабинете и позвонил Элберту Блевинсу в «Боумен-отель». После долгого молчания на линии мне начали отвечать один за другим разные голоса: Элберт сейчас подойдет, Элберта в номере нет, но его ищут, Элберт, по-видимому, куда-то ушел, и неизвестно, когда он вернется, наверное, он в кино на Маркет-стрит, где за один сеанс показывают три картины.

Я попросил передать Элберту, чтобы он позвонил мне за мой счет, хотя и не очень-то надеялся услышать его голос еще сегодня.

Можно было испробовать еще один источник информации. Я вынул бумаги, приобретенные мною у Элберта Блевинса, и, разложив их на письменном столе Себастиана, перечитал письмо, которое Элма Р. Краг, теща Элберта, проживая в собственном доме за номером 209 по Уэст Капо-стрит в Санта-Монике, прислала ему в 1948 году.

«Джаспер, Лорел и малыш некоторое время поживут у нас, — писала миссис Краг, — а потом Джаспер хочет перебраться на ранчо».

Я поискал имя Элмы Краг в телефонной книге, потом позвонил в справочную, но все напрасно. Письмо было написано почти двадцать лет назад. Миссис Краг либо была уже очень старой, либо умерла.

Выяснить это можно было только одним путем, поэтому я, пожелав Себастианам спокойной ночи, поехал обратно в Санта-Монику. Автострада по-прежнему была забита, но машины шли без остановки. Фары заливали Сепульведу потоком света.

Настроение у меня было приподнятое. Если миссис Краг жива и скажет мне, где находится ранчо, то к утру я доберусь до истины. Я даже позволил себе потешиться мыслью о том, как распорядюсь сотней тысяч долларов.

Черт побери, да я ведь могу даже бросить работу! Эта перспектива меня напугала. Я вынужден был признаться себе, что жил ради ночей, вроде этой, когда метался из одного конца города в другой, отыскивая связи между миллионами его ячеек. Я даже носился с фантастической мечтой о том, что в один прекрасный день я восстановлю все эти связи, и город, очистившись от скверны, восстанет живой и невредимый.

Возле Уилшира я съехал с Сепульведы и по Сан-Винсенте добрался до Уэст Капо-стрит. Дом 209 по Уэст Капо-стрит оказался двухэтажным жилым зданием. Его свежештукатуренный фасад украшали откуда-то пересаженные и залитые зеленоватым светом прожекторов пальмы.

В квартире номер один я разыскал управляющего домом, средних лет человека в рубашке с короткими рукавами. Он с трудом оторвался от книги. Я назвал себя. Он сказал, что его зовут Ральф Кадди.

Кадди говорил с южным акцентом, похоже, он был из Техаса. Над камином висели крест-накрест два пистолета, а на стенах несколько нравоучительных сентенций.

— Когда-то здесь жила некая миссис Элма Краг, — сказал я.

— Совершенно верно.

— Вам известно, где она живет сейчас?

— В доме.

— В каком доме?

— В доме для престарелых. Несколько лет назад у нее случился перелом шейки бедра.

— Какая жалость! А мне хотелось с ней поговорить.

— О чем?

— О ее семье.

— У миссис Краг никого не осталось. — И, ухмыльнувшись, добавил: — Если не считать меня.

— В Сан-Франциско живет ее зять. И где-то скрывает-

ся правнук по имени Дэйви. Она когда-нибудь упоминала про свое ранчо в округе Санта-Тереса?

— Про ранчо я слышал.

— Можете ли вы подсказать, как его найти?

— Я там ни разу не был. Они от него отказались, чтобы не платить налога.

— Вы родственник миссис Краг?

— Не совсем. Я был другом ее семьи. И остаюсь им.

— Не дадите ли мне адрес дома для престарелых?

— Может, и дам. Только зачем вам миссис Краг?

— Я сегодня встретил ее зятя Элберта Блевинса.

— Первого, значит, мужа Этты,— сразу сообразил

Кадди.

— Верно.

— А при чем тут ранчо?

— Элберт о нем упомянул. Он там когда-то жил.

— Понятно.

Ральф Кадди отложил книгу — она называлась «Роль офицера безопасности в деловом мире» — и направился к письменному столу в дальнем углу комнаты. А потом вручил мне аккуратно написанный на листке бумаги адрес Оуквудского дома для престарелых.

Дом для престарелых оказался внушительным на вид особняком, выстроенным в калифорнийской разновидности испанского стиля в двадцатых годах этого века. Находился он в Санта-Монике и стоял в обнесенном каменной оградой парке.

Я очутился в обширной приемной. Группами по два-три человека сидели, беседуя, не давая жизни окончательно остыть, старики. Они почему-то напомнили мне беженцев, нашедших приют в каком-то замке.

Весьма современная на вид сестра в белом нейлоновом костюме повела меня по коридору в комнату миссис Краг, просторную, хорошо обставленную, служащую одновременно и спальней и гостиной.

Седая старая женщина в шерстяном халате сидела в кресле-коляске — ноги ее были укрыты пледом — и смотрела по телевизору шоу Мерва Гриффина. В изуродованных артритом руках она держала открытую Библию.

Сестра приглушила звук телевизора.

— Вас хочет видеть один джентльмен, миссис Краг.

Она подняла на меня удивленные глаза, увеличенные линзами очков.

— Кто вы?

— Меня зовут Лью Арчер. Помните Элберта Блевинса, который был женат на вашей дочери Этте?

— Конечно, я его помню. На память я пока, слава богу, не жалуюсь. А в чем дело?

— Я видел его сегодня в Сан-Франциско.

— Правда? Я уже лет двадцать ничего о нем не слыхала. Когда у Джаспера родился сын, я пригласила Элберта к нам, но он мне даже не ответил.

Она замолчала, вслушиваясь в тишину. Сестра вышла из комнаты. Я сел, и миссис Краг, наклонившись ко мне, вернулась в настоящее.

— А как Элберт поживает сейчас? Он все тот же, что и прежде?

— Вероятно. Я не был знаком с ним раньше.

— Вы ничего не потеряли,— улыбнулась она.— Мой муж говорил, что Элберт родился слишком поздно. Ему бы следовало быть ковбоем в прошлом веке. Элберт всегда чурался общества.

— И сейчас чурается. Он снимает комнату в отеле и живет там один.

— Ничего удивительного. Ему и жениться-то не следовало и уж никак не на Этте. Сначала я считала, когда они поссорились и Элберт, швырнув лампу, поджег дом, что виноват только он. Но, увидев, чем моя дочь занималась потом...— Она, лязгнув зубами, захлопнула рот, словно откусила и проглотила воспоминания.— Вас послал ко мне Элберт?

— Не совсем. Когда мы с ним разговаривали, он упомянул про ранчо, которое вы подарили ему или дали во временное пользование.

— Это было в 1927 году,— оживленно кивнула она,— когда они с Эттой поженились. Если хотите знать правду, мне это ранчо надоело. Я выросла в городе и была по образованию учительницей. Я двадцать лет кормила кур, но потом решила, что хватит, и заставила Крага перебраться сюда. Он нашел неплохую работу, служил охранником, пока не вышел на пенсию. На ранчо остались Элберт с Эттой. Продержались они там два года, а потом разошлись. Несчастливое было это ранчо. Элберт вам рассказывал?

— О чем?

— О том, что произошло на ранчо. Нет,— покачала она головой.— Элберт не мог вам рассказать, потому что сам не знал, во всяком случае, не знал всего. Сначала он устроил пожар в доме, и Этта сбежала от него. А маленько-

го Джаспера оставила ему. Когда это случилось, мы с мужем забрали Джаспера и вырастили его, что было совсем нелегко, должна вам сказать. Сущее наказание был этот ребенок!

Затем, когда Джаспер женился на Лорел Дадни, он вбил себе в голову вернуться на ранчо. Работать он не собирался, как вы понимаете. Он решил, что там можно жить на гроши и писать пейзажи, сколько душа пожелает. Да, жизнь ему ничего не стоила, потому что после того, как он истратил приданое Лорел, мы с мужем регулярно посылали ему деньги. — Ее руки с вздувшимися венами вцепились в подлокотники кресла-коляски. — А известно ли вам, как проявил свою признательность за все, что мы сделали для него, наш внук?

— Элберт мне не рассказывал.

— Джаспер взял Лорел и мальчика и вместе с ними куда-то исчез. С тех пор от них ни звука. Джаспер — копия своей матери, и хотя она моя дочь, оба они люди насквозь неблагодарные.

Я не стал говорить Элме Краг о том, что ни Джаспера, ни Лорел уже нет в живых. Глаза старухи стали чересчур блестящими. Ей уже и так многое было известно. Горечь застыла в складке ее губ, как предчувствие собственной смерти.

Еще раз, помолчав, она обратилась ко мне:

— Но вы же приехали сюда не для того, чтобы выслушивать мои жалобы. Зачем вы приехали?

— Я хочу посмотреть это ранчо.

— Для чего? Земля там истощена. И в лучшие-то годы она была почти пустыней. Мы больше способствовали разведению хищных птиц, чем занимались скотоводством. А после того, как Джаспер и Лорел сбежали неизвестно куда, мы отказались от ранчо, чтобы не платить налога.

— По-моему, сейчас там ваш правнук Дэйвид.

— Вот как? А вы знаете Дэйвида?

— Я с ним встречался.

Она быстро посчитала.

— Он уже, должно быть, взрослый.

— Вполне взрослый. Ему девятнадцать лет.

— А чем он занимается? — заинтересовалась она, но по тону ее было слышно, что она не надеялась получить очень-то обнадеживающий ответ.

— Да в общем-то ничем.

— Наверное, пошел в своего отца. Джаспер вечно носился с какими-то мечтами, но этим все и кончалось. —

Она повернула одно колесо своей коляски и теперь сидела лицом ко мне.— Если вам известно, где Дэйвид, может, вы знаете, и где Джаспер?

— Нет. И где Дэйвид, я тоже не знаю. Я надеялся, что вы подскажете мне, как найти ранчо.

— Пожалуйста, если только его не унесло ветром, который гуляет по каньонам. Вы знаете Родео Сити?

— Я там бывал.

— Когда доберетесь до центра города, где на одном углу «Родео-отель», а на другом — полицейский участок, сверните направо. Затем вы проедете мимо стадиона, минуете перевал и через двадцать миль очутитесь в маленьком поселке под названием Сентервилль. Когда-то я преподавала там в школе. От Сентервиля еще двенадцать миль к северу. Найти ранчо нелегко, особенно в темноте. Вы хотите поехать туда сегодня?

— Да.

— Тогда лучше спросите в Сентервиле. Там каждый знает, где находится ранчо Крагов.— Она помолчала.— Странно, но почему-то представителей каждого поколения нашей семьи тянет туда. А место это несчастливое. Наверное, семья у нас несчастливая.

Я не стал ее разубеждать. То небольшое, что я знал об их семье,— одиночество Элберта Блевинса, страшный конец Джаспера, а через пятнадцать лет — Лорел, склонность Дэйви к насилию — только подтверждало слова миссис Краг.

Она сидела, стиснув кулаки.

— Если увидите Дэйвида, скажите ему, где живет его прабабушка. Только не знаю зачем. Деньги, которые у меня есть, нужны мне самой. Я плачу здесь шестьсот долларов в месяц. Нет, если он не спросит, не говорите ему про меня. А то Джаспер опять сядет мне на шею. Или Лорел. Она была очень милой девушкой, но тоже оказалась неблагодарной. Я взяла ее к себе в дом, делала для нее все, что могла, а она отвернулась от меня.

— Лорел тоже с вами в родстве?

— Нет. Она приехала из Техаса. Ею интересовался один очень богатый человек. Он и прислал ее к нам.

— Не понимаю.

— А вам и не надо понимать. Про Лорел я говорить не хочу. Она мне не дочь и не внучка, но я любила ее больше всех.

Она перешла на шепот. В комнату, вместе с шепотом, вошло прошлое. Я встал.

Элма Краг подала мне узловатую, но по-прежнему тонкую руку.

— Когда будете выходить, прибавьте громкость. Послушаю лучше других людей.

Я усилил звук телевизора и прикрыл за собой дверь.

Глава 20

В приемной осталось не более шести «беженцев». Средних лет санитар потихоньку разгонял их по комнатам.

— Пора спать, друзья, — говорил он.

В дверях появился Джек Флайшер. Глаза его остеклели от усталости и спиртного.

— Я хотел бы повидать миссис Краг, — обратился он к санитару.

— Извините, сэр, но часы посещений истекли.

— У меня очень важное дело.

— Ничем не могу помочь, сэр. Я здесь не распоряжаюсь. А наш управляющий в Чикаго на совещании.

— Хватит болтать, — повысил голос Флайшер. — Я представитель закона.

Лицо у него налилось кровью. Он порывлся у себя в карманах и, вытащив бляху, показал ее санитару.

— Это ничего не меняет, сэр. Я действую согласно приказу.

И вдруг ни с того ни с сего Флайшер дал санитару пощечину. Тот упал, но тотчас же поднялся. Одна сторона его лица была красной, другая — белой. Старики молча следили за происходящим.

Я зашел Флайшеру со спины и взял его в «рычаг». Он был рослым и сильным. Только таким способом я мог его обезвредить.

— Он что, ваш приятель? — спросил меня санитар.

— Нет.

Хотя в некотором смысле Флайшер был моим. Но не приятелем. Я вывел его на улицу и там отпустил. Он вытащил автоматический пистолет.

— Вы арестованы, — объявил он мне.

— За что? За то, что помешал нарушению общественного порядка?

— За оказание противодействия офицеру полиции при исполнении служебного долга.

Он сверкал глазами и брызгал слюной. Пистолет в его руке был на вид тридцать восьмого калибра, вполне достаточного, чтобы уложить меня навсегда.

— Хватит, Джек, и уберите свою пушку. Вы не у себя в округе, и есть свидетели.

Санитар и его подопечные, стоя у входа, наблюдали за нами. Джек Флайшер повернулся посмотреть на них, и в эту секунду я, выбив оружие у него из рук, схватил пистолет раньше, чем он успел нырнуть за ним. Стоя на четвереньках и вдруг превратившись в собаку, он гавкнул на меня:

— За это я тебя упрячу. Ты забыл, что я офицер?

— Тогда и держите себя как подобает.

Санитар подошел ко мне.

— Мы бы хотели обойтись без неприятностей. Может, вызвать полицию, а?

— Нет необходимости. Как вы считаете, Флайшер?

— Я сам полиция, черт побери!

— Нет, в этом округе у вас нет прав. Кроме того, я слышал, что вас отправили в отставку.

— А кто ты такой, черт побери? — покосился на меня Флайшер. Глаза его в сумраке мерцали желтоватым огнем.

— Я частный детектив. Моя фамилия Арчер.

— Если ты не хочешь, чтобы у тебя отобрали лицензию, верни мне оружие.— И он протянул мощную красную руку.

— Сначала давайте побеседуем, Джек. И пора вам извиниться перед человеком, которого вы ударили.

Уголок рта у Флайшера приподнялся, словно он застонал от боли. Для избалованного подчинением полицейского принести извинение было жестоким и непривычным наказанием.

— Извини,— буркнул он, не глядя на санитара.

— Ладно,— махнул рукой санитар.

Он повернулся и, шагая с достоинством, поднялся вверх по ступенькам. Старики тоже вошли в дом. Дверь, звучно чавкнув, захлопнулась за ними.

Мы с Флайшером подошли каждый к своей машине и, прислонившись к ним спиной, молча глядели друг на друга.

— Мой пистолет,— напомнил он. Пистолет был у меня в кармане.

— Сначала поговорим. За чем вы охотитесь, Джек?

— Я работаю по одному старому делу. Несчастный случай с летальным исходом, который произошел много лет назад.

— Если известно, что это несчастный случай, зачем им снова заниматься?

— А я его не закрывал. Не люблю незавершенных дел. Он уклонялся от ответов, отделяясь общими фразами. Я попытался встряхнуть его.

— Вы знали Джаспера Блевинса?

— Нет. Никогда его не встречал, — не стал хитрить он.

— Но вы знали его жену Лорел?

— Может, и знал. Но не так близко, как думают некоторые.

— Почему вы не заставили ее опознать тело ее мужа? С минуту он молчал. А потом спросил:

— Записываешь наш разговор на пленку?

— Нет.

— Ну-ка, отойдем от машины, приятель!

Мы пошли по аллее. Свод из пиний был спустившимся на нас черным небом. В сгустившейся тьме Флайшер стал более разговорчивым.

— Признаю, пятнадцать лет назад я допустил ошибку. Но только это я и готов признать. Я не собираюсь рыться в мусоре, а потом рассыпать его у себя на крыльце.

— Какую ошибку, Джек?

— Поверив этой девчонке.

— Лорел сказала, что человек, который попал под поезд, не ее муж?

— Она многое, что сказала. В основном врал. Обвела меня как мальчишку.

— Зачем сваливать всю вину на нее? Опознать погибшего было вашей обязанностью.

— Не учи меня моим обязанностям. За тридцать лет моей службы в полиции в нашем округе погибло под колесами поезда, наверное, не меньше сотни бродяг. Одних можно было опознать, других нет. Вот и у этого ничего при себе не было. Откуда было известно, что он не такой же бродяга, как все прочие?

— А чем он был не такой?

— Тебе не хуже меня известно, чем.

— И все-таки?

— Больше я ничего не скажу. Я думал, мы обменяемся мнением. А ты только расспрашиваешь, а сам ничего не говоришь.

— Вы тоже не сказали мне ничего такого, что могло бы пригодиться.

— А ты вообще мне ничего не сказал, и точка, — заявил он. — Чего ты добиваешься?

— Ничего не добиваюсь. Я занимаюсь похищением Стивена Хэккетта.

— Чем? — Он тянул время.

— Не прикидывайтесь, будто ничего не знаете про Хэккетта. Вы прочли про него в сан-францисской газете.

Он чуть повернулся и во тьме посмотрел мне в лицо.

— Значит, это ты следил за мной во Фриско? Какого черта я тебе понадобился?

— Не вы лично. Просто наши дела чем-то связаны. Сын Джаспера Блевинса Дэйви, который куда-то затерялся во всей этой потасовке, вырос и стал взрослым. Он-то и похитил Хэккетта.

Я услышал, как Флайшер быстро втянул в себя воздух, потом медленно его выдохнул.

— В газете сказано, что у этого Хэккетта куча денег. — Это был вопрос.

— Да, немало.

— И мальчишка Джаспера Блевинса требует выкупа?

— Пока разговоров о выкупе я не слышал. По-моему, он хочет прикончить Хэккетта, если уже не прикончил.

— Боже мой! Ни в коем случае! — выкрикнул Флайшер так, будто его собственной жизни угрожала опасность.

— Вы знаете Хэккетта? — спросил я.

— В жизни не видел. Но он ведь при деньгах. Знаешь, приятель, нам с тобой не мешало бы объединиться.

Мне не нужен был Флайшер в качестве компаньона. Я ему не верил. С другой стороны, он знал об этом деле то, что никому из оставшихся в живых не было ведомо. И в округе Санта-Тереса был как у себя дома.

— Вы помните ранчо Крагов возле Сентервиля?

— Да. Я знаю, где оно находится.

— Вполне возможно, что Дэйви Блевинс прячет Стивена Хэккетта на ранчо.

— Тогда поехали туда, — сказал Флайшер. — Чего мы ждем?

Мы подошли к машинам. Я отдал пистолет. Глядя на Флайшера в полутьме, я вообразил себе, будто смотрюсь в тусклое кривое зеркало и вижу самого себя.

О смерти Лорел Смит не было сказано ни слова.

Мы решили ехать на машине Флайшера, потому что она была новой и быстроходной, и вести ее попеременно. Свою машину я оставил возле открытой всю ночь бензоколонки в Канога-парк, неподалеку от дома Кита Себастиана. Что бы ни случилось, все равно мне сюда возвращаться.

Я сидел за рулем, а Флайшер дремал рядом со мной на переднем сиденье. Мы поднялись в Сан-Фернандо-Вэлли, миновали главный перевал и вернулись через Камарильо к совсем уже темному океану. Но стоило нам пересечь границу округа Санта-Тереса, как Флайшер, словно почуяв родную территорию, тотчас проснулся.

В нескольких милях к югу от границы, когда мы очутились на совершенно пустынном участке шоссе, Флайшер велел мне остановиться возле небольшой рощи из эвкалиптовых деревьев. Я решил, что ему требуется выйти. Однако, когда я остановился на обочине, он из машины не вылез.

Не поднимаясь с сиденья, он повернулся ко мне и рукояткой пистолета, в которой была еще и обойма с патронами, ударил меня по голове. Я потерял сознание. Через некоторое время окутывавшая меня тьма была нарушена какими-то сновидениями. Вращались огромные колеса, колеса вечности и неизбежности, а потом они превратились в тепловоз, который, сверля тьму своим единственным глазом, мчался прямо на меня, а я в беспомощности лежал поперек рельсов.

Тепловоз загудел, но гудок его не был похож на гудок поезда, и я не лежал на рельсах, и это был не сон. Я сидел прямо на шоссе, на той его полосе, где машины шли на север. И на меня, непрерывно сигналив, мчался грузовик весь в огнях, как рождественская елка.

Визжали тормоза, но было ясно, что грузовик не успеет остановиться. Я лег и смотрел, как он надвигается и как за ним исчезают звезды. Потом звезды опять появились, и я почувствовал, что по жилам у меня бежит заledenевшая было кровь.

С юга шли машины. Я сполз с дороги, чувствуя себя крохотным и неуклюжим, как кузнечик. Свидетелями что-то бормотали и стонали на ветру эвкалипты. Я полез за пистолетом. Он исчез.

Водитель грузовика, съехав на обочину, остановился, выставил световой сигнал и с фонариком в руках кинулся ко мне.

— Эй, вы живы?

— По-моему, да.— Я поднялся, с трудом держа голову.

Он сунул фонарик мне в лицо. Я зажмурился и чуть не упал.

— Эй, у вас все лицо в крови. Разве я вас задел?

— Нет. Это меня стукнул и бросил на шоссе один мой приятель.

— Может, вызвать полицию, а? Или «Скорую помощь»?

— Да нет, не нужно. Лучше подбросьте меня до Санта-Тересы.

Он согласился не сразу. На лице у него было написано и участие и подозрение. Его смущала кровь на лице. Приличных людей не бьют и не бросают на шоссе.

— Ладно,— сказал он без энтузиазма.— Это я могу.

Он довез меня до окраины Санта-Тересы. Бензозаправочная станция еще была открыта, и я попросил водителя грузовика остановиться возле нее.

Дежурил Фред Крэм, тот, у которого одна нога была в ортопедическом ботинке. Он, по-видимому, меня не узнал. Я прошел в туалет и умылся. Голова над виском была разбита и припухла, но рана не кровоточила.

На стене кто-то написал: «Старайтесь договориться, а не воевать». Я засмеялся. Смех болью отдался в голове.

Я вышел на воздух и спросил у Фреда Крэма, можно ли мне позвонить. Теперь он меня узнал.

— Нашли девушку?

— Нашел. Большое спасибо.

— Не стоит. Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

— Сейчас мне нужно позвонить человеку, который живет у вас в Санта-Тересе.

Стрелки электрических часов в конторе бензозаправочной станции стояли на двенадцати. Опять звоню Лэнгстонам ровно в полночь. Я нашел в телефонном справочнике их номер и набрал его.

— Квартира Лэнгстонов,— приглушенным голосом ответил Генри Лэнгстон.

— Говорит Арчер. Не сердитесь, пожалуйста, за столь поздний звонок.

— А я все думал, куда вы делись,— оживился он.— Местная газета только и кричит про Дэйви.

— Хэнк, я, по-моему, знаю, где он. Но и Флайшер тоже знает. Он уже едет туда. Как вы насчет того, чтобы совершить еще одну ночную прогулку?

— Куда?

- На ранчо возле Сентервиля. Это на севере округа.
- И Дэйви там с Хэкеттом?
- Пятьдесят на пятьдесят, что да. Возьмите оружие.
- У меня только пистолет тридцать второго калибра.
- Сгодится. И захватите фонарик.

Я объяснил ему, где я. И пока я ждал его возле конторы, Фред Крэм запер на замки помпы и выключил верхний свет.

- Извините,— сказал он мне,— пора закрываться.
- Закрывайтесь. За мной через несколько минут подъедут.

Но он не спешил и смотрел на мою разбитую голову.

— Это сделал Дэйви Спеннер?

— Нет. Я еще не нашел его.

— Это он был с той девушкой здесь вчера вечером. Я сначала не узнал его, он очень изменился. Но когда я прочел про него в газете... У него и правда кто-то был в багажнике.

— Я знаю. Вы давно знакомы с Дэйви?

— Мы один год учились вместе в школе. Только я уже кончал, а он был на два класса ниже. Тогда он ни в чем плохом замечен не был, был маленьким и худеньким, вырос он уже потом. Вот почему я его вчера не узнал.

— Если вы опять увидите его, Фред, дайте мне знать.— И я вручил ему свою визитную карточку.— Звоните мне в любое время и за мой счет, разумеется.

Он взял карточку с явной неохотой.

— Я не совсем это имел в виду.

— А что?

— Как оборачивается жизнь. Я зарабатываю на жизнь продажей бензина, а Дэйви сделался преступником.

Высказавшись и облегчив душу, он выключил свет в конторе и запер дверь. Но из вежливости не ушел до тех пор, пока с шоссе к нам не съехал, остановившись возле его драндулета, автофургон Лэнгстона.

Пожелав Фреду спокойной ночи, я сел в фургон. Лэнгстон ощупал взглядом мое лицо и голову.

— Что с вами? Врач нужен?

— Не сейчас. Я и так уже отстал от Флайшера самое меньшее на полчаса.

— А откуда он взялся в этой истории?

— Он был в ней с самого начала. Вам это известно. Я допустил ошибку, когда решил работать с ним на пару. Наше содружество длилось около часа. А потом он нанес мне удар по голове и выбросил на шоссе.

Хэнк свистнул.

— Может, сообщить в полицию?

— Нам от них не выбраться. Вы захватили фонарик и пистолет? — поинтересовался я.

— Они здесь, в ящичке. Я чувствую себя так, будто меня отдали в подмастерье преступнику.

Его шутка прозвучала чуть натянуто, но я не попытался его разубеждать.

— Тогда вперед, подмастерье!

Лэнгстон выбрался на автостраду и помчался на север. Затем шоссе снова вернулось к океану. Здесь ночное небо было по-прежнему чистым, а из-за горизонта на нас поглядывал белый лик луны. Я узнал перекресток, где мы накануне нашли Сэнди.

Мысль о девочке все время мучила меня. Я смотрел на луну, и она напоминала мне Сэнди. Луна была белой и сияла как символ чистоты, но другая ее сторона, скрытая от нас, была темная, холодная, пустынная. Вот и девочка, в зависимости от исхода нашего путешествия, могла обернуться к нам любой из этих сторон.

Если мы привезем Хэккетта живым и невредимым, у нее есть шанс не попасть в тюрьму. Если Хэккетт мертв, ее будущее погребло вместе с ним.

Глава 22

Лишь после часа ночи мы очутились в Родео Сити. Это был зажатый между шоссе и океаном небольшой городок, где весь берег занят отелями. Мы съехали с шоссе на главную улицу, которая шла параллельно шоссе и чуть ближе к воде, и тотчас мимо нас с ревом промчались три мотоциклиста в шлемах. Сзади, вцепившись им в спины, сидели девицы с развевающимися по ветру волосами.

Мы нашли поворот с указателем: «До Сентервиля 20 миль» — и стали уходить от воды. Грунтовая дорога вела мимо стадиона с его трибунами, которые в темноте напоминали амфитеатр Древнего Рима. Дорога сначала петляла в предгорье, потом вдруг резко пошла вверх к перевалу. И не успели мы забраться на вершину перевала, как очутились в густом тумане. По ветровому стеклу машины, словно в дождь, побежали струйки воды, и нам пришлось, сбросив скорость, не ехать, а ползти.

В конце перевала по крыше забарабанил настоящий дождь. Стекла в машине запотели. Я перебрался на перед-

нее сиденье и каждые несколько минут протирал стекла, но двигались мы все равно медленно.

Дождь шел всю дорогу до Сентервиля. Время от времени полыхала молния, освещая стоявший по обе стороны дороги густой строй кланяющихся нам деревьев.

Сентервиль — одно из тех селений на западе страны, которые не претерпели больших перемен со дня их основания. Оно состояло из улицы бедных щитовых домишек, уже закрытой на ночь лавки с бензиновой помпой при ней, здания школы с колоколом на крыше и белой пирамидального силуэта церквушки, сверкавшей под дождем в свете наших фар.

Свет горел только в закусочной, рядом с лавкой. Там же, судя по вывеске, торговали и пивом, но на двери уже висела табличка «закрыто». Через стекло было видно, как какой-то человек в белом фартуке трет шваброй пол. Не обращая внимания на ливень, я выскочил из машины и постучался в дверь.

Человек в фартуке затряс головой и показал на табличку «закрыто». Я постучал еще. Прислонив швабру к стойке, он подошел к двери и отворил ее.

— В чем дело? — Это был пожилой человек с лисьим, повидавшим виды лицом и губами любителя поболтать.

Я вошел в закусочную.

— Извините за беспокойство. Не подскажете ли, как добраться до ранчо Крагов?

— Подскажу, но это еще не значит, что вы туда доберетесь. Баззард-крик, наверное, уже разлился вовсю.

— Ну и что?

— А то, что бежит он через дорогу, которая идет к ранчо. Поезжайте, коли есть охота. Тут один малый было попробовал, только что-то пока не вернулся.

— Джек Флайшер?

— Значит, вы Джека знаете? Что там на ранчо, а? — Он доверительно подтолкнул меня локтем. — Женщина у Джека, что ли? Не впервые, между прочим.

— Вполне возможно.

— Ночка, правда, сегодня выдалась никак не для гостей, да и место там не из лучших.

Я позвал Хэнка Лэнгстона. Человек в фартуке сказал, что его зовут Эл Симмонс и что закусочная, равно как и соседняя с ней лавка, принадлежит ему.

Симмонс, расстелив на стойке бумажную салфетку, нарисовал на ней, как нам ехать. Въезд в ранчо в двенадцати милях к северу от Сентервиля. Баззард-крик бежит,

когда он бежит, вот с этой стороны ранчо. Если дождь сильный, он наполняется, и вода в нем поднимается очень быстро. Но мы, вполне возможно, успеем через него перебраться, поскольку дождь начался не так давно.

Когда мы уходили, Симмонс сказал:

— На тот случай, если застрянете, у меня есть трактор. Конечно, не бесплатно.

— Сколько же это будет стоить? — поинтересовался Хэнк.

— Зависит от времени. Обычно я беру за трактор десятку в час. От двери до двери, что называется. А вот если вашу машину понесет течением, тогда уж я ничем помочь не смогу. Так что смотрите, чтобы этого не случилось.

Мы тронулись в путь по засыпанной гравием дороге, которой срочно требовалось новое покрытие и которая, казалось, никогда не кончится. С шипением низвергались с небес струи. И молния подавала нам какие-то страшные, но бессмысленные сигналы.

Мы пересекли несколько небольших потоков, выдолбивших желоба поперек дороги. Точно по счетчику в двенадцати милях от Сентервиля нас остановил ручей. Грязно-коричневый в свете фар, рябой от дождя, он заливал дорогу и был на первый взгляд шириной по меньшей мере футов в сто.

— Как по-вашему, Хэнк, сумеем перебраться?

— Не знаю, глубоко ли здесь. Жаль лишиться машины.

Я вынул пистолет и фонарик и положил их во внутренний карман пиджака. Потом снял туфли, носки и брюки и, оставив их в машине, вылез под дождь. Когда я в пиджаке, но без брюк встал перед фарами, Хэнк расхохотался.

Вода была холодной, а гравий колот ноги. И тем не менее я испытывал удовольствие, как давным-давно, когда, держась за руку отца, я впервые вошел в воду на пляже в Лонг-Биче.

Хорошо бы и сейчас держаться за чью-нибудь руку. Хотя вода ни разу не поднялась мне выше, чем до бедер, неслась она так стремительно, что я с трудом держался на ногах. В самом глубоком месте, примерно на середине потока мне пришлось пошире расставить ноги, чтобы не потерять равновесия. Казалось, будто со мной вступили в противоборство две разнонаправленные силы земного притяжения.

Выбравшись за середину потока, я остановился пере-

дохнуть и осмотреться. Впереди, там, где поток кончался, я разглядел какую-то серую грудку. Я подошел поближе. Это был человек или скорей тело человека, одетого в серый костюм. Шлепая по воде, я вытащил из кармана фонарик и направился прямо к нему.

Это был Хэкетт. Он лежал на спине. Над его физиономией потрудились так, что его было не узнать. Костюм промок насквозь, волосы в грязи.

Он среагировал на свет, попытавшись сесть. Я наклонился и, обхватив его рукой за плечи, помог ему.

— Я Арчер. Помните меня?

Он кивнул. Его голова упала мне на плечо.

— Можете говорить?

— Да, могу. — Голос у него был хриплый, словно у него болело горло, и говорил он так тихо, что я вынужден был приложить ухо к его губам.

— Где Дэйви Спеннер?

— Он убежал. Убил того, другого, и убежал.

— Убил Джека Флайшера?

— Я не знаю, как его зовут. Пожилого человека. Разнес ему выстрелом голову. Ужас какой-то!

— А вас кто избил, мистер Хэкетт?

— Спеннер. Он бил меня, пока я не потерял сознание, а потом, приняв за мертвого, бросил. Я пришел в себя, когда начался дождь. Сюда я еще кое-как дополз, но потом выдохся окончательно.

С другой стороны ручья меня окликнул, замигав фарами, Хэнк. Я крикнул ему, чтобы он не беспокоился, и велел Хэкетту сидеть и ждать.

— Вы меня не бросите? — в полной растерянности спросил он.

— Подождите несколько минут. Мы попробуем подъехать сюда на машине. Если Спеннер сбежал, бояться нечего.

— Слава богу, он сбежал.

Пережитое, по-видимому, сделало Хэкетта робким и почтительным. Я даже стал испытывать к нему симпатию и потому накиннул на него свой пиджак.

Держа в одной руке фонарик, а в другой пистолет, я было двинулся через поток в обратном направлении. И тут вспомнил про машину Флайшера. Он умер, значит, можно ею воспользоваться.

Я повернулся к Хэкетту.

— А где машина убитого?

— По-моему, возле амбара я видел машину.

И он махнул рукой куда-то вправо.

Я прошагал по проселку еще ярдов сто или около того и очутился на дорожке, уходящей вправо. Прошедшие и нынешние дожди смыли с нее всю землю, обнажив голые камни. Я пошел по дорожке, страшась того, что мне предстояло увидеть в конце ее.

Первое строение, попавшееся на моем пути, оказалось амбаром, старым, покосившимся, с зияющими в стенах дырами. Я обвел фонариком вокруг. Метнулась, вылетев через дыру, сова-сипуха: в полосе света мелькнула плоская, похожая на человеческую, голова на бесшумных крыльях. Она напугала меня. Словно призрак Джека Флайшера.

Машина его стояла за амбаром, незапертая, но ключа в зажигании не было. Значит, ключ остался у Флайшера в кармане. Я чуть было не отказался от своего намерения воспользоваться его машиной. Но заставил себя подойти к дому.

За исключением одного крыла, крытого плоской кровлей, от дома, кроме каменного фундамента, ничего не осталось. Да и то крыло, что сохранилось, тоже сильно пострадало за многие годы от ненастья. Хлопал на ветру оторванный лист кровельного железа, а покосившаяся дверь висела на одной петле.

Когда, войдя внутрь, я нашел Джека Флайшера распростертым на мокром бетонном полу, он уже тоже стал частью той разрухи, которая царила в доме. В слабом свете моего карманного фонарика его лицо и голова казались покрытыми ржавчиной. Сквозь дыру в крыше на него струйкой текла вода.

Обшаривая карманы Флайшера, я обратил внимание на то, что тело его еще было теплым. Ключи от машины нашлись в кармане брюк, а во внутреннем кармане пиджака — копии документов, сделанные им в Сан-Франциско. Я взял по одной копии себе.

Перед уходом я еще раз обвел фонариком по сторонам. В одном углу располагались двухъярусные нары, какие можно видеть в бревенчатых хижинах старого Запада. На нижних нарах лежал спальный мешок. Еще в помещении был стул, сделанный из деревянной бочки. Возле стула валялась куча нарезанного кольцами и кусками липкого пластыря. На полу около нар были набросаны окурки от сигарет.

Я оставил Флайшера там, где он был, предоставив

полиции самой разбираться в деталях, и спустился по скользкому от грязи склону к его машине. Она завелась с первой же попытки. По размытой дождем дорожке я на малой скорости выбрался на проселок и доехал до того места, где меня ждал Хэкетт. Он сидел, уронив голову в колени.

Я помог ему подняться и влезть на переднее сиденье.

— Не надо, Лью,— крикнул мне Хэнк с другой стороны ручья.— Слишком глубоко.

Придется попробовать. Не оставлять же Хэкетта здесь. А перетащить его на себе я не решался. Поскользнувшись, его понесет течением, и тогда все наши старания окажутся напрасными.

Я осторожно ввел машину в воду, держа курс на фары Хэнка и надеясь, что дорога тут идет прямо. На какое-то мгновение в середине пути мне показалось, что машина поплыла. Ее понесло куда-то в сторону, но тут же, задрожав, она замерла, зацепившись за что-то под водой.

Больше ничего не случилось, и мы благополучно перебрались через поток. Поддерживая Хэкетта с двух сторон, мы с Лэнгстоном перетащили его в фургон и уложили на заднем сиденье. Я надел брюки и пиджак, а Хэкетта укрыл ковриком, что лежал в машине на полу. К счастью, в фургоне хорошо работал обогреватель.

Я запер машину Флайшера и оставил ее на дороге. Потом еще раз вернулся к ней и осмотрел багажник. Магнитофонных пленок там не было. Я захлопнул крышку багажника. Двенадцать миль до Сентервиля мы ехали медленно.

Отсутствовали мы, должно быть, часа два, но свет в закусочной все еще горел. Эл Симмонс, зевая, подошел к двери. Вид у него был такой, будто он спал не раздеваясь.

— Я вижу, вам удалось выбраться.

— Да. А Джеку Флайшеру нет. Его застрелили.

— Насмерть?

— Ему разнесли голову из обреза.

— На ранчо Крагов?

— Совершенно верно.

— Подумать только! Между прочим, я всегда думал, что там он встретит свой конец.

У меня не было времени спросить у Симмонса, что он хотел этим сказать. Он проводил меня к телефону за стойкой и сказал, как звонить в полицию Родео Сити.

Дежурным оказался помощник шерифа Пеннел. Я доложил ему, что Джек Флайшер убит выстрелом из обрез.

— Джек? — потрясенно переспросил он. — Но я только-только разговаривал с ним. Он заезжал сюда в начале вечера.

— Что он сказал?

— Сказал, что едет на ранчо Крагов. Но зачем, не сказал. Правда, добавил, что если к утру не вернется, я должен приехать за ним, захватив с собой еще пару полицейских.

— Вам, пожалуй, стоит поехать сейчас. Не ждите до утра.

— Не могу. Второй патрульной машины у нас нет, а моя сломалась, и до января округ нам денег не отпустит. — Пеннел был расстроен и растерян. — Придется вызывать машину из Санта-Тересы.

— А «Скорую помощь»?

— Тоже надо вызвать из Санта-Тересы. Но если Джек умер, зачем ему «Скорая помощь»?

— Не все же умерли. У меня в машине человек, которому требуется помощь. — Я не назвал Хэкетта, потому что надеялся доставить его домой до того, как газетчикам станет известно о его освобождении. — Я привезу его в Родео Сити. Пусть «Скорая помощь» и патрульная машина ждут нас возле участка.

Эл Симмонс сидел у стойки и, не смущаясь, слушал, что я говорю. Когда я положил трубку, он несколько задумчивым тоном заметил:

— Чудно, как иной раз оборачивается жизнь человеческая! Джек больше пятнадцати лет занимал как раз ту самую должность, какую нынче занимает Рори Пеннел. А Рори был тогда у него на подхвате.

— А что общего у Джека было с Крагами?

— Не хочется что-то об этом говорить. — Но глаза у него блестели от желания поведать мне то, что он знает. — Джек умер, а про мертвых плохо не говорят. Кроме того, он был женат, и мне бы не хотелось, чтобы та история дошла до миссис Флайшер.

— Другая женщина?

— Да. Джек был неплохим малым, но любил бегать за юбками. Еще в начале пятидесятих годов он все крутился вокруг женщины, что жила у Крагов на ранчо. И думаю, сумел ее заполучить, — с кривой усмешкой добавил Симмонс. — Он, бывало, останавливался здесь купить ящик пива, а потом ехал туда и проводил там с ней ночь. Но

судить его я не берусь. Лорел Блевинс была лакомый кусочек.

— А что говорил ее муж?

— По-моему, он ничего не знал. Блевинса почти никогда не было дома. Все свое стадо он порезал. И если не охотился, то бродил по холмам с такой штукой, какую таскают художники...

— С мольбертом?

— Да. Строил из себя художника. Но и он, и его жена, и мальчишка — все они жили как индейцы-диггеры в этом выгоревшем дотла доме. И женщину ту судить нельзя, что она потянулась к Джеку. Пятнадцать лет назад он был красивым малым и при деньгах — брал с игорных заведений. А когда Блевинс бросил ее, Джек нашел ей пристанище у Мейми Хейдждорн. Мне об этом сама Мейми рассказала.

— А что случилось с Блевинсом?

— Ушел, и все. Он был от рождения неудачником.

— А мальчишка?

— Не знаю. Потерялся где-то во всей этой неразберихе.

Вот и оставался бы где-то, подумал я, вместо того чтобы являться сюда и мстить за прошлое, которое нельзя изменить даже с помощью обреза.

Я спросил у Эла Симмонса про Дэйви, и Симмонс припомнил, что вроде накануне утром кто-то, не то мужчина, не то мальчишка, на зеленом «дарте» свернул в сторону ранчо. Нет, он не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь ехал сегодня в обратном направлении.

— А можно оттуда выбраться другим путем?

— Можно, через северо-западный перевал. Но для этого, особенно в такую погоду, как нынче, все четыре колеса машины должны быть ведущими.

Снаружи засигналил Лэнгстон. Мне нужно было сделать еще одно дело. Я позвонил в дом Хэкеттов в Малибу, попросил к телефону Рут Марбург и сказал ей, что везу ее сына домой.

Она расплакалась. Потом засыпала меня вопросами, но я не стал отвечать. Я сказал ей, что мы приедем на «Скорой помощи» и что, хотя Хэкетт, по-видимому, серьезно не пострадал, тем не менее он истощен и несколько часов пролежал под дождем. Пусть лучше к нашему приезду вызовет врача.

— Мы приедем в шесть утра,— добавил я.

Помощнику шерифа Рори Пеннелу было лет сорок или около того. Костлявый, с пышными каштановыми усами, он заметно заикался, хотя, вполне возможно, дефект этот усилился после известия о смерти Джека Флайшера. Пеннел казался искренне расстроенным. Пока мы разговаривали, он то и дело хватался за рукоятку пистолета, висевшего у него на боку.

Я с удовольствием бы побыл в Родео Сити подольше, чтобы побеседовать с Пеннелом и Мейми Хейдждорн да и с любым другим, кто помог бы мне воссоздать прошлое. Джек Флайшер, по-видимому, имел самое непосредственное отношение к смерти Джаспера Блевинса. Но теперь эта мысль приобрела чисто теоретическое значение, и поэтому с ней можно было не спешить. Сейчас важно было доставить Стивена Хэккетта домой.

Двое полицейских, явившихся из Санта-Тересы, охотно взяли бы его сопроводить. Это было сравнительно легкое и безопасное задание, да и в газеты можно попасть. Но я напомнил им, что на ранчо Крагов лежит тело Джека Флайшера. А где-то в горах к северу от ранчо, вероятно, застрял в непролазной грязи его убийца.

Я попрощался с Хэнком, и мы с Хэккеттом в карете «Скорой помощи» помчались в южном направлении. Я сидел на полу рядом с носилками, на которых лежал Хэккетт. Он чувствовал себя лучше. Ему оказали первую помощь, и через соломинку он выпил чашку бульона. Я решил задать ему несколько не терпящих отлагательства вопросов.

— Кто ударил Лупе? Сэнди Себастиан?

— Да. Она ударила его по голове монтировкой, и он потерял сознание...

— А вам она нанесла оскорбление действием?

— Непосредственно нет. Но пока мальчишка держал меня под прицелом, она связала мне руки и ноги, залепила рот и завязала глаза.— Он вытащил из-под одеяла руку и потрогал себе глаза.— Потом они положили меня в багажник ее машины. Вот там было по-настоящему страшно.— Он поднял голову.— Сколько времени прошло с тех пор?

— Около тридцати шести часов. У нее была причина ненавидеть вас?

— Наверное, была,— медленно ответил он.— Но какая, понятия не имею.

— А у парня?

— Я никогда его раньше не видел. Он вел себя как ненормальный.

— В чем это выражалось?

— По-моему, он не совсем понимал, что делает. Он даже положил меня на рельсы. Я знаю, это звучит, как в мелодраме, но он в самом деле хотел, чтобы я попал под поезд. Девочка убежала, и тогда он передумал. Завез меня куда-то и держал там в заключении. Большую часть дня — вчера, что ли? — он относился ко мне довольно снисходительно. Развязал меня и позволил немного походить. Дал попить воды, угостил хлебом и сыром. Разумеется, обрез был всегда при нем. Он лежал на нарах, нацелив его на меня. Я сидел на стуле. Вообще-то я не трус, но спустя некоторое время я почувствовал, что нервы у меня сдают. Я не мог понять, что он задумал.

— Он говорил о деньгах, мистер Хэккетт?

— Я говорил. Предлагал ему большие деньги. Он ответил, что деньги ему не нужны.

— А что ему было нужно?

Хэккетт долго молчал.

— Он, по-видимому, сам не знал. Он жил как во сне. Вечером накурился марихуаны и совсем перестал соображать. Болтал о каком-то мистическом обряде, где мне, по-видимому, предстояло сожжение на костре.

— Он так сказал?

— Не совсем. Он предложил будто бы в шутку, чтобы мы с ним образовали музыкальную группу. И даже придумал для нее несколько названий, вроде, например, «Жертвоприношение». — И совсем тихо Хэккетт добавил: — Он не шутил. По-моему, он в самом деле решил меня убить. Только не сразу. Ему хотелось продлить мои мучения подольше.

— Почему?

— Я не психолог, но мне кажется, что он видел во мне своего отца. К концу вечера, когда он совсем ошалел от марихуаны, он начал называть меня папой. Не знаю, кто есть или был его отец, но парень, должно быть, его ненавидит.

— Его отец попал под поезд, когда мальчику было три года. И это случилось у него на глазах.

— Господи боже! — Хэккетт даже привстал. — В таком случае многое становится понятным, правда?

— Он говорил о своем отце?

— Нет. Я не старался поддерживать разговор. В конце

концов он задремал. И только я собрался броситься на него, как появился этот второй, Флайшер, что ли? Он, наверное, считал, что в доме никого нет. Вот парень и выпустил в него заряд из обоих стволов. Флайшер тут же испустил дух. Я выбежал на улицу. Парень меня поймал и избил до потери сознания.

Он упал на носилки, выставив вперед локти, словно боялся, что Дэйви снова пройдет кулаками по его лицу. Остальную часть пути мы молчали. Сначала дыхание Хэкетта было сиплым, потом он успокоился и заснул, дыша уже совсем равномерно.

Я расстелил на вибрирующем от движения полу одеяло и, пока на смену ночи шел день, тоже поспал. Проснулся я с ощущением чего-то хорошего. Мы со Стивеном Хэкеттом прибыли назад живые и почти невредимые. Но страх не покидал его. Даже во сне он стонал и прикрывал голову руками.

Всходило солнце. В Малибу возле таблички с надписью: «Частное владение. Посторонним вход запрещен» — карета остановилась. Водитель не знал, где свернуть, и помахал в окошко, зовя меня к себе.

Я сел рядом с ним, а санитар влез в салон к Хэкетту. Мы отыскивали левый поворот и помчались вверх к воротам поместья Хэкеттов.

Было шесть с минутами. На перевале нас приветствовало утреннее солнце во всей своей красе.

Рут Марбург и Герда Хэкетт вышли из дома вместе. Лицо у Рут обострилось и похудело, глаза были затуманенные, но веселые. Тяжело переваливаясь, она подбежала ко мне, схватила меня за руки и благодарила, благодарила. Потом она обернулась к сыну, которого санитары и шофер вытаскивали из кареты, наклонилась над ним и обняла его, плача и вслух ужасаясь его лицом.

Герда Хэкетт стояла за ее спиной. Вид у нее был обиженный, словно она была недовольна тем, что Рут опередила ее в проявлении чувств. Но она тоже обняла Хэкетта. Тем временем Сидни Марбург и доктор Конверс стояли в стороне, наблюдая за происходящим.

С ними стоял еще один человек, лет под пятьдесят, с тяжелыми плечами и квадратным неулыбчивым лицом. Держал он себя так, будто был здесь главным. Когда Хэкетт, нетвердо встав на ноги, не захотел, чтобы его внесли в дом на носилках, а пожелал войти на собственных ногах, этот человек помог ему. Доктор Конверс поплелся вслед за ними, явно чувствуя себя лишним.

Рут Марбург меня удивила. Я на время позабыл об обещанных ей деньгах. Она же помнила. И безо всяких разговоров повела меня в библиотеку, где выписала чек.

— Только оприходовать его вы сумеете не раньше, чем через неделю.— Она встала и помахала чеком, чтобы быстрее высохли чернила.— У меня нет такой суммы в банке. Часть денег мне придется перевести из другого банка и, кроме того, реализовать кое-какие ценные бумаги.

— Я не спешу.

— Отлично.— Она вручила мне маленький желтый листок. На нем была обещанная сумма.

— Необычная вы женщина,— сказал я.— Среди богатых людей большинство готово из-за цента удавиться.

— Я не всегда была богатой. А сейчас у меня денег больше, чем я могу истратить.

— У меня теперь тоже.

— Не заблуждайтесь. Сто тысяч в наши дни — деньги небольшие. Половину у вас заберет дядюшка Сэм. Если хотите моего совета, вложите вторую половину в недвижимость и любуйтесь тем, как она будет расти в цене.

Почему-то у меня не было уверенности, что именно так я сумею поступить. Пряча чек в бумажник, я испытывал какое-то возбуждение, которое мне самому было не по душе. И еще мною владело чувство, будто не чек принадлежит мне, а я вдруг сделался его собственностью.

Рут Марбург подошла и погладила меня по щеке. Нет, это был не мимолетный жест, это тоже был жест собственника.

— Вы счастливы, Лью? Можно мне называть вас просто Лью?

— Да, и еще раз да.

— Что-то нерадостный у вас вид. А должен быть радостный. Вы столько сделали для нас. Я всю жизнь буду вам признательна.

— Спасибо.— Но благодарить ее не хотелось. Даже в повторно выраженной признательности чувствовалась позиция собственника. Она не давала, она умела только брать.

— Как вам удалось все это раскрыть? — спросила она.

Я предельно коротко поведал ей о том, что смог разузнать у Флайшера, Элберта Блевинса и Элмы Краг, какие сведения привели меня на ранчо, где прятали ее сына, и что я нашел там.

— У вас была нелегкая ночь,— признала она.— Но

прежде чем вы уедете, с вами хочет поговорить мистер Торндайк.

Она вышла и привела человека с тяжелыми плечами. Торндайк оказался агентом ФБР. Рут оставила нас в библиотеке одних, и Торндайк принялся меня расспрашивать, записывая мои ответы на портативный магнитофон.

— Я не собираюсь вас осуждать, — сказал он, — поскольку все завершилось благополучно. Но отправиться на поиски похитителей, заручившись поддержкой лишь школьного учителя, по-моему, чистое безумие. Вы могли кончить тем же, чем кончил Флайшер.

— Я знаю. Но Спеннер не совсем обычный похититель. Не думаю, что он стал бы стрелять в Лэнгстона.

— К счастью, ему такой возможности и не представилось.

Торндайк разговаривал со мной несколько высокомерно, как учитель, опрашивающий не слишком прилежного ученика. Мне же было безразлично. Хэкетта разыскал я, а не он.

Глава 24

Приехал представитель полиции капитан Обри. Торндайк пошел разговаривать с ним. Я закрыл за Торндайком дверь библиотеки и запер ее на ключ. Впервые с тех пор, как я вынул из кармана мертвого Джека Флайшера фотокопии, я остался один.

Я разложил их на столе возле окна и раздвинул пошире занавеси. Копия свидетельства о рождении гласила, что Генриетта Р. Краг родилась в округе Санта-Тереса 17 октября 1910 года и была дочерью Джозефа и Элмы Краг. Документ этот был подписан доктором Ричардом Харлоком из Родео Сити.

Вторая фотокопия оказалась более интересной. Это был кусок первой страницы «Санта-Тереса стар» за 28 мая 1952 года. Под заголовком «Убийство нефтяного магната остается загадкой» жирным шрифтом было набрано: «Разыскивается банда из подростков». А далее шел текст: «Полиция продолжает расследование убийства, имевшего место 24 мая на пляже в Малибу. Жертва — житель города известный нефтяной магнат из Техаса Марк Хэкетт. По словам помощника местного шерифа Роберта Обри, было арестовано, но впоследствии освобождено более десятка

подозрительных лиц. Разыскивается группа мотоциклистов, которая была замечена в районе Малибу вечером 24 мая.

Хэкетта застрелили во время прогулки вдоль моря 24 мая вечером. Пропал также его бумажник. Полиция нашла револьвер, опознанный впоследствии как оружие, из которого было совершено убийство. Семья погибшего состоит из его вдовы и сына Стивена».

На той же газетной странице была еще одна заметка под заголовком «Снова смерть на рельсах».

«Родео Сити (от нашего специального корреспондента).

Поезд считается самым дешевым средством передвижения, однако некоторым путешественникам он стоит жизни. За последние несколько лет на довольно пустынном участке железной дороги к югу от Родео Сити зарегистрирован ряд несчастных случаев со смертельным исходом. Тела погибших были обезглавлены, расчленены и подвергнуты прочим увечьям.

Последняя жертва смерти на рельсах, вторая по счету за этот год, была обнаружена вчера помощником шерифа Родео Сити Джеком Флайшером. Удостоверения личности при погибшем не оказалось.

По словам Джека Флайшера, одежда мужчины свидетельствует о том, что он был сезонным рабочим. В карманах у него осталось двадцать с лишним долларов, что исключает попытку ограбления.

Помощник шерифа Флайшер рассказал нашему корреспонденту трогательную подробность. Погибшего сопровождал мальчик лет трех от роду, который, по-видимому, провел ночь возле тела отца. В ожидании дальнейшего расследования ребенка поместили в приют».

Помимо подтверждения того, что мне уже было известно, эта вторая заметка давала понять, что Флайшер умышленно приостановил расследование. Он, конечно, знал, кто погибший, и наверняка заблаговременно выкрал у него удостоверение личности. Наличие денег в кармане ничуть не исключало возможности преднамеренного убийства, которое мог совершить сам Флайшер.

Меня поразило, что оба эти происшествия случились одно за другим с разницей в три-четыре дня. Это, разумеется, могло быть и просто совпадением, но Флайшер, по-видимому, так не считал. Кроме того, очень похоже, что капитан Обри был тем самым помощником шерифа Обри, который занимался расследованием убийства Марка Хэкетта пятнадцать лет назад.

Я застал капитана Обри в гостиной вместе с Торндайком и доктором Конверсом. У Хэкетта никаких серьезных повреждений не обнаружено, объяснил доктор, просто ему довелось пережить довольно серьезное потрясение. Тем не менее доктор категорически возражает, чтобы с его пациента снимали показания, пока он не отдохнет. Агент ФБР и капитан полиции не стали настаивать.

Когда Конверс договорил, я увел его в соседнюю комнату, чтобы никто нас не слышал.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

— Я хочу получить ответ на свой вопрос о Сэнди Себастиан. От чего вы ее лечили прошлым летом?

— Без разрешения пациента я не могу сказать. Мне не позволяет врачебная этика. — Конверс помолчал, а потом его брови полезли вверх. — Это вы уговорили доктора Джеффри позвонить мне вчера?

— Не совсем так. Я задал ему этот же вопрос.

— Не намерен отвечать ни ему, ни вам, — твердо отозвался доктор Конверс. — У девочки и без того куча неприятностей.

— Вот я и стараюсь избавить ее от этих неприятностей.

— Довольно странным манером, не так ли?

Тогда я решил сформулировать вопрос несколько иначе.

— Она что, прошлым летом злоупотребляла наркотиками?

— Я не буду отвечать. — Но по его глазам я понял: «да».

— Психосоматическими средствами?

Любопытство взяло верх над врачебной этикой.

— Почему вы так думаете?

— Я слышал, что она пыталась покончить с собой. Неудачный экскурс с помощью ЛСД иногда может оказаться очень кстати. Вам это отлично известно, доктор, не сомневаюсь.

— Разумеется.

— Может, присядем и поговорим поподробнее?

— Нет, сэр, ни в коем случае. Я не имею права обсуждать личные дела моих пациентов.

— Личные дела Сэнди теперь стали достоянием гласности. И не забывайте, что я на ее стороне.

Конверс покачал головой.

— Прошу извинения, но мне пора в больницу на обход.

— Как себя чувствует Лупе?

— Поправляется.

— А Лупе злоупотребляет наркотиками?

— Откуда мне знать?

Резко повернувшись, Конверс вышел.

В гостиной меня ждал капитан Обри. Торндайк пересказал ему все, что услышал от меня, но у Обри было ко мне еще несколько вопросов.

— Вы ведь имели отношение к этому делу почти с первого дня,— сказал он.— С чего, по-вашему, все это началось?

— Началось это в тот день, когда Дэйви Спеннер познакомился с Сэнди Себастиан. Они оба чувствовали себя обиженными и испытывали неприязнь к своим семьям.

— Про Спеннера я кое-что слышал. Он человек психически неуравновешенный и состоит на учете. Ему не следовало гулять на свободе.— Его серые глаза смотрели холодно.— К счастью, долго гулять ему не удастся. Я связался с Родео Сити. Они нашли «дарт» дочери Себастиана. Машина сидела по брюхо в грязи к северу от ранчо. Полиция округа Санта-Тереса рассчитывает не позже чем сегодня взять Спеннера.

— И что потом?

— Это их забота.— Фраза Обри показалась мне странной, ее можно было понять по-разному.— Его обвиняют в убийстве без смягчающих вину обстоятельств, поэтому судьба его решена. Что же касается девочки, то тут вопрос более сложный. Прежде всего она несовершеннолетняя и никаких правонарушений за ней не числится. Кроме того, на ее счастье, она удрала от Спеннера до того, как он убил Флайшера.

— Сэнди — не преступница. Как только она увидела, что дело принимает серьезный оборот, она сбежала.

— Вам ведь, кажется, удалось с ней беседовать? Интересно, какой бес вселяется в такую девчонку? — Обри был искренне обеспокоен.— Моей дочери тоже шестнадцать лет. Хорошая девочка, но и эта была неплохой. Где у меня гарантия, что и моя собственная дочь в один прекрасный день не надумает разбить человеку голову?

— Мне кажется, Сэнди затаила обиду на Лупе. С того-то, вероятно, все и пошло.

— А в чем дело?

— Пока у меня нет доказательств, капитан, я лучше помолчу.

Он наклонился ко мне, лицо у него стало красным, наверное, он думал про собственную дочь.

— Он принуждал ее к сожительству?

— Мне об этом ничего не известно. Но каковы бы ни были их отношения, все это в скором времени прояснится. Люди из отдела по надзору за условно осужденными уж постараются прояснить все детали.

Обри недовольно взглянул на меня и направился к выходу.

— Я хотел поговорить с вами еще кое о чем,— остановил я его.— Пойдемте к вашей машине. Там нас никто не услышит.

Он пожал плечами. Мы вышли из дома. Обри сел за руль, я устроился рядом.

— Вы тот самый Обри, что когда-то служил в полиции Малибу?

— Да. Поэтому-то мне и поручили нынешнее дело.

— Я слышал, что это уже не первое серьезное преступление в семье Хэкеттов?

— Совершенно верно. Мистера Марка Хэкетта застрелили на пляже.

— Удалось ли вам хотя бы собрать сведения об убийце?

— Нет. Такие случаи, когда преступнику удастся мгновенно скрыться, расследовать нелегко,— виновато признался Обри.— Вся беда в том, что мы не могли найти ничего общего между грабителем и жертвой.

— Разве причиной убийства послужило ограбление?

— По всей вероятности. У Хэкетта пропал бумажник, а он имел обыкновение носить при себе много денег. Что оказалось, как видите, большой глупостью. На берегу у него был коттедж, где он любил проводить вечера. Вот его и поймали на этой привычке, сумев сорвать немалый куш.

— Кого-нибудь арестовали?

— Мы задержали с десятков подозрительных лиц. Но никого из них обвинить в преступлении не сумели.

— Вы кого-нибудь из них помните?

— Через столько лет? Нет, конечно.

— Я назову вам одного человека. Джаспер Блевинс.

— Нет, не помню,— покачал он головой.— А кто такой этот Джаспер Блевинс?

— Отец Дэйви Спеннера. Если верить старой газете, выходившей в Санта-Тересе, он попал под поезд возле Родео Сити через три дня после убийства Марка Хэкетта.

— И что же?

— Интересное совпадение.

— Возможно. Но такие совпадения встречаются на каждом шагу. Иногда они действительно что-то значат, но чаще — ничего.

— Это, по-моему, значит.

— Вы хотите сказать, что существует связь между этими двумя преступлениями, то есть между убийством Марка Хэккетта и похищением его сына?

— Какая-то связь определенно есть. В газете также упоминалось, что вы нашли револьвер, из которого был убит Марк Хэккетт.

Обри повернулся и с уважением посмотрел на меня.

— Вы недурно поработали, а?

— Удалось вам установить, кому принадлежал этот револьвер?

Обри ответил не сразу.

— Самое странное было то, — наконец сказал он, — что этот револьвер в некотором роде принадлежал самому Хэккетту...

— Что дает возможность предположить, не внутрисемейное ли это дело?

Обри поднял руку, останавливая меня.

— Дайте мне закончить. Револьвер принадлежал Хэккетту в том смысле, что был куплен одной из его нефтяных компаний. И лежал у них в конторе в Лонг-Биче в незапертом ящике стола. О нем забыли, и он исчез, по-видимому, за несколько дней до убийства.

— Не мог ли это быть служащий, которого когда-то обидели?

— Мы произвели довольно тщательную проверку. Но ничего представляющего интерес не обнаружили. Беда в том, что у Хэккетта оказалось немало обиженных среди служащих. Он тогда только перебрался сюда из Техаса и погонял их, как стадо кнутом на техасский манер. Только в Лонг-Биче у него было около пятисот служащих, и добрая половина из них питала к нему жгучую ненависть. Но найти доказательств тому, что его убил кто-нибудь из них, мы не смогли.

— А как называлась его компания?

— «Корпус Кристи оил энд гэс». Марк Хэккетт родился в «Корпус Кристи». Не стоило ему оттуда уезжать.

Обри дружески ткнул меня в плечо и включил зажигание. Я вернулся в дом.

В картинной галерее я увидел Герду Хэккетт: она стояла, задумавшись, перед картиной, изображавшей человека в путанице геометрических фигур, что, по-видимому, должно было означать единство человека и путаницы.

— Вы любите живопись, миссис Хэккетт?

— Да. Особенно Клее. Это ведь я продала эту картину мистеру Хэке... Стивену.

— Правда?

— Да. В Мюнхене я работала в картинной галерее, в очень хорошей галерее. — В ее голосе слышалась тоска по прошлому. — Там я и познакомилась с моим мужем. Но будь все сначала, я бы не уехала из Германии.

— Почему?

— Мне здесь не нравится. С людьми происходят такие страшные вещи.

— Но вам же вернули вашего мужа.

— Да. — Но веселее она от этого не стала. Она повернулась ко мне, голубые глаза ее были затуманены. — Я очень благодарна вам, честное слово. Вы спасли ему жизнь, большое вам спасибо.

Она притянула меня к себе и поцеловала. Случилось это как-то неожиданно даже для нее самой. Хотела, наверное, выразить каким-то образом свою благодарность, а завершила чем-то другим.

Я поспешил сменить тему разговора.

— Я слышал, вы дружите с Сэнди Себастиан?

— Нет, мы раздружились. Я помогала ей в языках. Но она оказалась неблагодарной.

— Она проводила много времени с Лупе?

— С Лупе? А почему вы спрашиваете?

— Потому что это может оказаться важным. Она часто с ним виделась?

— Конечно, но не в том смысле, что вы имеете в виду. Он иногда привозил ее сюда, а потом отвозил домой.

— Как часто?

— Много раз. Но Лупе женщинами не интересуется.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — вспыхнула она. — Почему это вас так волнует?

— Можно посмотреть его комнату?

— Зачем?

— К вам это никакого отношения не имеет. У него есть комната в доме?

— Нет, он живет над гаражом. Я не знаю, открыто ли там. Подождите, я возьму ключ.

Несколько минут, пока ее не было, я стоял и смотрел на картину Клее. Она нравилась мне все больше и больше. Человек запутался, путаница была в нем самом.

Вошла Герда и вручила мне ключ с биркой, на которой было написано: «Квартира над гаражом». Я пошел в гараж и ключом открыл дверь в квартиру Лупе.

Это была так называемая студия, то есть квартира, состоящая из одной большой комнаты и похожей на вагонное купе кухни. Комната была многоцветной. Ее украшали яркие ткани и изделия работы мексиканских кустарей. Над застланной серапе кроватью висело несколько масок доколумбова периода. Если принять во внимание, что Лупе был простого происхождения, то отказать ему во вкусе нельзя.

Я прошелся по ящикам комода, но не нашел в них ничего криминального. В ящичке над раковиной в ванной оказалась лишь баночка какого-то крема. Зато в кухне на дне какой-то миски я разыскал кусочки сахара, не очень умело обернутые в фольгу.

Всего их было шесть. Я взял три, сложил в носовой платок и спрятал во внутренний карман пиджака.

С лестницы не доносилось ни звука, поэтому я был крайне удивлен, когда дверь у меня за спиной отворилась и вошел Сидни Марбург. На ногах у него были теннисные туфли.

— Герда сказала, что вы пошли сюда. Что тут у Лупе?

— Просто изучаю.

— Что изучаете?

— Его моральный облик и нормы поведения. Он ведь не совсем обычный слуга, а?

— Совершенно справедливо. Лично я считаю, что он подонок.— Бесшумными шагами Марбург подошел ко мне.— Если вы разыщете что-либо его компрометирующее, дайте мне знать.

— Серьезно?

— Абсолютно. Моя жена интересуется искусством, поэтому он делает вид, будто тоже им увлекается, но, кроме Рут, никто в это не верит.

— Между ними существуют какие-то отношения?

— По-моему, да. Он довольно часто приезжает к нам в Бель-Эйр, когда меня нет дома. Один из слуг держит меня в курсе событий.

— Близкие отношения?

— Не знаю,— с болью признался Марбург.— Знаю только, что она ссужает его деньгами, потому что видел несколько погашенных чеков. По словам нашего слуги, Лупе докладывает ей обо всем, что делается в доме ее сына. Все это, мягко выражаясь, дурно пахнет.

— Давно они знают друг друга?

— Практически всю жизнь. Сколько я помню, он всегда работал здесь, если это можно назвать работой.

— Сколько же?

— Лет пятнадцать-шестнадцать.

— Вы знали Хэкеттов, когда Марк был жив?

Вопрос этот почему-то явно ему не понравился.

— Да. Только я не понимаю, что общего между этим и тем, о чем мы говорим. Мы говорим о Лупе.

— Верно. Скажите, в чем еще вы его подозреваете, кроме соглядатайства в пользу вашей жены? Он балуется наркотиками?

— Меня бы это не удивило,— чуть более охотно, чем следовало, ответил Марбург.— Я не раз видел его в состоянии сильного возбуждения. Он либо маньяк, либо наркоман.

— А видели ли вы его когда-нибудь с дочерью Себастианов?

— Нет, никогда.

— Насколько я понял, он довольно часто возил ее.

— Несомненно. Летом она подолгу бывала здесь.— Он замолчал, глядя на меня с любопытством.— Думаете, он давал ей наркотики?

— Я пока не нашел никаких доказательств этому.

— Господи, если б только можно было обвинить его в этом...

Мне не понравилась его радость.

— Успокойтесь. Я не собираюсь заниматься ради вашего удовольствия подтасовкой фактов.

— Никто вас и не просит.— Но он разозлился. По-моему, прежде всего на самого себя за то, что слишком распустил язык.— Если вам здесь больше делать нечего, я отвезу вас домой.

— Поехали, раз вы меня так просите...

— Мне незачем вас просить. Я серьезный художник и занят своей работой.

Несмотря на то, что Сидни Марбург был не слишком вежлив, мне он нравился, или скорей я был вполне в состоянии терпеть его присутствие. Женившись на Рут, он наверняка вступил с собственной совестью в сделку, ибо

она была старше него почти на двадцать лет, но, подобно ловкому посреднику, он удержал из этой сделки некоторый процент, частично сохранив свою самостоятельность.

— Звучит как декларация независимости, — заметил я.

Сердитое выражение на его лице сменилось улыбкой, но в ней было нечто от самоосуждения.

— Пошли. Я вовсе не хотел вымещать на вас свою злость. — Мы направились к его «мерседесу». — Где вы живете?

— В западной части Лос-Анджелеса, но мне нужно в Вудлэнд Хиллс. Там стоит моя машина.

— И там же живут Себастианы, верно?

— Да.

— Что с девочкой? Тронулась?

— Стараюсь выяснить.

— Бог в помощь. Извините, что я был так несдержан минуту назад. С удовольствием вас довезу. Просто, когда я попадаю сюда, у меня возникают неприятные ассоциации.

И, словно надеясь уехать от них навсегда, он с такой силой нажал на акселератор, что «мерседес» заревел. Мы понеслись по берегу озера, через плотину и по петляющему спуску выскочили к воротам, где Марбург, выжав тормоз до упора, заставил машину, взвизгнув, остановиться.

— Награждаю вас крестом за выдающийся полет, — сказал я.

— Извините, если напугал вас.

— У меня было два трудных дня. Я надеялся хоть сегодня получить передышку.

— Я же извинился.

Вниз к идущему вдоль океана шоссе Марбург ехал более осторожно. Он свернул на север, а возле Малибу-Кэньон вновь стал уходить от воды. Через несколько минут мы очутились среди гор.

— Красивая получилась бы картина, если бы нарисовать эти горы, — заметил я.

— Не обязательно, — не согласился со мной Марбург. — Из того, что кажется красивым, обычно получается плохая картина. Все живописные предметы или явления уже были использованы. Нужно найти что-то новое. Красота требует большого труда, сказал кто-то.

— Как, например, тот Клее из галереи?

— Да. Десять лет назад я посоветовал Стивену купить Клее. — И добавил: — Стивену нужен совет. Вкус у него ужасный. Во всем.

— И в женщинах?

— Бедняжка Герда, — простонал Марбург. — Когда она приехала с ним из Германии, ей представлялась *la vie en rose*¹. Ее ждало горькое разочарование. Они живут отшельниками, нигде не бывают, никого не принимают.

— Почему?

— По моему, он боится... боится жизни. Так бывает с людьми — не со всеми, конечно, — у которых есть деньги. И потом еще то, что случилось с его отцом. Странно, но вот уже пятнадцать лет Стивен ведет себя так, будто то же самое должно случиться с ним. И между прочим, чуть не случилось.

— Да, чуть не случилось.

— У вас большой опыт, мистер Арчер. Скажите, способны ли люди накликать беду на самих себя? Заняв, так сказать, выжидательную позицию?

— Интересная мысль!

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Задайте мне его еще раз, когда я покончу с этим делом.

Он кинул на меня удивленный взгляд, и машина сразу очутилась на обочине. С минуту он, сбавив скорость, весь сосредоточился на дороге.

— А я считал, что вы закончили.

— Нет, пока Спеннер на свободе и остались нераскрытыми несколько убийств.

— Несколько?

Вопрос повис в воздухе. Слева от дороги появилось здание тюрьмы предварительного заключения. Марбург с тревогой поглядел на него, словно боялся, что я хитростью завлеку его туда.

— Вы сказали, несколько убийств?

— Помимо убийства Марка Хэккетта, есть еще, по меньшей мере, два.

Пока тюрьма не исчезла за поворотом, Марбург не отрывал глаз от дороги. Заметив площадку для отдыха, он съехал на нее и остановился.

— Кого же еще убили?

— Женщину по имени Лорел Смит. Ей принадлежал небольшой жилой дом в Пэлисейдс. Там ее позавчера и избили до смерти.

— Я читал про нее в утреннем выпуске «Таймс». Поли-

---

¹ Жизнь в розовом цвете (франц.).

ция считает, что это дело рук сумасшедшего... Садиста, который ее даже не знал.

— Я придерживаюсь другого мнения. Лорел Смит была когда-то замужем за неким Джаспером Блевинсом. Пятнадцать лет назад он погиб, попав под поезд, и случилось это через несколько дней после убийства Марка Хэкетта. Мне удалось выяснить, что Лорел Смит и Джаспер Блевинс — родители Дэйви Спеннера. Я уверен, что все эти преступления, включая и похищение Стивена, связаны между собой.

Марбург сидел неподвижно, и только пальцы его барабанили по рулю, но мне показалось, что он как-то съежился. Потом поднял глаза и, не сдержавшись, бросил на меня мрачный взгляд.

— Может, мне только представляется, но вы что, меня в чем-то обвиняете?

— Возможно. А в чем я могу вас обвинять?

— Смешного тут ничего нет,— обиделся он.— Меня уже один раз обвиняли в том, в чем я не был виноват. Когда убили Марка, меня забрали в участок и целую ночь мучили допросами. У меня было бесспорное алиби, но они в него не верили. Им решение вопроса казалось самым элементарным: раз существует любовный треугольник, значит, убийца я. Я не отрицаю сейчас, да и тогда не отрицал, что мы с Рут были близки. Я обожаю ее,— несколько насмешливым тоном добавил он.— Она в ту пору собиралась разводиться с Марком.

— И выйти замуж за вас?

— И выйти замуж за меня. Поэтому какая польза мне была от смерти Марка?

— Вам, может быть, и не было, а Рут была.

— Не совсем так. Он оставил ей только то, что полагалось по закону. Из-за меня Марк незадолго до смерти написал новое завещание, согласно которому почти все его состояние досталось Стивену. Кстати, у Рут тоже было бесспорное алиби, поэтому я от лица нас обоих категорически отвергаю ваши обвинения.

Но гнева в Марбурге не было. Как и его страсть, гнев принадлежал той его части, которая участвовала в сделке. Не сводя с меня глаз, Марбург говорил осторожно, словно нанятый самому себе в адвокаты.

— Расскажите мне про ваши алиби, просто так, для интереса.

— Я знаю, что не обязан, но расскажу. С удовольствием. В то время, когда Марка убили, Рут и я ужинали

с друзьями в Монтесито. Присутствовало больше двадцати человек.

— Почему полицию не удовлетворили ваши алиби?

— Да нет, удовлетворили, но только после того, как они произвели поголовную проверку. Что закончилось только на следующий день. Уж очень им хотелось, чтобы я оказался убийцей. Я их понимаю. Непосредственно с Рут они боялись иметь дело, вот и решили добратсья до нее с моей помощью.

— А на чьей стороне был Стивен?

— В ту пору он был за границей, жил там уже несколько лет. Когда умер его отец, он в Лондоне изучал экономику. Я с ним тогда даже не был знаком. Он любил отца, тяжело переживал его смерть. Когда ему сообщили по телефону о гибели Марка, он не сдержался и расплакался. Больше я ни разу не видел, чтобы он проявлял какие-либо эмоции.

— Как это произошло?

— Рут позвонила ему сразу же после звонка Лупе. Мы еще были у наших друзей в Монтесито. Я сам соединил ее с Лондоном, а разговаривала она по другому аппарату в соседней комнате. Известие о смерти отца было ударом для Стивена. Честно говоря, мне было его жаль.

— А как он отнесся к вам?

— По-моему, в ту пору Стивен даже не подозревал о моем существовании. И почти год я старался не попадаться ему на глаза. Так решила Рут, и, по-видимому, это было правильная мысль.

— Почему? Потому что она зависела от Стивена в деньгах?

— Отчасти, наверное, да. Но главное, она его очень любит. Ей хотелось устроить свою жизнь так, чтобы мы оба были при ней, что она и сделала.— Марбург говорил о жене с таким пиететом, будто она была непоколебимый авторитет, божество, а не простая женщина.— Она дала мне... так сказать, стипендию в Сан Мигель ди Альенде. Через несколько минут после прилета Стивена из Лондона я улетел в Мехико. Рут постаралась, чтобы мы не встретились даже на аэродроме, но я видел Стивена, когда он вышел из самолета. В ту пору он был куда менее конформистом, нежели сейчас. Носил бороду, усы и длинные волосы. А когда я наконец с ним познакомился, он держался высокомерно и натянуто — деньги портят человека.

— Как долго вы отсутствовали?

— Я уже сказал, почти год. Именно в том году и

произошло мое становление как художника. Я никогда всерьез не учился рисовать, не писал с натуры, не имел случая поговорить с настоящими художниками. В Мексике меня очаровали свет и краски. И я научился их воспроизводить.— Со мной разговаривал тот Марбург, который не участвовал в сделке, а принадлежал самому себе.— Из человека, берущегося за кисть только по воскресеньям, я превратился в художника. А возможным это стало лишь с помощью Рут.

— Чем вы занимались до того, как стали художником?

— Я был чертежником у геологов. Я работал в... нефтяной компании. Скучное это было занятие.

— В «Корпус Кристи оил энд гас»?

— Совершенно верно. У Марка Хэкетта. Там я и познакомился с Рут.— Он помолчал, уныло опустив голову.— Значит, вы мной уже интересовались?

Я ответил ему вопросом на вопрос.

— А какие у вас сейчас отношения со Стивеном?

— Очень хорошие. Мы следуем разными курсами.

— Позавчера вы сказали, что было бы неплохо, если бы он вообще не вернулся. Тогда бы вам досталась его коллекция картин, сказали вы.

— Я пошутил. Что вы, шутки не понимаете, что ли? — Я ничего не ответил, и он взгляделся в меня пристальным взглядом.— Неужели вы всерьез думаете, что я имею какое-то отношение к тому, что приключилось со Стивеном?

Я опять ничего не ответил. Остальную часть пути до Вудлэнд Хиллс он обиженно молчал.

Глава 26

Я зашел в ресторан на Вентура-бульваре и заказал на завтрак бифштекс с кровью. Затем я забрал свою машину с бензоколонки, где оставил ее накануне, и стал подниматься наверх, к улице, на которой жил Себастиан.

Была суббота, а поэтому, несмотря на ранний час, аккуратно подстриженные площадки для гольфа, расположенные вдоль склона, уже пестрели игроками. Не доехав до особняка Себастианов, я заметил почтовый ящик со знакомой на нем фамилией, остановился и постучал в дверь дома Генслеров.

Дверь открыл светловолосый мужчина. У него почти не было бровей над голубыми навывкате глазами, от чего его тревожный взгляд казался еще тревожнее.

Я объяснил ему, кто я, и спросил, нельзя ли повидать Хейди.

— Моей дочери дома нет.

— А когда она вернется?

— Не знаю. Ее нет в городе, я отправил ее к родственникам.

— Этого делать не следовало, мистер Генслер. С ней захотят поговорить люди, занимающиеся надзором за условно осужденными.

— Не понимаю о чем.

— Она свидетель.

У него побагровели лицо и шея.

— Ни в коем случае. Хейди — хорошая, воспитанная девочка. С дочерью Себастианов она знакома только потому, что мы живем на одной улице.

— Быть свидетелем — не позор, — сказал я. — Равно как и быть знакомым с человеком, попавшим в беду.

Генслер хлопнул дверью прямо перед моим носом. Я сел в машину и поехал дальше к особняку Себастианов, думая о том, что Хейди, по-видимому, рассказала отцу что-то весьма неприятное, и он был напуган.

Перед особняком Себастианов стоял «ровер» доктора Джеффри. Когда Бернис Себастиан открыла мне дверь, по ее лицу я понял, что опять что-то случилось. Щеки у нее впали, остались одни обтянутые кожей скулы и затравленно светящиеся глаза.

— В чем дело?

— Сэнди пыталась покончить с собой. Она взяла у отца лезвие бритвы и спрятала его в свою собаку.

— В собаку?

— В игрушечного спаниеля. Бритву она, наверное, утащила, когда заходила в ванную. Она пыталась вскрыть себе вены на руках. К счастью, я все время дежурила у ее двери, услышала, как она вскрикнула, и не дала ей серьезно поранить себя.

— Она сказала, зачем она это сделала?

— Сказала, что ей нет места на земле, потому что она мерзкое существо.

— Это в самом деле так?

— Конечно, нет.

— Вы ей это объяснили?

— Нет. Я не сумела.

— Когда это все произошло?

— Только что. Доктор еще здесь. Извините меня, я пойду к ней.

Это была ее дочь, но занимался этим делом я. А потому пошел вслед за ней к Сэнди. Сэнди сидела на краю постели. Левая рука у нее была перевязана, на пижаме пятна крови. За ночь она изменилась. Глаза потемнели, губы плотно сжаты. Теперь от ее миловидности не осталось и следа.

Рядом сидел ее отец, как-то странно держа Сэнди за руку, а над ними стоял доктор Джеффри, убеждая родителей, что девочку следует госпитализировать.

— Я советую положить ее в психиатрический центр в Уэствуде.

— А там не очень дорого? — спросил Себастиан.

— Не дороже, чем в других больницах. Лечение у хорошего психиатра всегда обходится недешево.

Себастиан покачал головой. Висящая складками кожа на лице тоже заколыхалась.

— Не знаю, чем мне расплачиваться. После внесения залога у меня не осталось ни цента.

Сэнди подняла опухшие от слез глаза. Еле двигая губами, она сказала:

— Пусть меня заберут в тюрьму. Это ничего не будет стоить.

— Нет! — воскликнула миссис Себастиан. — Мы продадим дом.

— Сейчас не продашь, — возразил Себастиан. — Нам не выручить даже взятых под залог дома денег.

Сэнди отняла руку.

— Почему вы не дали мне умереть? Тогда все проблемы решились бы сами собой.

— Ценой жизни, — добавил Джеффри. — Я вызываю «Скорую помощь».

Себастиан встал.

— Давайте я сам отвезу ее. «Скорая помощь» тоже стоит немало.

— К сожалению, в этом случае полагается вызвать «Скорую помощь».

Я прошел вслед за Джеффри в кабинет. Он позвонил и попросил прислать «Скорую помощь».

— Да? — Взгляд его был жестким и испытующим.

— Она серьезно больна? — спросил я.

— Не знаю. Что-то с ней явно не то. Но я не психиатр. Вот почему мне и хочется побыстрее показать ее специалисту. Кроме того, следует принять меры предосторожности.

— Думаете, она может решиться на очередную попытку?

— Не исключено. Очень похоже, что она надумает повторить, сказал бы я. Она говорила мне, что уже давно об этом думает, что прошлым летом попробовала ЛСД и ей стало так плохо, что она до сих пор от этого не оправилась.

— Она вам это сказала?

— Да. Вполне возможно, что этим и объясняются те перемены, которые произошли в ней за последние несколько месяцев. Одной дозы иной раз достаточно, чтобы нанести человеку непоправимый ущерб. Она утверждает, что приняла ЛСД всего один раз — одну дозу в сахарной облатке.

— Она сказала, откуда ее взяла?

— Нет. Она явно не хочет кого-то выдать.

Я вынул кусочки сахара, которые нашел у Лупе в кухне, и дал один доктору.

— Я почти уверен, что это из того же источника. Можете вы отдать его на анализ?

— Пожалуйста. А где вы это разыскали?

— В квартире Лупе Риверы. Это ему она позавчера разбила голову. Если я смогу доказать, что он дал ей ЛСД...

— Я все понял, — вскочил Джеффри. — А почему бы мне не спросить у нее самой?

Мы вернулись в комнату Сэнди, где в ожидании томилась вся семья. Девочка, по обе стороны которой сидели ее родители, посмотрела на нас.

— Вызвали психушку?

— А почему бы и нет? — вдруг как-то странно отозвался Джеффри. — Но теперь моя очередь задать тебе вопрос.

Она застыла в ожидании.

— Кусок сахара, который ты съела в августе прошлого года, тебе его дал Лупе Ривера?

— Предположим. Ну и что?

Доктор ласково взял ее за подбородок.

— Он? Я хочу услышать «да» или «нет», Сэнди.

— Да. Я чуть не спятила. Была сама не своя.

— Он сделал еще что-нибудь с тобой, Сэнди?

Она вырвалась из руки доктора и опустила голову. Лицо ее ничего не выражало, но глаза совсем почернели и смотрели в одну точку.

— Он сказал, что убьет меня, если я кому-нибудь проговорюсь.

— Никто тебя не убьет.

Она недоверчиво посмотрела на доктора.

— К доктору Конверсу тебя возил Лупе? — спросил я.

— Нет. Меня возила Герда... миссис Хэкетт. На шоссе

я попыталась выпрыгнуть из машины. Доктор Конверс надел на меня смирительную рубашку. Я пробыла у него в клинике всю ночь.

У Бернис Себастиан вырвался стон. Когда за ее дочерью пришла «Скорая помощь», она поехала вместе с ней.

Глава 27

И снова шоссе. Я, казалось, превратился в вечного странника. Ехал я, сам не ведая куда, до боли хотелось домой, но очутился я не дома, а в Лонг-Биче, в самом унылом месте на всем белом свете.

Здание, которое занимала «Корпус Кристи оил энд гэс», было солидным четырехэтажным строением; окна его смотрели на порт и портовые трущобы. Я родился и вырос в Лонг-Биче, от нашего дома до порта можно было дойти пешком, а потому хорошо помнил, как через год после землетрясения выстроили это здание.

Я оставил машину на стоянке для посетителей и вошел в вестибюль. Возле входа за барьером сидел одетый в форму охранник. Приглядевшись получше, я узнал его. Это был Ральф Кадди, управляющий из принадлежащего Элме Краг жилого дома в Санта-Монике.

Он меня тоже узнал.

— Нашли миссис Краг?

— Спасибо, нашел.

— Как она? Я так и не сумел выбраться к ней на этой неделе. Работа в двух местах отнимает у меня все силы.

— Для своего возраста она чувствует себя очень неплохо.

— И слава богу. Всю жизнь она была для меня вроде матери. Вам это известно?

— Нет.

— Ей-богу. — Он обеспокоенно взгляделся в меня. — О каких семейных делах вы с ней беседовали?

— Вспоминали ее родственников. Джаспера Блевинса, например.

— Обождите. Откуда вы знаете Джаспера? Вам известно, что с ним случилось?

— Он попал под поезд.

— Так ему и надо, — поучительно произнес Кадди. — Джаспер вечно лез в какие-то передраги. И причинял неприятности и себе и другим. Но Элма всегда была добра к нему. Он ходил у нее в любимцах. — Глаза у него

обиженно сузились, словно он до сих пор завидовал Джасперу.

— Какого рода неприятности?

Кадди хотел было что-то ответить, но передумал. С минуту он молчал, соображая, что сказать взамен.

— Ну, например, в отношениях с женщинами. Лорел уже была в положении, когда он женился на ней...

— Сколько лет вы работаете здесь, мистер Кадди? — перебил его я.

— Двадцать.

— В охране?

— Года через три-четыре после прихода сюда я стал охранником.

— Вы помните то лето, когда убили мистера Хэкетта?

— Конечно, помню. — Он бросил на меня тревожный взгляд. — Я к этому никакого отношения не имел. Я хочу сказать, что я даже не знал мистера Хэкетта лично. Я тогда был никто.

— Вас ни в чем и не обвиняют, мистер Кадди. Я пытаюсь разузнать, что можно, про револьвер, из которого застрелили мистера Хэкетта. Этот револьвер, говорят, в свое время выкрали из этого офиса.

— Мне об этом ничего не известно. — На его лице застыло благочестивое выражение. Лжет, понял я.

— Если в ту пору вы служили в охране, то должны помнить, как полиция искала револьвер.

— Не подсказывайте мне, что я должен помнить. — Он сделал вид, что рассердился, и встал, поправляя пистолет, который висел у него на боку. — Чего вы добиваетесь, насильно всовывая мне в голову какие-то мысли?

— По-моему, это задача из невыполнимых, — неудачно пошутил я.

Он взялся за пистолет.

— А ну-ка убирайтесь отсюда! Кто вам позволил прийти сюда, промывать мне мозги да еще оскорблять?

— Извините, если сказал не то. Беру свои слова обратно. Идет?

— Нет, не идет.

— Вы, наверное, думаете, что я охочусь за вами, да? А на самом деле меня интересует Сидни Марбург. Он работал здесь чертежником.

— Никогда про такого не слышал. И больше я на ваши вопросы не отвечаю.

— Тогда я пойду в отдел кадров. — Я направился к лифту. — На каком этаже сидит начальник отдела кадров?

— Он ушел на обед.
— Сейчас еще утро.
— Значит, он еще не пришел. И сегодня его вообще не будет.

Я повернулся и посмотрел Кадди в лицо.

— Хватит болтать глупости. Что вам известно такое, о чем вы не хотите сказать мне?

Он вышел из-за барьера, вытаскивая на ходу свой пистолет. Губы у него были стиснуты.

— Вон отсюда! — выкрикнул он. — Я не позволю вам порочить моих друзей, понятно?

— Разве Марбург ваш друг?

— Опять вы за старое! Опять подсказываете? Не знаю я никакого Марбурга! Он кто, еврей?

— Понятия не имею.

— Я христианин. И благодарите господа бога за это. Не будь я верующим, я пристрелил бы вас как бешеную собаку.

Гнев благочестивого человека и заряженный пистолет — это сочетание меня всегда пугало. Я ушел.

Моя контора на Сансет-бульваре стала приобретать какой-то нежилой вид. В углу приемной плел паутину паук. В окне бились мухи, жужжа так, будто за кем-то гнались. А на всех горизонтальных поверхностях лежал тонкий слой пыли.

Я вытер бумажной салфеткой крышку письменного стола, сел и принялся рассматривать чек, который дала мне Рут Марбург. Поскольку еще неделю его нельзя было оприходовать, я положил его в сейф. Но богатым себя почему-то не почувствовал.

Я позвонил в «Корпус Кристи оил» в Лонг-Биче и связался с начальником чертежного бюро по фамилии Пэттерсон. Он помнил Сидни Марбурга, но отзывался о нем чрезвычайно осторожно. Сид был умелым работником, хорошо чертил, всегда мечтал стать художником, и он, Пэттерсон, рад, что мечта Сиды осуществилась.

— Насколько мне известно, он женился на бывшей миссис Хэкетт.

— Я тоже об этом слышал, — сухо подтвердил Пэттерсон.

— Он работал у вас в ту пору, когда убили Марка Хэкетта?

— Да. Примерно в это же время он ушел.

— А почему он ушел?

— Объяснил, что у него появилась возможность получить стипендию для поездки в Мексику.

— Скажите, вы помните о пропаже револьвера, из которого был убит Марк Хэкетт?

— Да, я что-то слышал об этом.— Голос его слабел, будто он куда-то удалялся.— Но наше бюро никакого ответа за это не несет. А если вы намекаете на Сиду, то смею вас уверить, мистер, вы очень ошибаетесь. Сид на убийство не способен.

— Рад это слышать. А в чем ведении был этот револьвер?

— Отдела охраны. Им полагалось оберегать оружие. Только прошу вас не передавать моих слов. У меня нет никакого желания ссориться с начальником охраны.

— Вы говорите про Ральфа Кадди?

— Послушайте, вы и так уже заставили меня сказать больше, чем я имею право. Да и с кем я разговариваю, между прочим? Вы сказали, что работаете в полиции Лос-Анджелеса?

— Я сказал, что работаю с ними. Я частный детектив. Пэттерсон повесил трубку.

Я уселся поудобнее и постарался привести в порядок свои мысли. Перебрав одно за другим все события и сведения, я пришел к неприятному выводу: в моих рассуждениях отсутствует какое-то связующее звено. Либо я не раскопал что-то до конца.

Тогда я принялся рыться в памяти, зная, что стоит мне лишь тронуть это звено, как связь в моих рассуждениях восстановится. Но заставить подсознание работать, как компьютер, выдавая информацию по нажатию кнопки, дело бесполезное. Рыча, словно дикий зверь, оно только глубже и глубже залезает к себе в берлогу.

От усталости и охватившего меня чувства отчаяния я вообще перестал соображать и решил лечь отдохнуть на кушетке в приемной.

Несмотря на то, что спал я недолго и меня одолевали кошмары, тем не менее проснулся я бодрым. Я сбросил с себя мятую рубашку, побрился и надел свежую сорочку, из тех, что хранил в офисе в стенном шкафу. Затем подошел к окну посмотреть, что за погода.

Стоял прекрасный солнечный день, чуть подернутый туманом. По улице с ревом мчались машины.

На другой стороне остановилась полицейская машина, и из нее вылезли сержант Принс и его партнер Яновски.

Только бы не ко мне. Я знал, что плохо им помогаю. Конечно, ко мне.

Не обращая ни малейшего внимания на поток машин, они пересекли улицу. Принс шел на шаг впереди, словно ищейка на поводке, таща Яновски за собой.

Я надел пиджак и встретил их у входа в офис. Они вошли, не спросив разрешения. Принс был мрачен и с трудом сдерживался. Даже светлокожий Яновски весь покрылся пятнами от злости.

— Последнее время вы не доверяете нам, Арчер. Мы решили прийти и спросить почему.

— Я был занят другими делами.

— Какими, например? — недобро поинтересовался Принс.

— Спасал, например, человеку жизнь. Между прочим, спас.

— К счастью для самого себя, — заметил Принс. — Не то пришлось бы спасти собственную шкуру. Кстати, не все еще кончено.

Мне надоело выслушивать их угрозы.

— Ну-ка, смените тон, сержант.

У Принса был такой вид, что он вот-вот меня ударит. Хорошо бы! Подобно большинству людей, я умел наносить только ответный удар.

Яновски встал между нами.

— Дай-ка я с ним поговорю, — сказал он Принсу. И повернулся ко мне: — Что было, то прошло, не будем вспоминать прошлое. Нам бы очень хотелось, чтобы вы работали с нами, помогали нам. Есть такие места, куда только вы можете попасть, такие вещи, которые только вы можете сделать, а мы не можем.

— Что вам надо сделать?

— Это бывший помощник шерифа... Тот, которого пристукнули во время похищения...

— Джек Флайшер?

— Он самый. Вам, может, и без нас это известно, но я все равно скажу. В течение нескольких недель Флайшер держал квартиру Лорел Смит под наблюдением. Он установил там подслушивающее устройство и, по-видимому, записывал все разговоры на магнитофонную пленку. Нам стало известно, что он совсем недавно покупал пленку и прочее оборудование. Мы считаем, что эта пленка может оказаться весьма полезной.

— Я тоже так считаю.

— Она у вас? — спросил Принс из-за спины Яновски.

— Нет.

— А где?

— Не знаю. Может, у Флайшера дома в Санта-Тересе.

— Мы тоже так думаем,— сказал Яновски.— Его вдова, правда, уверяет, что нет, но это ничего не доказывает. Я говорил с нею по телефону, она чего-то крутит-вертит. Я попытался было заставить действовать полицию из Санта-Тересы, но они категорически отказались. У Флайшера были какие-то связи среди политиканов, и теперь, когда он умер, они делают из него героя. Не желают знать, когда им говорят, что он занимался подслушиванием в квартире покойницы. Конечно, мы можем обратиться наверх...

— Или вниз,— улыбнулся я.— Значит, вы хотите, чтобы я поехал в Санта-Тересу и побеседовал с миссис Флайшер?

— Чем оказали бы нам большое содействие,— отозвался Яновски.

— Пожалуйста. Я и сам думал повидаться с ней.

Яновски пожал мне руку, и даже Принс выдавил из себя улыбку. Они простили мне мои грехи, но только потому, что я им понадобился.

Глава 28

В Санта-Тересу я добрался после часа дня. В ресторане возле городского суда я съел холодный сандвич и оттуда не спеша пошел к дому Флайшера. Перспектива повторной беседы с вдовой Флайшера меня ни в коем случае не вдохновляла.

Окна дома со стороны фасада были плотно занавешены, отчего дом казался пустым и заброшенным. Дверь открыла сама миссис Флайшер.

Она, судя по всему, миновав различные стадии опьянения, старалась выглядеть трезвой. На ней было вполне приличное черное платье, волосы расчесаны и уложены, а дрожь в руках не очень заметна.

Но меня она, по-видимому, совершенно не помнила. Она смотрела сквозь меня, будто за моей спиной кто-то стоял, а я был прозрачным.

— Вы, наверное, меня не помните,— начал я.— Я вместе с вашим мужем занимался делом Дэйви Спеннера.

— Он убил Джека,— сказала она.— Вам это известно? Он убил моего мужа.

— Да. Примите мои соболезнования.

Бросив взгляд на соседний дом, она придвинулась ко мне вплотную, и, дернув меня за рукав, с конспиративным видом зашептала:

— Это у нас с вами был разговор позавчера? Входите. Я налью вам чего-нибудь выпить.

Я не очень охотно пошел вслед за нею в дом. В гостиной по-прежнему горел свет, словно она решила, что жизнь у нее будет теперь из одних вечеров. В стаканах, которые она принесла, опять оказался джин, чуть разбавленный тоником. Нам, по-видимому, предстояло начать с того, на чем мы остановились.

Она разом опорожнила почти весь стакан.

— Хорошо, что он умер, — сказала она, но особой радости в ее голосе я не услышал. — Правда, хорошо. Джек получил то, что заслужил.

— Почему?

— Вы не хуже меня знаете, почему. Пейте, чего вы ждете?

Свой стакан она уже прикончила. Я отпил немного неприятной на вкус смеси из своего стакана. Я могу выпить, но то, чем меня угощала вдова Джека Флайшера, почему-то напомнило мне, как меня заставляли принимать касторку.

— Вы говорите, что работали вместе с Джеком, — сказала она. — А вы помогали ему делать магнитофонные записи?

— Записи?

— Не пытайтесь меня обманывать. Сегодня утром мне звонил полицейский из Лос-Анджелеса. У него еще такая смешная фамилия, польская, что ли? Знаете его?

— Я знаю сержанта Яновски.

— Правильно, Яновски. Он интересовался, не осталось ли у Джека каких-либо пленок с записями. Сказал, что это очень важно для какого-то дела об убийстве. Оказывается. Лорел тоже убили. — Она придвинулась ко мне, словно желая напомнить, что она-то пока жива. — Слышали об этом?

— Я ее и нашел.

— Ее прикончил Джек, правда?

— Не знаю.

— Знаете. Я по вашему лицу вижу, что знаете. Чего это вы так боитесь рот раскрыть? Я ведь была замужем за Джеком, не забыли? Я прожила с ним тридцать лет и помню, какой он бывал бешеный. Из-за чего, думаете, я пристрастилась к спиртному? Когда мы поженились,

я капли в рот не брала. Я начала пить, чтобы не думать о том, что он вытворяет.

У нее была манера с удивительным хладнокровием повествовать о чудовищных вещах, но в своих высказываниях она была слишком субъективна, чтобы ей можно было целиком верить. Тем не менее, мне хотелось услышать, что еще она может рассказать.

Она вышла на кухню и вернулась снова с полными стаканами.

— Так как же насчет пленок? — спросила она. — Деньги за них можно получить?

Я не стал раздумывать.

— По-моему, можно.

— Сколько?

— Тысячу долларов.

— Разве это сумма?

— С полиции вам и этого не получить. Возможно, я заплатил бы и больше, если бы знал, что на них записано. Вы их прослушали?

— Нет.

— А где они?

— Не скажу. Мне нужно гораздо больше тысячи. Теперь, когда Джека нет, я решила отправиться в путешествие. Джек никуда меня с собой не брал, ни разу за последние пятнадцать лет. И знаете почему? Потому что куда бы он ни ехал, там его ждала она. Все, больше она его не ждет. — И спустя секунду чуть удивленно добавила: — И Джек не ждет. Они оба умерли, да? Я так часто мечтала об их смерти, что не могу поверить, что их нет в живых.

— Нет.

— Очень хорошо.

Она поднялась с намерением предложить тост, но едва устояла на ногах. Я забрал у нее стакан и поставил его на инкрустированный камушками стол.

— Да упокоятся их души!

— Вот уж никогда не думала, что мне ее будет жалко, — сказала она. — А жалко! Знаете, она ведь была похожа на меня. В молодости я была куда красивее, а Лорел на пятнадцать лет моложе меня. Я часто думала о том, как они там с Джеком ладят. Для нее связь с ним тоже не была сплошным весельем.

— Вы в самом деле думаете, что это сделал ваш муж?

— Вы и половины не знаете того, что он натворил. — Она плюхнулась на кушетку рядом со мной. — Расскажи я вам, у вас волосы бы дыбом встали. Грешно так говорить,

но я не осуждаю мальчишку, который разнес ему голову. Вам известно, кто он такой?

— Отцом его был Джаспер Блевинс. Матерью — Лорел.

— А вы умнее, чем я думала. — Она прищурилась. — Или это я рассказала вам вчера?

— Нет.

— Наверное, я, да? Или вы узнали там, на севере округа? В Родео Сити об этом все знают.

— Что именно, миссис Флайшер?

— Про Джека и его дела. Он представлял закон, поэтому помешать ему они не могли. Он убил Джаспера Блевинса, сунул его под поезд, чтобы завладеть его женой. И заставил Лорел на опознании сказать, что это не ее муж. А мальчишку отдал в приют, чтобы он не мешал их великой любви.

Я ей не поверил. И в то же время не мог не верить. Ее слова словно повисли в воздухе, так они не вязались с полной солнечного света жизнью за окном.

— Откуда вы все это знаете?

— Кое о чем я сама догадалась. — Один глаз внимательно следил за мной, другой был полузакрыт и смотрел бессмысленно. — У меня есть друзья в полиции или скорей были. Да и жены других помощников шерифа, они мне многое нашептали.

— А почему их мужья не привлекли вашего мужа к ответственности?

Бессмысленный глаз, моргнув, закрылся навечно. А другим глазом она пристально вгляделась в меня.

— Джек знал чужие тайны. На севере округа много чего происходит, и Джек там был королем. Да и что они могли привести в доказательство? Лорел заявила, что погибший — не ее муж, что она видит его первый раз в жизни. Голова у него была вся разбита, лицо неуз... — Она споткнулась на слове. — Неузнаваемо. Ну и написали, что смерть была результатом несчастного случая.

— А вы точно знаете, что нет?

— Я знаю то, что знаю. — Закрытый глаз, казалось, не советовал верить ей.

— Вы согласны изложить все это в полиции?

— Зачем? Джек умер. И все остальные тоже умерли.

— Вы-то живы.

— Не уверена. — Слова эти удивили или встревожили ее. Открыв оба глаза, она уставилась на меня сердитым взглядом, словно я угрожал ее жизни.

— И Дэйви Спеннер жив.
— Скоро умрет. На его поиски вышло не меньше полсотни добровольцев. Я сегодня утром разговаривала по телефону с Рори Пеннелом. Он пообещал пристрелить мальчишку.

— А вы этого хотите?

— Он-то пристрелил Джека, разве нет?

— Но вы сказали, что не осуждаете его.

— Разве? — Вопрос был адресован не только мне, но и ей самой. — Не может быть. Джек был моим мужем.

Я решил, что хватит. Ее собственная жизнь и разум были так же раздвоены, как и ее брак. Я встал.

Она проводила меня к дверям.

— А как насчет пленок?

— Что насчет них? Они у вас?

— Думаю, что сумею их разыскать.

— За тысячу?

— Нет, мне нужно больше, — сказала она. — Я теперь вдова. И должна сама о себе заботиться.

— Давайте их прослушаем. Тогда я, может, предложу и больше.

— Их здесь нет.

— А где они?

— Не скажу.

— Ладно, как хотите. Я еще приеду или позвоню. Вы помните, как меня зовут?

— Арчер, — сказала она. — Джек Арчер.

С этим я и уехал. А она вернулась в свою освещенную электрическим светом гостиную.

Глава 29

Еще до отъезда из Санта-Тересы я из телефона-автомата возле бензостанции позвонил Хэнку Лэнгстону домой. Ответила его жена:

— Квартира Лэнгстонов.

— Ваш муж дома?

— А кто его спрашивает? — Но она, по-видимому, уже узнала меня, потому что голос ее стал неприветливым.

— Лью Арчер.

— Его нет дома и, между прочим, по вашей вине. Он где-то на севере округа, пытается спасти этого своего драгоценного убийцу. Кончится все тем, что Хэнка самого пристрелят.

Она была чуть ли не в истерике, и я попробовал ее успокоить.

— Вряд ли это случится, миссис Лэнгстон.

— Откуда вы знаете? — спросила она. — Я вот, например, чувствую, что для нас вся эта история добром не завершится. И это вы виноваты, вы втянули его в эту переделку.

— Ну, не совсем так. С Дэйви Спеннером он давно знаком и взял на себя по отношению к нему определенные обязательства, которые и старается выполнить.

— А что будет со мной? — крикнула она.

— Вас что-то беспокоит?

— Что толку вам объяснять? — сердито-доверительно спросила она. — Вы не врач.

— Вы больны, миссис Лэнгстон?

Вместо ответа она повесила трубку. Меня подмывало пойти к ней, но это привело бы только к еще большей путанице и потере времени.

Я выбрался на шоссе и поехал в направлении на север. Тело мое уже начало бунтовать, требуя отдыха. Мне казалось, что не правая нога, выжимая педаль акселератора, заставляет машину подниматься в гору к Родео Сити, а я сам толкаю машину сзади.

Помощник шерифа Пеннел сидел у себя, вслушиваясь в переключку по служебному радио. Я понял, что он так и сидит здесь с тех пор, как мы с ним беседовали прошлой ночью. Его лицо, бледное, осунувшееся и заросшее щетиной, теперь занимали только глаза да усы.

— Что слышно, Пеннел?

— Они его потеряли. — В голосе его слышалось раздражение.

— Где?

— Не сказали. Дождь смыл все следы. У северного перевала льет, не переставая.

— А куда ведет этот перевал?

— Никуда. За перевалом нет ничего, кроме гор. А там на высоте в пять тысяч футов уже идет снег. Все равно ему придется вернуться вниз.

— И что?

— Как только он появится на шоссе, мы преградим ему путь. Я попрошу дорожный патруль поставить ограждение на шоссе.

— А что, если он все еще там, в долине?

— Вполне возможно. Профессор, по-видимому, так и считает.

— Вы имеете в виду Генри Лэнгстона?

— Ага. Он все крутится возле ранчо Крагов. У него своя теория: Спеннер, мол, помешан на этом ранчо и поэтому обязательно туда вернется.

— А вы не верите в эту теорию?

— Нет. Я еще ни разу не видел профессора, который бы соображал, о чем говорит. У них у всех размягчение мозгов, потому что чересчур много читают.

Я не стал возражать, и, воодушевленный моим молчанием, Пеннел принялся развивать свою мысль дальше. Лэнгстон, по-видимому, крепко его обидел, вот ему и требовалось выговориться.

— Знаете, что профессор пытался мне внушить? Что у Спеннера были основания поступить со стариной Джеком так, как он поступил. Из-за того, что Джек поместил его в приют.

— А разве этого не было?

— Было-то было, да только что еще ему оставалось делать? Отец ребенка попал под поезд. Джек не был обязан нести за него ответ.

Сказав эту двусмысленность, он чуть было не проговорился.

— За что Джек не был обязан нести ответ?

— За них обоих. И за отца и за сына. Я знаю, в ту пору ходили разные слухи, и не успел Джек еще упокоиться в могиле, как Лэнгстон принялся снова их распускать.

— Какие слухи?

Он поднял глаза, полные возмущения и одновременно печали.

— Не хочу даже о них говорить. Одно вранье.

— Слухи о том, что Джек сам убил Блевинса?

— Да. Все это выдумки.

— Готовы поклясться, что это неправда?

— Конечно, готов, — ответил он, петушась чуть больше, чем надо. — Могу поклясться не на одной Библии, а на целой куче. Я так и сказал профессору, да он мне все равно не верит.

Не верил и я.

— А дали бы вы согласие провериться на детекторе лжи?

— Значит, вы считаете, что я вру? И что старина Джек был убийцей? — Я обманул его надежды.

— А кто убил Джаспера Блевинса, если не Джек?

— Мало ли кто.

— Кого подозревали?

— Например, возле ранчо крутился какой-то странного вида субъект с бородой.

— Бросьте, Пеннел. Не верю я в эти рассказы про бородатых бродяг. Я знаю, что Джек часто бывал на ранчо. А потом, я слышал, он поселил Лорел у Мейми Хейдждорн.

— Ну и что? Блевинсу его жена не была нужна. Он этого не скрывал.

— Вы знали Блевинса?

— Видел пару раз.

— А мертвым видели?

— Видел.

— Это был Блевинс?

— Клясться я бы не стал. — Он отвел глаза в сторону. — Миссис Блевинс утверждала, что это не он. А кому знать, как не ей?

— А что сказал мальчик?

— Ничего. Он молчал, как рыба.

— Весьма кстати, а?

Пеннел встал, взявшись за пистолет.

— Мне надоел этот разговор. Джек Флайшер был мне за старшего брата. Он сделал из меня мужчину.

— А я-то все думал, кто в этом виноват?

Выругавшись, Пеннел вытащил пистолет. Я вышел. Он остался на месте, но мне было как-то не по себе. Второй раз за день мне угрожали пистолетом. Рано или поздно ему суждено выстрелить.

Я перешел через улицу в «Родео-отель» и спросил у портье, где можно разыскать Мейми Хейдждорн.

Он смотрел на меня с улыбкой.

— Мейми ушла от дел.

— Очень хорошо. Мне надо с ней поговорить.

— Понятно. Она живет на той дороге, что ведет в Сен-тервиль. В большом кирпичном доме. В той части города других таких домов нет.

Я выбрался из города, проехал мимо стадиона и стал подниматься в гору. Дом из красного кирпича разместился наверху, возвышаясь над окрестностью. День стоял пасмурный, низко плыли облака, и в океане, как в тусклом зеркале, отражалось хмурое небо.

По засыпанной гравием дорожке я добрался до дома и постучался в дверь. Открыла мне латиноамериканка в черном форменном платье и белой наколке с черным бархатным бантом на голове. Давно уже мне не доводилось видеть одетую в форму горничную.

Она начала было расспрашивать меня, кто я и что и за-

чем пожаловал, но ее перебил раздавшийся из комнаты женский голос:

— Пусть войдет. Я с ним поговорю.

Горничная ввела меня в комнату, обставленную резной викторианской мебелью и вполне соответствующую тому чувству, какое я испытал, когда приехал на север округа: мне казалось, что я вернулся в довоенные времена.

И при виде Мейми Хейдждорн это ощущение только усилилось. Она была миниатюрной женщиной, и, когда сидела на диване, ее ноги в золоченых туфельках не доставали до паркета. На ней было довольно строгого покроя платье со стоячим воротником. Ее высокая грудь вздымалась, как у зобастого голубя. Завершали портрет нарумяненное в мелких морщинках лицо и волосы, или парик, чудовищно рыжего цвета с переливами. Однако мне понравилась заигравшая на ее лице улыбка.

— Что вас интересует? — спросила она. — Садитесь и расскажите Мейми.

И подняв руку, на которой сверкнул бриллиант, указала мне на диван рядом с ней.

— Вчера вечером в Сентервиле я разговаривал с неким Элом Симмонсом. Он сказал, что вы знали Лорел Блевинс.

— Эл зря так много болтает, — оживленно отозвалась она. — Но, по правде говоря, я очень хорошо знала Лорел. Она жила у меня после смерти мужа.

— Значит, под поездом погиб ее муж?

Она ответила не сразу.

— Насчет этого у меня нет уверенности. Официально это не было доказано.

— Почему?

Она обеспокоенно задвигалась. Платье ее зашуршало, и от него донесся запах лаванды. Нервы у меня были так натянуты, что само прошлое, казалось мне, зашевелилось в своем саване.

— Мне бы не хотелось портить Лорел жизнь. Мне она всегда нравилась.

— Значит, вас должно огорчить известие о ее смерти.

— Лорел? Но она же молодая женщина.

— Не все умирают от старости. Ее забили насмерть.

— Боже мой! — воскликнула она. — И кто же это сделал?

— Скорей всего Джек Флайшер.

— Но он ведь умер.

— Совершенно верно. Поэтому, если вы мне кое-что

расскажете, то никому из них уже не причините зла, мисс Хейдждорн.

— Мисс. Я никогда не была замужем.— Она надела очки в роговой оправе, которые сделали ее похожей на строгую учительницу, и пристально взгляделась в меня.— Между прочим, кто вы такой?

Я объяснил ей. Затем она стала расспрашивать меня про случившееся. Я изложил ей все события по порядку, не утаив ни имен, ни мест действия.

— Большинство из этих людей я знала,— хриплым голосом сказала она,— начиная с Джо Крага и его жены Элмы. Джо мне нравился. Видный он был мужчина. Что же касается Элмы, то уж больно она была рыбой да все листала и листала свою Библию. Джо частенько навещал меня — я в ту пору, к вашему сведению, содержала дом в Родео Сити, и Элма никогда не простила мне того, что я порой сводила его с пути праведного. По-моему, главным образом из-за меня она и заставила его перебраться в Лос-Анджелес. Господи, да с тех пор прошло уже сорок лет! Как Джо?

— Он умер. А Элма жива.

— Она, наверное, очень старая. Элма старше меня.

— Сколько вам лет?

Она невесело улыбнулась.

— Я никому не говорю, сколько мне лет. Я старше, чем выгляжу.

— Да что вы?

— Не надо мне льстить.— Она сняла очки и вытерла глаза кружевным платочком.— Джо Краг был хороший человек, но в наших краях ему не везло. А в Лос-Анджелесе незадолго до смерти, я слышала, ему чуть-чуть подфартило.

— Чем же?

— Появились деньги. Чем еще? Он нашел себе работу в какой-то большой компании и выдал замуж свою дочь Этту за самого босса.

— Этту?

— Генриетту. Ее звали Эттой. Сначала она вышла замуж за Элберта Блевинса. Он был отцом Джаспера Блевинса, который женился на бедняжке Лорел.— Старуха вроде гордилась знанием чужой генеалогии.

— Кто убил Джаспера, мисс Хейдждорн?

— Точно не знаю.— Она посмотрела на меня долгим хитрым взглядом.— Если я расскажу вам то, что мне известно, что вы сделаете с этими сведениями?

— Открою сундук с тайнами на всеобщее обозрение.
Она чуть печально улыбнулась.

— Похоже на слова из старого гимна. Меня ведь, знаете, когда-то уговорили принять новую веру. И ходила я в ту церковь, пока мальчишка-евангелист не сбежал, прихватив собранные за неделю деньги и мою лучшую подругу. А вам чего нужно, мистер Евангелист? Денег?

— Мне платят.

— Кто?

— Люди, которые живут к югу от вас.

— А за что они вам платят?

— Чтобы объяснить, потребуется целый день.

— Тогда почему бы не оставить все, как есть? Пусть мертвые покоятся с миром.

— Их что-то становится слишком много. И началось это уже давно. Пятнадцать лет назад. — Наклонившись к ней, я тихо спросил: — Лорел убила своего мужа? Или его прикончил Джек Флайшер?

Она же размышляла над вопросом, который ей хотелось задать мне:

— Вы сказали, что Лорел умерла. Откуда мне знать, что вы говорите правду?

— Позвоните в лос-анджелесскую полицию и попросите соединить вас с участком на Пэрдью-стрит. Позовите к телефону сержанта Принса или сержанта Яновски.

Я назвал ей номер телефона. Она с помощью скамеечки, сиденье которой украшала ручная вышивка, слезла с дивана и вышла из комнаты. Я слышал, как в холле хлопнула дверь. Через несколько минут та же дверь отворилась.

В комнату она вошла более медленно. На ее обвисших щеках резко выделялись румяна. Она опять залезла на диван, на секунду напомнив мне маленькую девочку, одетую в найденный на чердаке бабушкин наряд и нахлобучившую на себя бабушкин парик.

— Да, значит, Лорел умерла, — мрачно признала она. — Я разговаривала с сержантом Принсом. Он намерен прислать сюда кого-нибудь для беседы со мной.

— Я уже здесь.

— Я знаю. Поскольку Лорел умерла, да и Джек тоже, я готова ответить на ваш вопрос. Да, она убила Джаспера Блевинса, разmozжив ему голову обратной стороной топора. Джек Флайшер положил тело под поезд. А в своем рапорте зафиксировал несчастный случай, пострадавший неизвестен.

— Откуда вы все это знаете?

Мне рассказали Бама Лорел. Когда она жила у меня, у нас были такие близкие отношения, какие бывают только у матери с дочерью. Она поведала мне, как убила Джаспера, и объяснила почему. Я никогда не считала ее виноватой — Мейми Хейдждорн тяжело, с дрожью вздохнула. — Но бросать ребенка она не имела права. За это ее простить нельзя. Хотя идти по жизни ей следовало налегке, если она хотела уютно устроиться. Ребенок только мешал.

— В конечном итоге она вернулась к нему, — заметил я. — Но сделала это слишком поздно для них обоих.

— Вы думаете, ее убил ее собственный сын?

— До сих пор я этого не думал. Зачем? Но если он узнал, что она убила его отца... — Я не закончил своей мысли.

— Она его не убивала.

— Но вы же только что сказали, что это сделала она.

— Нет. Я сказала, что она убила своего мужа Джаспера Блевинса. Он не был отцом ее ребенка.

— А кто?

— Какой-то богач из Техаса. Лорел оказалась в положении еще до приезда сюда. Его семья дала ей денег, и ее отправили в Калифорнию. Джаспер, польстившись на эти деньги, женился на ней, но мужем ей так и не стал. Я никогда не относилась с уважением к мужчинам, которые за деньги...

— Откуда вам все это известно? — перебил ее я.

— Мне рассказала Лорел, после того как убила его. Он с ней вытворял такое, на что ни одна женщина не согласится. Поэтому она его и прикончила. И я ее понимаю.

Глава 30

Я поблагодарил Мейми Хейдждорн и вышел к машине. Да, некоторый свет пролит на всю эту историю, но многое еще остается непонятным.

Я поехал через перевал в сторону ранчо Крагов. Там-то все и началось, когда Элберт Блевинс швырнул в свою жену лампой (или, наоборот, она — в него), чем сгубил свой дом, свой брак и своего сына Джаспера, там завершился убийством брак Джаспера, там родился Дэйви Спеннер и погиб Джек Флайшер. Я решил взглянуть на это место другими глазами.

Я проехал через Сентервиль, свернул и мчался, не останавливаясь, пока не добрался до Баззард-Крика.

На обочине стоял фургон «Генри Лэнгстона». Ручей превратился в мелкий ручеек, который в несколько рядов бежал через проселок по им же принесенной с гор грязи.

Я пошел по следам, оставленным в грязи скорее всего Лэнгстоном, и очутился на каменистой дорожке, что вела вверх к ранчо. Кругом тянулись поля, яркие и свежие после дождя. Каждая травинка, каждый листок сверкали в лучах солнца. Небо было ярко-голубым, и даже разбросанные по нему облака, казалось, тоже, несли с собой свет.

Следы Генри Лэнгстона вели за амбар к развалинам дома. Но не успел я приблизиться к дому, как в дверях появился он сам с пистолетом тридцать второго калибра в левой руке и с обрезом на правом плече. На мгновение мне даже показалось, что он вот-вот в меня выстрелит.

Но он дружески помахал пистолетом и радостно окликнул меня.

— Лью, я нашел оружие, которым было совершено убийство.

— В доме?

— Нет. Он бросил обрез в ручей. Я нашел его в грязи, когда переходил ручей.

Я взял у него обрез и переломил его. В казенной части оказались две стреляные гильзы. Оба ствола были забиты грязью.

— Не видели его?

Хэнк покачал головой.

— У меня было предчувствие, что он вернется сюда на ранчо. Мне казалось, его сюда тянет. Но я ошибся.

— А где те, кто его ищет?

Хэнк махнул куда-то в сторону гор, где нависли темные облака, по краям которых местами шел дождь.

— Наверное, увязли где-нибудь,— со злорадством заметил он.

— Вы не хотите, чтобы его поймали, а, Хэнк?

— Меня раздражают противоречия. С одной стороны, я хочу, чтобы Дэйви поймали. Оставлять его на свободе опасно. С другой стороны, я боюсь, над ним учинят расправу, не дожидаясь суда. А ведь в деле имеются смягчающие обстоятельства, вы не забыли?

Нет, не забыл. Поэтому-то я и не уезжал отсюда. Спасти Дэйви от обвинения в преднамеренном убийстве вряд ли удастся, но с помощью Сэнди можно было попытаться это сделать.

— Поехали,— сказал я.— Кстати, по пути я остановил-

ся в Санта-Тересе и разговаривал по телефону с вашей женой

Хэнк бросил на меня виноватый взгляд.

— Как она? Нормально?

— Нет. Она беспокоится за вас, да и за себя тоже.

— А что с ней?

— Наверное, нервы. Мне она не захотела ничего объяснять, потому что я не врач.

— Она боится потерять ребенка,— мрачно признался он.— Когда я вчера уезжал, у нее начались боли.

И он, широко шагая, направился мимо амбара к проселку. Из амбара вылетела сипуха, глаза у нее, казалось, застыли от изумления. Хэнк прицелился и выстрелил в птицу из пистолета. Он промахнулся, но мне его выстрел не понравился. Он напомнил мне, как Лупе стрелял в водяную курочку.

В Сентервиль мы ехали каждый в своей машине. Хэнк остановился возле закусочной Эла Симмонса. Когда я вошел, он уже был у телефона.

— Я буду говорить в кредит. Меня зовут Генри Лэнгстон.

Последовало долгое молчание, нарушаемое только телефонным звонком на том конце провода, да возле нас неразборчиво бормотало о чем-то приглушенное радио.

— Опять что-то случилось? — перегнулся через стойку Эл Симмонс.

— Надеюсь, нет.

И словно в ответ на вопрос Эла послышался голос телефонистки:

— Ваш номер не отвечает, сэр. Позвонить еще раз?

— Я сам попробую, спасибо.— Хэнк положил трубку и повернулся ко мне.— Наверное, пошла за Генри в детский сад. Хотя идти за ним еще рано.

И, резко повернувшись, словно его потащили, направился к двери. Меня ухватил за рукав Эл Симмонс.

— Что с ним такое?

— Беспокоится за жену.

— Из-за этого убийцы с обрезом?

— Да.

— Сейчас, наверное, многие забеспокоятся. Северным перевалом он спустился на шоссе, слышали? По радио сообщили, что он сел в попутный грузовик.

— И куда поехал?

— В южном направлении. Водитель грузовика сказал, что он слез в Санта-Тересе.

Я вышел, чтобы предупредить Хэнка, но он уже с ревом неся по грунтовой дороге. Пока я добрался до перевала, его машина была далеко внизу.

Мне, наверное, следовало остановиться в Родео Сити. Но в здравомыслие Пеннела я не верил. Если Дэйви укрылся в доме Лэнгстона, Пеннел способен затеять перестрелку, в которой могут пострадать невинные люди.

Очутившись на шоссе и миновав то место, где Пеннел все еще собирался выставить заграждение, я помчался со скоростью девяносто миль в час и не снимал ноги с акселератора до тех пор, пока не очутился на окраине Санта-Тересы. При первой же возможности я съехал с шоссе и понесся к дому Лэнгстона. Фургон его стоял прямо посреди дороги, из-под капота шел пар. Хэнк был на полпути между машиной и домом, он бежал, держа в руке пистолет.

. Кейт! — кричал он. — С тобой ничего не случилось?

Из дома выбежала Кейт Лэнгстон. Она бросилась к мужу, но не добравшись до него, упала на каменные плиты дорожки, вскочила — колени у нее были в крови — и жалобно зарыдала:

— Мой ребенок. Из-за него у меня не будет ребенка.

Левой рукой Хэнк схватил ее и прижал к себе. В дверях появился Дэйви. Он был весь в грязи, зарос и держался неуклюже, как актер, который умирает от страха перед выходом на сцену.

Хэнк вытянул правую руку. Пистолет казался длинным черным пальцем. Дэйви поднял на него смущенный взгляд и открыл было рот с намерением что-то сказать. Хэнк несколько раз выстрелил. Третья пуля попала в левый глаз Дэйви. Он опустил на порог и тут же умер.

Примерно через час я остался с Хэнком наедине. Представители местной полиции уже приходили и, получив показания от Хэнка и поздравив его, удалились, захватив с собой тело убитого. Кейт в шоковом состоянии поместили в отделение неотложной помощи местной больницы, где ей ввели какое-то успокаивающее средство.

Я с тем же намерением влил в Хэнка порядочное количество виски, но сам почти не пил. После всего, что произошло, он быстро опьянел и бродил по комнате в поисках сам не зная чего. Остановившись возле рояля, он принялся барабанить по клавишам кулаками.

— Вам что, больше делать нечего? — прикрикнул на него я.

Он повернулся, прижав кулаки к груди. Взгляд у него был бешеный, как когда-то у Дэйви.

— Я должен был убить его, правда?

— Я вам не судья. В жизни, как и во всем, хорошо знать меру. Нельзя тратить больше, чем у вас есть, говорить больше, чем знаете, и пользоваться своим положением чаще, чем это необходимо.

— Он разрушал мой брак, сводил с ума мою жену. Я должен был на что-то решиться, должен был сделать решительный шаг.

— Вы его и сделали.

— Полиция меня не осуждает.

— И они вам не судьи.

Он сидел, раскачиваясь на круглом стуле возле рояля. Я обманулся в Хэнке, и вместе с тем мне было жаль его. Второе «я», которое сидит в большинстве из нас, вылезло у него наружу и проявило себя в насилии. Теперь ему придется жить с ним неразрывно всю остальную жизнь.

Позвонил телефон. Я взял трубку.

— Квартира Лэнгстонов.

— Это вы, мистер Лэнгстон? — спросил женский голос.

— Нет, это его знакомый.

— Почему миссис Лэнгстон не пришла за ребенком?

— А вы из детского сада?

— Да, — ответила женщина. — Меня зовут миссис Хокинс.

— Миссис Лэнгстон больна. Пожалуйста, оставьте ребенка в саду на ночь.

— Мы не можем этого сделать. У нас дети не ночуют.

— Придумайте что-нибудь, прошу вас. Миссис Лэнгстон в больнице.

— А мистер Лэнгстон?

— Он тоже плохо себя чувствует.

Я положил трубку и пошел обратно к нему. Глаза у него полыхали каким-то догорающим огнем. Он уже начал ощущать перемену в самом себе и в своей жизни.

Я попрощался и вышел из дома, широко шагнув через порог, где кровь Дэйви уже стала запекаться под лучами солнца, которого ему больше не суждено увидеть.

Глава 31

Прежде чем отправиться обратно в Лос-Анджелес, я нанес последний визит миссис Флайшер. Она появилась

в дверях в черной шляпе и в пальто. Лицо ее было искусно подгримировано, но под гримом оно было бледным и одутловатым.

С виду она казалась почти трезвой, зато явно нервничала.

— Что вам нужно?

— Пленки.

Она широко раскинула руки в перчатках.

— Их больше нет.

— Бросьте, миссис Флайшер, вы сами сказали, что знаете, где они.

— Там их нет.

— Вы отдали их в полицию?

— Может, да, а может, нет. А теперь я спешу. Сейчас приедет такси.

Она хотела было закрыть дверь, однако я незаметно, но твердо попрердержал дверь плечом. Она медленно подняла глаза.

— В чем дело?

— Я согласен заплатить больше. Две тысячи вас устроят?

Она невесело рассмеялась.

— Такие гроши? Не будь я дамой, я бы сказала, что вам делать с вашими жалкими двумя тысячами.

— С кем вы договорились?

— С очень приятным молодым человеком. Он вел себя, как джентльмен, на что некоторые люди не способны.— Она попробовала было дернуть дверь, но я не сдавал позиций.— И он сказал мне, сколько на самом деле стоят эти катушки с пленками.

— Сколько?

— Десять тысяч,— сказала она с гордостью обладателя выигрышного лотерейного билета.

— Он их купил у вас?

— Может, и да.

— Уже слышал. А может, и нет. Вы можете его мне описать?

— Очень интересный, с каштановыми кудрявыми волосами. Гораздо интереснее вас. И много моложе,— со злорадством добавила она, словно мстила своему мужу, оскорбляя его старого приятеля Джека Арчера.

Из ее описания я не мог понять, кто ее посетил. Разве Кит Себастиан, но зачем?

— Как он себя назвал?

— Он себя не называл.

Значит с ней расплачивались наличными, если ей действительно заплатили.

— Десять тысяч — большие деньги, — заметил я. — Надеюсь, вы не рискнете носить их при себе?

— Нет. Я собираюсь... — Она прикусила нижнюю губу, испачкав помадой передние зубы. — А вам какое дело, рискну я или нет? И если вы от меня не отвяжетесь, я вызову полицию.

Я не сомневался, что этого-то она уже во всяком случае не сделает. Но я устал от нее и от разговоров с нею. Я отъехал от ее дома и остановился за углом. Спустя несколько минут с другой стороны появилось желтое такси. Водитель остановился возле ее дома и тихонько погудел.

Неся в руках светло-голубую дорожную сумку, появилась миссис Флайшер. Она села в такси. Я поехал вслед за ней через весь город к шоссе, где мы свернули на север в сторону местного аэропорта.

Я не пытался узнать, куда летит миссис Флайшер. Меня это не интересовало. Ее отъезд означал только одно: пленки она продала.

Я поехал к югу в Вудлэнд Хиллс, ощущая внутри себя какую-то пустоту и неудовлетворенность. Я понял, что в глубине души все время лелеял надежду спасти Дэйви, по крайней мере, сохранить ему жизнь и дать возможность — пусть нескоро — начать все заново.

Такие надежды, я знал из опыта, редко сбываются. Вот и надежда Лэнгстона перевоспитать Дэйви обернулась полной себе противоположностью. А что ждет Сэнди?

В дом меня впустила Бернис Себастиан. Лицо у нее было желтовато-бледным, несчастным, черные глаза горели. Впервые с тех пор, как мы познакомились, я увидел ее без прически, а платье было в пепле от сигарет.

Она ввела меня в гостиную и усадила в потоке золотистых лучей послеполуденного солнца, который вливался в комнату через высокое окно.

— Хотите кофе?

— Спасибо, нет. А вот от стакана воды не откажусь.

Она принесла мне его на подносе, как и положено из уважения к гостю. Создавалось впечатление, будто с помощью вот таких мелких формальностей она пытается склеить разбитую вдребезги жизнь. Я выпил воду и поблагодарил ее.

— Где ваш муж?

— Куда-то уехал, — коротко ответила она.

— Не в Санта-Тересу случайно?

— Не знаю, куда он отправился. Мы поссорились.

— Не хотите ли рассказать мне, в чем дело?

— Нет. Мне неприятно говорить об этом. В основном мы обвиняли друг друга в случившемся с нами несчастье.

Она села на пуф лицом ко мне, сжав колени и обхватив их переплетенными пальцами рук. Каждое ее движение, каждая поза были полны грации, и она это знала. И смущаясь, подставила под мой взгляд свою растрепанную головку.

— Я скажу вам, почему мы поссорились, если вы обещаете не предпринимать никаких действий.

— Каких же действий я не должен предпринимать?

— Я не хочу, чтобы вы мешали Киту. Не то он поймет, что я его предала.

— Мешал чему?

— Сначала дайте слово.

— Не могу, миссис Себастиан. Я готов пообещать вам только, что не сделаю ничего плохого вашей дочери.

— Но не Киту?

— Если их интересы столкнутся, я буду на стороне вашей дочери.

— В таком случае я вам скажу. Он хочет увезти ее из Америки.

— Но ведь ее отпустили под залог?

— Не имеет значения. Он сказал, что они полетят в Южную Америку.

— Этого делать нельзя. Потом будет невозможно вернуться назад.

— Знаю. Я ему так и сказала.

— А откуда у него деньги на поездку?

— Наверное, решил присвоить чужие. Кит, по-моему, готов на все. Он слышать не хочет, что Сэнди могут судить и даже посадить в тюрьму.

— Она все еще в психиатрическом центре?

— Не знаю.

— Позвоните и узнайте.

Бернис прошла в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Я слышал как она разговаривала, но так тихо, что разобрать было невозможно. Когда она вышла из кабинета, ее рот растягивала какая-то боязливая гримаса.

— Он забрал ее из центра.

— Когда?

— С час назад.

— Сказал куда?

— Нет.

— А вам он ничего не говорил?

— Сегодня утром он сказал, что они полетят в Мехико, а оттуда скорей всего в Бразилию. Но, не предупредив меня, он не улетит. Он хочет, чтобы и я поехала с ними.

— А вы согласны?

Она покачала головой.

— По-моему, мы не должны уезжать. Мы должны остаться на месте и бороться до конца.

— Умница!

Глаза ее наполнились слезами.

— Нет,— сказала она,— будь я умной, в моей семье не случилось бы такой беды. Я наделала столько ошибок, что их и не перечесть.

— Может, все-таки попробуете?

— Если вам не надоест слушать.— С минуту она помолчала, собираясь с мыслями.— По правде говоря, у меня нет особого желания их излагать. Сейчас не время, и не вам все это выслушивать.

— А кому?

— Киту следовало бы. Он ведь пока мой муж. Беда в том, что мы уже много лет перестали разговаривать друг с другом по душам и принялись играть в игру под названием «будем делать вид». Кит делал вид, что он подающий большие надежды молодой администратор, я прикидывалась идеальной домашней хозяйкой, помогающей ему чувствовать себя главой семьи. А Сэнди отводилась роль девочки, которая хорошо учится и примерно себя ведет. И кончилось все это тем, что у нас в семье царила не любовь, а лишь эксплуатация друг друга.

— И все же я повторяю: вы умница!

— Не пытайтесь убеждать меня, что я лучше, чем есть. Я этого не заслужила.

Выражение ее лица стало более спокойным. Вернулось чувство собственного достоинства, что делало ее красивой.

— А вы не голодны? — спросила она.— Давайте я принесу вам что-нибудь поесть.

— Зачем?

— Что зачем?

— Вы же сами только что сказали, что люди не должны играть в «будем делать вид».

— А разве я играю?

— Я буду играть, Бернис, делая вид, что все в порядке, в то время как нам предстоит делать нечто совсем иное.

Она меня не поняла и бросила на меня ледяной взгляд.

— Вот как?

— Не то, что вы думаете. Мне нужно задать вам вопрос, который, возможно, вам не совсем понравится. Это касается личной жизни Сэнди.

Она испугалась. Встала и отошла от меня в дальний угол комнаты.

— Что ваша дочь знает об отношениях между мужчиной и женщиной?

Она медленно повернулась ко мне лицом.

— Понятия не имею. Мы никогда об этом не говорили.

— Почему?

— Я полагала, что ее просвещают в школе. У них читался целый курс на эту тему. А я никогда не чувствовала себя специалистом в этой области.

— Почему?

— Я не совсем понимаю, к чему этот допрос, — рассердилась она. — Какое это имеет отношение к тому, что произошло?

Я подошел к ней.

— Скажите мне только одно. Что случилось с Сэнди прошлым летом? Я говорю о том случае, из-за которого вы не даете посмотреть ее дневник.

— Вряд ли это теперь имеет значение.

— Все имеет значение.

Она взглянула на меня с сомнением.

— Вы в самом деле в это верите? Первый раз встречаю такого человека.

— Давайте не будем переходить на личности. Она писала о том, что с ней было, когда она приняла ЛСД?

— И не только. Кстати, я совсем забыла, что доктор просил передать вам следующее: то вещество, которое вы ему дали, оказалось ЛСД, но очень низкого качества. Этим и объясняется реакция Сэнди, сказал он.

— Я так и знал. Что еще этим объясняется?

— Он не сказал.

— Я спрашиваю вас, Бернис. Что там произошло?

Ее лицо потемнело.

— Я не могу сказать вам. Честное слово, не могу.

— Если Сэнди сама что-то сделала или сделали с ней, вам следует собраться с силами и сказать. Речь идет о близких отношениях между нею и Лупе?

Она опустила голову.

— Не только с ним. Еще с одним.

— И это все описано у нее в дневнике?

— Да.

— Можно мне посмотреть?

— Я уничтожила дневник. Честное слово. Мне стало так стыдно.

— Зачем, по-вашему, она все это писала?

— Назло мне. Она знала, что я читаю ее дневник.

— А вам не кажется, что она просила помощи?

— Не знаю. Меня эта история потрясла. Я растерялась и до сих пор не могу прийти в себя,— добавила она, и в голосе ее слышался страх.

— Почему, Бернис? — Не случилось ли с ней когда-то нечто подобное?

Она подняла голову и взглянула на меня с ненавистью.

— Не хочу больше с вами разговаривать. Уходите.

— Сначала пообещайте, что, если Кит вам позвонит, вы дадите мне знать. Я должен поговорить с ним и с Сэнди.

— Я вам позвоню. Обещаю.

Я сказал ей, что буду ждать ее звонка у себя в офисе, и вышел на улицу. На западе вечернее солнце заливало своим светом вершины гор, и этот свет придавал окружающему миру мечтательно-грустное настроение, словно боясь, что солнце скроется и никогда больше не взойдет. А на площадке за домом, казалось, куда-то спешили преследуемые собственными по-вечернему длинными тенями игроки в гольф.

Глава 32

Я купил упакованную в пластиковую корзинку жареную курицу с намерением съесть ее по приезду в контору. Но сначала я позвонил в телефонную службу, где мне сообщили, что меня искал Ральф Кадди, который оставил номер телефона в Санта-Монике.

Я набрал номер, ответил сам Кадди.

— Добрый вечер. У телефона Ральф Кадди.

— Говорит Арчер. Вот уж никак не ожидал, что вы мне позвоните.

— Меня попросила об этом миссис Краг.— Голос у него был напряженным, ему было неловко.— Я рассказал ей о смерти Джаспера, и она захотела с вами поговорить.

— Передайте ей, что я постараюсь повидать ее завтра.

— Лучше сегодня. Миссис Краг очень хочет вас видеть. Помните, вы меня спрашивали про пропавший револьвер? Она об этом тоже кое-что знает.

— Откуда?

— Мистер Краг был начальником охраны в «Корпус Кристи оил» в ту пору, когда украли револьвер.

— Кто его украл? Джаспер Блевинс?

— Мне не поручали вам что-либо говорить. Узнаете все от самой миссис Краг.

По загруженным вечерним движением улицам я кое-как добрался до Оуквудского дома для престарелых. Когда сестра вела меня по коридору, из-за какой-то двери донесся запах еды, и я вспомнил про курицу, которая так и осталась лежать нетронутой у меня на письменном столе.

Когда я вошел в комнату, Элма Краг оторвала глаза от Библии. Взгляд их был мрачным. Движением руки она отпустила сестру.

— Пожалуйста, закройте дверь, — распорядилась она. — Спасибо, что пришли, мистер Арчер. — Она указала мне на стул, а свое кресло-коляску развернула так, чтобы сидеть со мной лицом к лицу.

— Ральф Кадди сказал, что мой внук Джаспер попал под поезд. Это правда?

— Его тело оказалось под поездом. Мне рассказали, что убили его раньше и что убийцей была Лорел. Разумеется, это всего лишь слухи, но я склонен им верить.

— Лорел понесла наказание?

— Не сразу. Помощник тамошнего шерифа помог ей скрыть преступление. Но и Лорел недавно убили.

— Кто ее убил?

— Не знаю.

— Какой ужас! — В ее голосе что-то шуршало и шипело. — Вот вы говорите, что Лорел недавно убили. Но когда вы были здесь, вы об этом и словом не обмолвились.

— Да, я ничего не сказал.

— И про Джаспера тоже промолчали.

— Я тогда еще сам не был уверен и не хотел понапрасну вас расстраивать.

— Вы обязаны были мне сказать. Давно он погиб?

— Лет пятнадцать назад. Его тело было найдено на железнодорожных путях возле Родео Сити в конце мая 1952 года.

— Какой печальный конец, — заметила она.

— Произошли и другие не менее печальные события, — продолжал я, не сводя глаз с ее лица. — За три-четыре дня до убийства Джаспера на пляже в Малибу застрелили Марка Хэкетта. Мы оба, миссис Краг, вероятно, не были до конца откровенны. Вы не сказали мне, что ваш муж служил начальником охраны в компании, принадлежащей Марку

Хэкетту. Мне, правда, следовало бы самому до этого докопаться, но я почему-то не сообразил. Тому причиной, наверное, вы.

Она прикрыла глаза.

— На моей совести многое, мистер Арчер. Поэтому-то я попросила вас приехать сюда. У меня в душе нет покоя, и теперь, когда мне стало известно о смерти моего внука Джаспера...— Она замолчала.

— Джаспер похитил револьвер у Хэкетта?

— Джо считал, что он. Джаспер воровал и раньше. Когда он жил у нас, я свою сумку всегда прятала. А в тот день он приходил к Джо на работу.

— В тот день, когда был убит Марк Хэкетт?

Она медленно кивнула.

— Накануне он крупно поругался с мистером Хэкеттом.

— Откуда вы знаете?

— Он сам рассказал Джо. Просил, чтобы Джо похлопотал за него перед мистером Хэкеттом.

— А чего он хотел?

— Денег. Джаспер считал, что у него есть законное право требовать у мистера Хэкетта деньги на воспитание мальчика, хотя, когда Джаспер женился на Лорел, мистер Хэкетт дал ему согласно договоренности немалую сумму.

— Вы хотите сказать, что Дэйви был незаконным сыном Марка Хэкетта?

— Внуком,— мрачно поправила меня она.— Дэйви был сыном Стивена Хэкетта. Еще когда они жили в Техасе, Лорел Дадли служила в доме Хэкеттов. Она была прехорошенькой, и Стивен наградил ее ребенком. Его отправили учиться в Европу, а Лорел прислали к нам, чтобы мы подыскали ей мужа.

Джаспер решил сам жениться на ней. Он в ту пору был парикмахером, но еле-еле сводил концы с концами. Мистер Хэкетт в качестве свадебного подарка дал им пять тысяч долларов. Через некоторое время Джаспер решил, что его обделили. И устроил мистеру Хэкетту скандал как раз накануне...— Она закрыла свой аккуратный рот и замолчала.

— Накануне того дня, когда он его убил?

— Так всегда считал Джо. Из-за этого он и умер раньше времени. Джо был честным человеком, но заставить себя донести в полицию на собственного внука он не сумел. Он спрашивал меня, как ему поступить, и я не велела ему этого делать. И это тоже на моей совести.

— Вы поступили так, как поступили бы на вашем месте многие бабушки и дедушки.

— Это не снимает с нас вины. Мы постоянно находили оправдание поступкам Джаспера. С раннего детства, когда он впервые появился у нас, он был сущим разбойником. Он воровал и дрался, мучил кошек и хулиганил в школе. Один раз я отвела его к психиатру, и доктор велел поместить его в лечебницу. Но я не смогла этого сделать, не такой уж бедняжка был отъявленный негодяй. — И подумав, добавила: — Он умел рисовать. Унаследовал способности от матери.

Миссис Краг на мгновение смутилась и с неудовольствием посмотрела на меня.

— Про мою дочь я предпочитаю не говорить. Имею же я право держать свои чувства в тайне.

— Мне уже кое-что известно, миссис Краг. Ваша дочь родилась в Родео Сити в 1910 году. Как ни странно, но у меня есть копия свидетельства о рождении. При крещении ей дали имя Генриетта Р. Краг. Вы звали ее Эттой, но в какой-то период жизни она стала называть себя по-другому.

— Ей никогда не нравилось ее имя. Поэтому после того, как она разошлась с Элбертом Блевинсом, она стала называть себя своим вторым именем.

— Ее второе имя Рут, не так ли?

Старуха наклонила голову в знак согласия. И отвела взгляд.

— И ее вторым мужем был Марк Хэккетт.

— Перед ним был еще один, — со старческой страстью к точности поправила меня она. — Она связалась с молодым мексиканцем из Сан-Диего. Это было больше двадцати пяти лет назад.

— Как его звали?

— Лупе Ривера. Они прожили вместе всего несколько месяцев. Его арестовали за контрабанду, и Этта с ним развелась. Потом появился Марк Хэккетт. А после него Сидни Марбург. — Голос ее звучал сурово, словно она читала обвинительный акт.

— Почему вы не сказали мне, что Рут Марбург — ваша дочь?

— Вы меня не спрашивали. Да и какое это имеет значение? У меня было мало общего с Эттой с тех пор, как она, кинувшись в объятья мистера Хэккетта, преуспела и стала богатой дамой. Она никогда меня не навещает, и я знаю почему. Ей стыдно за свой образ жизни, стыдно, что

она проводит время в обществе молодых людей в два раза ее моложе. У меня все равно что нет семьи. Я никогда не вижу и моего внука Стивена.

— Очень сожалею,— сказал я и ушел, а она осталась сидеть, держа руки на Библии.

Глава 33

Забыв про голод и усталость, я помчался в Малибу. Совсем уже у ворот Хэкеттов мимо меня пронеслась машина в противоположном направлении. Мне показалось, что за рулем сидит Кит Себастиан. У въезда в поместье Хэкеттов я развернулся и погнался вниз за ним.

Я настиг его на шоссе у знака «стоп». Сначала он повернул направо, а потом съехал налево на дорогу, петлявшую вдоль берега. Возле залитого светом коттеджа он остановился и постучал в заднюю дверь. На мгновение, когда дверь отворилась, я увидел на светлом фоне силуэт его дочери.

Я вылез из машины и подошел к коттеджу. Жалюзи были закрыты, занавески опущены. Из-под двери просачивался яркий свет, но не было слышно ни звука, потому что волны, заглушая все вокруг, с шумом обрушивались на берег.

На почтовом ящике была указана фамилия Хэкетт. Я постучался в дверь, одновременно поворачивая ручку. Но дверь оказалась запертой на замок.

— Кто там? — раздался голос Кита Себастиана.

— Арчер.

Опять пришлось ждать. Где-то в доме хлопнула дверь. Щелкнул замок, и передо мной предстал Себастиан.

Я вошел, не дожидаясь приглашения.

— Что вы здесь делаете, Кит?

Ничего умного он в ответ не придумал.

— Я решил уехать из дома на день-другой. Мистер Хэкетт разрешил мне воспользоваться его коттеджем.

Я прошел через кухню в гостиную. На круглом ломберном столике, накрытом на двоих, стояли грязные тарелки и лежали столовые приборы. На одной из кружек из-под кофе остался полукруг губной помады.

— Вы здесь с женщиной?

— По правде говоря, да.— Он смотрел с глупой ухмылкой в надежде перехитрить меня.— Вы не скажете, Бернис, а?

— Она знает, и я тоже знаю. Это — Сэнди, не так ли?

Он взял кружку, из которой пила Сэнди. На мгновение лицо его исказила ненависть. Я подумал было, что он собирается разбить мне голову, а потому поспешно сделал шаг назад.

Он поставил кружку на стол.

— Это — моя дочь, — заявил он. — И кому, как не мне, знать, что для нее лучше.

— Поэтому-то у нее в жизни все и идет так гладко? Вы считаете, что лучше ее увезти, чем лечить?

— Лучше, чем сидеть в тюрьме. Там ее никто не будет лечить.

— Кто вас так запугивает?

Он ничего мне не ответил. Он стоял и тряс своей красивой глупой головой. Я без приглашения уселся за стол. Через минуту он тоже сел напротив меня. Мы сидели, не спуская глаз друг с друга, как блефующие игроки в покер.

— Вы не понимаете. Мы с Сэнди не собираемся оставаться здесь. Мы приняли другое решение.

— Уехать из Америки?

Он нахмурился.

— Бернис, значит, вам все рассказала?

— И хорошо сделала. Если вы уедете, вы практически лишаетесь гражданства. Сэнди уж безусловно. А на что вы намерены жить за границей?

— Об этом позаботились. Если я буду экономно обращаться с той суммой, что мне дали, и жить в недорогом месте, то мне никогда больше не придется работать.

— По-моему, вы жаловались, что у вас нет ни гроша.

— Ситуация изменилась. Все продумано и решено, — с настойчивостью глухого старался он убедить меня. — Прошу вас, мистер Арчер, не мешайте мне. Я знаю, что делаю.

— Ваша жена летит вместе с вами?

— Надеюсь, да. Она еще не решила. Мы улетаем завтра, ей надо быстрее решать.

— По-моему, ни вам, ни ей не следует спешить.

— Мы не нуждаемся в ваших советах.

— Вы нуждались, когда обратились ко мне за помощью. Боюсь, что теперь вам придется терпеть меня до конца.

Мы сидели и смотрели друг на друга — два игрока в покер, карты на руках отвратительные, а бросить игру нельзя. На мгновение мне почудилось, что шум волн стал

громче, а по ногам пробежал сквозняк. Где-то что-то лязгнуло, и сквозняк исчез.

— Где ваша дочь?

Он встал, пересек гостиную и открыл дверь.

— Сэнди!

Я вошел вслед за ним в ярко освещенную спальню. Это была необычная комната, такая же, как у Лупе. Стены и потолок были выкрашены в яркие цвета, а круглой формы кровать стояла, как алтарь, посередине. На кровати валялась одежда Сэнди.

Себастиан откатил дверь, выходившую на пляж. Мы побежали к воде. Сэнди была уже за линией прибоя, плывя навстречу жизни или смерти.

Себастиан как был, в одежде, вбежал в воду, но тут же с беспомощным видом повернулся ко мне.

— Я плохо плаваю.

Волна сбила его с ног. Мне пришлось вытащить его из воды.

— Идите и вызовите полицию.

— Нет!

Я шлепнул его по щеке.

— Вызовите шерифа, Кит. Вы обязаны это сделать.

Он стал карабкаться наверх. Я быстро разделся и поплыл вслед за девочкой. Она была молодой, угнаться за ней было нелегко. К тому времени, когда я поравнялся с ней, мы оказались далеко от берега и я начал выдыхаться.

Она не знала, что я рядом, пока я до нее не дотронулся. Глаза у нее стали большими и темными, как у тюленя.

— Уходите. Я хочу умереть.

— Я тебе не дам этого сделать.

— Дали бы, если бы знали обо мне все.

— Я почти все знаю, Сэнди. Плыви со мной. Я слишком устал, чтобы тебя тащить.

На берегу замигал прожектор. Он заметался по волнам и нашел нас. Сэнди стала уходить от меня. Тело ее было белым и чуть светилось, мерцая лунным светом на воде.

Я старался не отставать от нее. Человек в черном прорезиненном непромокаемом костюме приплыл на лодке и поднял ее на борт. Она не оказала никакого сопротивления.

Себастиан и капитан Обри держали наготове одеяла. Я вытащил свои вещи из-под ног зевак и пошел вслед за Себастианом и его дочерью в коттедж. Рядом со мной шагал капитан Обри.

— Пыталась покончить с собой? — спросил он.

— Она уже давно об этом говорила. Надеюсь, после сегодняшнего она откажется от этой мысли.

— Не очень-то надейтесь. Ее семье надо принять меры предосторожности.

— Я им об этом говорил.

— По вашим словам, она давно это задумала. Значит, вся история началась намного раньше нынешних событий?

— Совершенно верно.

Мы дошли до коттеджа. Я дрожал от холода в своем одеяле, но Обри не спешил отпустить меня.

— Я все объясню вам, капитан. Только сначала я должен принять горячий душ и закончить разговор с Себастианом. Вы будете здесь еще час?

— Лучше я подожду вас в участке.

Я откатил стеклянную дверь, вошел в раскрашенную в разные цвета комнату. Себастиан стоял у дальней стены. Он застыл как часовой на посту у открытой двери, из-за которой доносилось шипение душа. С одежды у него текло, волосы были в песке, а в глазах — испуг и покорность.

— Что вы намерены делать в ближайшие пять или десять лет, Кит? Стоять на страже, предупреждая попытки к самоубийству?

— Я вас не совсем понимаю, — удивленно посмотрел он.

— Вы чуть не лишились ее сейчас. Перестаньте подвергать ее жизнь риску. Нельзя же постоянно быть начеку и круглые сутки следить за ней.

— А что мне делать?

— Сегодня же отвезите ее обратно в психиатрический центр. Забудьте про Южную Америку. Вам там не понравится.

— Но я дал обещание.

— Кому? Сэнди? Я не преувеличу, если скажу, что ей легче умереть, чем так жить.

— Дело не только в ней, — чуть не плакал он. — Нам придется ехать в Южную Америку. Мы так договорились.

— Объясните, в чем дело.

— Не могу. Я обещал молчать.

— Кому вы все это обещали? Стивену Хэкетту? — Я обошел кровать и приблизился к нему. — Если вы не будете со мной откровенны, я отказываюсь вам помогать. По-моему, вас да и вашу дочь кто-то водит за нос.

— Я знаю, что делаю, — твердил он. — Мне больше не нужна ваша помощь.

— Может, и не нужна, но вам без нее не обойтись. Вы отвезете Сэнди обратно в центр?

— Нет.

— Тогда мне придется вас заставить.

— Каким это образом? Я свободный гражданин.

— Очень скоро перестанете им быть. Меня ждет капитан Обри. Как только ему станет известно, что вы покупаете и продаете вещественные доказательства, имеющие прямое отношение к делу об убийстве...

— О чем вы говорите?

— Я говорю о магнитофонных пленках, которые вы купили у миссис Флайшер.

Я догадался, основываясь, разумеется, на фактах, что пленки входили в ту самую договоренность, о которой он упомянул. Его лицо только подтвердило мою догадку.

— Для кого вы их купили, Кит?

Он молчал.

— Кто дал вам деньги, чтобы вы увезли свою дочь из Америки?

Он продолжал молчать. В дверях за его спиной появилась Сэнди. Она была одета в желтый махровый халат, лицо ее порозовело после душа. Вечерний заплыв явно пошел ей на пользу. Теперь мне не было ее жаль.

— Разве кто-нибудь дал тебе деньги на наш отъезд? — спросила она. — Ты мне этого не сказал. Ты сказал, что раз ты увольняешься, тебе полагается выходное пособие.

— Правильно, родная, выходное пособие. — Он стоял между нами, поочередно глядя то на одного, то на другого.

— Сколько?

— Не твое это дело, родная. То есть, я хочу сказать, что делами буду заниматься я. Зачем тебе мучить свою головку...

— Хватит. Эти деньги тебе дал мистер Хэккетт?

— Можно сказать, он. Компания ведь принадлежит ему.

— И ты получил деньги при условии, что увезешь меня в Южную Америку? Правильно? В ином случае ты бы ничего не получил?

— Я не люблю, когда меня допрашивают, — взорвался Себастиан. — В конце концов, я твой отец.

— Конечно, папа. — Ее язвительный смех свидетельствовал о пережитой боли. — Но я не хочу в Южную Америку.

— Ты же сказала, что хочешь.

— А теперь не хочу. — И она повернулась ко мне. —

Пожалуйста, увезите меня отсюда. Я ненавижу этот коттедж. Именно здесь, в этой самой комнате со мной и случилась беда. С Лупе и Стивеном.— И она съежилась, как ребенок, которому причинили боль.

Слова ее были адресованы мне, но обращалась она к отцу. Себастиан ошеломлен. Он сел на кровать, но тотчас вскочил, стряхивая песок, который ссыпался с его одежды.

— Ты говоришь о мистере Хэкетте?

— Да. Я была не в себе и плохо понимала, что происходит. Но Стива Хэкетта я узнала.

Глаза Себастиана стали круглыми, как линзы в фотокамере. Он не мог поверить ей, он пытался найти что-нибудь неправдоподобное в ее словах. Но мы оба знали, что она говорит чистую правду.

— Почему ты не рассказала мне об этом, Сэнди?

— Я рассказываю тебе сейчас.

— Почему ты не рассказала прошлым летом, когда это случилось?

Она посмотрела на него с презрением.

— Откуда ты знаешь, что это случилось прошлым летом? Я сегодня этого не говорила.

Он как-то недоуменно огляделся и бросился объяснять:

— Мама говорила. Нет, она мне ничего не рассказывала. Просто в твоём дневнике было что-то написано, разве нет?

— Да, я написала об этом,— призналась она.— Я знала, что Бернис читает мой дневник. Но ни она, ни ты не промолвили ни слова.

— Я поступил так по совету твоей мамы, Сэнди.

Она разозлилась и расстроилась, но говорила скорей как женщина, а не как девчонка. Больше Сэнди не боялась.

Пока Себастиан принимал душ, мы с Сэнди сидели за ломберным столиком и вели беседу.

Первой заговорила Сэнди, поблагодарив меня, что само по себе было неплохим признаком.

— Не надо благодарить,— ответил я.— Мне до смерти хотелось поплавать. Ну как, больше не будете делать глупостей?

— Обещаний я не даю,— сказала она.— Мне противно жить в этом мире.

— От того, что вы покончите с собой, мир не станет лучше.

— Но мне станет лучше.— Некоторое время она молчала и не двигалась.— Я думала, что с Дэйви я сумею забыть все это.

— Чья это была мысль?

— Его. Он познакомился со мной на набережной, потому что ему сказали, что я знаю Хэкеттов. Он искал возможности добраться до Стива, и я была рада помочь.

— Почему?

— Вам известно почему. Я хотела отомстить и ему и Лупе. Но от этого мне не стало лучше. Только хуже.

— Что хотел Дэйви?

— Трудно определить. У него всегда находились три-четыре причины на каждое дело, три-четыре различных версии. Но он в этом не виноват. До Лорел ему ни разу не открыли правды о том, кто он. И даже тогда он не был уверен, правду ли она говорит. Лорел была пьяной, когда сказала ему.

— Когда призналась Дэйви, что его отец Стивен Хэкетт?

— Я не знаю, что она сказала ему. Честное слово,— добавила она так же, как и ее мать и с той же интонацией.— Мы с Дэйви мало разговаривали в конце. Я боялась и продолжать свою дружбу с ним, и бросить его. Я не знала, на что он способен. Да он и сам не знал.

— Оказалось, что он способен на многое.— Сейчас самое время сказать ей, подумал я, пока окончательно не определились все события, которым суждено произойти в эту ночь.— Сегодня днем Дэйви убили.

Она тупо смотрела на меня, словно окончательно утратив способность к проявлению эмоций.

— Кто его застрелил?

— Генри Лэнгстон.

— Я считала его другом Дэйви.

— Он был его другом, но у него, как и у большинства людей, есть свои беды.

Она осталась размышлять над моими словами, а я пошел в спальню, где ее отец выбирал, что бы ему надеть. Он остановился на водолазке и легких брюках, от чего сразу стал похож на молодого и самоуверенного актера.

— Что на повестке дня, Кит?

— Еду к Хэкетту и возвращаю ему чек.

Его слова меня удивили. Он и сам, похоже, был удивлен.

— Очень рад, что вы так настроены. Но лучше отдайте чек мне. Это вещественное доказательство.

— Против меня?

— Против Хэкетта. На какую сумму выписан чек?

— На сто тысяч долларов.

- А наличными сколько он вам дал на пленки?
Он ответил почти сразу.
— Десять тысяч. Я расплатился ими с миссис Флайшер.
— Хэкетт сказал вам, зачем ему понадобились пленки?
— Объяснил, что Флайшер пытался его шантажировать.
— На основании чего?
— Не сказал. Я решил, что у него был с кем-то роман.
— Когда вы ему отдали пленки?
— Только что. Незадолго до вашего приезда.
— Кто был у них дома, Кит?
— Я видел только мистера Хэкетта и его мать.
— У них есть магнитофон.
— Есть. Они еще пробовали, подходят ли кассеты.
— Сколько всего было пленок?
— Шесть.
— Кому вы их отдали?
— Я передал их миссис Марбург. Она была в библиотеке. А что потом с ними сделали, я не знаю.
— И вам дали чек? Верно?
— Да. Сам Хэкетт.

Он вынул из бумажника желтый чек и вручил его мне. Точно такой же, как тот, что лежал у меня в сейфе, только этот был подписан Стивеном Хэкеттом, а не его матерью, и датирован сегодняшним днем.

Сила духа, которая потребовалась Себастиану, чтобы расстаться с деньгами, казалось, возродила в нем нравственные устои. Он вышел вслед за мной в гостиную.

— Я поеду с вами. Мне хочется сказать этому подонку, что я о нем думаю.

— Нет. Вам следует сделать кое-что другое.

— Что именно?

— Отвезти вашу дочь обратно в центр, — сказал я.

— А нельзя мне взять ее домой?

— Нет, пока нельзя.

— И потом тоже будет нельзя, — сказала Сэнди. Но она уже по-другому смотрела на отца.

Глава 34

Капитан Обри ждал меня у входа в полицейский участок. А беседу мы вели в колоколообразном холле старого здания, подальше от ушей дежурного сержанта. Обри,

когда я в общих чертах поведал ему то, что знаю и о чем догадываюсь, захотел поехать к Хэкеттам вместе со мной.

Я напомнил, что ему придется предъявить ордер на обыск, получение которого потребует некоторых усилий. А Хэкетт тем временем может уничтожить пленки или стереть запись.

— Чем так важны эти пленки? — спросил Обри.

— В них правда об убийстве Лорел Смит. Сегодня я узнал, что у Стивена Хэкетта был с ней роман лет двадцать назад. Дэйви Спеннер — их сын.

— По-вашему, ее убил Хэкетт?

— Пока сказать не могу. Но он заплатил за эти пленки десять тысяч.

— Даже если так, вы не можете войти и схватить его.

— От меня этого и не требуется, капитан. Но я работаю на миссис Марбург, а потому могу проникнуть в дом.

— А выбраться оттуда сумеете? — мрачно усмехнулся он.

— Думаю, да. Хотя, может, мне и потребуется подмога. Но сначала я должен побыть с ними наедине.

— А потом?

— Будьте поблизости. Если мне понадобится помощь, я крикну.

Обри проводил меня до машины.

— Берегитесь миссис Марбург, — предупредил он, нагнувшись к стеклу. — Когда убили ее второго мужа, я... — Он откашлялся и подправил фразу, заменив первое лицо безличным оборотом: — Подозревали, что и она принимала участие в преступлении.

— Вполне возможно. Марка Хэкетта убил ее сын от первого брака, некий Джаспер Блевинс.

— Это установленный факт?

— Почти. Мне сообщила об этом бабушка Джаспера Блевинса. Надо сказать, не очень охотно. Она сделала это, узнав, что Джаспер умер.

— Слишком много людей умерло, — заметил Обри. — Постарайтесь не попасть в их число.

Его машина без отличительных знаков ехала вслед за мной до ворот поместья Хэкеттов. В доме на берегу озера горел свет, но был он неярким из-за опущенных занавесей. Когда я стучал в дверь, я чувствовал, что приехал сюда в последний раз.

Дверь открыла Герда Хэкетт. Она казалась одинокой и встревоженной, словно призрак, по ошибке попавший в чужой дом. Увидев меня, она чуть повеселела.

— Мистер Арчер! Kommen Sie nur 'rein¹.

Я вошел.

— Как ваш муж?

— Спасибо, гораздо лучше. — И добавила разочарованно: — А вы к Стивену?

— И к миссис Марбург.

— Они в библиотеке. Я скажу им, что вы приехали.

— Не нужно. Я знаю, как туда пройти.

Она осталась стоять возле двери — чужая в собственном доме. Шагая по огромному зданию, похожему на целое учреждение, я понял, почему Хэкетт женился на иностранке. Он не хотел, чтобы его узнали.

Дверь в библиотеку была закрыта. Изнутри доносился женский голос, и когда я прижался к дубовой двери ухом, я узнал голос Лорел Смит. По спине у меня побежали мурашки. А потом сердце забилося от глупой надежды, что Лорел осталась жива.

Я чуть не потерял самообладание, как человек, приближающийся к вершине горы — только мое восхождение было вывернуто наизнанку: я спустился в прошлое. У меня перехватило дыхание и, чтобы не упасть, я был вынужден прислониться к двери.

— Спасибо, миссис Липерт, — говорила Лорел. — Дать вам расписку?

— Нет, не обязательно, — ответил другой женский голос. — Я ведь получу обратно из банка оприходованный чек.

— Не хотите ли выпить?

— Спасибо, нет. Мой муж не любит, если от меня пахнет, когда он приходит домой.

— Всего хорошего.

Захлопнулась дверь. Лорел стала тихонько напевать какую-то старую песню про свист во тьме. Она, должно быть, ходила по квартире, потому что звуки то усиливались, то пропадали.

Я начал поворачивать ручку двери, ведущей в библиотеку.

— Кто там? — спросила Рут Марбург.

Пришлось, улыбаясь, войти. Миссис Марбург сидела возле телефона. Револьвера при ней не было.

Хэкетт сидел за столом, на котором стоял магнитофон. Его деланная улыбка выглядела так же неестественно, как, по-видимому, и моя. Он выключил магнитофон.

---

¹ Входите (нем.).

— Миссис Хэкетт подсказала мне, где вас разыскать. Надеюсь, я вам не помешал?

Хэкетт хотел было сказать, что нет, не помешал, но его перебила миссис Марбург:

— По правде говоря, помешали. Мы с сыном слушаем наши старые семейные записи.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Вам это будет неинтересно. Они забавны только для членов нашей семьи. Напоминают о прошлом.— Голос ее стал пронзительным.— Вам что-нибудь нужно?

— Я пришел, чтобы окончательно перед вами отчитаться.

— Сейчас не время. Приходите завтра.

— А мне бы хотелось послушать, что он скажет.— Хэкетт встревоженно взглянул на мать.— Раз уж мы ему столько платим, давай извлечем из этого хоть какую-нибудь пользу.

— Я предпочел бы послушать, что говорит Лорел.

Миссис Марбург, хлопнув фальшивыми ресницами, уставилась на меня.

— Лорел? А кто такая Лорел?

— Жена Джаспера. Вы только что слушали ее. А теперь давайте все вместе послушаем.

Миссис Марбург повернулась ко мне.

— Закройте дверь. Я хочу с вами поговорить.

Я закрыл дверь и, прислонившись спиной к дверному косяку, внимательно наблюдал за ними. Миссис Марбург, тяжело опираясь на руки, встала. Хэкетт потянулся к магнитофону.

— Не трогайте магнитофона.

Его рука замерла над выключателем, потом он ее отдернул. Миссис Марбург подошла ко мне.

— Итак, вы раскопали кое-какие мерзости и решили, что можете заработать еще. Вы очень ошибаетесь. Не зарывайтесь, иначе попадете в тюрьму.

— Кто-нибудь обязательно попадет.

Она приблизила свое лицо к моему.

— Мой сын и я, мы покупаем таких людей, как вы, за пятак пару. Чек, который я вам дала, датирован более поздним числом. Неужто вы так глупы, что не соображаете, что это значит?

— Это значит, что вы не очень верили, что меня можно купить. И других, между прочим, тоже.— Я вынул выписанный на имя Кита Себастиана чек и показал ей.— Мне это дал Себастиан.

Она попыталась было выхватить чек, но это ей не удалось. Я положил чек обратно в бумажник.

— Не жадничайте, Этта.

Ее лицо скукожилось под маской грима.

— Не называйте меня этим именем. Меня зовут Рут.

Она подошла к креслу, но не села, а открыла тумбочку, на которой стоял телефон. Однако я подскочил прежде, чем она успела наставить на меня револьвер, и вырвал оружие у нее из рук. Затем я повернулся к Хэккетту. Он уже шел на меня. Стрелять мне не пришлось, Хэккетт отступил к столу.

— Отойдите от стола, Стивен, и встаньте рядом с вашей матерью.

Он перешел к ней, прислонился спиной к книжным полкам, а потом, как наказанный, уселся на стремянку, что стояла в углу. Миссис Марбург тяжело опустилась в свое кресло.

Я занял место у магнитофона и включил его. Лорел запела какую-то придуманную ею самой песню с рефреном: «Дэйви, Дэйви, Дэйви».

Дверь в квартире отворилась и затворилась, и в комнате появился сам Дэйви:

— Привет, Лорел.

— Называй меня мамой.

— Не могу привыкнуть. Подожди, зачем ты меня целуешь?

— Имею право. Ведь я твоя мать. Я готова отрезать себе правую руку, лишь бы это доказать.

— Или голову?

— Ах! — воскликнула она, словно он причинил ей физическую боль. — Как тебе не стыдно так говорить! Я не имела никакого отношения к убийству твоего отца.

— Но ты знаешь, кто его убил.

— Я сказала тебе на днях, что его убил какой-то молодой человек с бородой, битник, что ли.

— В те времена битников не было. — Дэйви говорил невыразительно и недоверчиво.

— Называй их как хочешь. Он был один из них.

— Кто он такой?

— Не знаю, — не сразу ответила она.

— Тогда почему ты его покрываешь?

— Я никого не покрываю.

— Нет, покрываешь. Ты сказала Флайшеру и другим представителям закона, что погибший не мой отец. А мне

ты говоришь, что он отец мне. Либо ты им врала, либо врешь мне. Так кому?

— Не надо на меня давить, — тоненьким голоском отозвалась Лорел. — Я не лгала тогда и не лгу сейчас. Человек, попавший под поезд...

Миссис Марбург застонала так громко, что я не расслышал конца предложения Лорел. Я выключил магнитофон, потому что миссис Марбург заговорила:

— Я что, обязана сидеть здесь всю ночь и слушать эту мелодраму?

— Это же ваши семейные пленки, — возразил я. — Напоминают о прошлом. Ваш внук и его мать беседуют о том, что произошло с вашим сыном. Разве вам неинтересно, что с ним произошло?

— Не говорите глупостей! У меня только один сын.

Она повернулась к сидящему в углу Хэкетту и показала зубы, что, по-видимому, должно было изображать материнскую улыбку. При виде этой улыбки он тревожно заерзал. И вдруг сказал:

— Не стоит притворяться, мама. Он без особого труда узнает про Джаспера. Наверное, уже знает. И кроме того, по-моему, мне пора чистосердечно во всем признаться.

— Не валяй дурака!

— Признаться в чем? — спросил я.

— В том, что я убил моего единокровного брата Джаспера Блевинса. Если вы дадите мне возможность объяснить, что произошло, у вас появится, я уверен, совершенно иная точка зрения на случившееся. Присяжные никогда бы не признали меня виновным.

— Смотри, не переусердствуй, — сказала его мать. — Говорю тебе, ты делаешь непростительную ошибку, доверяясь этому сукиному сыну.

— Кому-то должен же я доверять, — возразил он. — А этот человек спас мне жизнь. Кстати, я не согласен с тобой, что мы не обязаны ему заплатить. Он эти деньги заработал.

— Вы хотели рассказать мне, как вы убили Джаспера, — напомнил я.

Он глубоко вздохнул.

— Сначала я расскажу, почему я убил его. Джаспер застрелил моего отца. Мы с отцом были очень близки, хотя я долго его не видел. Я жил в Лондоне, изучал экономику с тем, чтобы рано или поздно стать во главе нашей компании. Отец был в расцвете сил, и я не сомневался, что он проживет еще много лет. Когда мне стало известно о его

смерти, от горя я чуть не лишился рассудка. В ту пору я был еще очень молод, лет двадцати с небольшим. И когда я прилетел домой, я был полон решимости отыскать убийцу моего отца.

Хэкетт говорил словно по писаному, поэтому я не очень верил ему.

— И как же вам удалось его отыскать?

— Это оказалось не очень сложным делом. Мне стало известно о ссоре Джаспера с отцом.

— Кто вам сказал?

Он посмотрел на мать. Она оттолкнула от себя воздух ладонью.

— Не вмешивай меня в свои дела. Если хочешь послушать моего совета, немедленно замолчи.

— Чего вы боитесь, миссис Марбург?

— Вас, — ответила она.

— Дайте мне досказать, — чуть подвывая, продолжал Хэкетт. — Я узнал, что Джаспер вместе со своей женой живет на ранчо, и я отправился туда. Произошло это на второй или третий день после убийства отца. Я сказал ему, что он убийца. Тогда он бросился на меня с топором. К счастью, я оказался сильнее, или мне просто повезло. Я вырвал у него топор и раскроил ему голову.

— Значит, человеком с бородой были вы?

— Да. Еще студентом в Лондоне я отрастил себе бороду.

— А Лорел была там, когда вы убили Джаспера?

— Да. Она видела, как это произошло.

— И Дэйви?

— Он тоже был там. Так что вряд ли его можно винить в том, как он поступил со мной. — И Хэкетт дотронулся до своего все еще опухшего рта и синяков, что растеклись под глазами.

— А как он поступил?

— Насколько вам известно, он довольно сурово со мной обошелся. Сначала он хотел положить меня под поезд. Потом передумал и заставил показать ему дорогу на ранчо. Он, по-видимому, пытался восстановить то, что произошло когда-то, а потому принудил меня признаться в том, что я вам только что рассказал. Тогда он меня зверски избил и угрожал убить, но снова передумал.

— Вы сказали ему, что вы его настоящий отец?

Какая-то удивленная ухмылка приподняла угол его рта и прищурила один глаз. Так бывает у людей, перенесших небольшой insult.

— Конечно.

— И что же произошло, когда вы ему это сказали?

— Он развязал мне руки и ноги. Мы побеседовали. В основном говорил он. Я пообещал ему деньги, сказал, что, если он хочет, дам ему свое имя. Но его больше всего интересовала истина.

— То есть факт, что вы убили Джаспера?

— Да. Я лично его не очень интересовал. Эту часть истории он выключил из своего сознания.

— Я что-то не совсем понимаю, — отозвался я. — По вашим словам, вы убили Джаспера, защищая себя. Я согласен, что суд присяжных найдет вас виновным самое большее в непредумышленном убийстве. Зачем же вы скрывались и пошли на то, чтобы избавиться от тела убитого?

— Это не я. Это Лорел. Она, вероятно, чувствовала себя виноватой из-за нашей связи еще в Техасе. Да и я, признаться, чувствовал себя виноватым и в этом и во всем прочем. Не забывайте, что Джаспер был моим братом. Я чувствовал себя Каином.

Может, когда-нибудь, давным-давно, он и вправду чувствовал себя Каином, но сейчас в его словах явно слышалось что-то фальшивое. Его мать зашевелилась и опять перебила его.

— Твое признание дорого тебе обойдется. Ты это еще не понял? Хочешь, чтобы этот сукин сын забрал все, что у тебя есть?

Не сводя с меня глаз, Хэкетт ответил:

— Не думаю, что мистер Арчер способен на шантаж.

— Верно, такие, как он, называют это по-другому. Следствие, расследование, выяснение обстоятельств и так далее. Сначала мы купим ему жилой дом, потому что ему негде жить, потом помещение для его конторы, потому что ему негде хранить его папки, а с него мы получим по пять центов за доллар. — Она встала. — Какова ставка на этот раз, ты, сукин сын?

— Перестаньте, Этта. Нельзя так злиться, вы же выходите из образа. А я-то никак не мог понять, откуда у Лорел появился жилой дом, да и у вашей матушки тоже.

— Оставьте мою мать в покое, она не имеет ничего общего со всей этой историей. — По-видимому, я наступил миссис Марбург на большую мозоль. — Вы что, разговаривали с Элмой?

— Немного. Кстати, ей известно гораздо больше, чем вы думаете.

Впервые за время нашего знакомства в глазах миссис Марбург появился страх.

— Что ей известно?

— Что Джаспер убил Марка Хэккетта. И, по-моему, она считает, что это сделано по вашему наущению.

— Еще чего! Джаспер сам это задумал.

Миссис Марбург поняла, что допустила промах. Теперь страх был не только в глазах, он расплзся по всему лицу.

— Джаспер признался вам, что убил Марка? — спросил я.

Вспомнив, что можно укрыться за давностью преступления, она не сразу, но ответила:

— Не помню. Прошло слишком много лет, да и я тогда была вне себя от горя.

— Значит, не хотите ответить? Тогда попросим магнитофон нам помочь. — И я потянулся к магнитофону, собираясь его включить.

— Подождите! — сказала миссис Марбург. — Сколько вы хотите, чтобы на этом остановиться, уйти и забыть про нас? Назовите сумму.

— Мне надо подумать.

— Думайте. Предлагаю вам миллион долларов. — Она перевела дыхание и добавила: — Свободных от налога. Будете жить по-королевски.

Я обвел взглядом комнату.

— Короли так живут?

— Что толку говорить с ним, мама? — со своей стрелянки воззвал Хэккетт. — Он нас не понимает, мы не понимаем его. Поэтому, как ты уже сказала, хватит разговаривать.

— Слышали? — спросила меня миссис Марбург. — Миллион долларов свободных от налога. Наше последнее предложение. Делать вам ничего не нужно. Уходите и все.

Хэккетт не сводил с меня глаз.

— Зря тратишь время, — сказал он. — Ему не нужны наши деньги. Ему нужна наша жизнь.

— Замолчите вы оба!

Я включил магнитофон, прокрутил пленку немного назад и снова услышал голос Дэйви:

— ...либо врешь мне. Кому же?

— Не надо на меня давить, — сказала Лорел. — Я не лгала тогда, не лгу сейчас. Человек, попавший под поезд, — твой отец.

— А вчера ты говорила совсем другое. Ты сказала, что Стивен Хэккетт — мой отец.

— Верно.

Я посмотрел на Хэкетта. Он внимательно слушал, по-прежнему не сводя глаз с моего лица. Его же лицо стало каким-то мертвым, и презрение в глазах сменилось ледяным отчуждением.

— Я не понимаю,— произнес голос Дэйви.

— Тебе и не надо понимать, мальчик. Я не хочу копаться в прошлом.

— Но я хочу знать, кто я такой,— нараспев повторил он.— Я должен знать. Мне это важно.

— Зачем? Ты мой сын, и я тебя люблю.

— Тогда почему ты не хочешь сказать мне, кто мой отец?

— Я уже сказала. И хватит. Не то только беду накличем.

Открылась дверь.

— Куда ты идешь? — спросила Лорел.

— Меня ждут. Извини.

Дверь захлопнулась. Лорел поплакала немного, потом снова налила себе выпить. Зевнула. Стала собираться спать, закрыла какую-то дверь. Ночные звуки, шум машин с улицы.

Я прокрутил пленку вперед, остановил, включил и услышал свой собственный голос:

— ...заправский адвокат. Из тех, что разглагольствуют в бильярдных.

— Ничего подобного,— ответил мне голос Лорел.— Он вовсе не болтун. И в бильярдных не околачивается. Он мальчик серьезный.

— А в чем его серьезность?

— Он хочет поскорее стать взрослым, настоящим мужчиной и делать что-нибудь полезное.

— По-моему, он вас морочит, миссис Смит,— услышал я, как давным-давно сказал я сам.

Я еще прокрутил пленку вперед и снова раздался уже знакомый звук открывающейся двери.

— Что тебе? — спросила Лорел.

Ответа не последовало, только звук захлопнувшейся двери. И затем голос Хэкетта:

— Я хочу знать, с кем ты разговаривала. Вчера вечером мне позвонил...

— Дэйви?

— Джек Флайшер. Кто такой Дэйви, черт побери?

— Неужели ты не помнишь, Джаспер? — спросила Лорел.

Звук удара, Лорел застонала, еще удары, пока стоны не сменились хрипением. Я не сводил глаз с человека, который называл себя Стивеном Хэкеттом. Он замер на своей стремянке. Его, казалось, заморозили звуки. Он всей душой был там, в квартире у Лорел.

Я вернул его в настоящее.

— Чем вы ее били, Джаспер?

Он выдохнул, словно испустил дух. Даже его мать отвела от него взгляд.

— Чем он ее бил? — спросил я у нее.

— Откуда мне знать, черт побери?

— Оттуда он приехал прямо к вам. Поэтому его оружие спрятано где-то в вашем доме. Но больше всего ему требовалась моральная поддержка. Когда он в тот же день вернулся сюда, он привез вас с собой.

— Это не делает меня виновной.

— Нет, делает. Если вы извлекли пользу из убийства, значит, часть вины лежит и на вас.

— Я не знала, что он убил Лорел, — настаивала она.

— Вы знали, что он убил Марка Хэкетта. Разве не так?

— Я узнала уже потом.

— И не сообщили в полицию.

— Он мой сын, — сказала она.

— Стивен тоже был вашим сыном. Но к нему вы не испытывали материнской любви. Вы сговорились с Джаспером убить Стивена, и Джаспер занял его место.

Она взглянула на меня с испугом, словно впервые за пятнадцать лет до конца осознала, что они натворили.

— Как могла я так поступить?

Эти слова она произнесла, отрицая мое обвинение, но в них заключался и вопрос, на который я ответил:

— Вас ждало крушение. Марку Хэкетту стало известно о вашем романе с Сидни Марбургом. Он собирался развестись с вами и лишит вас финансовой поддержки. Одна его смерть вас не очень бы выручила, потому что основная часть его состояния переходила к Стивену. Поэтому Стивен тоже был обречен.

В Калифорнии никто Стивена не знал. Он уже несколько лет жил за границей, а уехал он туда, еще когда вы все жили в Техасе. Но у вашего любовника Сиды острое зрение, а убивать его вам не хотелось, поэтому вы на время отправили его в Мексику. Однако Сид успел увидеть Стивена на аэродроме, когда Стивен прилетел из Англии, и Стивен был с бородой.

Вы послали Стивена на ранчо, где его ждал Джаспер.

Если Стивен умрет, Джасперу достанутся не только деньги. Он возьмет его имя, и никто никогда не разыщет убийцу Марка Хэккетта. Он убил Стивена и сбрил ему бороду.— Я перевел взгляд с миссис Марбург на ее сына.— Вы ведь когда-то были парикмахером, а, Джаспер?

Глаза у него были пустые, как глазные отверстия в черепе.

— Вы оставили Лорел на ранчо обманывать местную полицию, а сами вернулись сюда и заняли место брата. Сделать это было не слишком трудно, поскольку у вас за спиной была ваша мать. Наверное, самое трудное было научиться подделывать подпись брата, но вы ведь умели немного рисовать. Вы все умели понемногу, но больше всего вы умели убивать и обманывать.

Сидящий в углу человек плюнул в меня, но промахнулся. Он отыграл свою роль богатого и удачливого человека. Комната с книгами и картинами больше ему не принадлежала. Он снова превратился в сына Элберта Блевинса.

— Лет четырнадцать-пятнадцать,— продолжил я,— ничто вам не угрожало. Вы тихо жили вдвоем от общества, у вас появился вкус к хорошим картинам, вы ездили в Европу. И даже не побоялись стать двоежёнцем.

Не сомневаюсь, что все эти годы вы сполна расплачивались с Лорел. Вы многим были обязаны ей, а в особенности тем, что она не давала Джеку Флайшеру напасть на ваш след. К несчастью, ей нечем было заняться, она чувствовала себя одинокой, ведь, кроме небольших денег, у нее ничего не было. Кроме того, ее начали терзать угрызения совести из-за брошенного ею сына.

В конце концов она сделала шаг к сближению с сыном. Этого оказалось достаточным для Джека Флайшера. Я не сомневаюсь, что он с самого начала не верил вам обоим. Его отставка развязала ему руки. Он установил в квартире Лорел подслушивающее устройство и принялся копаться в прошлом.

С помощью пленки мы знаем, что произошло дальше. Флайшер позвонил вам. Вы прикончили Лорел. Потом вам удалось расправиться и с Флайшером. Хотите рассказать об этом?

Хэккетт не откликнулся на мое приглашение. Он сидел, положив лицо на руки и упершись локтями в колени.

— Нетрудно представить, как все это произошло,— продолжал я.— Дэйви поверил, что обрел отца, что у него будет совсем другая жизнь. Он опустил обрез и развязал вас. Вы схватили оружие, но Дэйви удалось убежать.

Джек Флайшер был старше и быстро бегать не умел. А может, его парализовала неожиданная конфронтация. Узнал ли он вас, Джаспер, и понял ли в минуту смерти, кто его убийца? Нам-то уж во всяком случае сомневаться не приходится. Вы убили Флайшера и бросили обрез в ручей. Потом легли и стали ждать, когда придет помощь.

— Доказать вам ничего не удастся, — вставила миссис Марбург.

Ее сын такой уверенностью не обладал. Он сполз со стремянки и попробовал броситься на меня, но сделал это так неловко, что очутился прямо под прицелом собственного револьвера у меня в руке. Я прострелил Джасперу правую ногу.

Схватившись за колено, он со стоном распластался у ног матери. Она не потянулась к нему, не попыталась его пожалеть. Она сидела, глядя на него так, как, наверное, смотрят обреченные на смерть на нижестоящих: они испытывают жалость только к себе и страх только за себя.

Услышав выстрел, в дом ворвался Обри. Он арестовал их обоих, предъявив обвинение в сговоре, имеющем целью совершение убийства.

По дороге домой я с трудом пробирался сквозь толпы молодых людей, наслаждающихся ночным купанием. А когда поднялся по лестнице к себе в офис, холодная курица оказалась куда вкуснее, чем я предполагал.

Затем я вынул из сейфа чек миссис Марбург, разорвал его на кусочки и выбросил за окно. Желтые конфетти посыпались вниз на головы прохожих, среди которых были стриженные и длинноволосые, горячие и расчетливые души, ловкачи, сумевшие уклониться от призыва в армию, и охотники за долларом, гуляки, инвалиды, идиоты, вообразившие себя святыми, преступники и неискушенные юнцы.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ДОЛЛАРА	3
НЕУКРОТИМЫЙ ВРАГ	237

Росс Макдональд

Том 3

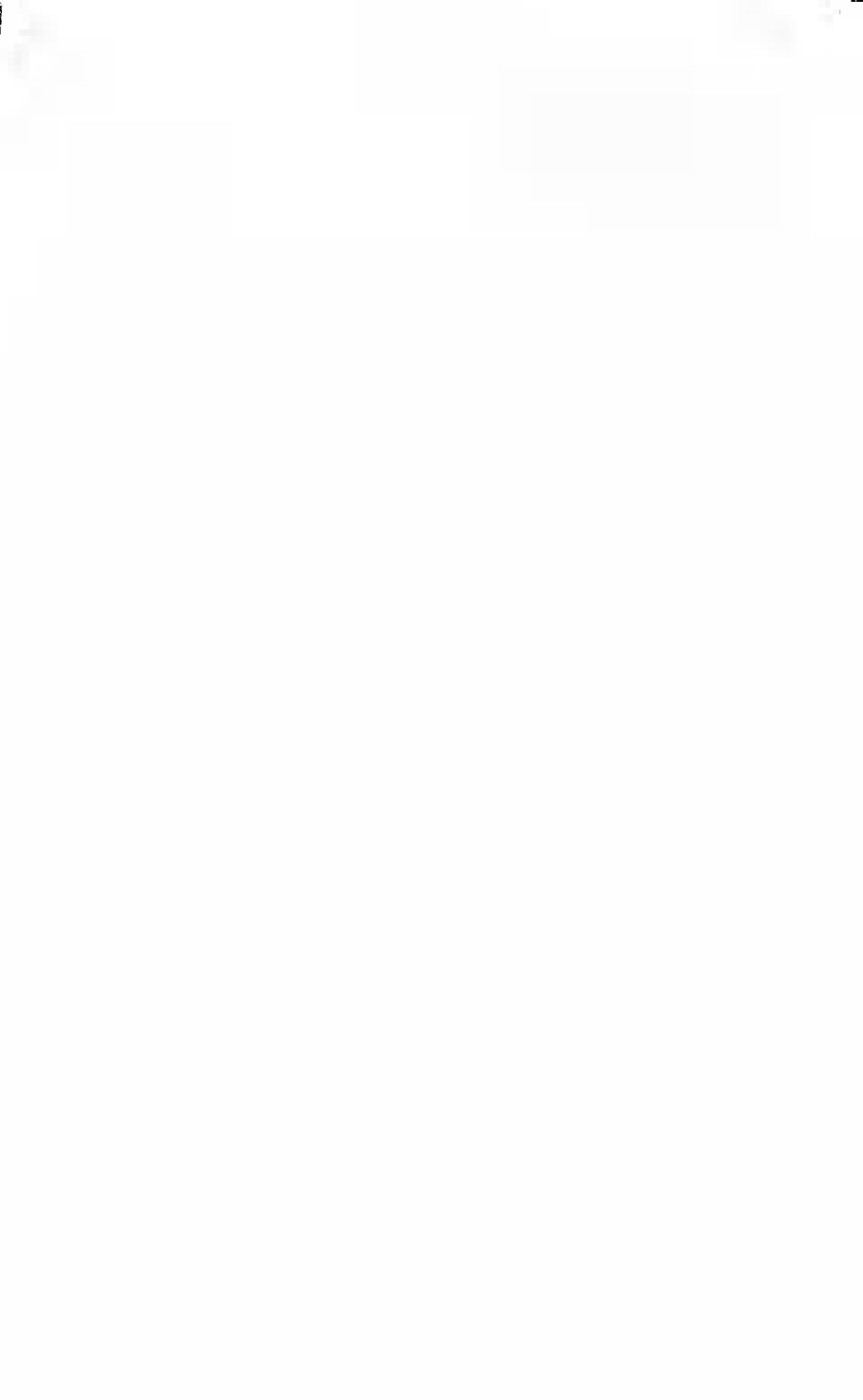
Сдано в набор 18.05.92. Подписано к печати 26.10.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная с ФПФ. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 24,15. Зак. 2 1524.

Зак. № 903. Тираж 50 000 экз.

Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Диапозитивы текста изготовлены на Головном предприятии РПО «Полиграф-книга».

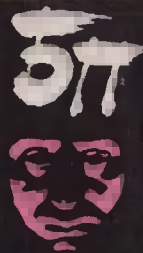
Отпечатано с готовых диапозитивов
в издательстве „Самарский Дом печати“
443086, г. Самара, проспект Карла Маркса, 201.

COSY PALACE

Р. МАКДОНАЛЬД

3

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.